

100 лет со дня рождения П. Ф. Беликова

Павел Федорович Беликов. Козе-Ууэмьйза. Июль 1975 года.

СТРАННИК ДЕРЖАВЫ РЕРИХА

**Сборник,
посвященный
100-летию со дня рождения
П. Ф. Беликова**

Корифей рериховедения
Искатель
П. Ф. Беликов-100

Абакан
Хакасское книжное издательство
2011

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2 Рос.Рус) 6
С 83

Рецензенты:

В. Я. Бутанаев, доктор исторических наук,
профессор Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова;
В. Л. Мельников, кандидат культурологии,
заместитель директора Санкт-Петербургского государственного Музея-института
семьи Рерихов по научной работе;
В. С. Шмаков, доктор философских наук,
заведующий сектором философии истории и культуры Института философии и
права Сибирского отделения РАН.

Редакционная коллегия:

А. Н. Анненко, С. Г. Мельников, Р. А. Пашутин, О. Л. Резанова, Ю. С. Федосов.

Редактор-составитель:

А. Н. Анненко, член Союза журналистов России.

С 83 **Странник Державы Рериха:** сборник, посвящ. 100-летию со дня рождения П. Ф. Беликова – писателя, ученого, архивиста, библиографа, обществ. деятеля / сост. А. Н. Анненко. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. – 278 с., ил.

ISBN 978 – 5 – 7091 – 0499 – 0

Жизнь Павла Беликова вызывает в памяти имена подвижников – Якоба Беме, Тимофея Бондарева, Николая Федорова, Константина Циолковского и других мыслителей, чье скромное место на социальной лестнице лишь оттеняет богатство их духовного и общественного подвига. Жизнь и деятельность мудреца из Коше-Ууэмыйза служит примером воодушевляющей силы идей творческого наследия Н.К. Рериха. Претворение их в жизнь поставило простого жителя Эстонии в ряд духовных водителей своего времени, обеспечило высокое положение среди просветителей, оставивших неизгладимый след в современной культуре. Сборник, посвященный столетию со дня рождения П. Ф. Беликова, — дань благодарной памяти личности, олицетворяющей прорыв к высшим идеалам человечества.

ISBN 978 – 5 – 7091 – 0499 – 0

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2 Рос.Рус) 6

© Анненко А. Н., составитель, 2011

На обложке: знак Знамени Мира, предложенный Н. К. Рерихом;
Н. К. Рерих. Красные кони (Кони счастья). 1925. Серия «Майтрейя (Красный всадник)». Нижегородский государственный художественный музей. г. Нижний Новгород.

МЕРА СОВЕРШЕНСТВА

В год, когда родился Павел Беликов, была предложена Эрнестом Резерфордом теория строения атомного ядра. Мало кто обратил внимание на это. Однако ныне мир немислим без достижений и проблем, связанных с ядерной энергией.

Без малого сорок лет назад вышла в свет книга «Рерих», инициатором и ведущим создателем которой был Павел Беликов. Для равнодушных людей во времена господства материалистической идеологии она явилась неожиданным пособием к открытию нового материка духовного пространства. Под обыкновенной серийной обложкой открылся необычный мир художника-мыслителя космического уровня – Держава Рериха.

Ныне мы свидетели вхождения этого мира в нашу действительность.

В этой книге собраны некоторые штрихи к жизни и деятельности человека, посвятившего свою жизнь тому, чтобы мир Рериха стал доступен людям равнодушным и думающим.

Один из любимых мыслителей Павла Федоровича – Иммануил Кант – считал, что «этика есть философия убеждения». Может быть, самое глубокое разочарование, которое может постичь человека, – это разочарование в нравственных свойствах тех людей, которых он привык уважать и любить. Идея, теория, доктрина, преисполненные, быть может, глубочайшего смысла и огромного значения, теряют ценность, когда люди видят, как проповедник высокой идеи использует ее как жалкую ширму, за которой не дела делаются, а делишки обделываются. И его личность и жизнь свидетельствуют против его идей, против силы и жизненности учения, которое он исповедует.

Только тот, кто живет так, как учит жить, тот, у кого слово не расходится с делом, может и должен служить примером. Личность и его жизнь сами по себе являются сильнейшим аргументом за его идеи, за их силу и жизненность. В этом отношении жизнь «отшельника из Эстонии», исповедовавшего Учение Живой Этики (Агни-Йогу) Рерихов, безукоризненна. Среди знавших Павла Федоровича Беликова существовала полушутливая мысль ввести в использование меру совершенства человека в «один Беликов», сокращенно «1 бел».

Мы надеемся, что материалы этого сборника* помогут читателям, размышляющим об определении «священных знаков» на своем жизненном пути.

*Алексей Анненко.
26 июля 2011 года*

* Первоначально опубликованы в специальном разделе «Век П. Ф. Беликова» этико-философского интернет-журнала «Грани эпохи» (<http://grani.agni-age.net/biograph.htm>).

КОРИФЕЙ РЕРИХОВЕДЕНИЯ

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Родился 29 июля 1911 г. в Нарве, ныне Эстонская ССР. Отец — Беликов Федор Александрович, родом из Великолукского уезда Псковской губ[ернии]. Мать — Беликова Мария Матвеевна, урожденная Аатонен, родилась в Нарве. Родители: отец — выходец из Финляндии, мать — ингермаландка из-под Ямбурга (ныне Кингисепп Ленинградской области).

Мой отец с 12-летнего возраста жил в Нарве. Служил по торговой части, затем имел собственную довольно крупную торговлю в Нарве. В 1923 году переехал в Васькнарву, где одно время заведовал отделением а /о «Нарва Импорт», потом имел собственную торговлю. Экономический кризис 1930-х годов вынудил прекратить собственное дело. Умер в 1935 году в Таллинне.

Мать в основном занималась домашним хозяйством. Умерла в 1938 году в Таллинне.

Детство провел в обеспеченной обстановке. Много путешествовал с родителями. Был на Кавказе, в Крыму, на Волге, в Москве, в Петрограде. Очевидно, опасаясь немецкой оккупации, в конце 1916 года отец послал нас с матерью в Саратов, где у него были партнеры по коммерческой части. Октябрьская революция на время разделила нас, но в 1918 году мы оптировались к отцу в Эстонию.

В 1925 году я с матерью поехал в Ленинград, где жили ее братья. Отец тоже собирался переехать, так как имел коммерческие дела с Поволжьем и, по-видимому, рассчитывал на НЭП (новую экономическую политику, разрешившую частное предпринимательство), предполагая возобновить деятельность в России.

В Ленинграде я учился и закончил 51 Советскую Единую трудовую школу II ступени (курс гимназии). В 1928 году мать все-таки решила вернуться в Эстонию. Исхлопотав разрешение, в конце 1928 года возвратились. До 1930 года жил с родителями в Васькнарве, помогал отцу по его торговой деятельности. С 1931 по 1932 год проходил обязательную военную службу в эстонской армии в Раквере и в Нарве. После военной службы около года прожил в Васькнарве, а затем переехал на жительство в Таллинн. В Таллинне учился на Высших коммерческих курсах, однако кризисное время и безработица долгое время не давали возможности поступить на работу по специальности. Несколько лет работал на ткацкой фабрике «Ээсти Сийд».

С юношеских лет интересовался и много занимался литературой, философией, искусством. В Таллинне принимал деятельное участие в Русском Литературном Кружке. Публиковал статьи по литературоведению, выступал с докладами на литературных чтениях.

Особое внимание уделял изучению Востока, что в конечном счете привело к письменным контактам с известным русским художником, ученым

и путешественником Николаем Константиновичем Рерихом, проживавшим с 1923 года в Индии.

В 1937 году устроился на работу в книготорговую фирму «Тээкооль» в Таллинне, при которой было отделение (представительство) от советской книготорговой фирмы «Международная Книга». Заведовал отделением русской книги, организовал русские представительства «Тээкооль» с продажей советских книг и периодической печати в Тарту, Нарве, Петсери. Значительно увеличил обороты фирмы «Тээкооль» в данной области книготорговли.

В 1938 году женился.

Жена — Галина Васильевна Беликова, урожденная Махова, родилась в 1910 году в Васькнарве. С женой познакомился еще там в 1929 году. В 1935 году жена окончила Тартуский университет по факультету сельского хозяйства (агрономия). Желая перейти на педагогическую деятельность, поступила дополнительно в Таллиннский педагогический институт и окончила его в 1937 году. С тех пор, до выхода на пенсию, работала педагогом в Таллинне. Родители жены родом из Васькнарвы, отец умер в 1943 году, мать — в 1974 году в Козе-Ууэмыйза.

Дети: дочь, Елена Павловна Беликова, родилась в 1940 году, в замужестве Геймон, живет в Таллинне, работает старшим инженером на полупроводниковом предприятии «Завод им. Пэгельмана».

Сын, Кирилл Павлович Беликов, 1942 года рождения. Живет в Таллинне, работает токарем на предприятии ЭТКВЛ.

В 1940 году, с возрождением советской власти в Эстонии, получил предложение возглавить Эстонскую республиканскую контору «Союзпечать» («Аякирьяндуслийт»). В должности начальника конторы получил в начале войны бронь. Оказался в оккупированном немцами Таллинне. Из Таллинна с трудом удалось пробраться в дер[евню] Оонурме Тудулиннаского сельсовета Раквереского района. У родителей жены был там свой хутор, на котором они проживали, покинув в 1937 году село Васькнарва. Жена с ребенком выехала туда в самом начале войны. Все военные годы удалось прожить там. Временами пришлось скрываться в лесу.

С освобождением Таллинна от немецкой оккупации немедленно выехал туда и был сразу же восстановлен в прежней должности начальника республиканской конторы «Союзпечать». Организовал заново сеть по распространению периодической печати. Из-за расстройств здоровья стал искать менее ответственную и менее напряженную деятельность. В 1946 году перешел на должность старшего ревизора Эстонского республиканского отделения «Особторга», а в 1948 году — на должность главного бухгалтера Центрального совета спортивного общества «Калев», где проработал до 1955 года.

Стремясь из-за состояния здоровья (болел туберкулезом легких) переехать в сельскую местность, предложил свои услуги в Министерстве сельского хозяйства ЭССР и был назначен главным бухгалтером Амблаской МТС. Из-за реорганизации системы МТС перевелся в Таллинн на должность начальника плано-финансового отдела Эстонского управления «Гидромет-

службы». В 1961 году опять перешел в систему реорганизованной «Сельхозтехники» и с апреля 1961 года переехал в Козе-Ууэмыйза, где работал в должности главного бухгалтера Козеского отделения «Эстсельхозтехники» до выхода на пенсию в августе 1971 года.

Параллельно с экономической трудовой деятельностью всегда так или иначе занимался литературой, искусством, философией. Публиковал библиографические обзоры в газете «Советская Эстония». Однако по основной интересовавшей теме долго шел процесс накопления. Архив по жизни, творчеству и деятельности известного художника, ученого и международного общественного деятеля Н. К. Рериха стал собирать с середины 1930-х годов. В этой области имел и возобновил в середине 1950-х годов обширную переписку с музеями и обществами имени Н. К. Рериха в США, Великобритании, Индии.

В 1957 году из Индии в СССР возвратился старший сын художника, всемирно известный востоковед Юрий Николаевич Рерих, с которым я переписывался еще в 1930-х годах. Личные контакты с Ю. Н. Рерихом и его братом, художником Святославом Рерихом, постоянно проживающим в Индии, значительно расширили мой архив. В настоящее время он доходит до 4000 единиц хранения различных документов, публикаций, фотографий в оригиналах и копиях. По существу он является крупнейшим архивом по Н. К. Рериху в Советском Союзе. В связи с этим им широко пользуются советские востоковеды и искусствоведы. Международная гуманистическая и просветительская деятельность Н. К. Рериха и членов его семьи привлекает к себе все больший и больший интерес во многих странах мира и особенно на его родине в СССР, и в Индии, где он жил с 1923 года и где скончался в 1947 году. Исследования в этой области и составляют мои основные интересы и являются основной творческой деятельностью за последние двадцать лет. Результаты этой деятельности перечисляю в приложении. Прилагаю также снимки изданий и некоторых публикаций, так как дубликатов на руках не имею и представить их затрудняюсь. Прилагаю также несколько своих фотографий.

*Беликов Павел Федорович
Козе-Ууэмыйза, 17 мая 1978 г.*

Опубл.: Беликов П. Ф. Непрерывное восхождение // Сб. к 90-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова (1911-1982). Том I. М., 2001, с. 11-14.

Павел Беликов

ДОКЛАД ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ КНИГИ «Л. С. М.»*

Буду говорить не столько о прочтении книги, сколько вообще о некоторых важнейших принципах Учения, которые должны быть нами восприняты, если мы отозвались на книгу «Зов».

Во-первых, несколько слов об Учении. Живая Этика открывает перед нами путь беспредельного познания, беспредельного сознательного труда и служения общему благу. Красота и особенность Учения в том, что оно делает своих последователей самих создателями своей жизни и сотрудниками жизни космической. Из афоризмов, мыслей и символов изучающий Учение сам должен составить стройную и величественную систему всей жизни, всего Сущего.

Ключ к Учению каждый должен найти в сердце своем. Этим, как видно, на первое место выдвигается самостоятельность. В другом месте сказано — лук можем дать, но стрелу должны пустить сами. Луком является даваемое Учение — стрелой же будем мы сами, наша жизнь, которую можно прожить, выражаясь словами Учения, «красиво, бережно и стремительно» и которую можно вконец испортить.

Как мы уже раньше говорили, Учение существовало всегда, и под разными наименованиями мы находим его в каждом периоде истории. Из корней Учения вытекают также и все Религии. Даваемое в настоящее время Учение имеет своей целью синтезировать не только все ранее бывшие Учения и Религии — эту задачу более-менее успешно выполнило Теософское Движение, открытое в прошлом веке Блаватской, которой первой была поручена на Западе большая задача — поколебать устои материализма и обратить взор к просвещенной духовности и неисследованным, обойденным наукой, тайнам природы. Учение Живой Этики, продолжая непосредственно дело, начатое Блаватской, объемлет собой все истинно культурные ценности...

(Братство, 447) **.

По адресу последователей ЖЭ меньше всего может [быть справедливым] намек о сектантстве, об узости, о партийности или оторванности от жизни. ЖЭ призывает к самой щедрой всеобъемлющей культуре, ко всякому истинному знанию и науке, к великой Красоте и Искусству. Поэтому каждый последователь ЖЭ, сталкиваясь с бескорыстными и искренними борцами за культуру и науку, должен всегда найти с ними общий язык и возможности совместных действий, хотя бы последние не имели понятия по эзотерическим вопросам. Потому нашими Водителями не особенно приветствуются слова «окультурный» или даже «эзотерический» — их можно употреблять лишь с чувствознанием — зная, где и как. В конце концов, истинное Знание и истинная Наука лишь одна, и можно найти для них один язык. Многие деятели науки и искусства, ставшие последователями ЖЭ, доказали своим примером возможность такого слияния.

Сегодня мы закончили чтение первой книги Учения «Л. С. М.» или «Зов». Эта небольшая, сравнительно, книга содержит все главнейшие принципы Учения. Перед началом чтения второй книги подведем маленькие итоги. Перед чтением первой книги уже говорилось, что всякое не использованное, не примененное знание, является лишь тяжестью для того, кто его получает. Любопытствующим можно сказать словами Соломона: «Во многой мудрости — много печали», ибо действительно печален удел тех, кто лишь из любопытства подходит к Основам Жизни и, раскрывая их, продолжают прежнюю жизнь.

Основы Жизни, даваемые Учением, должны преобразовывать жизнь и такое преобразование жизни должно происходить путем расширения сознания. Будем помнить, что Учение само ничего не запрещает. В одной из книг Учения сказано: «Учитель, сидящий под деревом и запрещающий, в наше время не пригоден». Лишь наше расширенное сознание должно отбирать пригодное для нас и непригодное, должно направлять нашу жизнь по правильному руслу. Конечно, расширить сознание моментально нельзя, сознание перерождается лишь после тщательного изучения и следования Учению, но для начала надо открыть сознание. Открытие сознания дается моментально одной волею. И, приступая к Учению, первым делом проверим себя — открыто ли у нас сознание, то есть, можем ли мы с доверием, беспристрастно принимать в свое сознание ВСЕ, что дается нам Учением. Подчеркнем здесь слово все. В Учении сказано: «Лучше трудно подходить к большому, чем легко подходить к малому»...

(Озарение, ст. 207) ***.

Обратим особое внимание на такое полное принятие Учения. Потому что действительно невозможно принять какую-то часть Учения и отбросить от себя другую, нельзя верить тому, что говорится на одной странице и не доверять тому, что говорится на следующей.

Это не значит, что следует принимать все без рассуждений. Верить — еще не значит отказаться от проверки. Требуя с одной стороны веры, Учение требует с другой стороны самой тщательной проверки, проверки над самим собой всех указов Учения, ибо лишь таким путем оно может быть нами воспринято. И, надо сказать, как раз те, которые возопиют, что нельзя же всему дословно верить, что нельзя же принимать не сомневаясь, все, что тебе говорят, как раз они не потрудились и не потрудятся исполнить над собою в точности ни одного Указа, даваемого Учением, и отвернутся от него, признав его чем-то не жизненным. Надеюсь, что ни с кем из нас этого не произойдет и мы сумеем открыть наше сознание именно для всего Учения, а не для какой-нибудь особенно нам понравившейся или наиболее легкой и понятной для нас частицы.

Но и одного только вмещения мало для успешного продвижения вперед. Имеется еще одно качество, которое мы должны немедленно же начать воспитывать в себе. Качество это — постоянность. Учение о нем говорит следующее...

(Община, 153) ****.

Из прочитанного следует, что необходимо постоянно, т.е. каждый день помнить о Учении и согласно ему направлять свои мысли и дела. Это также достигается не сразу. Чтобы Учение сделалось мерою всех наших поступков, следует для начала ежедневно хоть несколько минут думать о нем или читать хоть по одному параграфу из книг Учения. Литовская группа приняла одно очень верное решение, к которому присоединились многие другие группы, а также отдельные лица. От членов латвийской группы имеется предложение и нам к нему присоединиться. Решение это следующее: посылать каждый день добрые мысли на Общее Благо, где бы и кто не находился — утром в 7 часов и вечером в 9 часов.

Под конец скажу, что прочитав книгу «Зов» и переходя к следующим, мы ее не предадим забвению, а каждый в отдельности перечтем еще по несколько раз, а может быть, когда-нибудь перечтем еще и группой, потому что перечитывание книг Учения имеет очень большое значение...

(АУМ, 169) *****.

Примечания:

*«ЛИСТЫ сада МОРИИ». Париж: Тип. «Франко-Русская Печать», 1924.

****Братство, 447:** «Среди обычаев нужно оставлять все, которые содействуют возвышению духа. Не будем нарушать чувств, которые могут дать самые ценные ветви. Не будем отсекаать здоровые побеги, ибо нельзя мгновенно создать нечто новое и более прекрасное».

*****Озарение, 3. 5. 17:** «Вспомним несколько случаев, много раз повторенных в разных жизнях.

Ждали вестника десять лет, но за день до его прихода закрыли дверь. Или, избрав частицу разделенную, вообразили, что все допущено и позволено. Или, избрав частицу, впали в блаженное бездействие, удивляясь, как хуеет частица. Или, избрав частицу, удумали сохранить старые привычки — пусть за одною пазухой лежит часть блага, за другою можно сохранить милых тараканов. Или, избрав частицу, решили только на минуту выскочить из поезда, забыв, что прыжок на ходу губительно относит назад. Или, избрав частицу, удумали клеветать на брата, забыв, что клевета больно бьет по лбу.

Спросите: «Как же поступить, чтобы не замарать частицу избранную?» Могу дать совет: вместо частицы примите всю Чашу Общего Блага. Этот прием защитит вас от всех нечистот. Вместо боязливое раздумья решите принять, как опыт, на семь лет план Общего Блага. Если совет Мой плох, успеете снова завести своих тараканов.

Кому Чаша Общего Блага покажется тяжелою, тому Скажу: «Учение — не кедровые орешки в сахаре, Учение — не серебряные бирюльки. Учение есть мощная серебряная руда, назначенная и сбереженная. Учение есть целебная смола, открытая и устремленная»...».

******Община, 153:** «Решит кто-то: «Разве трудны настороженность, или соизмеримость, или подвижность, или преданность? Вот чувствую, могу вместить эти условия, не возьмете ли меня в дальний путь, в Общину?» Но разве этот спешный путник подумал о непрременном условии сказанных им качеств? Забыта постоянность. Мелькающие огоньки только на миг вмещают все качества пламени, но тьма погло-

щает их так же быстро, как жаровня снежинку. Нельзя доверять моменту вместилища; только постоянность, закаленная трудом и препятствиями, дает возможность поверить ценности вместилища.

Истинный музыкант не думает над каждым пальцем, вызывающим звук, только ученик считает годные пальцы. Истинный сотрудник не думает о намеренном приращении качеств труда. Музыка сфер сливается с песней преуспевания труда.

Думайте, как постоянность подобна лестнице огненной».

******АУМ, 169:** «Следует перечитывать книги Начал и Основ. Вообще, нужно возобновлять свое впечатление от прочитанного. Напрасно думают, что книга, прочитанная три года назад, не будет новой при следующем чтении. Сам человек изменился за эти годы. Его сознание и понимание не могло оставаться на том же уровне; во всем окружающем произошло изменение, человек не мог бы вернуться к прежним условиям. При обновленном кругозоре человек усмотрит новое содержание в книге. Потому книга прочтенная не должна быть навсегда ввергнута в темницу. Знание живет, и каждый знак его должен быть живым».

Доклад сделан на заседании кружка по изучению Живой Этики, который вел П. Ф. Беликов в Таллинне во второй половине 1930-х годов.

Публикуется впервые по копии из Архива П. Ф. Беликова (Таллинн).

Публикация А. Н. Анненко (Абакан).

П. Ф. Беликов
ПУШКИН И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Обилие радости в Пушкинской поэзии, стремление к счастью роднят Пушкина со всеми людьми без различия рас и национальностей. Эта же радость и поиски всеобщего счастья позволяют самым разнообразным политическим и социальным группировкам «присваивать» себе Пушкина. В программах всех политических партий, по меньшей мере, на бумаге, целью значится — осчастливить все человечество. Нет ничего легче, как черпать материал из Пушкинской поэзии для украшения таких программ, и этим широко пользуются. Самые правые и самые левые группировки без больших натяжек объявляют Пушкина «своим», самые ярые националисты и чистой воды интернационалисты не стесняются цитировать Пушкина как «своего по духу» поэта. Кто же из них имеет на это больше прав?

Свои определенные политические взгляды у Пушкина, конечно, были. Пушкин живо реагировал на все проявления жизни и близко соприкасался к политике. Но до того, как говорить о политических взглядах Пушкина, остановимся немного на его общих мировоззрительных взглядах, из которых первые непосредственно вытекают. Прежде всего необходимо обратиться к теме — *свобода*. О свободе Пушкин очень часто говорит. Свобода — понятие слишком широкое и по-разному толкуемое, но что же под этим понятием подразумевал Пушкин? Идеал свободной и счастливой жизни для отдельного человека расширяется Пушкиным до идеала общей политической свободы. Но Пушкин отлично знал, что свобода есть меньше всего беззаконие. Быть свободным одному — такая проблема разрешается легко, если не практически, то теоретически во всяком случае. Быть свободным всем — гораздо сложнее. Последнее требует соблюдения каких-то условий; свободное принятие на себя какого-то закона; добровольное подчинение каким-то сдерживающим началам. И достоинство свободы определяется у Пушкина не ее формальной внешней значимостью, а внутренним содержанием. Свобода прежде всего находится в самой личности, а не в том окружении, где данная личность находится. Например, в «Цыганах» Алеко формально был свободен, он приобщился к свободной таборной жизни. «Мы дики, нет у нас законов, — говорит старик цыган, — мы не терзаем, не казним». В этих словах *правда*. Законов формальных, действительно, нет и их не нужно, не нужно потому, что имеется какой-то *закон внутренний*, заложенный в самом человеке. Этот *закон* не допускает конфликтов, из-за которых следовало бы терзать и казнить. Такое сдерживающее начало отсутствует у Алеко, он — «не рожден для дикой доли и для себя лишь хочет воли». Но можно ли обвинять человека в том, что он не рожден для свободы? По-видимому, нет. Такого обвинения у Пушкина мы не находим. Противоречие между правом на независимый ход личной жизни и законами, предъявляемыми данной

личности обществом, — носит для Пушкина трагический характер. Здесь есть погибающие, но нет виноватых. Это трагедия особенно ярка в «Медном всаднике», где, священное для Пушкина, право на *личную жизнь* уничтожается столь же священной необходимостью *общего дела*. Там, с одной стороны, поэзия Пушкина проникнута большой любовью к человеческой личности, мы не находим в ней осуждений. Пушкин как бы понимает человека со всеми его ошибками и находит возможным прощать человеческое несовершенство. С другой же стороны, в Пушкинской поэзии чрезвычайно силен момент возмездия. Алеко, Евгений из «Медного всадника», скупой рыцарь, Дон-Жуан, Онегин и др. — все несут возмездие. Причем получается будто не Пушкин их наказывает, а какой-то высший рок, какой-то неумолимый *закон*. Пушкин любит своих героев, признает за ними право и правду действовать так — а не иначе, старается все время спасти их от наказания, но принужден отступить перед самой необходимостью. К этой необходимости возмездия мы еще вернемся, а сейчас обратимся непосредственно к нашей теме.

Известно, что идеология Пушкина выработывалась под влиянием европейских прогрессивных идей XVIII века. Они же сыграли главную роль и в идеологии декабристов. Отсюда понятно, что Пушкин не мог не увлекаться движением декабристов, не мог не принимать его близко к сердцу. Но фактически Пушкин не принадлежал ни к одной политической группировке и в заговоре декабристов не участвовал. Правда, Пушкин сказал, что случись он во время восстания в Петербурге, то он к восстанию примкнул бы. В последнем не приходится сомневаться. Пушкин был слишком человеком чести, чтобы не поддержать своих друзей в минуту опасности или чтобы побояться выступить в защиту идей, которым он очень симпатизировал, но отнюдь не потому, чтобы он верил в правильность действий декабристов. Очевидно, что еще до декабрьского восстания Пушкин чувствовал, что борьба за политическую свободу не приведет к желанным результатам вследствие отсутствия реальных сил. Зная хорошо *правду действительности*, он предпочитал ей *правду идеи*, которая отнюдь не русской действительностью была продиктована. Не сочувствовать идеям декабристов Пушкин не мог, потому что лучших не было, и готов был даже пролить за них свою кровь, но верить в полную возможность их осуществления — никогда не верил. Распространенное мнение — будто «революционный» Пушкин сильно «поправел» после неудачного восстания в декабре 1825 года — ничем не подтверждается. Целиком он никогда не принадлежал к декабристам, а после 25 года, возможно, лишь больше подчеркивал ту разницу, которая между ним и декабристами существовала всегда. Кроме того, некоторое «поправление» обуславливается еще тем, что после разгрома декабристов, за которыми Пушкин все-таки признавал некоторое творческое начало, в России не осталось ни одной прогрессивной, просвещенной силы. Крестьянские движения, предоставленные самим себе, не имели элемента просвещения — это был ничем не искупаемый для Пушкина порок; в них Пушкин видел лишь силу разрушающую и, безусловно, предпочитал самодержавие, как некоторую определенную основу,

полному беззаконию. Из двух зол выбирал меньшее. Этим его «поправение» и ограничивалось. Ведь несмотря на свою лояльность верноподданного, он не переставал быть «крамольной» фигурой, ему не доверяли, и все его произведения подвергались самой жесточайшей цензуре. Поэтому неправильно было бы сказать, что Пушкин официально подчинился существующему строю, а внутренне желал все время его свержения. Это уже похоже на неискренность, на некоторое подхалимство, чего как раз и не было. Скорее, именно внутренне, вполне искренне Пушкин признал необходимость существующего строя и бунтовал всегда против того, что этот, необходимый в данное время для России правительственный аппарат действует не так, как ему следовало бы действовать. Признавая самодержавие, он протестовал против самовластья, находя в самодержавии полезные для страны порядок и основу, он протестовал против бездушной казенщины, самодурства, самоуправства, злобы и глупости монархического отбора и т. д.

Если мы станем искать в творчестве Пушкина призывы к свободе, *бичевание* тирании, глупости и самовластья, то мы найдем их очень много. Но не меньше мы найдем и воспевания монархов, восхищения ими. Это «противоречие» и позволяет присваивать Пушкина себе тем и другим. Возникает вопрос — действительно ли Пушкин поминутно противоречил сам себе и бросался из одного крайнего лагеря в другой? Конечно, нет. Противоречие здесь лишь кажущееся. Люди, им пользующиеся, забывают, что Пушкин никогда не был политиком в общепринятом смысле этого слова. Живой человек имел для Пушкина всегда большее значение, чем отвлеченные идеи. Таким образом, на первом месте оказывался не правящий строй, не монархия или республика, а *правлящие люди*. Героической, творческой личностью Пушкин всегда восхищался и в лице Петра I воспевал не самодержавие, а именно эту сильную восхищавшую его *личность*. То же можно сказать и относительно Николая I. Сама личность Николая вызывала в Пушкине *протест*, в ней он разочаровался, с нею *не мог согласиться*, а не с тем самодержавием, которое Николай I олицетворял. Вспомним очень характерное для Пушкина признание:

*Все это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно?..*

Зависеть от кого-нибудь уже есть насилие, но насилие необходимое. Необходимость зависимости и, следовательно, необходимость государственности Пушкиным признаются. Это и есть до известной степени та карающая рука, о которой говорилось выше. Рок, посылающий возмездие, не есть что-то потустороннее. Рационалистические умозаключения Пушкина искали и находили в самой жизни эту карающую руку, в ее укладе, а также в необходимой государственной основе, без которой немыслимы ни свобода, ни творчество.

Но если — от кого зависеть — не было для Пушкина очень существенным, то — как зависеть — было далеко не безразлично:

*Владыки! вам венец и трон
Дает Закон, а не Природа —
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.*

*И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль Народу, иль царям
Законам властвовать возможно.*

Этот вечный Закон, который выше царей и выше Народа, конечно, не вмещается в узкие политические программы. Этот Закон должен охранять достоинство и признание всех людей, следить за справедливостью и предоставлять *полную свободу* человеческому творчеству. Будучи человеком необычайной творческой силы, Пушкин ставил последнюю *очень высоко*. Силе и правде творчества не могли противостоять никакие личные интересы. В «Медном всаднике» Евгений — безвинная жертва, он имел полное право на свое маленькое счастье, но это счастье уничтожается Петром, и Петр так же остается невиновным. Его оправдывает *творчество*. И тому, что мощно возносится «из тьмы лесов, из топи блат» — следует покориться. В преклонении перед *мощью и красотой творчества* можно найти и ключ к разгадке таких ультрапатриотических стихотворений, как «Клеветникам России». Если идеалом правителя являлся для Пушкина сильный, справедливый, героический человек, то, аналогично, таким же идеалом служило сильное, справедливое и могущественное государство. Такой сильной и могущественной Пушкин желал видеть Россию. Пушкин никогда не был шовинистом, никогда не покушался на право *самобытности* народов, населяющих территорию Российской империи, но не мог допустить распыляемости России. Здесь играло главную роль не национальное чувство, а то, что сильной творческой единице (государству) таким распылением наносится некоторый ущерб и, вместе с тем, ничего нового, столь же могущественного и грандиозного не создается. Необходимость сильной, могущественной государственности для Пушкина всегда была очевидна. Лишь порядок, лишь строгий и *справедливый закон* могут обеспечить человеку *свободу* личной его жизни. Если эта свобода посягает на такие же права другого человека, то виновный несет возмездие. Как бы ни был человек прав по-своему, правда *общего блага, общего дела* просто-напросто сильнее его *личной правды*.

Зная хорошо русскую действительность и ратуя за свободу, за вольность народа, Пушкин желал видеть этот народ именно вольным, свободным, а никак не полноправным правителем России, так как не считал его в свое время на это способным.

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано до звезды...*

Смело можно сказать, что Пушкин предпочитал для России монархию всем другим образам правления, но лишь потому, что для последних Россия не была подготовлена. Идеи, принесенные с Запада, не могли быть восприняты Россией. У России был свой путь к лучшему будущему, в которое верил Пушкин, но в его время этот путь еще почти не намечался. Зрелой политической идеи, вполне соответствующей для России, как России-Евразии, тогда не было. Пушкин ощущал это и считал более целесообразным готовить почву, способствующую возникновению такой идеи, борьбе за идеи, не подходящие для России. Поэтому, живо интересуясь политикой, он активным политиком никогда не мог сделаться, и нравственный момент в поэзии Пушкина всегда преобладает над политическим.

Вера в свои *собственные пути* России, которые должны выработаться русской же действительностью, роднит Пушкина с Евразийством. Пушкин не нашел и не мог, конечно, найти в свое время правильных путей развития Российского государства. Но Пушкин нашел и раскрыл лучше чем кто-либо российскую действительность, с которой не может не считаться ни одна государственная идея и на которой *выросло Евразийство*.

У нас нет желания «присвоить» Пушкина. Он и так уже оказался и монархистом, и коммунистом, и демократом. Достаточно эпитетов для одного человека, почему и не скажем: Пушкин — евразиец. Пушкин прежде всего — российский поэт. Он не мог довольствоваться одной русскостью. Ему нужен был «всяк *сущий в ней язык*»: и славянин, и тунгус, и калмык. Цыгане, черкесы, молдаване, персы, люди всех религий и национальностей, входящие в одну семью России, — вот персонажи поэзии Пушкина. Он воздвигает свой *памятник* для всей России-Евразии и радуется тому, что его *назовет* и тунгус, и калмык за то, что в свой *жесточкий век* он *восславил свободу*. Это ли не *подсознательное* ощущение *Евразии*?! Евразийский элемент в Пушкине есть *первый и главный*. Говоря о русском человеке, он, в подавляющем большинстве, называет его *россиянином* и делает это вполне сознательно, ибо Россия для него есть «всяк *сущий в ней язык*».

Поэзия Пушкина и Евразийство берут начало от одних корней — от российской действительности. Поэтому в культурной сокровищнице *России-Евразии* Пушкину принадлежит одно из самых почетных мест.

1937

Опубликовано: Сборник «Поток Евразии». Книга первая.
Tallinn, 1938. С. 77-83.

П. Ф. Беликов
РЕРИХ И ГОРЬКИЙ

Деятельность известного русского художника, академика живописи Николая Константиновича Рериха (1874-1947) далеко не ограничивалась сферой изобразительного искусства. О Рерихе уже создана обширная литература на многих языках мира. Однако даже его художественное наследие, насчитывающее около 7000 произведений, до сих пор полностью не выявлено и не систематизировано. Тем большие трудности возникают в деле изучения культурно-просветительной, общественной и научной работы Рериха. Это, прежде всего, объясняется тем, что разносторонняя деятельность художника и ученого протекала во многих странах и частых передвижениях. Поэтому многочисленные ее исследователи, соприкасаясь с разрозненными материалами, были вынуждены довольствоваться разбором отдельных, часто не связанных между собою аспектов.

Первым опытом научного обобщения творчества и деятельности Рериха следует считать монографию о художнике кандидата искусствоведения В. П. Княzewой [1].

В. П. Князева проделала большую работу по сбору и научной обработке материалов о Рерихе, логически объединила русский и зарубежный периоды жизни и творчества художника и указала направление для дальнейших исследований. Это направление тесно связано с историей русской культуры первой половины XX века. Многолетнее пребывание за рубежом нимало не нарушило принадлежности Рериха к русской культуре. Вне ее было бы бесполезным искать не только истоки самобытного творчества художника, но и развитие всей деятельности Рериха до последних дней его жизни.

Рерих оставил после себя ценнейшее художественное наследие, представленное в лучших музеях мира, и обширное литературное наследие, содержащее много сведений о деятелях русской культуры, в том числе и о Горьком.

Специально Горькому были посвящены два очерка Рериха: «Горький», написанный 12 июля 1936 года, и «Голос Горького», написанный 19 июня 1941 года, оба в Кулу (Индия).

Первый очерк был включен Рерихом в два своих сборника: «Нерушимое» (изд. «Угунс», 1936, Рига) и английский сборник «Himavat» (Kitabistan. Allahabad, 1947), а также публиковался в некоторых зарубежных периодических изданиях. Второй очерк впервые был опубликован сыном художника Юрием Николаевичем [2] уже в Советском Союзе в журнале «Октябрь» (1958, № 10).

Сведения о сотрудничестве и связях Рериха с Горьким приводятся в упомянутой монографии В. П. Княzewой (стр. 65-67) и заметке А. Примаковского «Горький и Рерих» (журнал «Москва», 1960, № 9). В. П. Князева останавливается на совместной работе Рериха с Горьким в предреволюционный пе-

риод и указывает на общность взглядов художника и писателя, способствовавших их сближению. А. Примаковский дает краткий обзор многолетнего знакомства и сотрудничества Рериха с Горьким. В частности, в его заметке приводятся одно письмо Рериха Горькому от 4 ноября 1916 года и личные воспоминания Ю. Н. Рериха о встречах его отца с Горьким. Более подробных сведений о том, как Рерих относился к Горькому и какое значение придавал его творчеству и деятельности, — в нашей печати не появлялось. Между тем, художник проявлял к Горькому большой и неизменный интерес, указывающий на глубокие мировоззренческие корни его возникновения.

Сам Рерих о встречах с Горьким писал: «Многие ценные черты Горького выяснятся со временем. Мне приходилось встречаться с ним многократно как в частных беседах, так и среди всяких заседаний комитетов, собраний... Пришлось мне встретиться с Горьким и в деле издательства Сытина (Москва), и в издательстве «Нива».

Предполагались огромные литературные обобщения и просветительные программы. Нужно было видеть, как каждая условность и формальность корбили Горького, которому хотелось сразу превозмочь обычные формальные затруднения. Он мог строить в широких размерах. Взять хотя бы выдвинутые им три мощных культурных построения. Имею в виду «Дом Всемирной Литературы», «Дом Ученых» и «Дом Искусств». Все три идеи показывают размах мысли Горького, стремившегося через все трудности найти слова вечные, слова просвещения и культуры. Нерасплесканной он пронес свою чашу служения человечеству» [3].

Нет ни одного прогрессивного течения русской культурной жизни начала нашего века, которое осталось бы вне поля зрения Горького, и ни одного прогрессивного деятеля, с которым Горький не имел бы контактов. Сведения о таких контактах, подчас содержащие интереснейшие данные о самом Горьком, далеко еще не собраны, а источники, где эти сведения можно было бы почерпнуть, не выявлены и не изучены.

Архивы и публикации Рериха и о Рерихе содержат богатейшие материалы по истории русской культуры, говорят о большом патриотизме художника и о той скрытой, но напряженной и упорной борьбе, которую вел Рерих на фронте столкновения двух идеологий — обреченной на гибель идеологии собственничества и идеологии нового человеческого общества. Эта борьба проходила в очень сложных и трудных условиях. О ней мало что известно широкой общественности. Но в этой борьбе Рерих считал себя союзником Горького и писал по этому поводу: «Послал статью о Горьком в «Сколяр». Хотелось бы написать больше и о нем, и о многом, но не такие теперь времена. Все что угодно может быть подведено под закон о защите Индии. Не обещайся! Но тяжел стал эзопов язык. Наверное, друзья удивляются, почему из писаний ушло яркое, точно бы все делается по уровню полицейского. Вот из «Алтай-Гималаев» пришлось выкинуть больше трети книги — могло кому-то не понравиться. И без того около года бились, пока не получили обратную визу в Индию. Но ведь о этих битвах друзья не знают. Многое им

представляется совсем иначе. Сколько раз бывало, что хорошие люди сожалеательно качали головой, говоря: «А нам-то все казалось по-другому. Расстояния и обстоятельства перекрашивают многое по-своему» [4].

Это писалось в июне 1941 года, за несколько дней до вероломного нападения немецких фашистских полчищ на Советский Союз. Капиталистическая бойня была уже развязана, и Альбион, томимый горькими предчувствиями, удвоил бдительность над своими колониями.

Статья о Горьком увидела свет, и 30 декабря 1941 года Рерих записывает: «В «Сколяр» появился «Горький». В «Модерн Ревю» послан «Иконный терем». В двух цейлонских журналах — «Шамбала». В «Вижен» «Радж Раджесвари», «Царица Небесная» и «Мир». В «Пиес» «Здоровье». Повсюду сочтались две темы — Русь и Гималаи» [5].

Русская тема неизменно сопутствовала всем начинаниям Рериха, и в связи с этим имя Горького неоднократно повторяется в публикациях и личной переписке художника. Особо хочется отметить, что в своем последнем письме к В. Ф. Булгакову, которое одновременно оказалось и последней записью художника для «Листов дневника. Моя жизнь», Рерих вспоминает о Горьком: «Грабяр пишет много о благоустройстве жизни художества. Между прочим, он сообщает, что моя серия «Красный всадник» (привезенная нами в Москву в 1926 году) находится в Музее Горького в Горках, где он жил и скончался. Вдвойне я этому порадовался. Во-первых, Алексей Максимович высказывал мне много дружества и называл великим интуитивистом. Во-вторых, семь картин «Красного всадника» — Гималайские, и я почуял, что в них Алексей Максимович тянулся к Востоку. Не забуду его рассказ о встрече с факиром на Кавказе» [6].

Рерих не принадлежал к тем эмигрантским кругам русской интеллигенции, представители которой, искренне осознав свои ошибки, отдали остаток своей жизни Родине. Рерих никогда не считал себя эмигрантом, не принял иностранного подданства, и дело служения Родине всегда являлось для него главным делом, в какой бы стране он ни находился.

В 1926 году Николай Константинович с женою Еленой Ивановной и сыном Юрием Николаевичем посетил Советский Союз, побывали в Москве и на Алтае и продолжили свою научную экспедицию через Тибет в Индию при непосредственной помощи Советского правительства [7].

Рерих всегда стремился поддерживать активную связь с советскими культурными и научными организациями. Он внимательно следил за всем происходящим на Родине и искренне радовался успехам советского народа. Все это получило отражение в литературном и эпистолярном наследии художника. Можно привести следующий эпизод, характеризующий настроения Рериха, его стремления фиксировать и распространять сведения о достижениях Советского Союза.

Николай Константинович и его сыновья Юрий Николаевич и Святослав Николаевич внимательно следили за советской литературой. Но получать книги в Индию, тогда еще английскую колонию, непосредственно из Советского Со-

юза было невозможно. В результате приходилось производить розыски через многие страны. Шли книги для Рерихов и через Прибалтику. Художник писал в Таллинн: «Граматику Поппе Юрий уже получил из Парижа, и потому второй экземпляр ее уже не нужен. А вот Монгольский словарь, о котором мы писали, был бы полезен. Списки имеющихся в продаже книг я передал Юрию, и если что потребуется — он напишет» [8]; «Присланный Монгольский словарь оказался очень полезным и отлично составленным. Интересна и книга о стране. Граматику Поппе больше не нужно, ибо ее прислали из Парижа, достав, как видно из штемпеля, на Дальнем Востоке» [9].

В 1938 году Рериху была послана книга о строительстве канала Москва-Волга. Получив книгу, Николай Константинович пишет: «Спасибо Вам и тем таллинским друзьям, которые прислали мне книгу «Волга идет в Москву». Меня очень тронуло понимание друзей моих патриотических направлений. Действительно мы должны знать все преуспевания. Такие монументальные сооружения, как описанный в книге канал, принадлежат уже всей нации, каждому русскому» [10].

Получение книги отражается в переписке с другими корреспондентами: «Одновременно с Вашим письмом мне прислали из Ревеля новую книгу «Волга идет на Москву», посвященную новому грандиозному каналу, он уже есть. Уже идут новые пароходы, и страна обогатилась новым нервом. Хотелось бы скорее быть там и принести русскому делу опыт и познание» [11].

И, наконец, эта же книга служит поводом к написанию очерка «Стихия». Очерк заканчивается словами: «Многообразно народное творчество. Русский народ дал и мудрейшие пословицы, и былины, и плач, и радость. Эпохи запечатлеваются не убогою роскошью, но строительством. Историк и археолог, вскрывая дальние города, отмечают прежде всего монументальные здания, водоснабжения, каналы, пути сообщения и все те общественные проявления, которые обозначали сущность этого строительства. По взрывам души народной, по истинным взлетам последующее поколение исчисляет мощь потенциала. Обветшавшие умы пытаются представить даже лучшие человеческие достижения лишь миражом, подделкою, а то и просто выдумкой. Смелые летчики завоевали новые пространства. И таких радостей общечеловеческих очень много. Порадуемся» [12].

Записями, отмечающими позитивные факты советской действительности, изобилуют еще не изданные «Листы дневника» Рериха. По своему духу они близки идеям горьковского журнала «Наши достижения» и полностью соответствуют реальным строительным позициям и политическим убеждениям самого художника.

Рерих никогда не упускал случая упомянуть о Горьком в своих публикациях или выступлениях. К чему это иногда приводило в условиях враждебного отношения ко всему советскому, видно из следующего отрывка письма художника: «...Помню, когда на одной лекции на Дальнем Востоке я тепло упомянул Горького, то раздалось человеконенавистническое рычание, а разве Горький не русский, а разве русский народ не остается таковым» [13].

В данном случае речь идет о выступлениях Рериха в Харбине во время его пребывания там в 1934 году. Рерих воспользовался случаем поддержать антифашистски настроенную русскую молодежь. Но в эти годы в Харбине развили активную деятельность самые реакционные элементы русской эмиграции. Они подняли против Рериха бешеную кампанию и добились у местной цензуры запрещения выхода в свет уже напечатанного сборника Рериха «Священный дозор». Одной из причин запрета послужил включенный в книгу очерк «Светлой памяти короля Александра». Югославский король Александр в 1934 году был убит фашистами. После этого убийства фашистские круги страны пошли на сближение с гитлеровской Германией, чему противился Александр. Выступить в это время с похвальной статьей в память убитого Александра значило объявить себя врагом фашизма и врагом прогерманских тенденций, насаждавшихся среди русской эмиграции. На Дальнем Востоке прогерманские тенденции автоматически переходили в прояпонские антисоветские тенденции. Поэтому вполне понятна та непрекращающаяся кампания преследования Рериха из Харбина, о которой он сам замечает в одном из своих писем: «...Брань мракобесов для всех нас является лучшей похвалой. Вот в Харбине целая банда японских наймитов вроде Василия Иванова, Юрия Лукина, епископа Виктора, Аристарха Пономарева клеветает ценою на все тридцать сребреников. Когда же русское дело освободится от всех этих невежественных мракобесов» [14].

Нет никакого сомнения в том, что Рериха с Горьким сближали не случайные контакты на поприще общественной деятельности, а общность многих их взглядов и интересов, в том числе и взглядов политических. Оба они были страстными борцами за мир и непримиримыми антифашистами.

Горькому, непосредственно наблюдавшему возникновение фашизма, была ясна опасность военного нападения на Советский Союз со стороны стран, где фашизм захватывал власть в свои руки. На эту опасность указывала не только военная подготовка, но и активная идеологическая борьба, начавшаяся задолго до реальной угрозы военных конфликтов. Знаменательно, что в своем очерке «Горький» Рерих приводит предсмертные фразы Алексея Максимовича: «Будет война... Надо готовиться... Надо быть застегнутыми на все пуговицы...» [15].

Тема обороны Родины занимает в литературных трудах Рериха видное место. Широко известны его очерки «Оборона» (1936), «Чаша неотпитая», «Оборонцам в укрепление» (1937), «Оборона Родины» (1941), но мало кто знает о преследованиях, которым он подвергался. Сам Рерих вспоминает об этом:

«Немало призраков во всех концах земли. Пугали призраки, что в Карелии умрем с голода. В Швеции на выставку явился таинственный господин с невнятной фамилией. Спрашивает: «Вы собираетесь в Англию?» — «Откуда вы это знаете?» — «Мы многое знаем и пристально следим. Не советуем ехать в Англию. Там искусство не любят и ваше искусство не поймут. Другое дело в Германии. Там ваше искусство будет оценено и приветствовано. Предла-

гаем ваши выставки устроить по всей Германии и гарантировать большую продажу. А чтобы не было сомнения, можно сейчас же подписать договор и выдать задаток». Призрак с задатком!

Во Франции призрак настойчиво советовал повидаться с генералом иезуитов, суля всякие небесные и земные блага. Другой обхаживал ласково, прельщая Мальтою и Родосом. В Харбине русские фашисты (какие отбросы) с угрозами вымогали деньги. Призрак твердил о встрече в Иерусалиме (где я никогда не был). Из Италии призрак советовал всецело передать наш Пакт об охране культурных сокровищ в руки Муссолини, который проведет и утвердит его.

Многие насюки призраков! Одни призраки с именами, а другие безымянные. Кто они? Но каждый из них в той или иной форме в конце концов инсинуировал и угрожал, мол, пожалеете, если не согласитесь. Мы видели и месье призраков» [16].

Рерих никогда не принимал прямого участия в политической жизни тех стран, где он проживал, в том числе, и в дореволюционной России. Он был далек от организованных сил русского революционного движения. Тем не менее, его искусство и его литературная и общественная деятельность не были аполитичными и не могли быть использованы как идеологическая поддержка политической реакции. Этому препятствовали широкие прогрессивные взгляды художника. Его гуманизм опирался на веру в народ, а его патриотизм не имел ничего общего с ограниченным национализмом. В годы первой империалистической войны как Горький, так и Рерих не поддались шовинистической пропаганде русских реакционеров. Вокруг Горького в те годы группируется антиимпериалистически настроенная творческая интеллигенция, к рядам которой Горький относит и Рериха.

На выставке «Мира Искусства» в 1915 году Рерих показывает свою так называемую «предвоенную» серию картин. Одну из них — «Градобреченный» — приобретает для себя Горький. Именно за эту серию картин, в которых художник предугадал грядущую военную катастрофу и крушение господствующих порядков, Горький и называет Рериха «величайшим интуитивистом».

Стоя во главе Школы Общества Поощрения Художеств, Рерих обращает особое внимание на художественное просвещение рабочей молодежи. Отмечая реформы, проведенные в этой школе Рерихом, А. Бенуа пишет: «Достойны еще внимания пригородные отделения школы Общества Поощрения. В них обучаются преимущественно дети фабричных, и прямая цель их дать руководство для технического рисования (машин и всяких орудий). Но в то же время этой фабричной молодежи дают возможность выучиться смотреть на мир и передавать его прелесть. Несколько этюдов, сделанных самым примитивным образом, но не без вкуса и не без некоторых уже знаний, показывают, что дело преподавания поставлено в этих пригородных отделениях правильно, и что они со временем могут принести большую пользу как в чисто техническом, так и общекультурном смысле» [17].

Идеи народного просвещения были одинаково дороги Рериху и Горькому. Работа в этой области во многом их сближала, и в своих воспоминаниях Рерих часто упоминает Горького именно в этой связи.

Когда в 1926 году Рерих путешествовал по территории Советского Союза, у него было много встреч и бесед с попутчиками. Вспоминая поездку по Иртышу, Рерих пишет: «Народ русский испокон веков задавался вопросом о том, как надо жить. К этому мы имеем доказательства уже в самой древней литературе нашей. Странники всегда были желанными гостями. Хожалые люди не только находили радушный ночлег, но и должны были поделиться всеми своими накоплениями. Сколько трогательной народной устремленности можно было находить в таких встречах. Нередко при отъезде какой-то неожиданный совопросник, полный милой застенчивости, стремился проводить, чтобы еще раз, уже наедине, о чем-то допросить. Горький рассказывает, как иногда на свои вопросы он получал жестокие мертвенные отказы. Невозможно отказывать там, где человек приходит, горя желанием знать. В этом прекрасном желании спадает всякое огрубение, разрушаются нелепые средостения, и соприкасаются дружно и радостно сущности человеческие» [18].

В конце 1917 года Рерих опасно заболел и по предписанию врачей поселился в Карелии. О революции до художника доходили самые противоречивые сведения, подчас весьма его волновавшие. Особенно беспокоили Рериха раздуваемые слухи о разрушениях культурных памятников и предметов искусства. Рерих первым поднял в России и в международных масштабах вопрос о защите памятников культуры. Совместно с Горьким он принимал активное участие в созданной в начале 1917 года Комиссии по вопросам искусства при Исполнительном Комитете Совета рабочих и солдатских депутатов. Предреволюционные годы были наиболее интенсивным периодом тесного сотрудничества Рериха с Горьким. Горький обсуждает с художником свои планы по реорганизации журнала «Нива» в научно-популярный литературно-художественный журнал и по изданию серии книг по искусству в издательстве Сытина. Все это говорит о прогрессивных взглядах Рериха, о его вере в преобразующую силу революции. В происходящих революционных событиях художник многого, конечно, не учитывал и многое оценивал только со своих позиций деятеля культурно-просветительного фронта. Рерих не выступал на политической арене за революцию или против революции. Но он оставался верен тому делу, которое считал правым, и это всегда приводило его в лагерь тех, кто шел с народом и боролся за благо народа.

Почему же в таком случае в 1918 году Рерих не предпринял попытки вернуться в Советский Союз, а направился в Швецию, Англию и дальше в Америку? По этому поводу делались разные предположения. Проще и «логичнее» всего было сослаться на то, что художника привлекли американские доллары. К сожалению, в двадцатые и тридцатые годы такие безответственные, абсолютно ничем не подкрепляемые доводы проникали на страницы наших изданий. Между тем, вся зарубежная жизнь художника является

прямым опровержением этих нелепых домыслов. Не только архивные документы, но даже опубликованные литературные произведения Рериха ясно доказывают, что Европу и Америку Рерих считал для себя только кратковременной остановкой на пути в Азию. Художник не преминул воспользоваться этой остановкой, чтобы обрушить гневные слова в адрес золотого тельца и его верных слугителей.

Деятельность Рериха за рубежом — это самостоятельная тема, которая со временем займет значительное место в истории ознакомления Запада с достижениями русской культуры. Рерих имел полное право писать в 1923 году из Америки в Советский Союз: «Вы правы, полагая, что за эти годы мною много сделано. Поработано во славу русского искусства много. Везде наше знамя осталось высоко» [19].

Среди русских, оказавшихся после революции за рубежом, вполне справедливо укрепилось убеждение, что отношение тех или иных лиц к Горькому определяет и их отношение к Октябрьской революции и Советскому Союзу. Пример Рериха еще раз подтверждает эту сложившуюся закономерность. В связи с этим полезно остановиться на некоторых малоизвестных фактах, раскрывающих отношение Рериха к Октябрю и его подлинные намерения при выборе в 1918 году западного пути следования.

О глубоких раздумьях художника в дни Октябрьской Революции свидетельствуют два еще не публиковавшихся документа.

Первый — черновые фрагменты к автобиографической аллегории «Пламя», вошедшей в сборник Рериха «Пути Благословения». Фрагменты относятся к концу 1917 года и содержат следующие записи, отсутствующие в опубликованном варианте: «Вот стоим перед темнотой. Вот верим в истину народа и свободы. Не знаю происходящее. Вспомнил бывшее... О звере и человеке надо сказать... О друзьях Куинджи, Григоровиче, Бенуа, Яремиче, Химоне, Рылове, Тенешево, Мартене, Д. Роше, Ремизове, Горьком, Андрееве... Лишь подвигом движима русская жизнь. И подвиг самый непреложный — подвиг народного просвещения. Культ самовластья, тирании, культ мертвого капитала может смениться лишь светлым культом знания...» [20].

Характерно, что и здесь, в очень напряженное для себя время, Рерих вспоминает о Горьком как о своем друге.

Второй документ — написанное Рерихом в ноябре 1917 года драматическое произведение «Милосердие». Пьеса отражает многие тревоги Рериха, но заканчивается мажорным аккордом вольного переложения стихотворения Того «Где души бестрепетны» (Книга «Дары», 1901 г.):

*Где мудрость страха не знает.
Где мир не размельчен ничтожными
домашними стенами.
Где знание свободно.
Где слова исходят из правды.*

*Где вечно стремление к совершенству.
Где Ты приводишь разум к священному единству —
В тех небесах свободы,
Могуший, дай проснуться моей Родине [21].*

Первая мировая война помешала Рериху осуществить свои планы поездки в Индию. Октябрьская Революция надолго закрыла ему путь в Индию через Россию. У Рериха не возникает намерений покинуть свою Родину и отказаться от нее. Он разрабатывает проекты дальнейшей работы в России, составляет программу реорганизации возглавляемой им художественной школы, для чего в январе 1918 года на несколько дней приезжает в Петроград, пишет из Финляндии письма родным и знакомым. Однако, в связи с окончанием войны, мысль о поездке на Восток все больше и больше овладевает Рерихом. Теперь эта мысль принимает более конкретные формы, так как у Рериха возникают непосредственные контакты с Индией. В тех же неопубликованных фрагментах к «Пламени» появляется следующая запись художника, датированная октябрём 1917 года: «Делаю земной поклон учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество и радость духа, и тишину рождающую. Во время крайней нужды они подали нам зов. Спокойный, убедительный, мудрый знанием. Культ истинного знания ляжет в основу ближайшей жизни, когда растает в пространстве все зло, рожденное человекоубийством и грабёжом последних лет» [22].

Опубликованный вариант «Пламени» — аллегорического письма к другу в Россию, заканчивается словами:

«Мы увидимся. Непременно увидимся. Не только увидимся, но после работы еще поедим с тобою или в... или на берега... в.... Туда, где нас ждут, где ждет нас работа. Ведь об этой гармонии жизни уже работают реально и, в братстве, возводят ступени храма.

Звучит благовесть. Даже сюда залетают зовы.

Кончу словами белой книги. Помнишь, ее мы любили вместе читать:

«Знай, что то, которым проникнуто все сущее — неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению то Единое, незыблемое. Преходящи лишь формы этого Воплощенного, который вечен, неразрушим и необъятен. Поэтому — сражайся».

Милый, веди свою битву! Мощно веди! Разве мы не увидимся? Знаем, где ждут нас.

Душевно с тобою...» [23].

Уже здесь мы находим то сочетание «двух тем — Русь и Гималаи», о которых Рерих говорит впоследствии. Взятая Рерихом в кавычки цитата из «белой книги» является 17 и 18 шлоками одиннадцатой главы «Бхагавадгиты».

Вполне очевидно, что заветная мечта Рериха о посещении Индии явилась основным стимулом, побудившим его в конце 1918 года направиться через Европу в Америку, так как после войны только одна Америка могла предоста-

вить реальные возможности для осуществления дальней и дорогостоящей экспедиции, планы которой Рерих разрабатывал уже с 1913 года. Это подтверждают многие архивные материалы и литературные произведения Рериха того времени. Но свои намерения Рерих не представлял альтернативой — Индия или Россия. Рерих решал эту проблему для себя как Индия и Россия и даже Индия для России. Все это подтверждается его посещением Советского полпредства в Берлине в 1924 году [24] и его завещанием 1926 года, предусматривающим передачу имущества экспедиции, в том числе и картин, в случае его гибели, в собственность русскому народу [25].

Совокупность этих фактов говорит о том, что Рерих никогда не отделял своей судьбы от судеб России и считал Октябрьскую Революцию прогрессивным явлением исторического процесса развития человеческого общества. Стремясь на Восток, тщательно оберегаемый колониальными державами от всех революционных веяний, Рерих, конечно, много должен был не договаривать, многое складывал в свой архив для будущего. Но художник никогда не скрывал своего отношения к Горькому, которому отводил одно из виднейших мест в культурной жизни новой Советской России и о котором писал: «Через все уклоны жизни, всеми путями своего разностороннего таланта Горький шел путем русского народа, вмещая всю многогранность и богатство души народной» [26].

В полной мере эти слова можно отнести и к самому Рериху. И становится вполне понятным, почему, находясь за границей, художник так часто вспоминал о Горьком, так часто обращался к его авторитету, так часто ссылался на него в своих книгах, выступлениях, переписке.

Уже в первой книге Рериха, изданной за рубежом в 1921 году в пользу голодающих в России (сборник стихов «Цветы Мории»), в предисловии упоминается имя Горького: «Эти поэтические сюиты Л. Н. Андреев назвал «Северное сияние», А. М. Горький назвал «Письмена», считая Рериха величайшим интуитивистом современности» [27].

Когда в Риге печатался сборник Рериха «Пути Благословения», он писал из Индии В. А. Шибаеву:

«Пошлите два экземпляра книги (в русском новом правописании) Горькому в Берлин с приложенным письмом (адрес в издательство Гржебина)» [28].

В 1924 году Рерих, в целях подготовки экспедиции, на короткое время покидает Индию. Ему предстоит далекое и сложное путешествие в малоисследованные области Азии. Перед этим путешествием Рерих ищет встречи с Горьким и сообщает В. А. Шибаеву: «...встречайте меня в Париже около 20 декабря... не узнаете ли, там ли Горький?» [29].

Посетив в 1926 году Советский Союз, Рерих оставляет в Москве серию своих картин, которые по приезде в Советский Союз Горького попадают в его распоряжение. Относительно этих картин В. М. Ходасевич сообщает:

«В один из приездов в 1935 году в Горки, в столовой я увидел развешан-

ными на стенах восемь картин Н. Рериха. Они озарили довольно неуютную большую столовую и поражали (как всегда рериховские вещи) каким-то свечением красок. Эти картины в основном запомнились по цвету — золотистолимонному, оранжевому и багряному. Как мне сказали, Рерих был проездом через СССР из Гималаев в Америку и оставил эти вещи в Москве. Картины эти нравились Алексею Максимовичу. Правда, он говорил про них лишь: «любопытные вещи». Более ранние работы Рериха Горький больше ценил и отдавал ему должное как одному из крупнейших самобытных русских художников» [30].

Впоследствии по указанию Горького эта серия картин Рериха вместе с картинами других художников была передана Горьковскому государственному художественному музею (Горький), где и находится в настоящее время.

Свой очерк «Горький» Рерих написал через три недели после смерти писателя. В этом очерке художник приводит многочисленные отклики, появившиеся на смерть Горького в советской и зарубежной прессе, и дает высокую оценку личности и всей деятельности Алексея Максимовича.

Поводом к другому очерку — «Голос Горького» — послужила Московская радиопередача, отмечавшая пятилетие со дня смерти писателя. На следующий день после передачи Рерих садится за очерк и пишет:

«В Гималаях звучал голос Горького. Среди снежных вершин русский голос. Хорошие призывные слова наполнили пространство... Мудро, что голос Горького прозвучал и еще раз напомнил о том, что так неотложно и так выполнимо. Друзья, ко всем, всем художникам обращался Алексей Максимович. В 1934 году он сказал о том, что всегда было нужно.

Пусть эти заветы прежде всего будут выполнены в русском народе. Претерпел, преодолел народ и может среди победного — «Город строят» — улыбнуться взаимно улыбкой доверия и уважения. Широко прозвучал голос Горького, и зов любимого писателя будет жить в сердце народа» [31].

В «Листах дневника» и других своих очерках Рерих неоднократно упоминает имя Горького рядом со славнейшими русскими именами: «Уже приходилось писать о Пантеоне русского искусства и науки... Почтены имена Павлова, Глазунова, Горького. Даже на далеких островах Океании звучит Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин. Есть какая-то благородная, самоотверженная щедрость в этом всемирном даянии» [32].

Широкий диапазон деятельности Рериха и Горького во многом отвечали друг другу. Искренние взаимные симпатии художника и писателя выходили за пределы личных взаимоотношений и отражали те великие идеи человечности, носительницей которых всегда выступала русская культура. Поэтому тема «Рерих и Горький» затрагивает много интересных проблем, исчерпывающий обзор которых потребует более детального ознакомления с отечественными и зарубежными архивами.

Остановившись на некоторых малоизвестных фактах биографии Рериха, так или иначе связанных с именем Горького и объясняющих близость пи-

сателя и художника, настоящая заметка ставит своей целью обратить внимание на литературное наследие известного русского художника. Литературное наследие Рериха является богатейшим, но до сих пор недостаточно исследованным источником, содержащим обширные сведения о многих деятелях русской культуры, в том числе и о Горьком.

Август 1966 г.

Впервые опубликовано:

«Горьковский сборник».

Ученые записки Тартуского государственного университета.

Труды по русской и славянской филологии, XIII, Тарту, 1968.

С. 251-264.

См.: А. Н. Анненко. Рерих и Горький-2 //

Этико-философский журнал «Грани эпохи», № 39, осень 2009;

журнал «Дельфис», 2010, №№ 1-2.

-
1. Князева В. П. Н. Рерих, Л.-М.: «Искусство», 1963. (Здесь и далее примечания автора).
 2. Юрий Николаевич Рерих (1902-1960) — старший сын Н. К. Рериха, известный востоковед. В 1957 году возвратился из Индии в Советский Союз. Возглавлял Сектор истории религии и философии Индии в Институте востоковедения (Москва) и тибетологическую группу в Институте китаеведения АН СССР. Автор многочисленных трудов по востоковедению и языкознанию.
 3. Рерих Николай. Нерушимое. С. 331, 333.
 4. Рерих Н. К. Голос Горького // «Октябрь», 1960. № 10. С. 231.
 5. Рерих Н. К. Выставки. Архив И. М. Богдановой. Публикуется впервые.
 6. Булгаков В. Ф. Великому народу — великое будущее // «Молодая гвардия». 1960, № 10. С. 228.
 7. Зарицкий С., Трофимова Л. Путь к Родине // «Международная жизнь», 1965, № 1. С. 96.
 8. Из письма Н. К. Рериха П. Беликову от 1 декабря 1938 г. Архив автора. Публикуется впервые.
 9. Из письма Н. К. Рериха П. Беликову от 7 января 1939 г. Архив автора. Публикуется впервые.
 10. Из письма Н. К. Рериха П. Беликову от 19 июля 1938 г. Архив автора. Публикуется впервые.
 11. Булгаков В. Ф. Великому народу — великое будущее // «Молодая гвардия», 1960, № 10. С. 224.
 12. Рерих Н. К. Стихия. Архив И. М. Богдановой. Публикуется впервые.
 13. Булгаков В. Ф. Великому народу — великое будущее // «Молодая гвардия», 1960, № 10. С. 224.
 14. Из письма Н. К. Рериха П. Беликову от 19 октября 1938 г. Архив автора. Публикуется впервые.
 15. Рерих Николай. Нерушимое. С. 330.
 16. Рерих Н. К. Призраки. Архив И. М. Богдановой. Публикуется впервые.
 17. Бенуа А. Школа Общества Поощрения Художеств // «Речь», 14 мая 1910 г.
 18. Рерих Н. К. Народ. Архив автора. Публикуется впервые.
 19. Из письма Н. К. Рериха И. М. Степанову. Цитируется по книге: Князева В. П. Н. Рерих. С. 72.
 20. Рерих Н. К. Черновые записки к очерку «Пламя». Архив Г. Р. Рудзите. Публикуется впервые.
 21. Там же. Публикуется впервые.
 22. Рерих Н. К. Черновые записки к очерку «Пламя». Архив Г. Р. Рудзите. Публикуется впервые.
 23. Рерих Николай. Пути Благословения. С. 55.
 24. Зарицкий С., Трофимова Л. Путь к Родине // «Международная жизнь», 1965, № 1. С. 98.
 25. Там же. С. 104.
 26. Рерих Николай. Нерушимое. С. 332.
 27. Рерих Н. К. Цветы Мории. Предисловие.
 28. Из письма Н. К. Рериха В. А. Шибаеву от 23 июля 1924 г. Архив Г. Р. Рудзите. Публикуется впервые.
 29. Из письма Н. К. Рериха В. А. Шибаеву от 15 августа 1924 г. Архив Г. Р. Рудзите. Публикуется впервые.

30. Горький и художники. Составитель И. А. Бродский, М.: «Искусство», 1964. С. 75.
31. Рерих Н. К. Голос Горького // «Октябрь», 1960, № 10. С. 230.
32. Рерих Николай. Нерушимое. С. 247.

П. Ф. Беликов

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ Н. К. РЕРИХА

(Выступление в московском Доме ученых 15 декабря 1968 года)

4-го декабря этого года в «Литературной газете» под общим заголовком «Принадлежит России» — появились три публикации: док[тора] искусств[оведческих] наук А. Лебедева, писателя Л. Гинзбурга и доктора юридических наук Н. Ушакова. В них шла речь о похищении в Великую Отечественную войну и до сих не возвращенных на родину произведений искусства. Авторы публикаций должны были констатировать, что систематического розыска этих ценностей не ведется и, если немедленно не приступить к его организации, многое будет для России окончательно утеряно.

Все живущее один раз умирает. Таков закон природы. Но творцов культурных ценностей человечества подстерегает более суровая участь. Им часто приходится умирать дважды. Первый раз — подобно всем смертным, второй — когда незаслуженно забывают, теряют, искажают или уничтожают их творения. И эта вторая смерть — более несправедлива, более жестока, чем первая.

Уничтожение произведений искусства следовало бы приравнять к убийству талантливейших сынов народа, к убийству людей, которые в своих гениальных творениях остались жить для будущих, совершенно им неизвестных и уже ничем не способных отблагодарить их поколений. Поэтому всякое посягательство на бесценные неповторимые дары прошлого — величайшее преступление против бессмертной души народа.

Инициаторы сегодняшнего вечера, посвященного памяти Николая Константиновича Рериха, добровольно приняли на себя ответственный дозор по охране памятников культуры. Члены общества охраны памятников истории и культуры поставили перед собой благороднейшую задачу — предупредить и исправлять неразумно-пренебрежительное или злоумышленно-преступное отношение к всенародному достоянию. И они, конечно, не случайно обращаются к памяти Николая Константиновича — отважного воина и верного союзника всех взыскующих о сохранности того, что неизменно и вечно должно принадлежать России, о плодах творческого гения ее народов.

7-го мая 1945 года под занавес развязанной германским фашизмом разрушительной войны и за 22 с половиной года до появления тех публикаций в «Литературной газете», о которых я упомянул, Николай Константинович писал: «Германия кончена. Много сообщалось об ограблении немцами художественных сокровищ и книгохранилищ. Где все это? Говорят, вероятно, в подземельях. Где же такие хранилища? Ведь в них должны быть запрятаны не только награбленные сокровища, но и содержание немецких музеев, котрым грабители должны расплатиться за все убытки ими причиненные.

О судьбе культурных ценностей ни радио, ни газеты пока не сообщали, а это

предмет величайшего внимания. Минули времена, когда культура и творения народного гения оставались в пренебрежении. Но если о судьбах красоты и науки не сообщается — значит, эти клады еще не найдены.

Не слышно, чтобы на конференциях толковали о судьбах народных достояний. Даже если клады еще не найдены, то их надо искать и не теряя времени выяснить этот великого значения вопрос. Пусть народы скорей услышат о судьбах их творческих достижений.

У нас собраны кой-какие выписки об увезенных немцами сокровищах. Выходит, что грабеж был чудовищный. Даже крупные размерами произведения были вывезены... и настало уже время грозно потребовать возврата и восстановления.

Чем громче будет сказана забота о народном достоянии, тем воспитательнее это будет для народов. Нельзя удовлетвориться мыслью, что народное сознание уже сдвинулось... Народы справедливо возмущаются немецким вандализмами, но и сами еще в недалеком прошлом не прочь были принять участие в разрушениях.

Что было — то было, но не должно быть в будущем. Да, да, чаще напоминайте о священном народном достоянии. Напоминайте о любви к Родине, сложившей неповторимые сокровище. Напоминайте о Культуре, ведущей человечество к преуспеянию».

Этот отрывок из очерка Рериха — один из примеров актуальности его литературного наследия, о котором мне хотелось бы сказать здесь несколько слов.

Николай Константинович начал писать очень рано. Еще будучи гимназистом, он опубликовал свои очерки в журнале «Охотник». В студенческие годы стали появляться специальные работы по археологии. В 1914 году в Москве, в издательстве Сытина вышла первая книга собрания сочинений Рериха. В 1921 году, уже за рубежом, появилась книга стихов художника, доход с которой пошел в фонд голодающим в России. За рубежом были также изданы книги на русском языке: «Пути благословения» — 1924 г., «Сердце Азии» — 1926 (8) г., «Держава Света» — 1931 г., «Твердыня Пламенная» — 1933 г., «Священный Дозор» — 1934 г., «Врата в будущее» — 1936 г., «Нерушимое» — 1936 г..

Были подготовлены к изданию, но по разным причинам не увидели света: «Алтай-Гималаи», «Шамбала», «Да процветут пустыни» (на русском языке).

На иностранных языках были изданы книги:

«Адамант» — 1924 (анг.) и 1925 (японск.), «Алтай — Гималаи» — 1929 (анг.), «Шамбала сияющая» — 1930 г. (анг.), «Сердце Азии» — 1930 (анг. и испан.), «Чаша пламенная» — 1930 (анг.), «Держава Света» — 1932 (анг.), «Твердыня Пламенная» — 1935 (анг.), «Радость искусству» — 1942 (анг.), «Прекрасное Единение» — 1946 (анг.), Гимават — 1947 (анг.).

Кроме того, многие очерки публиковались в различных периодических изданиях на русском языке, английском, французском, немецком, болгарском, чешском, датском, итальянском, греческом, сербском, испанском и т. д. и т. д.

Несмотря на обилие публикаций, очень большая, и, пожалуй, наиболее ин-

тересная часть литературных трудов Николая Константиновича до сих пор остается неизданной. Начиная с 1934 года художник стал группировать свои очерки в трех подборках: «Листы дневника» (222 очерка), «Листы дневника. Моя жизнь. I» (9 очерков) «Листы дневника. Моя жизнь. II» (659 очерков). Из этих, почти тысячи очерков, только около трехсот было опубликовано. У нас наиболее обширные публикации из «Листов дневника» появились в журнале «Октябрь» № 10 за 1958 г., и журнале «Наш современник» № 7 за 1967 г. 19 очерков Рериха, в сопровождении мало известных фотографий, пойдут в восьмом номере альманаха «Прометей».

Тех, кто хотел бы подробнее ознакомиться с опубликованным и неопубликованным наследием, я отсылаю к 217 выпуску «Ученых записок Тартуского университета», где помещена полная библиография трудов Рериха.

Я не буду сейчас останавливаться на обилии тем, которых касался Николай Константинович в своих литературных произведениях. Скажу только, что их лучшей характеристикой является сама жизнь художника, в которой слово никогда не расходилось с делом. Именно полное отсутствие пустых промежуточных дистанций между словом и действием, этих скрипучих тормозов жизни, привносит особенную убедительность и живописные и литературные труды Николая Константиновича. Разрешите мне закончить свое краткое сообщение о литературном наследии художника небольшими выдержками-афоризмами из его очерков. Они сами скажут о том, о чем Рерих считал нужным неустанно напоминать себе и людям.

* * *

Когда говорим о великих понятиях, не убоимся и больших слов.

Для незнающих культуры бывает страшна каждодневность, между тем в ней выковывается совершенствование и восхождение. Утонченное сознание примет все трудовые века, как источник бесконечного творчества. Завещание может быть кратко: «Пылайте сердцами и творите любовью».

Общественное мнение есть выражение общественного сознания. В существе своем оно всегда прогрессивно, ибо именно им создавалась всякая цивилизация.

Когда сердце теряет трепет восторга, оно может впасть в трепет смущения. Насколько трепет восторга будет устремляющим ввысь и прекрасным, настолько трепетание смущения будет ограничивающим, понижающим, устрашенным. А что же может быть безобразнее зрелища страха?

Если не всегда способен человек на творчество, то ведь причинить боль он всегда может. И может он сделать боль не только людям же, не только животным, но и всей природе и целой планете. Велика ответственность человеческая.

Молодежь любит не предположения, не туманность, но факт и действие. Это и есть залог вечной молодости.

Человечество должно беречь своих героев. Также оно должно беречь и па-

мать о них, ибо в ней уже будет здоровое созидательное вдохновение. Жизнь уныла без героев.

Благо — не бесформенность, не мягкотелость, не день вчерашний. Благо — устремленность, построение, не мозговое только, а сердечное, во всей сердечной беспредельности.

Каждая жестокость уже есть безумие.

Любовь и совершенство будут применены в жизни, в простоте и ясности творчества. Если простота выражения, ясность желаний будут соответствовать неизмеримости величия космоса, то это путь истинный.

Мы не отвлеченные идеалисты. Наоборот, нам кажется, что тот, кто хочет украсить и облагородить жизнь, тот является настоящим реалистом.

Убедительность, это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода везде вода, небо везде небо, люди везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать.

Главное же воздержитесь от всяких предрассудков. Ведь это они своею мертвенностью влагают в мозг предрешенные, несправедливые, ограниченные соображения. Если бы написать историю каждого предрассудка, то прототипом его оказался бы очень слабый, колеблющийся и неистовый в раздражениях человек.

Когда-то каждое будущее станет прошлым. Пусть шлифовка алмазов будет другая, но достоинство камня сохранится. Так говорим в полном устремлении к будущему. Конечно, будущее в своей беспредельности окрыляет и вдохновляет. Но разве прошлое не является чудесными воротами к тому же будущему?

Не будем умалять друг друга, ибо из мысли о малом и родится малое.

В конце концов, ищите ближе. А в особенности тогда, когда хотите посмотреть вдаль.

Спросят — как перейти жизнь? Отвечайте — как по струне бездну — красиво, бережно и стремительно.

15 декабря 1968 г.

Архив П. Ф. Беликова (Эстония). Публикация А. Н. Анненко (Абакан).

«КОГДА ХОТИТЕ ПОСМОТРЕТЬ ВДАЛЬ...»

(П. Ф. Беликов о человеческих качествах Н. К. Рериха)

Павел Федорович Беликов, один из крупнейших знатоков жизни и деятельности Н.К. Рериха, собиратель книг, фотографий, иных материалов о великом художнике, был личностью неординарной. Он не был философом, литературоведом или искусствоведом. Жил в небольшом эстонском поселке Коце-Ууэмыйза и работал главным бухгалтером в местном отделении «Эстсельхозтехники». Но собрал огромную библиотеку книг Рериха, литературу о нем, альбомы с репродукциями его произведений, а также книги по востоковедению, искусствоведению, древнеиндийской философии, фотографии, газеты и журналы — словом, все-все, что написано самим Николаем Константиновичем или о нем. Он создал в своей небольшой квартире, быть может, самый оригинальный, душевный и проникновенный Музей Рериха. Павел Федорович вел большую переписку со всеми, кто интересовался Рерихом в нашей стране и за границей.

Беликов — автор ряда интересных и глубоких статей и книги (совместно с В. П. Князевой) о Рерихе, изданной в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», в серии «Жизнь замечательных людей» в 1972 году.

...Я хочу предложить читателям одно из его писем, мне присланных, в котором он характеризует Рериха как человека.

10 февраля 1972 года

Глубокоуважаемый Евграф Васильевич, получил Ваше письмо и спешу на него ответить. Ваши четко сформулированные вопросы, казалось бы, подсказывают и столь же четкую формулировку ответов на них. Однако богатство и сложность натуры Рериха исключают возможность короткого однозначного ответа. Из этих моих подробностей Вы, конечно, сможете уже сами выбрать наиболее существенное и соответствующее характеру Вашей статьи.

1. Характер Николая Константиновича (повторять полностью вопросы не буду). Неутомимая энергия сочеталась с выдержкой и спокойствием. Никакой суетливости при очень высоких темпах жизни. Четкость и точность во всем, но отнюдь не педантичность. Очень рациональное мышление при самых широких замыслах. Очень общительный, но не мог терпеть пустословия, «салонных» разговоров, бесшабашных «застолий». Обладал точным и мягким юмором, чуждался всякой грубости, в том числе и словесной распушенности. Сказать по отношению к Н. К. «веселый» — было бы неправильно. Он всегда был очень серьезен, но вместе с тем всегда ощущал радость самого человеческого существования и именно радостно смотрел на окружающую жизнь. Это качество Н. К., пожалуй, лучше всего характеризуется его собственными словами: «Радость есть особая мудрость». Отсюда и неистребимый оптимизм Рериха, его способность отбирать и опираться на все лучшее в жизни.

2. Какова его основная человеческая особенность? Благожелательность при полном отсутствии «поблажек». Считал унижительным для человеческого достоинства чувство «жалости», хотя и указывал на необходимость «сострадания». Мог быть очень суров с человеком, ставившим личное благо выше общественного. Охотно общался даже со своими самыми яркими противниками, если координация деятельности с ними приносила реальную пользу делу культуры, науки, искусства.

Кроме того, конечно, Николай Константинович отличался необыкновенной творческой многогранностью и каким-то особо повышенным чувством «соизмеримости», то есть безошибочно определял — где, когда, что и в какой мере уместно и общепольно. Высоко ставя человеческую способность «держаться», порицал всякую безответственность. Для самых высоких полетов требовал прочного, «земного» трамплина. Мне лично импонирует высказывание Н. К.: «В конце концов, ищите ближе, а в особенности тогда, когда хотите посмотреть вдаль».

3. Его увлечения. Собираительство. Был страстным собирателем старинной живописи и вообще старины. При этом не путем покупок широкоизвестных и дорогостоящих предметов искусства, а путем их розыска, «второго» появления на свет божий. Елена Ивановна сама расчищала записанные картины. Так были обнаружены многие ценные произведения. Рисунок Рубенса был найден в переплете какой-то старой книги. Много собиралось во время экспедиций. Была собрана большая коллекция предметов каменного века (около ста тысяч предметов).

Очень любил музыку. Сбирал пластинки любимых композиторов. Других «хобби» не было. Вернее, может быть, все его «хобби» (живопись, археология, путешествия и т. д.) на совершенно равных правах входили и заполняли его творческую жизнь.

4. Какие черты человека, какие характеры привлекали Н. К. в людях? Активное творческое начало. Умение сотрудничать с людьми разных мировоззрений. Сознательное и ответственное отношение ко всему окружающему. Готовность к действиям. Николай Константинович не любил сетовать, но в его письмах мелькало: «соглашающихся много, действующих — мало».

5. Какие человеческие черты он считал неприятными? Индифферентность. Ограниченность. Фанатизм. Безответственность. Конечно, самодовольную невежественность, которую считал главным препятствием развития человеческого общества.

6. Были ли у Рериха какие-нибудь мелкие житейские или бытовые предрассудки? Как в творчестве Николая Константиновича «быт» всегда перерастал в «бытие», так и в его жизни «бытовые мелочи» поглощались деятельностью большого масштаба. Именно таких «мелочей», до которых так охочи биографы, мне не удалось обнаружить. Это характерно для всех членов семейства Рериха. Николай Константинович всегда считал борьбу с предрассудками очень важной. Он уважал национальные традиции. На Востоке, конечно,

и религиозные традиции, но никогда не связывал себя ими. В незнакомых для себя условиях он всегда спрашивал: «А как у вас принято это делать?» Другой пример. Убежденный вегетарианец, Николай Константинович, будучи приглашенным на какой-то прием, где по местным обычаям нельзя было отказаться от обязательного мясного блюда, предпочитал нарушить свое вегетарианское правило, чтобы соблюсти местный обычай. И это означало не отсутствие принципиальности, а именно чувство «соизмеримости», о котором я уже упоминал. Остаться непонятым, оскорбить кого-либо, помешать успеху дела из-за бутерброда с колбасой он считал бы просто нецелесообразным. Целесообразность и складывала бытовую сторону жизни Николая Константиновича. В ней не было ни роскоши, как не было и «домостроя», который своей неподвижностью связывал бы свободу действий.

7. Как отдыхал Рерих? Перефразируя Пушкина, скажу: «Рерих и отдых — понятия несовместимые». Лучшим отдыхом он считал перемену труда. Конечно, при общей подвижности натуры нужны были и ежедневные прогулки, в которых всегда что-то обдумывалось или обсуждалось, если они проходили не в одиночку. Был и еще один вид «активного» отдыха — музыка. Почти ежедневно после ужина, когда вся семья была в сборе, прослушивалось несколько любимых пластинок. Укажу на композиторов, к которым Николай Константинович питал особое «пристрастие». Как и во всем, «диапазон» Рериха и здесь был широк: Римский-Корсаков, Мусоргский, Скрябин, Стравинский, Прокофьев, Вагнер, Григ, Равель, Дебюсси, Сибелиус... Часто проигрывали «Неоконченную симфонию» Шуберта. Добавлю, что даже в экспедиции Николай Константинович брал с собой патефон и любимые пластинки.

8. Любимый писатель Рериха? Николай Константинович очень любил и хорошо знал родную литературу. Любил классиков. Часто цитировал Гоголя, Тургенева и других писателей. Из современников любил Горького и некоторые вещи Леонида Андреева. Характерная черта — при встречах с Андреевым Рерих всегда разговаривал с ним на литературные темы, но сам Андреев всячески пытался свернуть разговор на живопись. Им как-то в шутку посоветовали даже переменить «профессию». Н. К. следил и за советской литературой. Отмечал в своих «Листах дневника» имена Алексея Толстого, Бажова, Эренбурга (остроту его военной публицистики). По мере возможности старался получать советские «толстые» журналы, в частности, ценил «Новый мир». В Гималаях на склоне лет перечитывал русские былины в наших советских изданиях. Восхищался «Словом о Полку Игореве» с иллюстрациями палешан. «Прекрасен русский язык, и на нем скажутся лучшие мысли о будущем», — писал Рерих. Из иностранных классиков любил Анатolia Франса, Бальзака.

9. Любимый поэт Рериха? Пожалуй, по своей монументальности Рериху близок был Державин. Его гиперболизм отвечал масштабности мироощущения Рериха. Николай Константинович сам занимался стихосложением. Написал несколько стихотворных «сюит», собранных в книге «Цветы Мории». В молодости он дружил с рано умершим поэтом Леонидом Семеновым-

Тяньшанским. Многие вещи Пушкина, Лермонтова, А. К. Толстого, Полонского и Тютчева цитировал наизусть до старости. Из современников особенно ценил Блока, с которым был лично знаком. Знал и любил Волошина. Из советских поэтов отмечал В. Саянова, Заболоцкого.

10. Какой из советских художников более всего привлекал Рериха? В большинстве это были художники его поколения, которых он знал и с которыми подчас был знаком лично. Среди них — Нестеров, Юон, Билибин, Бродский, Петров-Водкин. Хорошо знал и высоко ценил архитектора Щусева. Интересовался молодым поколением советских художников и даже хлопотал о выставке их работ в Индии. Ценил деятельность Грабаря, с которым был хорошо знаком, и переписывался с ним по сохранению памятников искусства и старины.

11. Каковы принципы работы Рериха? Глубокая продуманность во всех творческих проявлениях. Николай Константинович не приступал к писанию картины до того, покамест не видел ее до мельчайших подробностей в своем воображении. Поэтому писал картины быстро, почти без поправок. У него был даже такой термин «мыслеобраз». Некоторые сюжеты картин Рериха появлялись первоначально в его литературных произведениях. Например, «Заморские гости», «Границы царства», «Огни на Ганге» и ряд других. Литературные и живописные варианты одних и тех же сюжетов совпадали до мелочей даже в тех случаях, когда между ними существовал промежуток в несколько лет.

Обычно он работал одновременно над несколькими произведениями. Переходил от одного к другому, что, по-моему, обостряло его восприятие. Планомерная и ритмическая заполненность всего рабочего дня не оставляла места для «пустых» промежутков. Для примера приведу Вам выписку из письма многолетнего американского сотрудника Рериха, ныне вице-президента Нью-Йоркского музея имени Рериха — З. Фосдик. Она была в Москве в 1926 году и вместе с Николаем Константиновичем ходила к Луначарскому. Приезжала в Москву и Ленинград в 1961 году. Надеется приехать к 100-летию юбилею Рериха, если, как она мне пишет, позволит здоровье. В одном из писем ко мне она вспоминает: «...он был необычайно добр и несколькими словами мог успокоить человека в горе или смятении духа. Во время его приездов в Америку он работал со мною, писал, диктовал, и я устраивала свидания для него, ибо телефонные звонки и письменные запросы шли непрерывно. Даже врагам он никогда не отказывал. Выслушивал их спокойно. Позже говорил о ком-то, что он не принял совета, пойдет своим кривым путем и набьет шишки на лбу. И сожалел, ибо знал, что в каждом заложены зерна добра. С ним было весело и легко работать, время летело быстро. Вставал он рано и после завтрака сразу принимался за работу. При разговоре любил ходить по комнате, ибо весь находился в движении, выказывая при этом полное спокойствие духа. Всегда и во всем, где мог, помогал людям. При необычайной простоте поражал глубиной мысли, силою суждений и советов».

Мои выводы, основанные на личной переписке с Николаем Константино-

вичем, на изучении архивных материалов, сходятся с приведенной характеристикой. Большой, не знающий предубеждений ум, целеустремленность, вера в людей, необычайная организованность, участливость и внимание к человеку совмещались в Рерихе с громадной творческой силой и широчайшим, как теперь говорят, «комплексным» охватом происходящих в мире событий. Увидеть в малом большое и не потерять в большом малое — это было какое-то особое свойство Рериха, которое я лично испытал на себе. Ведь ему было за шестьдесят, а мне только 25 лет, когда мы интенсивно переписывались. Он был художником, ученым и культурным деятелем мирового масштаба, я же только что вступил на самостоятельный жизненный путь. И, давая мне очень многое, он ни разу не дал почувствовать различие наших положений.

Я написал Вам, Евграф Васильевич, кажется больше, чем в одну статью может вместиться. Но, возможно, что еще что-то очень важное пропустил. Слишком обширна тема. Поэтому за Вами остается право выбрать из написанного наиболее важное для Вас, а за мной обязанность ответить Вам дополнительно, если что-либо нужное для Вас осталось на этот раз «за бортом».

С наилучшими пожеланиями
П. Беликов.

Подготовка письма к печати и предисловие Евграфа Кончина.

Опубликовано: «Утренняя Звезда». Научно-художественный иллюстрированный альманах Международного Центра Рерихов. Составитель и редактор Е. Б. Деметьева. №№ 2-3. М., 1997. С. 186-190.

П. Ф. Беликов
НИКОЛАЙ РЕРИХ И ИНДИЯ

Разносторонняя деятельность Николая Константиновича Рериха (1874-1947) давно уже является темой многих исследований. И какую бы сторону мы ни взяли — Рерих-художник, Рерих-мыслитель, ученый, писатель, педагог, путешественник, общественный деятель и борец за мир, — каждую из них пронизывает «сквозная» тема — Рерих и Индия. Эта страна с ее древнейшей культурой рано привлекла к себе внимание Николая Константиновича. Он писал: «От самого детства наметилась связь с Индией. Наше имение Извара было признано Тагором как слово санскритское. По соседству от нас во времена Екатерининские жил какой-то индусский раджа, и до последнего времени оставались следы могульского парка. Была у нас старая картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая мое внимание. Только впоследствии из книги Брайн-Ходсона я узнал, что это была знаменитая Канченджунга. Дядя Елены Ивановны* в середине прошлого столетия отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутанском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нем не слыхали. Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии» [12, очерк «Индия»].

В доме отца художника, петербургского нотариуса Константина Федоровича Рериха, часто бывали востоковеды А. Позднеев и К. Голстунский, историк Н. Костомаров. Вспоминая юные годы, художник отмечал в «Листах дневника» [подробнее см.: 1, 265]: «К сердцу Азии потянуло давно, можно сказать с самых ранних лет. Имена Пржевальского, Потанина уже давно стали несказанными магнитами. Весь эпос монгольский, уже не говоря о сокровищах Индии, всегда привлекал <...>. В семье нашей сама судьба складывала особые сношения с Азией. Постоянно появлялись друзья, которые или служили в Азии или вообще изучали ее. Профессора Восточного факультета бывали у нас. Из Сибири приезжали Томские профессора и все толковали об Азийских глубинах и усиленно звали не терять времени и, так или иначе, приобщиться к Азийским просторам. Каждая памятка из Азии была чем-то особенно душевным от ранних лет и на всю жизнь» [12, очерк «Азия»].

В гимназические годы, под влиянием археолога Л. Ивановского, проводившего раскопки в окрестностях «Извары» (под Гатчиной), Рерих серьезно увлекся археологией. В бытность студентом по рекомендации А. Спицина и С. Платонова он был избран членом Русского археологического общества. Кроме славянского отдела Николай Константинович регулярно посещал заседания восточного отдела, возглавляемого индологом В. Р. Розеном. Среди студенческих дневников Рериха мы находим выписки из книги Е. П. Блаватской (Радда-Бай) «Из пещер и дебрей Индостана» [17, 34].

Упомянув основательницу Теософского общества Е. П. Блаватскую, к дея-

тельности которой в Индии Николай Константинович, как и многие прогрессивные люди этой страны, относился с уважением, нужно сразу же заметить, что его интерес к Востоку зародился отнюдь не под воздействием того нездорового увлечения «спиритизмом», которое бытовало среди некоторых кругов русской интеллигенции в конце XIX и начале XX в. Так, находясь в 1900 г. в Париже, Николай Константинович писал Елене Ивановне, тогда еще его невесте, что знакомые завлекли его на сеанс «столоверчения», в которое он не верил и не верит [17, 280]. Много позже Рерих имел переписку с некоторыми руководителями Теософского центра в Адьяре (Мадрас), но ни он, ни члены его семьи никакого участия в теософском движении не принимали. Что же касается «мистических струн души Рериха», то сам художник отзывался о них так: «В разных странах пишут о моем мистицизме. Толкуют вкривь и вкось, а я вообще толком не знаю, о чем это люди так стараются. Много раз мне приходилось говорить, что я вообще опасаясь этого неопределенного слова мистицизм. Уж очень оно напоминает мне английское слово «мист», то есть «туман». Все туманное и расплывчатое не отвечает моей природе. Хочется определенности и света. Если мистицизм в людском понимании означает искание истины и постоянное познание, то я бы ничего не имел против такого определения. Но мне сдается, что люди в этом случае понимают вовсе не реальное познание, а что-то другое, чего они и сами сказать не умеют. А всякая неопределенность — вредоносна» [12, очерк «Мистицизм»].

Вокруг вопроса об отношении Рериха к так называемому оккультизму было много разговоров, поэтому необходимо с самого начала уделить ему несколько слов. Вопрос этот умышленно раздувался с двух противоборствующих сторон — из лагеря ортодоксальных церковников и со стороны самих апологетов оккультизма. Первые усердствовали, изобличая Рериха в отступничестве от отечественного благочестия, а вторые — в стремлении использовать авторитет художника в своих целях. В действительности, Николай Константинович никогда не связывал своего философского мировоззрения или своей деятельности с какими-либо оккультными или религиозными учениями и институтами, хотя ему и приходилось часто иметь с ними дело. В своих философских исканиях Рерих неизменно стремился к первоисточникам, и вначале сближение художника с индийской философской мыслью шло в направлении изучения оригинальных трудов индийских мыслителей. По словам самого Николая Константиновича, к духовной жизни Индии его приобщали Рамакришна, Вивекананда, Упанишады, «Бхагават-гита» и произведения Тагора.

В творчестве самого Рериха индийская тематика появилась с 1905 г., причем в характерном чередовании: сказка «Девассари Абунту» написана Рерихом в 1905 г., картины «Девассари Абунту» и «Девассари Абунту с птицами» — в 1906 г., сказка «Границы царства» — в 1910 г., картины «Граница царства» и «Мудрость Ману» — в 1916 г. Живописную сюиту «Сны Востока», начатую в 1920 г. в Лондоне, предваряли «Индийский путь» (1913), «Гайятри» (1916)

и некоторые стихотворения, навеянные поэзией Тагора. Похоже, что Рерих-художник при отсутствии визуальной природы создавал предварительно литературные художественные образы, которые позже воплощались в его живопись.

Индия сразу же вошла в творчество Николая Константиновича темой больших философских обобщений, оказавших заметное влияние на трактовку многих сюжетов художника, в частности религиозных. Как, например, можно указать на роспись «Царица Небесная» в абсиде церкви во Фленове [подробнее см.: 5, 50] (первые эскизы относятся к 1909 г., закончена в 1914 г.). С одной стороны, эта роспись представляет собой замечательный образец возрождения подлинно национальной, древнерусской монументальной иконописи, а с другой — она противоречит ее догматическим нормам. И эта другая сторона — философская трактовка образа богородицы, которая выступает у Рериха не смиренной родительницей божественного младенца, а творящим началом мироздания, своего рода Пракрити индийской философии, отождествляемой часто с женским началом и материальной структурой мироздания. Не случайно духовенство возражало против размещения «Царицы Небесной» в алтаре храма [12, очерк «Памятка»].

Вспоминая работу над этой росписью, художник писал: «Хорошее было время, когда строился храм Святого Духа и заканчивались картины «Человечьи Праотцы», «Древо Преблагое — врагам озлобление» и эскизы «Царицы Небесной». Холмы смоленские, белые березы, золотые кувшинки, белые лотосы, подобно чашам жизни Индии, напоминали нам о вечном пастухе Леле и Купаве или, как сказал бы индус, о Кришне и Гопи» [9, 161].

В 1924 г. Рерихом была создана картина «Мать Мира». Ее центральная фигура композиционно повторяет «Царицу Небесную», но, лишённая признаков национальной русской иконописи, она уже полностью символизирует индийские космогонические идеи и ту Радж-Раджесвари, которая воспевается в гимнах [21, 242]:

*Если я прав, Мать, Ты все:
Кольцо и путь, тьма и свет, и пустота,
Голод и печаль, и бедность, и боль.
От зари до тьмы, от ночи до утра, и жизнь, и смерть,
Если смерть бывает, — все есть Ты...*

Показательно, что, говоря о своей «Царице Небесной», художник иногда даже называл ее «Матерью Мира». Например, в одной из книг он писал: «В последнее время ее (М. К. Тенишевой, — П. Б.) жизни в Талашкино внутренняя мысль увлекла ее к созданию храма. Мы решили назвать этот храм Храмом Духа. Причем центральное место в нем должно было занять изображение Матери Мира» [9, 223].

Уже ранние литературные произведения Рериха — «Девассари Абунту» и «Лакшми Победительница» — свидетельствуют не только об увлечении индийской мифологией, но и о сильном воздействии восточного философ-

ского мировосприятия на мировоззрение художника. Отражение этих позиций в живописи первого творческого периода Рериха мало затрагивалось в нашем искусствоведении, между тем под покровом подлинно национального изобразительного языка искусства Рериха зачастую скрывается индийская философская интерпретация религиозных художественных образов, на что в свое время уже намекали некоторые критики. Так, Сергей Маковский писал: «Останавливаться на иконописи Рериха я не буду. Отдавая должное его археологическим познаниям, декоративному вкусу и «национальному» чутью, — все это бесспорно есть и в иконах, — я не нахожу в нем призвания религиозного живописца. Рерих — все, что угодно: фантаст, прозорливец, кудесник, шаман, йог, но не смиренный слуга православия» [8, 129].

Научные интересы и философская направленность художественного творчества Николая Константиновича не могли долго удовлетворяться исключительно книжными сведениями о притягательной для него стране. «Живет в Индии красота. Заманчив великий Индийский путь», — замечает Рерих в своем очерке «Индийский путь» [20, 260]. Очерк был написан под впечатлением встреч художника с востоковедом В.В. Голубевым [подробно см.: 26, 214] в Париже весной 1913 г., после поездки последнего в Индию. Похоже, что Николай Константинович обсуждал с Голубевым планы будущих научно-художественных экспедиций и свое участие в них. «Жаль, если французы с их верным чутьем скорее поймут значение работы Голубева. Желая нашей Академии наук вовремя еще серьезнее обратить внимание на эти работы», — писал художник [20, 260].

К этому же времени относятся и попытки Николая Константиновича организовать в Петербурге музей индийского искусства.

Первая мировая война помешала Рериху реализовать планы посещения Индии. В 1916 г., после перенесенного воспаления легких, здоровье Николая Константиновича сильно пошатнулось, и по предписанию врачей в конце этого года он переселился на жительство в Карелию, где и застала его Октябрьская революция.

Уединенная жизнь на берегу Ладожского озера под Сердоболем (Сортавала) способствовала углубленным философским размышлениям, которые нашли выход в стихотворных произведениях этих лет и в аллегорической повести художника «Пламя» (черновики повести относятся к 1917 г., окончательная редакция опубликованного варианта [18, 32] — к середине 1918 г.).

По дневниковым записям и литературным произведениям Рериха можно заключить, что годы его жизни в Карелии были насыщены мыслями об Индии, и подготовка к встрече с нею не прекращалась. Цитаты и ссылки на индийских философов и писателей заметно участились к концу войны, когда у Рериха опять появилась надежда попасть в Индию. К этому времени художника особенно сильно стали манить дальние пути.

Сборник стихотворений Рериха «Цветы Мории» [23] в основном составлен из произведений 1916-1918 гг., написанных в Сортавале. В них особенно бросается в глаза близость к поэзии Рабиндраната Тагора. А. Рылов сетовал

на «архаику и трудно усваиваемую мистику» стихов Рериха [28, 149]. Между тем достаточно сопоставить стихотворения Тагора и Рериха, чтобы убедиться в сходстве их философского мировосприятия, которое может служить ключом к разгадке их поэтического самовыражения. Так, у Тагора в «Гитанджали» (1913):

О владыка моей жизни, должен ли я изо дня в день стоять перед лицом твоим?

Сложив руки, о владыка миров, должен ли я стоять перед лицом твоим?

Под твоим великим небом, в молчании уединения, со смиренным сердцем, должен ли я стоять перед лицом твоим?

В твоём трудовом мире, погруженном в борьбу и работу, среди суетливой толпы, должен ли я стоять перед лицом твоим?

И когда мой труд в этом мире кончен, о царь царей, должен ли я стоять одиноко и смиренно перед лицом твоим? [29, 326].

У Рериха в стихотворении «Благословенному» [23,51]:

*Как увидим Твой Лик?
Всепроникающий Лик,
глубже чувств и ума.
Неощутимый, неслышимый,
незримый. Призываю:
сердце, мудрость и труд.
Кто узнал то, что не знает
ни формы, ни звука, ни вкуса,
не имеет конца и начала?
В темноте, когда остановится все,
жажда пустыни и соль
океана, буду ждать сиянье
Твое. Перед Ликом Твоим
не сияет солнце. Не сияет
луна. Ни звезды, ни пламя,
ни молнии. Не сияет радуга,
не играет сияние севера.
Там сияет Твой Лик.
Все сияет светом его.
В темноте сверкают
крупницы Твоего сиянья,
и в моих закрытых глазах
брезжит чудесный Твой свет.*

В этом стихотворении Рерих передает чувство, испытываемое человеком перед величием космической беспредельности, именно через призму индийской философской мысли, а поэтическая форма, образы и даже терминология предельно близки к тагоровским. Стихотворение написано в 1918 г. Примерно к этому времени относятся и некоторые вольные переводы Рериха из Тагора.

Цитаты из «Бхагават-гиты» мы находим в литературной аллегории «Пламя», а в неопубликованных фрагментах этой автобиографической повести имеются такие строки: «Делаю земной поклон учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество и радость духа, и тишину рождающую. Во время крайней нужды они подали нам зов. Спокойный, убедительный, мудрый знанием. Культ истинного знания ляжет в основу ближайшей жизни, когда растает в пространстве все зло, рожденное человекоубийством и грабежом последних лет» [2, 259].

Это писалось в конце 1917 г. и поясняет поведение художника в последующие шесть лет зарубежной жизни. Все его действия, подтвержденные архивными документами, неоспоримо свидетельствуют о том, что для Рериха главной целью этих лет неизменно оставалась Индия, прямой путь куда через территорию Советской России оказался на многие годы закрытым.

Николай Константинович выехал с семьей из Финляндии в марте 1919 г. Его персональные выставки с большим успехом прошли в некоторых городах Европы, где у него было достаточно возможностей хорошо обосноваться. Рериха знали за границей еще по его довоенным поездкам, выставкам и совместной с С. П. Дягилевым работе в театре. Поэтому первые же известия о появлении Николая Константиновича в Западной Европе вызвали интерес в различных художественных кругах, в том числе и среди эмигрировавших из России художников. Любопытное письмо, датированное 19 июля 1920 г., послал Рериху из Парижа в Лондон С. Судейкин: «Здравствуйте, дорогой друг Николай Константинович! Здесь мы живем дружно, и есть проекты воскресить выставку «Мир искусства». Григорьев в Берлине, здесь: Яковлев, Сорин, Реми, Гончарова, Ларионов, Стеллецкий — в Каннах. Только не хватает нашего председателя, который предпочитает холодного Альбиона Парижу, городу вечной живописи. С каким восторгом говорил недавно о Вас Ф. Журден, председатель Осеннего Салона, вспоминая «Половецкие пляски» и «Священную Весну». Я думаю, Николай Константинович, что если Вы тронули глаза и сердца рыбоподобных «бритов», то здесь Ваше имя имело бы еще более горячих поклонников и друзей. Приходите и правьте нами. Судейкин» [12, очерк «Старые письма»].

В Лондоне Рерих обрел много сторонников, среди них известного писателя Герберта Уэллса, деятелей искусства и культуры Т. Бичама, Х. Райта, Ф. Бренгвина, С. Хора. Доктор Янг предлагал Николаю Константиновичу остаться в Лондоне на постоянную работу [9, 25]. Художник имел предложения переехать в Германию. Однако все это не устраивало Рериха. Зато на него произвела большое впечатление личная встреча с Рабиндранатом Тагором: «Мечталось увидеть Тагора, и вот поэт самолично в моей мастерской на Квинсгэттерасс в Лондоне в 1920 году. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась индусская серия панно «Сны Востока». Помню удивление поэта при таком совпадении. Помню, как прекрасно вошел он, и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца» [22, 231].

Уже в 1920 г., то есть за три года до приезда Рериха в Индию, в журнале «Модерн Ревью» (Калькутта) были опубликованы стихи художника, а в декабре 1921 г. там же появилась статья Дж. Финджера «Николай Рерих». В январском номере 1921 г. журнала «Артс» (Нью-Йорк) поместили статью Р. Тагора о русском художнике. Это была одна из первых публикаций о Рерихе в США [31].

В дальнейшем между Рерихом и Тагором постоянно поддерживались письменные контакты, они ставили друг друга в известность о своей деятельности и объединяли усилия на культурно-просветительском поприще и в борьбе за мир.

В 1920 г. в Лондоне Николай Константинович познакомился с Владимиром Анатолиевичем Шibaевым, впоследствии переехавшим в Ригу, а в 30-х годах в Индию, где он в течение десяти лет состоял секретарем Рериха. Шibaев переписывался с Анни Безант, руководительницей теософского движения в Индии, и такая связь с Индией, по-видимому, заинтересовала и Рериха. В 1920-1925 гг. между Рерихом и Шibaевым велась интенсивная переписка, сохранившая ценнейшие сведения об этом мало освещенном у нас периоде жизни Николая Константиновича.

Выезжая из Финляндии в Англию, Рерих не имел намерения посетить Америку. Поскольку он не пытался обосноваться и в Европе, следует предположить, что художник надеялся непосредственно из Англии попасть в Индию. Однако восторженное отношение англичан к искусству русского художника не распространялось на его планы заняться изучением «жемчужины английской короны». Интерес Рериха к Индии вызвал встречный интерес к нему тех должностных лиц империи, которые отвечали за ее колонии и с великой подозрительностью относились ко всему русскому, а слово «советский» признавали лишь в сочетании с негативными высказываниями. Но последних из уст Рериха никто не слышал, что и насторожило английскую разведку. Трагические последствия ее опеки Рерих испытал на себе позже, но уже в 1920 г. он натолкнулся на барьер, воздвигнутый англичанами между ним и желанной для него Индией. Попытки выехать туда из Лондона провалились, а они заходили весьма далеко. В 1940 г. в своих воспоминаниях Николай Константинович писал: «Еще одно двадцатилетие — первому пароходному билету на Индию. В музее Тривандрума открывают особую нашу комнату. Они не знают, что это совпадает с памятным для нас сроком» [12, очерк «Сороковой год»].

Пароходный билет остался неиспользованным, а само намерение Рериха попасть еще в 1920 г. из Англии прямо в Индию — малоизвестным для его биографов. Очень возможно, что Николай Константинович предпочитал не предавать этот эпизод широкой гласности, чтобы не осложнять отношений с английскими властями.

Приняв в конце 1920 г. предложение устроить выставку картин в США, Рерих не отодвинул на задний план сборы в Индию. Похоже, что какое-то время Николай Константинович возлагал большие надежды пробиться в Индию

с помощью теософской организации. Художник действовал через В. Шибалева. Так, в письме от 25 сентября 1921 г. (из Америки) Рерих сообщал ему, что через год он сможет воспользоваться приглашением Вадья** посетить Адьяр [16]. Больше того, Николай Константинович просил узнать об условиях жизни в Адьяре для приезжих и выражал намерение заняться там созданием фресок.

Однако через некоторое время в письмах Рериха начинает проскальзывать разочарование деятельностью Теософского общества, ему претят интриги между его руководителями и безграмотность «окультурной» литературы. В 1922 г. Рериха приглашает в Адьяр один из оппозиционно настроенных руководителей движения, впоследствии порвавший с теософами, индийский философ и писатель Д. Кришнамурти [16, письмо от 30 апреля 1922 г.]. Но Николай Константинович уже решил не связывать свою деятельность с теософами, и этот канал сношений с Индией постепенно сходит на нет.

Между тем подготовка к переезду в Азию не ослабевает, она ведется планомерно и в разных направлениях. Весьма характерно письмо Николая Константиновича от 7 августа 1922 г.: «Если Вы потерпели разочарование в Каменской***, то я потерпел то же в Безант. Это печально, но это так. Но, конечно, наша работа на Россию, и потому мы уже знаем, что «новые, новые, новые соберутся». И потому каждый новый наполняет сердце радостью. Сейчас к нам подошли трое новых. Молодые ищущие души! Приятно, что всегда, когда нужно, кто-то приходит. Так и теперь, в этих новых мы видим наследников в Америке. Ведь здесь нам осталось 11 месяцев» [16].

Среди документов этих лет сохранилась запись Рериха о востоковедческой работе в Российской академии наук в 1917-1920 гг. В списке перечислены издания серий «Bibliotheca Buddhica» и «Памятники индийской философии», упомянуты сочинения П. Козлова и Г. Цыбикова, перечислены лекции С. Ольденбурга, Ф. Щербатского, Ф. Розенберга, Б. Владимирцова, читанные ими на Буддийской выставке в августе 1919 г. в Петрограде [10]. Николай Константинович внимательно следил за всем, что делалось в области востоковедения у него на родине.

Особенно следует указать на основательную и разностороннюю востоковедческую подготовку старшего сына Рериха — Юрия Николаевича. Она началась еще с гимназических лет в Петербурге у Б. Тураева и А. Руднева. С приездом Рерихов в Лондон Юрий Николаевич сразу же поступил на индоиранское отделение Школы восточных языков при Лондонском университете, где начал изучать санскрит, затем продолжил свои занятия по восточным языкам в Гарвардском университете в США и Школе восточных языков в Париже. В 1923 г. Парижский университет присвоил Юрию Николаевичу степень магистра индийской филологии [подробнее см.: 7,213].

Серьезная востоковедческая подготовка старшего сына, начатая немедленно после отъезда из Финляндии, занимала большое место в планах Николая Константиновича по организации азиатских научно-художественных экспедиций, и, возможно, она на какое-то время задержала отъезд Рерихов в Индию.

Душевные переживания художника в ожидании предстоящего путешествия нашли отражение в стихотворении «Ловцу, входящему в лес», которое было написано в апреле 1921 г., через какие-нибудь полгода после приезда в Америку. Как бы прозревая будущее, Рерих писал [23, 116]:

*И ты, и добыча будут на высотах.
И ни ты, ни добыча
не пожелаете спуститься
в лощину...*

В мае 1923 г. Николай Константинович выехал из Нью-Йорка в Европу и 17 ноября этого же года отплыл с семьей из Марселя на пароходе «Македония» в Индию. 24 ноября из Адена художник пишет с борта корабля письмо Шибаеву. В письме сквозят тревожные ноты. Николай Константинович просит Шибаева, через которого поддерживалась переписка с СССР, быть сугубо осторожным и не употреблять в письмах в Индию слова «Россия», заменяя его буквой «А». Важнейшие же события Николай Константинович рекомендует излагать под видом готовящегося к публикации рассказа [16].

Развитая Рерихом в США широкая международная культурная деятельность не спасла его от подозрений со стороны английских властей, и они решили учредить за ним слежку, признаки которой Николай Константинович обнаружил уже на корабле. Поводом для подозрений были патриотизм Рериха, его просоветские высказывания и переписка с Советским Союзом.

30 ноября 1923 г. Рерихи высадились в Бомбее. Отсюда они предприняли осмотр известных художественных и исторических достопримечательностей. Начали с памятников скульптуры эпохи Гупта на острове Элефанта, затем посетили Джайпур, Дели, Агру, Сарнатх с его древнейшими буддийскими памятниками, Бенарес, Калькутту, а оттуда направились в Дарджилинг. В конце декабря Рерихи поселились в Сиккиме, на южном склоне восточных Гималаев. Спешка, с которой Николай Константинович проложил свои первые маршруты по Индии, показывала, что его интересы сосредоточивались не в ее долинах и крупных населенных центрах, а в северных, пограничных с Тибетом, горных районах. Об этом говорят и путевые заметки художника: «Сарнат и Гайя — места личных подвигов Будды — лежат в развалинах. Являются лишь местом паломничества <...>. Известны места подвигов Будды на Ганге. Известны места рождения и смерти учителя в Непале. По некоторым указаниям посвящение совершилось еще севернее — за Гималаями <...>. Легендарная гора Меру по Махабхарате и такая же легендарная высота Шамбала в буддийских учениях — обе лежали на севере» [18, 98].

Приезд Рерихов в Сикким совпал с необычным волнением в буддийском мире. Таши-лама, оппозиционно настроенный к Лхасе, открыто порвал с нею, покинул Тибет и скрылся в Китай. Ходили слухи, что сам лама или его посланники побывали в Сиккиме, поэтому на его дорогах наблюдалось усиленное движение. Николай Константинович встречался с некоторыми сторонниками Таши-ламы, а позже обменивался с ним письмами. Это указывает

на отрицательное отношение Рериха к официальной буддийской верхушке в Лхасе, возглавляемой Далай-ламой, что полностью подтверждается и статьей художника «Буддизм в Тибете» [36].

Таким образом, Николай Константинович, сразу же по прибытии в Азию, оказался в курсе интересовавших его событий буддийского мира. И это, конечно, не случайно, как не случаен и выбор стремительно пройденного маршрута от Бомбея через Калькутту в Сикким, причем без заезда в Адыяр, куда художника приглашали.

Мы не можем подробно останавливаться на вопросе влияния буддизма на философское мировоззрение Рериха. Это — большая и сложная тема специального исследования. Нет особой надобности останавливаться и на вопросе о «переходе Рериха из христианства в буддизм». Для него самого такого вопроса не существовало. Широкая философская мысль Рериха была абсолютно свободна от догм и канонов каких бы то ни было религиозных институтов. Но буддизм кроме своей философии привлекал внимание художника еще и как весьма активно в его время функционировавший канал связи между странами Центральной Азии и Советской Сибирью.

Интерпретируя по-своему некоторые положения буддизма (детерминизм, диалектику, пространственно-временную относительность, учение об общине), Рерих искал в них точки соприкосновения с современной наукой и с современным революционным преобразованием общественной жизни. В очерке «Струны земли» имеется запись: «Буддизм есть самая научная религия», — говорит индусский биолог Боше. Радостно видеть, как этот истинный ученый, нашедший путь к тайнам жизни растений, говорит о Веданте, Махабхарате, о поэзии легенд Гималаев. Только настоящее знание может найти всему сущему достойное место. И под голос ученого, простой и понятный, серебряные звоны электрических аппаратов отбивают пульс жизни растений, открывая давно запечатанную страницу познания мира» [18, 98].

Однако главное, что привлекало внимание Николая Константиновича к буддизму, это — его отрицательное отношение к кастовым и классовым привилегиям, порицание частнособственнической психологии и учение об общинных принципах жизнеустройства. Гуманизм, обостренное чувство справедливости не могли примирить Рериха с буржуазной идеологией, между тем привитые с детских лет корни идеалистического мировосприятия мешали ему безоговорочно стать на материалистические философские позиции. Приняв Октябрьскую революцию как неизбежный этап закономерного развития человеческого общества, как крушение старого и рождение нового мира, Рерих подходил к пониманию последнего своим, круглым путем. Однако, по его глубокому убеждению, именно этим путем шли и должны были достигнуть Нового Мира народы Азии. Их освобождение от империалистического ига художник дальновидно связывал с революционными событиями на своей родине, но их духовное сближение с народами Советского Союза он хотел видеть во взаимопроникновении идей коммунизма и древнего общинного учения Будды.

Разумеется, Индия влекла к себе Рериха не только как колыбель буддизма. Многосторонние научные и художественные интересы Николая Константиновича, тесно переплетаясь с философскими исканиями, играли в этом влечении не меньшую роль. Заветной мечтой многих русских востоковедов и путешественников, в их числе Пржевальского и Козлова, было наиболее глубокое проникновение в Центральную Азию и даже пересечение ее. Некоторые регионы Тибета и Трансгималаев долгое время оставались «terra incognita» для западной науки. Занятия археологией и историей национальных культур смолоду привили Рериху охоту к путешествиям, а миграция народов Азии на запад и влияние их культур на славянские племена были давним предметом исследований Николая Константиновича. И это сказывалось на тяготении художника именно к Северной Индии, в частности к Сиккиму, откуда через горный перевал Джелап-Ла пролегли древнейшие пути на Шигацзе, Лхасу и далее через Монголию в Сибирь.

Из Дарджилинга Николай Константинович организовал две научные экспедиции по Сиккиму и Бутану. В его книге «Алтай-Гималаи» [35] Сиккиму посвящена специальная глава, а отдельные выдержки из путевых заметок («Мысли в Сиккиме») вошли в книгу «Пути Благословения» [18]. Анализ некоторых находок экспедиций был сделан также Ю. Н. Рерихом в книге «Тибетская живопись».

В первых азиатских экспедициях Рерих проявил особый интерес к сбору древнейших буддийских письменных источников и предметов искусства. В то же время, судя по отдельным заметкам («Мысли в Сиккиме»), Николай Константинович тщательно изучал также современное политическое положение в странах, находившихся между Индией и Советским Союзом, и ту, несомненно большую роль, которую играло буддийское духовенство в политической и общественной жизни их народов.

Пробыв в Индии около десяти месяцев, из которых девять пришлось на Сикким, Николай Константинович внезапно выехал в Европу и США. Такая поездка, на первый взгляд, кажется трудно объяснимой. Мечтать об Индии и стремиться туда в течение многих лет с тем, чтобы после посещения нескольких ее городов и кратковременного пребывания в отдаленном, малохарактерном для страны районе так скоро покинуть ее пределы! Может быть, этого требовали спешные дела на Западе или обстоятельства, связанные с продолжением научно-исследовательской работы в самой Индии? Нет, нисколько. Просто пребывание в Индии не исчерпывало далеко идущих планов Рериха, хотя эта страна и входила в них непременно компонентом.

Проблема культурных связей между народами Востока и Россией, захватившая Николая Константиновича еще в самом начале его научной и художественной деятельности, расширяясь с годами, в конце концов, вышла за рамки чисто исторических интересов. Настоящее и будущее культурного сотрудничества народов стало для Рериха существеннее прошлого, а это усложняло всю проблему, поставив художника перед необходимостью принаравливать каждое свое действие к современной ему политической обстановке.

Правда, свое отношение к ней Рерих не замедлил высказать сразу же, как только оказался за рубежом. Он решительно отказался оформить для себя и своей семьи так называемые нансеновские паспорта — единственный в то время официальный «вид на жительство» русских эмигрантов — и не пожелал также ассимилироваться в какой-либо чужой стране. Следовательно, Рерих не переставал считать себя подданным той реально существующей России, которая из царской превратилась в советскую. Казалось бы, в таком случае проще всего было оформить свою принадлежность к ней советским паспортом. Но именно это лишило бы Николая Константиновича возможности находиться в Индии. А чтобы следовать своим убеждениям, выполнять свой научный долг, как его понимал Рерих, ему были одинаково нужны и Россия и Индия.

Чтобы лучше понять Николая Константиновича, можно обратиться к другому гуманисту нашего века, испытавшему на себе так же, как и Рерих, сильнейшее влияние индийского мировосприятия. Мы имеем в виду Ромена Роллана, писавшего: «Я ни на миг не покидал и ни в чем не отодвигал на второй план дело Русской революции и то титаническое строительство нового мира, которое она осуществляла в борьбе. Я ставил перед собой парадоксальную задачу: объединить огонь и воду, примирить мысль Индии и мысль Москвы <...>. Я рассматриваю самые мощные социальные и религиозные доктрины не как догмы, а как жизнеспособные гипотезы, указывающие путь человечеству, — вот почему доктрина СССР и доктрина гандистской Индии представлялись мне (а Ганди это и сам признает относительно своей доктрины) двумя опытами, двумя самыми спасительными опытами, единственно спасительными, могущими предотвратить катастрофу, нависшую сейчас над человечеством» [27, 47].

Историческое чутье безошибочно указывало Рериху, где началось строительство нового мира и где гнетущий большинство человечества колониализм потерпит первое серьезное поражение. Кровная принадлежность к России, более сильное, чем у Ромена Роллана, увлечение Востоком и, несомненно, более активная натура толкали Рериха на практические дела по слиянию двух главнейших исторических течений нашей эпохи — революционных преобразований в России и освободительной борьбы народов Азии. Сфера деятельности Николая Константиновича была ограничена областями науки, искусства и культурного строительства, но он отлично понимал несостоятельность беспечной игры в жмурки на политической арене мира. Все действия и высказывания Рериха отличались железной последовательностью, которая не позволяла сомневаться в том, на чьей именно стороне его политические симпатии.

Выехав в сентябре 1924 г. из Индии, Николай Константинович посетил Францию и США. На обратном пути он заехал в Берлин, Каир и Коломбо (Цейлон). По дороге с Цейлона в Сикким Рерих побывал в Мадрасе, где впервые встретился с руководителями теософского движения, однако никаких попыток сближения с ними не последовало. Показав свою незаинтересе-

сованность в «работе на Россию», теософы автоматически выпали из планов Рериха. А конкретно эти планы заключались в следующем: организовать из Индии научно-художественную экспедицию в Центральную Азию, дойти до границ Советского Союза, побывать на родине, наладить в Москве связи для будущего сотрудничества и только после этого вернуться в Индию, чтобы по-настоящему приступить к той исследовательской работе, ради которой он так упорно стремился в эту страну. Индия, полностью изолированная от «Нового Мира», то есть от Советского Союза, никак Рериха не устраивала. Это была для него Индия прошлого. Индию будущего художник видел идущей рука об руку с его свободной родиной к светлой мечте человечества.

Большой авторитет художника и ученого и энергия его американских сотрудников позволили Николаю Константиновичу добиться в Нью-Йорке согласия провести экспедицию под американским флагом и оформить нужные для этого документы. Конечно, никаких указаний о возможном посещении СССР в них не было и не могло быть. Здесь Рериху пришлось действовать в одиночку и негласно, чтобы не увеличивать подозрений англичан. С этой целью Николай Константинович и заехал в декабре 1924 г. в Берлин, чтобы посетить там советское полпредство. Полпред Н. Н. Крестинский был достаточно хорошо информирован о заграничной деятельности и отношении Рериха к Советскому Союзу, чтобы со всей серьезностью отнестись к беседе с художником.

Николай Константинович сообщил Крестинскому, что он собирается провести в странах Центральной Азии научно-художественную экспедицию. Хотя она и пойдет под американским флагом, но он готов предоставить в распоряжение Советского Союза все собранные материалы и просит, чтобы советские дипломатические представители в Центральной Азии в случае надобности взяли экспедицию под свою защиту.

Одновременно Рерих ознакомил Крестинского со своими наблюдениями над политической обстановкой в Индии, рассказал о проникновении англичан в Тибет и их агитации против СССР. Николай Константинович не стал скрывать от советского посла своих философских взглядов и намерений способствовать сближению народов Востока и Советского Союза на почве общности, которую он находил между идеологией научного коммунизма и буддийской философией. Это дало повод наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину, которому по просьбе Рериха были пересланы стенограммы его бесед с Крестинским, охарактеризовать художника как «полукоммуниста-полубуддиста» [6, 96].

Философское мировоззрение Рериха, конечно, не ограничивалось рамками буддийских философских школ или их современной интерпретацией. Скорее всего, интерес к буддизму нашел более благоприятную почву, чем иные философские системы Индии, благодаря постоянным стремлениям художника согласовать этику Востока с революционными преобразованиями человеческого общества своей эпохи. Отрицание кастовых привилегий и некоторые этические постулаты буддизма предоставляли Рериху в этом отношении богатейший материал.

К марту 1925 г. Николай Константинович переехал из Дарджилинга в столицу Кашмира Сринагар, чтобы подготовить экспедицию к походу через Западный Тибет и Синьцзян в пограничные с СССР районы. Мы не будем останавливаться как на этой, так и на последующих центральноазиатских экспедициях художника [о них подробно см.: 4, 253; 19; 25, 257; 33; 34; 35; 36] и лишь приоткроем одну малоизвестную страницу жизни художника, связанную с его деятельностью в Британской Индии.

Визит Рериха в советское полпредство в Берлине, очевидно, был замечен английской разведкой. Не имея формальных поводов запретить экспедицию, шедшую к тому же под американским флагом, англичане мобилизовали все силы, чтобы сорвать ее косвенными путями. Препятствия возникли уже на первых этапах в Кашмире, где на экспедицию было совершено вооруженное нападение, причем среди нападавших опознали личного шофера английского резидента Дж. Вуда. 1 апреля 1925 г. Николай Константинович писал В. Шибаеву: «Привет с озер Кашмира. Холодно. Лежит снег. Вчера нашу лодку чуть не разбило бурей, но вдруг наступила тишина, и мы успели до нового шквала укрыться в речку. Перед нами лежит дорога на Гильгит <...>. Боремся за разрешение идти в Ладак. Масса препятствий. Сражаемся» [16].

Через две недели в письме опять заметка: «Пробиваемся на Лех, но пока без результатов». Когда же экспедиции удалось выйти за пределы официальной сферы влияния английских колониальных властей, Рерих записал в дневнике: «Наконец, можно оставить всю кашмирскую ложь и грязь <...>. Можно забыть, как победители играют в поло и гольф, когда народ гибнет в заразах и в полном отупении. Можно отвернуться от подкупных чиновников Кашмира. Можно забыть о нападении вооруженных провокаторов на наш караван с целью задержать нас. Пришлось шесть часов пробыть с поднятым револьвером. А в довершение всего полиция составила от нашего имени телеграмму, что мы ошиблись и нападения не было. Кто же тогда ранил семь наших слуг? <...>. Можно отвернуться от правительства, вскрытых писем, задержанных посылок, подосланных сыщиков. Что сделали с Индией и Кашмиром? Только в горах чувствуете себя в безопасности» [6, 100].

Но тут Рерих ошибся. Его желание отвернуться и забыть колонизаторов оказалось односторонним. Преследования не прекращались и за пределами Кашмира. По наущению англичан китайские власти Хотана задержали экспедицию, отобрали оружие, а затем арестовали ее участников. Только благодаря вмешательству советского консула в Кашгаре, с которым Рериху удалось снестись, караван смог через три месяца продолжить свой путь. Когда же Рерихи, после посещения в 1926 г. Москвы, Советского Алтая и Бурятской АССР, возвращались через Тибетское нагорье в Индию, их экспедиция встретила еще более серьезный, хорошо организованный заслон. В двух переходах от Нагчу ее задержали подчиненные Лхасе воинские соединения. Не подготовленный к зимней стоянке караван вынужден был провести пять месяцев в условиях суровой тибетской зимы. По существу, это была верная ставка на его гибель. Все сообщения Рериха о бедственном положении экс-

педиции застревали в каких-то таинственных инстанциях, и западная пресса уже пестрела сенсационными известиями о том, что экспедиция Рериха пропала без вести. Лишь в марте 1928 г. Николаю Константиновичу удалось повести караван дальше, но круглым путем. Последствия вынужденной зимней стоянки были трагическими. Пять человек из состава экспедиции умерли. Что же касается вьючных животных, то из ста двух осталось десять, а из этих десяти лишь два оказались способны продолжать путь.

Впоследствии подтвердилось, что караван был задержан правительством Лхасы по прямому требованию англичан, пытавшихся не допустить Николая Константиновича обратно в Индию. Попытка эта не удалась, и 28 мая 1928 г. экспедиция Рериха достигла Дарджилинга, откуда она больше трех лет назад начала свой небывалый в истории научных исследований Центральной Азии путь. Лишь после его завершения Николай Константинович приступил к налаживанию систематической, рассчитанной на многие годы научно-исследовательской работы. В этих целях 29 июля 1928 г. был создан специальный Гималайский институт «Урусвати» («Свет утренней звезды»).

Однако обосноваться в Сиккиме Рерих не захотел и перенес деятельность института в Кулу. Как и весь Северный Пенджаб с западной частью Гималайского хребта, долина Кулу отвечала археологическим, историческим, филологическим и другим научным интересам Рериха. Вдоль реки Беас, протекавшей по долине, проходил древний, все еще функционирующий путь из Индии в Тибет, на Кайлас, Ладак, Хотан, а оттуда через Гоби до самого Алтая. Этот путь притягивал к себе Рериха и был использован им при дальнейших, меньших по масштабам экспедициях.

Рерихи переехали в Кулу в конце декабря 1928 г. и поселились на Гималайских склонах в окрестностях местечка Нагар. Через несколько месяцев Николай Константинович и Юрий Николаевич поехали в Европу и США, чтобы наладить контакты с европейскими и американскими научными учреждениями. И здесь Рерих натолкнулся на очередную попытку англичан исключить Индию из сферы его деятельности. Когда весной 1930 г. Николай Константинович и Юрий Николаевич зашли к британскому консулу в Нью-Йорке, чтобы возобновить свои визы на въезд в Индию, им было заявлено, что визы возобновит министерство иностранных дел Великобритании. Однако в Лондоне — без каких-либо объяснений причин — в визах было категорически отказано. Энергичные хлопоты, в которых участвовали такие влиятельные лица, как герцог Соммерсет, кардинал Брун, архиепископ Кентерберийский, писатели Г. Боттомлей и Дж. Голсуорси, а также некоторые дипломаты аккредитованных в Англии государств, остались тщетными. В «Листах дневника» Рерих писал по этому поводу: «Дело о визе нашей так разрослось, что его возили по коридорам министерства в тачке. Наконец, я спросил определенно, когда будет выдана виза? Нам ответили, что она выдана не будет (опять-таки без всяких объяснений). Я спросил — это окончательно? И господин в желтом жилете ответил — окончательно! Тогда я сказал: «По счастью, в этом мире нет ничего окончательного». Наш друг французский по-

сол Флорио, разразившийся целой нотой по поводу наших виз и имевший об этом целые длительные словопрения с британским правительством, посоветовал нам возвратиться в Париж <...>. В Париже продолжалась эта война на ставку крепости нервов. Некоторые эпизоды ее, несмотря на трагизм, были даже забавны. Так, когда шведский посол граф Эренсверд сделал свое представление по нашему делу, ему было сказано, чтобы он не беспокоился, так как и посильнее державы не имели успеха» [12, очерк «Пропуск»].

В Париже дело с визой вперед не продвинулось, и Николай Константинович с Юрием Николаевичем, запасясь визами в Пондишери (французское владение в Индии) и другие европейские владения в Азии, выехали туда без разрешения английских властей на въезд в Британскую Индию, где жила Елена Ивановна и была начата работа в институте «Урусвати». После месячного пребывания в Пондишери, где Николай Константинович уже успел начать археологические раскопки, ему и Юрию Николаевичу, наконец, были выданы визы от имени вице-короля Британской Индии. Похоже, что Рерих, проживающий в непосредственном соседстве с Индией, оказался для колониальных властей более неудобным, чем Рерих, взятый под их строгий надзор.

Надзор за ним и вмешательство в его деятельность со стороны англичан не прекращались до конца их владычества в Индии. В 1943 г., когда Англия в союзе с СССР воевала против гитлеровской Германии, отношение британских властей ко всему русскому в Индии не изменилось. В дневниках Рериха мы читаем: «Американский майор повез от Далай-ламы подарки Рузвельту. Американцы в Лхасе. Индусы в Лхасе. Итальянцам можно быть в Тибете. Всем можно, только русским нельзя. Не так давно Юрий спрашивал в Дели о поездке в Тибет, и опять длинный нос. И не Тибетское правительство против. Мы имели достаточно уверений от тибетцев и китайцев. Весь затор — в британцах. Почему? Даже причины не скажут. И теперь, когда за Москвою так ухаживают, русские ученые допускаются в Индию лишь в неотступном «сопровождении». Представитель агентства ТАСС не может переменить квартиры, ибо рядом должен жить надзиратель» [12, очерк «Почему»].

По возвращении в Кулу в 1930 г. Николай Константинович немедленно принялся за проведение в жизнь планов научно-исследовательской работы института «Урусвати». Вскоре он уже мог записать: «К сроку трехлетия института вышел первый «Ежегодник» за тридцатый год, в котором участвуют Президент Археологического института в Америке доктор Магоффин, известный французский археолог граф де Бюиссон, биохимик Харвардского университета В. Перцов и директор Института. Номер «Ежегодника» посвящен выдающемуся санскритологу проф[ессору] Ланману, состоящему почетным советником нашего Музея по отделу науки. Нельзя не отметить, что за последнее трехлетие состав почетных советников по отделу Науки усилился крупнейшими научными именами, как то: проф[ессор] Милликан, проф[ессор] Раман, проф[ессор] Метальников, док[тор] Свен Гедин, проф[ессор] Эйнштейн, сэр Джагадис Боше, док[тор] Меррил. По отделу Археологии, кроме док[тора] Магоффина, принимает участие док[тор] Хьювигт.

Члены-корреспонденты Института находятся как в Америке, так и в Европе и Азии, при этом многие университеты и научные учреждения выразили желание кооперировать как собраниями, так и печатными трудами» [21, 301].

Деятельность института «Урусвати» опиралась на самые широкие интернациональные связи. Николай Константинович привлек к сотрудничеству и обмену научной информацией десятки научных учреждений Азии, Европы, Америки. Директором института «Урусвати» состоял старший сын художника — Юрий Николаевич. Он же ведал этнолого-лингвистическими исследованиями и археологической разведкой. В области лингвистики и филологии народов Азии велась большая работа — собирались и переводились на европейские языки редчайшие письменные источники, изучались древние полузабытые диалекты.

Младший сын Николая Константиновича — Святослав Николаевич занимался изучением искусства и руководил ботаническим отделом института, проводя одновременно исследования в области тибетской фармакопеи.

Обмен ботаническими и зоологическими коллекциями производился с Мичиганским университетом, Пенджабским университетом, Парижским музеем естественной истории, Гарвардским университетом, Всесоюзным институтом растениеводства АН СССР. За информацией и образцами для пополнения своей уникальной коллекции обращался в «Урусвати» и наш крупнейший ботаник-растениевод акад[емик] Н. И. Вавилов. При институте была открыта биохимическая лаборатория с отделом борьбы против рака, велось изучение космических лучей в высокогорных условиях, ежегодно проводились экспедиции как в самой долине Кулу, так и далеко за ее пределами — в Лахуле, Бешаре, Кангре, Лахоре, Ладаке, Занкаре, Спити, Рупшу и в северо-восточных районах Китая (Внутренняя Монголия). Экспедиционные отряды систематически снабжали институт новыми материалами.

Интенсивная и плодотворная деятельность института привлекла к Индии внимание многих западных ученых и продолжалась вплоть до второй мировой войны. Вспыхнувшая война прервала международные сношения, определявшие саму структуру научной работы института, и она почти прекратилась. В июле 1940 г. Николай Константинович заносил в дневник: «Сперва мы оказались отрезанными от Вены, затем от Праги. Отсеклась Варшава <...>. Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре <...>. Дальний Восток примолк. Из Швейцарии Шауб-Кох еще двадцатого мая просил срочно прислать материалы для его книги. Но и Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Все нельзя. И на Родину невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали... Наконец, обнаружилось, что и в самой Индии началась цензура. Оказалось, что в Кулу цензором не кто иной, как местный полицейский. Вполне ли грамотен? Проявил он свой досмотр тем, что по не-

брежности вложил свою записку в письмо ко мне <...>. Грустно видеть, как события обрубают все ветви работы. И не вырасти новым побегам. Будет что-то новое, но когда?» [12, очерк «На острове»].

Напряженная научно-исследовательская деятельность не сказывалась отрицательно на интенсивности творчества Рериха-художника. Если индийская тема стала появляться в живописи Николая Константиновича с 1905 г., то, конечно, жизнь в Индии с начала 20-х годов не только внесла изменения в саму индийскую тематику, но и повлияла на искусство Рериха в целом. Величавая природа Азии, особенно горный мир Гималаев, открыли художнику натуру, может быть, больше всего отвечавшую его внутренней потребности заговорить о самом для себя главном в полную меру своего таланта. Некоторые критики пытались утверждать, что таким главным были мистические настроения художника, обретшие в Индии сверхблагодатную почву. Но подобные выводы строились на поверхностном знании живописных произведений Николая Константиновича после 1923 г. и полнейшем игнорировании традиционных для восточного искусства мифологических сюжетов. Только этим можно объяснить малоубедительные высказывания о народном происхождении рериховского Леля и мистическом — Кришны. Между прочим, многие из первых созданных в Индии полотен художника — «Жемчуг исканий», «Песнь водопада», «Песнь утра», сиккимские пейзажи (1924) — вообще не отражали мистических аспектов индийского мировоззрения и даже не имели никакого отношения к восточной мифологии. Они были продолжением или, вернее, углублением того «философского пейзажа», который занимал ведущее место и в первом периоде творчества Рериха.

В искусстве Николая Константиновича всегда ощущалась «перекличка» двух аспектов философского осмысления действительности — аспекта «дальнего прицела» (как в прошлое, так и в будущее) с аспектом событий «дня настоящего». Синтезируя зримое в сегодняшнем дне с тем, что уже заволокло пеленой времени или находится еще у порога открытий, художник одинаково использовал и русские народные былины, и индийские сказания тысячелетней давности. Однако нельзя не признать, что величественная природа Гималаев оказалась для Рериха наиболее подходящим фоном для передачи своих чувств и идей о космической эволюции человечества, о безграничных возможностях его пытливого гения. И если в 1910-е годы искусство Рериха тяготело иногда к символотворчеству, то в индийском периоде наблюдается обратное явление. Художник сознательно отходит от абстрактно-универсальных символов и стремится расширить лексику своих изобразительных средств путем широкого использования реальных элементов хорошо выражающей его духовные искания природы. Это способствовало дальнейшему развитию пейзажной живописи Рериха. В ней с новой силой прозвучали торжественные аккорды возвышенно-прекрасного в сочетании с идеями активного, героического гуманизма.

Индия помогла Рериху реализовать и взгляды на совместимость национального с интернациональным. Сохранив до конца своих дней живые впе-

чатления от родины и не допуская ни малейшей фальши в русской тематике, Рерих сумел с большой проникновенностью постичь и творчески воспроизвести в чужеродных образах духовную жизнь других народов. Причем это было сделано с глубиной и знанием, позволившими индийским художественным критикам единодушно сойтись во мнении, что именно русскому художнику Рериху впервые в мировом искусстве удалось по-настоящему показать изумительный горный мир Гималаев, раскрыв его духовную сущность даже для самой Индии. Так Россия и Индия нашли в лице Рериха яркое доказательство интернациональных основ искусства, общечеловеческих принципов реального художественного мировосприятия.

Изучение всего привнесенного Индией в искусство Николая Константиновича — задача искусствоведов. Но даже и не задаваясь ею специально, можно с уверенностью сказать, что без Индии не сложилась бы та неповторимая формула творчества Рериха, к которой он сам сознательно стремился, не состоялось бы Рериха-художника, да и Рериха-мыслителя.

Обширная научная деятельность, слава большого художника, передовые гуманистические взгляды и поддержка борцов за освобождение Индии сблизили Рериха с прогрессивными кругами индийской общественности и завоевали ему в Индии громадную популярность. Различные научные и художественные съезды и конференции считали своим долгом посылать в далекий горный поселок Наггар приглашения и приветствия. Многие индийские ученые, художники, писатели, общественные деятели поддерживали с Рерихом личное знакомство и сотрудничали с ним. Для Николая Константиновича были широко открыты страницы индийской печати.

В «Листах дневника» художник писал: «Установились связи не только с семьей Тагора, но и со многими представителями философской мысли Индии — Свами Рамдас, Шри Васвами, Свами Омкар, Свами Джаганисварананда, Шри Свами Сарасвати...» [12, очерк «Индия»].

Список индийских друзей и публикаций Рериха и о Рерихе в Индии занял бы десятки страниц. Отдельными изданиями вышли книги художника: «Радость искусству» с предисловием С. Радхакришнана, «Прекрасное единение» с введением Б. Гарги и предисловием Абаниндраната Тагора, «Гимават» и «Гималаи — обитель света».

Индия горячо поддержала идею и деятельность Рериха по охране культурных ценностей при военных столкновениях. В декабре 1945 г. в Нью-Йорке возобновил послевоенную деятельность Комитет Пакта и Знамени Мира Рериха. В 1946 г. за Пакт высказалась Всеиндийская конференция культурного единства, а в 1948 г. Пакт был одобрен правительством свободной Индии, возглавляемым Джавахарлалом Неру. В 1954 г. в Гааге на основе Пакта Рериха был подписан Заключительный акт Международной конвенции о защите культурных ценностей, который вскоре ратифицировали многие государства, в первую очередь СССР [подробно см.: 37].

Джавахарлал Неру высоко ценил многостороннюю деятельность Рериха в Индии и встречался с ним лично. В мае 1942 г. он посетил художника

в Наггаре. В воспоминаниях Николая Константиновича мы читаем: «Неделю у нас Неру с дочкою. Славный, замечательный деятель. К нему тянутся. Каждый день он кому-то говорит ободрительное слово. Наверно, сильно устает. Иногда работает до четырех часов утра. Святослав написал отличный этюд портрета. Самый портрет будет десять футов вышиной и шесть в ширину. Сзади знамя Конгресса. Говорили об Индо-Русской культурной ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной» [13, 236].

Так еще за несколько лет до освобождения Индии будущий лидер ее правительства и русский художник строили планы русско-индийского культурного сотрудничества.

Отношение Неру к Рериху лучше всего характеризуется его словами, сказанными на открытии посмертной выставки художника в Дели в декабре 1947 г.: «Когда я думаю о Николае Рерихе, то поражаюсь размаху его деятельности и богатству творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он освещал многие аспекты человеческих устремлений.

Уже само количество картин изумительно — тысячи картин, и каждая из них — замечательное произведение искусства. Когда вы смотрите на эти полотна, на которых так часто изображены Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, наших древних стражей, веками возвышавшихся над равнинами. Картины его проникнуты духом нашей истории, нашего мышления, нашего культурного наследия, они говорят нам так много не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, что мы все не можем не чувствовать себя в большом долгу перед Николаем Рерихом, который запечатлел этот дух в своих великолепных полотнах» [32, 2].

Неру вторят и другие прогрессивные деятели Индии. С. Радхакришнан в предисловии к книге Н. К. Рериха «Радость искусству» писал: «Я надеюсь, что эта сильная книга великого провидца пробудит в нас сознание той обыденности, в которой мы погрязли, и поможет нам избавиться от нее». Абаниндрат Тагор открывает сборник художника «Прекрасное единение» словами: «Я счастлив, что на последующих страницах мой друг Николай Рерих выразил то, что чувствует вообще каждый восприимчивый человек в ценностях искусства, в том числе и величайшего, быть может, из всех искусств — искусства жизни». Д-р Калидас Наг пишет о художнике: «Мы благодарны ему за то, что он создал яркий, образный эпос снежных Гималаев. Рерих — первый русский посланец красоты, который принес Индии бессмертные заветы искусства, и мы всегда будем благодарны ему за его вдохновенные мысли и доброжелательную деятельность по сближению России и Индии» [32, 17].

Так в теме «Рерих и Индия» после вопроса о том, что значила для Рериха Индия и что она дала ему, возникает вопрос о том, что Рерих дал Индии? Ответ на него можно получить только после кропотливого изучения индийских архивов.

Конечно, и первый вопрос нельзя исчерпать в пределах одной статьи. Искусство Н. К. Рериха, его научные и философские труды, литературное

творчество, его общественная деятельность тесно связаны с Индией и могут служить предметами самостоятельных исследований. Что же касается отдельных этапов, то нам представляется правомерным разделить его деятельность на три периода:

1. Русский период жизни Рериха, период, так сказать, изучения Индии художником и ее влияния на него на расстоянии. Дневники Николая Константиновича, его публикации и переписка до 1917 г., хранящиеся в наших архивах (больше всего в Рукописном отделе Государственной Третьяковской галереи), а также тщательный анализ интерпретации некоторых художественных образов (в основном религиозных сюжетов) могут значительно восполнить наше представление об этой стороне жизни и творчества художника.

2. Период жизни Рериха в западных странах (1917-1923), в котором основное место занимали подготовка к переезду в Индию и усилия художника попасть в эту страну. Эпистолярное наследство Рериха за этот период находится главным образом в частных архивах. Много материала можно обнаружить в «Листах дневника» художника и в стихотворениях из сборника «Цветы Мории», автобиографический характер которых далеко не в полной мере выявлен.

3. Период жизни и деятельности Рериха в самой Индии. Здесь особое место занимают налаживание прямых связей между Индией и Советским Союзом (экспедиция 1925-1928 гг.) и примерно последние десять лет жизни Рериха — интенсивная подготовка к переезду из Индии в Советский Союз. Основные материалы по этому периоду хранятся в архиве Н. К. Рериха (Наггар, Кулу), ими изобилует также переписка художника с его корреспондентами в Прибалтике в 30-е годы (частные архивы) и послевоенная переписка с И. Э. Грабарем, М. В. Бабенчиковым, В. Ф. Булгаковым [см. 3, 252; 14; 15].

С позиций самого Николая Константиновича мы не смогли бы обнаружить изолированной темы «Индия». Перед художником как основная задача жизни всегда стояла проблема, которую можно выразить лишь в сочетании слов «Россия и Индия». Рерих не мог рано или поздно не выехать из России в Индию, как не мог и «променять» Россию на Индию. Преодолев множество трудностей и достигнув Индии в 1923 г., художник не пытался обосноваться там, пока не побывал в СССР и не поставил в известность Советское правительство о своем отношении к Октябрьской революции, о своей неизменной принадлежности к Советскому государству и русскому народу, о своих планах сближения народов Советского Союза и Индии. Он это и сделал в 1926 г. в Москве при свиданиях с наркомом А. В. Луначарским и Г. В. Чичериним. Многие из задуманного Николаем Константиновичем было тогда положительно оценено нашими государственными деятелями. Художнику разрешили посетить Алтай и Бурятскую АССР, помогли оснастить экспедицию в обратный путь на Индию, снабдили ее членов советскими экспедиционными паспортами [подробнее см.: 6, 96].

У Николая Константиновича были все основания считать удачно разрешенной одну из сложнейших для него задач — установление контактов с со-

ветскими должностными лицами. Этими контактами Рерих очень дорожил и старался поддерживать их, что было далеко не просто. Англичане, предприняв две попытки не пустить его в Индию, дали ему недвусмысленно понять, что связи с СССР грозят захлопнуть перед ним двери в Индию. В последующие годы всю переписку с Советским Союзом и советскими дипломатами за границей Рериху приходилось вести через третьих лиц, в основном проживавших в Париже и Прибалтике. Так продолжалось до начала второй мировой войны. В годы Великой Отечественной войны Николай Константинович давал знать о себе на родину через Американско-Русскую культурную ассоциацию (АРКА), созданную по инициативе руководителей музея им. Рериха в Нью-Йорке [подробнее см.: 30].

Рериху так и не удалось полностью реализовать свои планы сотрудничества с советскими научными и художественными организациями. Но это была уже не его вина. Все, что можно было сделать в условиях колониальной Индии для поддержания тесных связей с Советским Союзом, он сделал.

Готовиться к окончательному возвращению в СССР Николай Константинович начал после Монгольской экспедиции 1935 г. После этого он уже не выезжал за пределы Индии, а в его дневниках, публикациях и письмах все чаще и чаще появляются упоминания о России. У Рериха не было намерений отстраниться от деятельности возникших по его инициативе научных и культурно-просветительных учреждений и, тем более, способствовать их ликвидации. Это чрезвычайно усложняло его положение. Ведь достаточно было бы открыто объявить о своем решении переселиться в СССР, как отношение власть имущих кругов к его деятельности в Индии и в западных странах круто изменилось бы, и развал некоторых дорогих его сердцу учреждений оказался бы неизбежным.

Кроме того, Николай Константинович не мог рассчитывать на быстрое оформление нужных документов для въезда в СССР и для ввоза туда из Индии архивов, научных коллекций и картин. Советские дипломаты в Индию не допускались, а испрашивать разрешение через Лондон было рискованно и грозило самыми нежелательными последствиями.

Есть основание полагать, что художник хотел воспользоваться Прибалтикой как промежуточным звеном на пути из Индии в СССР. Так, в письме от 24 августа 1938 г. к Р.Я. Рудзитису и Г.Ф. Лукину (членам правления рижского музея им. Рериха) Николай Константинович просил выяснить возможность пересылки из Индии в Латвию и размещения в рижском музее своих архивов [10].

Имелась у Николая Константиновича и тенденция увеличивать число своих картин в рижском и пражском музеях. Эти картины оставались собственностью художника и могли быть взяты им с собою при переезде в Советский Союз.

В 1940 г. Николай Константинович записывает в «Листах дневника»: «Каждые сборы и радости и потрясающи. Черта наносимая определяет, но и ограничивает. Не все уместится. Значит, и в Индии приютятся гости.

Кто о них позаботится? Друзей-то мы знаем. Но текуч слой человеческий. Сегодня одни, завтра другие. Достаточно навиделись. Пусть будет, как должно быть. В сборах всегда кроется и начало чего-то. Конец или начало?» [12, очерк «Сборы»].

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз отняло у Николая Константиновича надежду на скорое возвращение домой, в Россию. Однако изменившаяся политическая обстановка впервые позволила ему более открыто высказывать свои политические симпатии и предпринимать действия, согласные со своими патриотическими чувствами. В Индии были проведены выставки и продажи картин Николая Константиновича и Святослава Николаевича, организованы денежные сборы в пользу русского Красного Креста и на военные нужды Красной Армии. Юрий Николаевич, немного изучавший военное дело, сразу же после открытия военных действий на русском фронте официально выразил свою готовность вступить в ряды Красной Армии. Святослав Николаевич, выступая по радио и с лекциями, особо подчеркивал решающее значение Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии. Очерки и воззвания Н. К. Рериха в военные годы отличались публицистической остротой и большим патриотическим накалом.

Когда на полях сражений еще гремели выстрелы, Николай Константинович уже ратовал за осуществление своих планов о культурном сотрудничестве между Индией и СССР. В апреле 1944 г. он заносит в «Листы дневника»: «Уже до войны писал я Щусеву и в Комитет по делам искусств о желательности устройства русской выставки в Индии. Была выставка русских военных плакатов, но хотелось бы выставку вообще русского искусства. Хотя бы не тяжелые для транспорта вещи, но достаточно показательные для достижений наших художников. Выставка такая была бы встречена сердечно. Скажут, не теперь, а когда-то после войны. А почему бы и не теперь? Приезжают в Индию и ботаники, и энтомологи, а ведь культурно-художественные связи не менее важны и неотложны» [12, очерк «Знаменосцы»].

Сразу же после окончания войны Рерих начал хлопоты о возвращении в Советский Союз. Поначалу корреспонденция из Индии в СССР шла через Америку. Письма находились в пути до трех месяцев. С установлением воздушного сообщения между Индией и СССР связь Николая Константиновича с родиной стала значительно интенсивней, чем в предвоенные годы. Однако в июле 1947 г. состояние здоровья художника резко ухудшилось. Около трех месяцев он провел в постели, затем ненадолго наступило улучшение. А 13 декабря 1947 г. внезапное ослабление сердечной деятельности оборвало земной путь Николая Константиновича.

Через три дня на гималайских склонах перед домом художника запылал погребальный костер. Здесь вскоре был установлен камень с надписью: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30-го магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

В доме, где художник прожил последние годы жизни и где хранятся его ар-

хивы, теперь учрежден мемориальный музей его имени. О благоустройстве и расширении музея много заботится Святослав Николаевич Рерих. Проживая постоянно в Бангалоре, он ежегодно проводит летние месяцы в Наггаре. В 1964 г., когда повсеместно отмечалось девяностолетие со дня рождения Н. К. Рериха, Святослав Николаевич писал оттуда: «В этом году прибавили еще 25 картин Николая Константиновича. Лично мне кажется, что больше пятидесяти картин здесь выставлять сейчас не нужно. Оформляем постройку особого здания музея. Нелегко, так как подавать строительный материал надо на людях. Большая дорога еще не дошла. Все это берет много времени <...>, кругом идут работы по заготовке материалов для постройки, а вокруг памятника Николаю Константиновичу и на дорожках, ведущих к нему, укладываются каменные плиты. Будет хорошо. Очень много посетителей» [24].

В 1957 г., через десять лет после смерти Н. К. Рериха, в Советский Союз переселился на постоянное жительство его старший сын — Юрий Николаевич. Он привез с собой около 400 полотен, отобранных и упакованных в ящики для отправки на родину еще при жизни их создателя. С выставок этих картин в Москве и в других городах Советского Союза началась вторая, посмертная жизнь Николая Константиновича у себя на родине. Его самобытное искусство и вся его многосторонняя деятельность привлекли к себе заслуженное внимание. В последние годы издано несколько монографий, альбомов и иных исследовательских работ о художнике, в их числе: Ю. Н. Рерих. Листы воспоминаний — «Приключения в горах», кн. 1, М., 1961; В. П. Князева. Н. К. Рерих (монография), Л., 1963; «Николай Рерих. Альбом репродукций», вступительная статья А. Юферовой, М., 1970; публикация «Листов дневника» Н. Рериха, «Прометей», историко-биографический альманах, т. 8, М., 1971.

В 1974 г. исполнится 100 лет со дня рождения Николая Константиновича Рериха, и нам представляется, что тема «Рерих и Индия» приобретает в связи с этой юбилейной датой особую актуальность и заслуживает дальнейших исследований.

Использованная литература

1. Беликов П. Ф. Библиография произведений Н. К. Рериха // «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 217, Тарту, 1968.
2. Беликов П. Ф. Рерих и Горький. Там же.
- 2а. Беликов П. Ф., Князева В. П. Рерих. М., 1972 («Жизнь замечательных людей»).
3. Булгаков В. Ф. Встречи с художниками. Л., 1968.
4. Ефремов Ю. К. Н. К. Рерих и география // «Вопросы географии», сб. 50, М., 1960.
5. Журавлева Л. Жизнь, отданная искусству // «Художник», 1971, № 7.
6. Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к Родине // «Международная жизнь», 1965, № 1.
7. Зелинский А. Н. Памяти Ю. Н. Рериха // «Известия Всесоюзного географического общества», вып. 3, т. 95, М., 1963.
8. Маковский С. Силуэты русских художников. Прага, 1922.
9. Рерих Н. К. Держава Света. Нью-Йорк, 1931.
10. Рерих Н. К. Дневниковые записи (в рукописях) и переписка. Архив Г. Р. Рудзите (Рига).
11. Рерих Н. К. Единство (в рукописи). Там же.
12. Рерих Н. К. Листы дневника. Моя жизнь. Неопубликованные очерки из архивов П. Ф. Беликова (Таллинн) и И. М. Богдановой (Москва).

13. Рерих Н. К. Пандитджи // «Октябрь», 1958, № 10.
14. Рерих Н. К. Письма М. В. Бабенчикову. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, фонд 2094.
15. Рерих Н. К. Письма И. Э. Грабарю // «Советская культура», М., 10. XI.1962.
16. Рерих Н. К. Письма В. А. Шибаеву. Архив Г. Р. Рудзите, Рига.
17. Рерих Н. К. Письма и другие материалы. Рукописный архив Государственной Третьяковской галереи, фонд 44.
18. Рерих Н. К. Пути Благословения. Рига, 1924.
19. Рерих Н. К. Сердце Азии. Нью-Йорк, 1929.
20. Рерих Н. К. Собрание сочинений, кн. 1, М., 1914.
21. Рерих Н. К. Твердыня Пламенная. Париж, 1932.
22. Рерих Н. К. Толстой и Тагор // «Октябрь», 1958, № 10.
23. Рерих Н. К. Цветы Мории. Берлин, 1921.
24. Рерих С. Н. Письмо П. Ф. Беликову от 22. V.1964. Архив П. Ф. Беликова, Таллинн.
25. Рерих Ю. Н. Экспедиция академика Н. К. Рериха в Центральную Азию // «Вопросы географии», сб. 50, М., 1960.
26. Рерих Ю. Н., Вампилов Б. Н. Виктор Викторович Голубев // «Проблемы востоковедения», 1959, № 3.
27. Роллан Р. Собрание сочинений, т. XIII, М., 1958.
28. Рылов А. Воспоминания. М., 1954.
29. Тагор Р. Собрание сочинений, т. 12, М., 1965.
30. American-Russian Association Ins. Annual Reports. New York, 1944-1947.
31. Nicholas K. Roerich. Bibliography (1889-1936). Karachi, 1936.
32. Nicholas Roerich by His Contemporaries (a few excerpts), Bangalore, 1964.
33. Roerich G. N. Sur les pistes de l'Asie Centrale. Paris, 1933.
34. Roerich G. N. Trails to Inmost Asia. London, 1931.
35. Roerich N. Altai-Himalaya. New York, 1929.
36. Roerich N. Shambhala — the Resplendent. New York, 1930.
37. Shibayev V. A. The Roerich Pact and Banner of Peace (Aims and History). Lahore, 1935.

В «Приложении» впервые опубликованы 4 очерка Н. К. Рериха из третьей подборки «Листов дневника» — «Наггар», «Выставки», «Гималаи», «Индия» (из архива П. Ф. Беликова).

Опубл.: Страны и народы Востока, в. XIV. Сб. Восточной комиссии Географического общества СССР Академии наук СССР (Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге).

М.: Наука, 1972. С. 211-236.

* Елена Ивановна — жена Н. К. Рериха, урожденная Шапошникова (1879-1955). (Здесь и далее примечания автора).

** А. Вадья — один из руководителей теософского центра в Адьяре.

*** А. А. Каменская — одна из руководительниц русского теософского центра в Женеве.

П. Ф. Беликов**СПИСОК БЛИЗКИХ СОТРУДНИКОВ Н. К. Р.**

/х — отмечены особо близкие по мировоззрению/

- х Асеев, Александр — врач, жил в Югославии, потом в Аргентине.
 Бадмаев, Петр Алексеевич, врач, тибетолог, Петербург.
 Рерих, Борис Константинович/1885-1945/ — брат Н. К., архитектор.
 х Блюменталь, Иван Георгиевич, Рига, ум. 1973 г. Член правл. О-ва Р.
 х Бос/Боше/Изв. индийский ученый
 х Брлич — Югославия
 х Ганголи О. Р. Индийский писатель и критик
 х Чарльз Диккенс — внук писателя Ч. Диккенса
 х Дордже Лобзанг Мингюр — проф. Дарджилинского у-ста
 х Друзин, Екат. Яковлена/1882-1969/ — член правл. Об-ва Р. Рига
 Козенс Джемс — англ. искусствовед, жил в Индии
 Андреев, Леонид — писатель
 Билибин Ив. Яковл. — русский художник, график
 Булгаков, Валерий Федор./1886-1966/, последний секрет. Л. Толстого
 Иванов, Всеволод Никанорович/1888-1971/ — писатель, жил и встречался
 с Н. К. в Харбине, потом жил и умер в Хабаровске.
 Каун, Александр — проф. Калифорнийского ун-ста
 х Конлан Барнет, англ, худ. критик
 х Крэн, Чарльз/1858-1939/амер. гос. деятель, в конце тридцатых годов по-
 сол США в СССР/кажется, в 1937/
 х Лихтман Морис — первый муж З. Г. Фосдик.
 х Фосдик Зинаида Григорьевна — очень близкий сотрудник, в-през. Музея
 в Нью-Йорке
 х Лукин Феликс Денисович, основ. Рижского об-ва Н. К., встречался лично
 с Н. К.
 х Лукин Гаральд Феликсович. Сын Ф. Д. Лукина. Рига.
 х Махон А. Е. — археолог. Сотрудник «Урусвати»
 х Мехта Н. — индийский писатель и деятель культуры
 х Митусов Степан Степанович/1878-1942/ — родственник по Е. И., был
 очень близок Н. К.
 х Рудзитис Рихард Яковлевич — председ. Рижского Об-ва Н. К./1898-1960/.
 Много переписывался с Е. И. и Н. К.
 х Тампи К. П. индийский писатель и деятель культуры
 Тагоры — все братья
 Неру Дж.
 х Шибаев, Владимир Анатольевич/1898-1975/ — многолетний секретарь Н. К.
 х Клизовский Александр Иванович, автор книги «Миропонимание новой
 эпохи», жил в Риге, переписывался с Е. И.

- x Кардашевский Н. В. жил в Каунасе, участвовал в экспедиции
- x Хейдок Альберт — встречался в Шанхае, много переписывался с Е. И.
- x Писарева Е. Ф. — наиболее близкая из руководящих теософов
- x Хьюбет Э. — США, археолог и антрополог
- Боттомлей Г. — поэт. Англия.
- x Брэгдон К., писатель, художник, архитектор. США.
- x Дедлей Фосдик — второй муж З. Г. Фосдик
- x Халдар А. К. — инд. художник и деятель культуры
- x Кашиап М. — индийский писатель
- x Виас Б. М. — индийский писатель
- x Тандан Р. Ч. — индийский писатель
- x Грант Ф. — член правления Нью-Йоркского об-ва и музея Н. К.
- x К. Кемпбел — член правления Нью-Йоркского об-ва и музея Н. К. /ныне — президент/, была близка Е. И.
- x Монтведиене Ю. — Литва, член правления Лит. об-ва Н. К., музыкант.
- x Серафиниене Н. — Литва, член правления Лит. об-ва Н. К., врач.
- x Венкатачалом Г. писатель, критик, академик. Индия.
- x Дабо Леон — художник. США
- x Хэллин, Теодор. Писатель. США
- Крафтс У. Д. Искусствовед. Чикаго
- Халдар Асид Кума. Художник. Индия.
- Шклявер Георгий Гаврилович./ум. 1970/, проф. Париж.
- Щусев А. В. — русский и сов. архитектор
- Гребенщиков — писатель, жил в США
- x Зильберсдорф Е. А. — автор книг по темам ЖЭ. Переписывался с Е. И.
- Галлен-Каллела Аксель — финский художник
- x Георгиев Борис/1888-1962/ — изв. болгарский художник, жил в Италии, бывал в Кулу, несколько лет прожил в Индии.
- Н. Лосский — русский профессор. После Окт. рев. жил в Париже

Примечание. Во время одной из встреч в 1975 году я попросил П. Ф. Беликова назвать тех людей, которые, по его мнению, составляли близкое окружение Николая Константиновича Рериха. Он не забыл об этой просьбе. Через некоторое время я получил письмо, в которое была вложена открытка и две страницы «Списка».

«29. XII. 75

Дорогой Алеша,

Посылаю список сотрудников Н. К.. Список, конечно, очень неполный, сотрудников было — сотни. Если по каким-то именам возникнут у Вас вопросы — пишите, постараюсь ответить. Всего самого светлого.

Душевно П. Беликов».

Этот список и публикуется.

Публикация и примечание А. Н. Анненко (Абакан)

П. Ф. Беликов
ПОСЛЕДНЯЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
Н. К. РЕРИХА. 1934-1935 гг.

Доклад в Новосибирске 25 октября 1976 г.

Экспедиции Рериха в Азии являются одним из наиболее существенных компонентов его научно-исследовательской деятельности в целом. Этим можно объяснить и неиссякаемый интерес к ним. Книги Николая Константиновича «Сердце Азии», «Алтай-Гималаи», «Шамбала-сияющая», книги Юрия Николаевича «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», «Пути к сердцу Азии» издавались и переиздавались на разных языках. Перечисление публикаций и статей о путешествиях Рериха заняло бы не одну страницу. Сам Николай Константинович писал: «Когда мы основывали институт (имеется в виду гималайский институт «Урусвати»), то, прежде всего, имелась в виду постоянная подвижность работы. Со времени основания каждый год происходят экспедиции и экскурсии [...] Нужно то, что индийцы так сердечно и знаменательно называют «ашрам». Это — средоточие. Но умственное питание «ашрама» добывается в разных местах» [1].

И вот, среди этих «разных мест», которые посещал и исследовал Рерих, в известных нам печатных трудах меньше всего упоминается о его экспедиции к восточным границам Центральной Азии в 1934-35 гг.. Между тем, эта его последняя экспедиция по своим масштабам и значению более всего сопоставима с грандиозной Центрально — Азиатской экспедицией 1925-28 гг. и во многом дополняет ее.

Экспедицию 1934-35 гг. сам Николай Константинович обычно называл «Монгольской», поскольку она захватила районы Внутренней Монголии. Финансировалась экспедиция в основном Департаментом земледелия США, который был очень заинтересован в получении образцов и семян засухоустойчивой растительности, предупреждающей эрозию почв. Хищническое землепользование грозило в некоторых районах США губительными последствиями, и Рериху было предложено провести работу по исследованию защитной растительности, сбору ее образцов и пересылки семян в Америку.

Но это была лишь одна из задач экспедиции. Многогранность интересов Рериха всегда отражалась и в его путешествиях. В каждом из них четко различимы, по меньшей мере, три аспекта: научный, художественный и общественно-значимый. Они нашли свое место и в Монгольской экспедиции. Маршрут ее может показаться на первый взгляд несколько необычным и даже неоправданным, но складывался он под влиянием сложных обстоятельств времени и места экспедиции. В мае 1934 года Николай Константинович и Юрий Николаевич приехали в Японию, чтобы получить разрешение японских властей провести научные исследования в Маньчжурии.

Поскольку ходатайство поддерживалось департаментом США, за разрешением дело не стало. В июне экспедиция, в состав которой вошло несколько специалистов-ботаников, находилась уже в районе Баргинского плато. Исследования проводились как на самом плато, так и на западных склонах Хинганского хребта. В районе между озерами Далай-нор и Буир-нор экспедиция подошла довольно близко к границам СССР и Монгольской народной республики. Исследования сулили хорошие результаты. Николай Константинович писал: «Барханная Барга — часть Монголии, где еще «Бог траву родит», — дает возможность различных полезных наблюдений. Там еще сохранились остатки лесов, а различные сорта степного ковыля, востреца и других твердых по стойкости и в то же время полезных для скота злаков имеются в большом количестве. Прекрасно, что изучение таких стойких против засух и всяких невзгод растений ставится в широком масштабе [...] Барга и нагорья Хингана и в смысле лекарственном дали хорошие материалы. Рядом с этими находженьями, конечно, мы встретились и с мирными монголами, к которым тянется вся душевная симпатия. Попутно был посещен один из самых больших монгольских монастырей Ганджур. Само название укрепилось за этим монастырем с 18 века, когда китайский император пожертвовал туда полное собрание тибетских священных книг Ганджур. Мы видели эти томы [...] В ганджурском монастыре Юрий нашел у старого ламы тибетский лекарственный манускрипт и успел списать его» [2].

Начало работы открывало заманчивые научные перспективы. Однако вскоре дали себя знать обстоятельства иного порядка. Экспедиция совпала по времени с японской агрессией на северный Китай, с территории которого уже готовились японские провокации против СССР и Монгольской народной республики. В своих неблагоприятных целях японские милитаристы широко использовали услуги продажных антисоветских элементов из среды русской белоэмиграции. Последняя не могла не заметить появления на Дальнем Востоке просоветски настроенного Рериха, также как и Рерих не мог пройти равнодушно мимо ее предательской деятельности. Позже Николай Константинович замечал в своих письмах: «Помню, когда на одной лекции на Дальнем Востоке я тепло помянул Горького, то раздалось чело-веконенавистническое рычание...» [3] и: «В Харбине целая банда японских наймитов вроде Василия Иванова, Юрия Лукина, епископа Виктора, Аристарха Понамарева клеветает ценою на все тридцать серебрянников» [4]. Злостная кампания, внезапно поднятая против Рериха, инспирировалась, конечно, самими японцами. В неопубликованных «Листах дневника» Николая Константиновича есть запись: «Когда японская газета «Харбинское Время» поместила по моему адресу ряд клеветнических статей, я запросил по этому поводу министерство иностранных дел в Токио, на что из министерства мне было отвечено: «Все происшедшее есть следствие полного невежества и непониманий сотрудников газет и враждующих групп русских эмигрантов в Харбине [...] Мы счастливы уверить Вас, что подобные инциденты не повторятся» [5].

Однако, «не долго счастье продолжалось», специально организованные инциденты не могли не повториться, и вскоре никто иной, как сама японская цензура наложила запрет на уже отпечатанный сборник Рериха «Священный дозор», в который были включены статьи патриотического характера. Весь тираж сборника был арестован, а в работе экспедиции возникли препятствия, вследствие которых дальнейшее пребывание ее в Маньчжурии стало просто невозможным. Это и вынудило Рериха перебазироваться на еще свободные от японской оккупации территории.

В марте 1935 года экспедиция вошла через Калган в юго-западную часть Внутренней Монголии, где и продолжила работу на окраинах Гобийской и Алашаньской пустынь. Характерна запись Рериха, сделанная в Калгане: «Калган даже по значению своему — врата. Он и есть врата в милую нам Центральную Азию. Все горы и возвышенности, окружающие Калган, уже действительно средне-азиатские. Самый воздух этого плоскогорья уже тот самый, который доходит и до великих высот. Караван, выходящий за Калганские стены, ведь это тот самый средне-азиатский караван» [6].

Два граничащих с Центральной Азией ареала дали экспедиции Рериха богатейший материал. Специалистами было изучено свыше трехсот сортов пригодных для борьбы с эрозией почв растений и составлены редкие гербарии. В Америку послали около 2000 посылок с семенами, чем и были исчерпаны договорные обязательства Рериха перед Департаментом земледелия США. В декабре 1935 года Николай Константинович и Юрий Николаевич, после полуторагодового отсутствия, вернулись в Кулу.

Сверх обязательной программы, экспедицией был проделан также большой объем другой научно-исследовательской работы. Для института «Урусвати» собрали образцы ценных лекарственных растений, собрали много материала для восполнения коллекций этнографического и археологического отделов института. Многие из найденного подтверждали уже ранее сделанные Николаем Константиновичем и Юрием Николаевичем выводы, которые опровергают тенденции некоторых китайских историков, бездоказательно декларирующих о монопольном культурном влиянии Китая на своих западных соседей. Еще после Центрально-Азиатской экспедиции Юрий Николаевич писал о: «... существовании в Тибете кочевой культуры и о сродстве этой культуры с среднеазиатским культурным миром» [7]. Эти же мысли часто подчеркивает в «Листах дневника» Николай Константинович. Для его взглядов, его деятельности вообще характерно постоянное обращение именно к Центральной Азии. Было бы ошибкой преуменьшать ту роль, которую сыграла в жизни и деятельности Рериха Индия, однако нельзя пройти и мимо того обстоятельства, что, приехав в 1923 году в Индию, он поселился на границе с Тибетом, а книги и статьи, написанные Николаем Константиновичем и Юрием Николаевичем в Индии, содержат гораздо меньше сведений о ней, чем о Центральной Азии. В 1928 году, сразу же после Центрально-Азиатской экспедиции Рерих опять таки выбирает для местожительства и института «Урусвати» долину Кулу, граничащую с Малым Ти-

бетом. Все экспедиции, организованные Рерихом, имели маршруты именно к «Сердцу Азии». Ни одной экспедиции в южном направлении от Гималайской гряды, т. е. собственно в Индии, Рерих не провел. Я не буду останавливаться на этом, весьма знаменательном для научной деятельности Рериха обстоятельстве, поскольку оно выходит за пределы темы настоящего доклада, и лишь хочу подчеркнуть, что в Монгольской экспедиции внимание Рериха также в основном обращалось к той же Центральной Азии.

Монгольская экспедиция, как и все другие, значительно обогатила тематику художественного творчества Николая Константиновича. По путевым эскизам были созданы японские пейзажи, запечатлены на полотнах Великая Китайская стена, перевалы за Калганом, пещеры Баин-обо, Цаган-Куре, холмы Чахра и многое другое. И опять таки примечательно, что одновременно, находясь в этой экспедиции, Рерих вспоминает и повторяет в своих картинах сюжеты Центрально-азиатского путешествия: стан в Тибете, Чантанг, Брамапутру, Танглу, Цайдам и множество других. В сознании художника все это объединяется в одно неразрывное целое, что подтверждает и постоянный источник его творческого вдохновения — народный эпос. Работая над картиной «Бум Эрдени», художник в «Листах дневника» [8] прослеживает пути распространения монгольского эпоса и проводит далеко идущие аналогии эпического наследия народов Центральной Азии, Средней Азии, Алтая, Сибири.

Сибирским ученым — историкам, археологам, этнографам должны быть особенно близки слова Рериха: «Главное не то, что захоронено в прошлом, что запылено в старинных книгах, переписанных и недописанных. При новом строительстве важно то, что еще сейчас вращается в жизни. Не по полкам библиотек, а по живому слову измеряется состояние духа» [9].

Новое строительство — это то, что предвидел Рерих в Сибири, то, что в небывалых масштабах развертывается у нас на глазах. И перед сибирскими строителями во всей своей остроте и сложности стоит один из актуальнейших вопросов нашего времени — вопрос охраны окружающей среды. В этом отношении Монгольская экспедиция представляет особый интерес. На всю серьезность проблемы защиты, рационального использования и восстановления природных ресурсов Рерих обратил внимание широкой общественности именно в прямой связи с этой экспедицией. Николай Константинович, предложивший Пакт по охране Культурного достояния народов, писал тогда: «... нужно уметь беречь не только рукотворные ценности человечества, но и продолжать ту же заботливость и ко всем истинным источникам жизни. Поэтому оживление пустынь, как в своем буквальном значении, так и в переносном духовном понимании, является благородною задачей человечества. Да цветут все пустыни» [10].

Рядом с этой цитатой уместно процитировать небольшую заметку, появившуюся с месяц тому назад в газете «Известия»: «Сахара — самая большая в мире пустыня — расширяет свои границы. Начиная с 1925 года ее пространство увеличилось на 350.000 квадратных километров. По подсчетам ученых, к концу нынешнего века площадь Сахары увеличится еще на 20%. Обследова-

ние, проведенное по инициативе ООН, показало что причиной столь интенсивного наступления пустыни является не изменение климатических условий, а деятельность людей, которые неправильно используют прилегающие к пустыне зоны. В специальном докладе ООН подчеркивается, что по вине человека на земном шаре возникло тринадцать миллионов квадратных километров пустынных территории» [11]. После этого как-то сами собой приходят на память заключительные строки стихотворения одного поэта начала нашего века: «И когда, наконец, корабли марсиан у земного окажутся шара, то увидят сплошной золотой океан, и дадут ему имя — Сахара» [12]. За полвека мы ушли так далеко, что с высоты новейших космических достижений можем улыбаться марсианским кораблям. Однако, за это же время, к «золотому океану» Сахары прибавились мертвые пространства обычных морей, рек и океанов и загрязнения атмосферы, действительно, глобальных масштабов. И это не только парадокс нашего века, но и нависшая над человечеством реальная угроза мировой катастрофы.

И Рерих особенно отвечает, особенно нужен нашей современности тем, что его творчество, его деятельность являет нам редчайший пример соизмеримости. Мы ощущаем в них великое назначение человека и великую его ответственность, беспредельность перспектив и строжайший учет реальных возможностей, умение — не затерять малое в большом и отразить большое в малом. В нашу космическую эру особый смысл приобретают слова Рериха: «В конце концов, опять — ищите ближе. А в особенности тогда, когда хотите посмотреть в даль» [13].

Думается, что нет ничего более близкого к человеку, чем он сам. Отсюда вытекает и то значение нравственных проблем, которое придавал им Рерих, то его неустанное стремление сочетать любую т. н. «практическую деятельность» с высокой этикой. Не случайно, занимаясь поисками засухоустойчивых трав в монгольской экспедиции, он писал: «Велика засуха почвенная. Но еще более велика засуха духовная. Будем думать, что в заботах оросительных будут приняты во внимание не только орошения почвы, но и вдохновения духа человеческого. Ведь без этих духовных орошений не состоится ни лесонасаждение, ни травосеяние, ни открытие подлинных источников. В любви процветут пустыни» [14].

В гармоничном, целесообразном сочетании большого и малого, частного и общего решались Рерихом и социальные проблемы нашей эпохи. Со всей конкретностью он утверждал: «В дни наибольших глубоких смятений надо спешно переменять то, что подлежит перемене... Каждое сердце человеческое в глубине своей отлично знает, где есть польза общая, польза ближним, а вместе с тем и польза самому себе. Ибо в созидании нигде не сказано о саморазрушении. Истинная общая польза есть польза и самому себе, ибо сам-то он будет часть общественности» [15].

Великие социальные движения нашей эпохи и ее поворотный этап — Октябрьская революция — были восприняты Рерихом как закономерный и необратимый процесс развития общественной жизни. В этом историческом

процессе он не только предвидел, но, в сфере своей деятельности, и активно содействовал освобождению народов Востока от рабской колониальной зависимости. Именно это обстоятельство определяло враждебное отношение к Рериху со стороны идеологов и политиков старого, буржуазного мира. Мы имеем документальные доказательства того, что задержка Центрально-Азиатской экспедиции Рериха перед Нагчу, чуть было не стоившая жизни всем ее участникам, была тщательно подготовлена и проведена британским министерством иностранных дел именно после того, как Рерих в 1926 году посетил Москву, побывал здесь в Сибири и недвусмысленно высказал свои симпатии к новому советскому строю. Целью англичан было — не допустить просоветски настроенного Рериха в Индию. Тем не менее, Рерих все-таки проник туда и значительно расширил там свою научную и общественно-прогрессивную деятельность. Политические взгляды Рериха не давали покоя и некоторым американским дельцам, так как популярность русского художника, ученого и гуманиста в Америке все возрастала. И вот, пользуясь длительным отсутствием Рериха в Монгольской экспедиции, в которой он месяцами был изолирован от внешнего мира, эти деятели, во главе с бизнесменом Луи Хоршем, попытались «покончить» с Рерихом, но уже на свой «американский манер». Используя оставленные Рерихом доверенности, путем разных махинаций с паями, они прибрали к своим рукам Музей имени Рериха в Нью-Йорке со всем его имуществом и коллекциями, в числе которых было и свыше тысячи картин самого художника. Этот удар в спину был нанесен с целью парализовать деятельность Николая Константиновича и скомпрометировать его имя в Америке, которая играла не последнюю роль в финансировании научно-исследовательской работы Рериха. В конечном итоге эта враждебная акция провалилась. В Нью-Йорке был организован новый Музей им. Рериха, который процветает и по настоящее время. Однако возникшие тогда финансовые затруднения помешали изданию многих трудов, подготовленных к печати институтом «Урусвати», помешали они и публикации материалов о Монгольской экспедиции. В Нью-Йорке так и не увидел света подготовленный Николаем Константиновичем сборник «Да процветут пустыни», в который должны были войти очерки, написанные им в путешествии. Вот почему все значение Монгольской, последней научно-исследовательской экспедиции Рериха, до сих пор не выявлено. Между тем, хотя она и уступает по своим масштабам Центрально-азиатской, но, тем не менее, занимает исключительное место в общем плане исследовательской деятельности Рериха и, в частности, в его оценках богатого исторического прошлого народов Центральной Азии.

Если мы обратимся к карте, то убедимся, что Рерих был единственным в мире путешественником, который не только пересек Центральную Азию с севера на юг, но и со всех сторон исследовал подходы к ней: с юго-запада через Хотан и Синьцзян, с северо-запада через Алтай, с севера через Монголию, с юга через гималайские перевалы, с северо-запада из Маньчжурии и с запада с территории Суйюаня. Это беспрецедентное обстоятельство до сих пор

должным образом не учитывалось, хотя оно уже само по себе представляет не малый научный интерес. Мне хочется выразить уверенность, что материалы Монгольской экспедиции Рериха будут один раз вызволены из забвения и займут достойное место в общих оценках научной, общественной и художественной деятельности Николая Константиновича.

-
1. Н. Рерих. Нерушимое. Рига, 1936, стр. 76.
 2. Н. Рерих. Священный дозор. Харбин, 1934, стр. 94-96.
 3. В. Булгаков. Встречи с художниками. Л., 1969, стр. 269.
 4. Письмо Н. К. Рериха к П. Ф. Беликову от 19. 10. 1938. Архив автора.
 5. Н. Рерих. Очерк «Свет побеждает тьму». Архив автора.
 6. Н. Рерих. Врата в будущее. Рига, 1936, стр. 121.
 7. Ю. Н. Рерих. Звериный стиль у кочевников северного Тибета. Прага, 1930, стр. 25.
 8. Н. Рерих. Нерушимое. Рига, 1936, стр. 131.
 9. Н. Рерих. Пути благословения. Нью-Йорк, 1924, стр. 131.
 10. Н. Рерих. Священный дозор. Харбин, 1934, стр. 96.
 11. «Известия», М., 1976, 25 сентября.
 12. Н. Гумилев. Шатер. Ревель, 1921, стр. 18.
 13. Н. Рерих. Твердыня пламенная. Париж, 1933, стр. 49.
 14. Н. Рерих. Нерушимое. Рига, 1936, стр. 298.
 15. Н. Рерих. Твердыня пламенная. Париж, 1933, стр. 229.

4/X 1976 г.

Публикуется впервые по фотокопии авторского экземпляра доклада.

Архив и публикация А. Н. Анненко.

Доклад сделан на первой Всесоюзной конференции «Рериховские чтения» (Новосибирск, 25-27 октября 1976 года). Организаторы: Востоковедческая комиссия Президиума СО АН ССР, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР и Новосибирская картинная галерея.

Тезисы доклада опубликованы: Беликов П. Ф. Последняя научно-исследовательская экспедиция Н. К. Рериха // Рериховские чтения: К 50-летию исследования Н. К. Рерихом Алтая. Тезисы конференции СО АН СССР. Отв. редакторы В. Е. Ларичев, Н. Г. Велижанина. Новосибирск, 1976. С. 94-97

Павел Беликов
«ПРИНАДЛЕЖИТ МОЕЙ РОДИНЕ»

Святослава Николаевича Рериха хорошо знают в Советском Союзе. Знают по его выставкам в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Улан-Удэ, Туле. Знают по громадному вкладу в дело индо-советского культурного и научно-го сотрудничества. Наконец, знают по принадлежности к славному семейству Николая Константиновича Рериха.

Имя Рерих давно уже имеет особое звучание. С ним связано определенное отношение к истории русской культуры, русского национального искусства. И вот в апреле нынешнего года Святослав Николаевич Рерих, живущий в Индии, стал почетным членом Академии художеств СССР.

Он родился 23 октября 1904 года в Петербурге. Семейная обстановка способствовала раннему пробуждению многосторонних интересов и приобщению мальчика к искусству. Каждое лето с родителями и старшим братом Юрием проводил он в поездках по Псковщине, по землям бывших Тверской и Новгородской губерний. Иногда маршруты складывались в зависимости от археологических раскопок и творческих замыслов отца и уводили всю семью в северо-западные края. Белокаменные церквушки исконных русских земель, суровая готика западных окраин, богатство родной природы, быт и народное творчество накрепко запечатлелись в детской памяти. Как правило, выезды сопровождались сбором коллекций, зарисовками с натуры. Сохранившиеся рисунки пятилетнего Святослава свидетельствуют о недюжинной любознательности и точности глаза будущего художника.

Общеобразовательный курс он проходил в той самой гимназии в Петербурге, где обучался отец. В конце 1916 года из-за болезни главы семейства Рерихи перебрались на северо-западное побережье Ладоги и в 1918 году оказались отрезанными от Родины новой государственной границей. В Финляндии Святослав приступил к систематическим занятиям живописью под руководством отца, большого мастера, опытного педагога. Но Николай Рерих внимательно следил за тем, чтобы сын не увлекся слепым подражательством, чтобы не угасли его разносторонние интересы и склонности.

Весной 1919 года Рерихи выехали из Финляндии в Лондон с намерением перебраться оттуда в Индию. Однако путь в эту страну оказался для них временно закрытым, и Николай Константинович принял предложение посетить Америку с выставочным турне.

В Лондоне, а затем в Колумбийском университете Нью-Йорка Святослав Николаевич изучает архитектуру и по окончании курса становится аспирантом Гарвардского университета. Здесь, недалеко от Бостона, музей которого славится собранием скульптуры, он не упускает возможности углубиться в изобразительное искусство. Его графические работы появляются на выставках и получают высокую оценку. Молодой художник увлечен также

и театром: в соавторстве с Д. Хеллом он ставит балет на музыку композитора А. Штейнера.

Однако больше всего влекла к себе Святослава Рериха живопись. Теперь она заняла главенствующее место в его жизни, и на выставке в Филадельфии картины начинающего живописца заслуживают первую премию.

В 1923 году Рерихи покинули Америку и вскоре были уже в Бомбее. Для всей семьи наступил новый период деятельности, теперь уже неразрывно связанной с Индией. Святослав Николаевич участвует в научно-исследовательских экспедициях отца по Сиккиму, Бутану и Непалу, углубленно изучает и коллекционирует предметы искусства народов Востока, большое внимание уделяет изучению местной народной медицины и фармакопеи.

В конце 1924 года Н. К. Рерих с женой и старшим сыном уходят в длительную Центрально-Азиатскую экспедицию, а Святослав Николаевич временно возвращается в Америку, чтобы продолжить свое художественное образование и ту обширную общественную просветительскую работу, которую предпринял его отец. Основательные познания в области изобразительного искусства и блестящие организаторские способности выдвигают молодого Рериха на посты директора международного центра «Корона Мунди» и вице-президента Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке. Под руководством Святослава Николаевича проводятся международные выставки и конкурсы, налаживается связь между музеями Америки, Европы, Азии по обмену и атрибуции произведений искусства. В связи с этой деятельностью молодой художник много разъезжает, изучает историю культуры народов Запада и Востока.

Первые произведения Святослава Рериха свидетельствуют о тщательном изучении разнообразных школ и традиций. Индийская миниатюра и каноны тибетской иконописи, древнерусская живопись, мусульманские орнаменты, свободный староиндийский рисунок, элементы греческого, египетского, персидского искусства — все это осваивалось Рерихом-искусствоведом и тесно переплеталось в его работах с европейской традицией.

Главное для художника — поиск гармонии личности и окружающего мира, проникновение в глубины человеческого духа.

И не случайно ведущее место в его творчестве отводится портрету или его сочетанию с иными жанрами. Люди и «мир людей», в котором они живут и который преобразуют своими руками, более всего вдохновляют Святослава Рериха. Он не спешит с «заявкой» на свое место в искусстве до тех пор, пока со всей ответственностью не определяет своего места в жизни.

Весной 1928 года, когда Центрально-Азиатская экспедиция была закончена, Святослав едет в Индию, чтобы встретить отца, мать и старшего брата. Вскоре вся семья перебирается на склоны западных Гималаев, в долину Кулу. Святослав Николаевич помогает родителям и брату в организации научно-исследовательского института «Урусвати»; чтобы наладить международные связи, он некоторое время проводит в США, в поездках по другим западным странам.

Через четыре года художник окончательно поселяется в Индии. В инсти-

туте «Урусвати» он осуществляет руководство теми секторами отдела естественных наук, которые близки его научным интересам: ботаники, орнитологии, фармакопеи, кристаллографии, народной медицины. Он продолжает также работу по изучению истории культуры и искусства народов Востока, принимает участие в научных экспедициях, разводит опытные плантации лекарственных растений. Кроме того, на Святослава Николаевича возлагается забота и о «внешних сношениях» в области обширной общественно-культурной деятельности его отца, в частности, по продвижению в жизнь Пакта Рериха — идеи правовой охраны культурных ценностей в международном масштабе.

Все это не может отвлечь Святослава Николаевича от занятий живописью. Его картины в 1932 году экспонируются на выставке современных портретистов в Нью-Йорке, в 1936-1937 годах — в Лакхнау, в 1938-м — на выставке в Аллахабаде. В 1940 году состоялась его персональная выставка «Картины Индии» в США. Кроме того, он почти всегда показывал свои работы вместе с отцом на объединенных выставках. Известность Святослава Рериха быстро росла, индийский критик Р. Тандан тогда писал: «Не забудем, что громадный успех достигнут художником в совсем молодые годы. Он уже теперь обладает зоркостью проникновения в подлинную реальность вещей и явлений. И мы не обманемся в ожиданиях, если скажем, что последующие годы окажутся для Святослава Рериха еще более плодотворными, и его творчество, несомненно, проложит путь к тому жизненному синтезу, который заключен в современном понимании всеобъемлемости культуры».

В 1939 году художник приступает к работе над циклом социально значительных произведений. Он открывается триптихом, сюжет которого подсказали события второй мировой войны. Это большие панно «Куда идет человечество», «Распятое человечество» и «Освобождение». Откликаясь на трагические события, приведшие к всемирной катастрофе, художник побуждает каждого из нас обратиться с вопросом к своей совести: чем ты содействовал или противостоял безумию, ибо здесь не должно быть безучастных зрителей?

Ответственность за все происходящее в «мире людей» Святослав Рерих выказывает не только своими полотнами, но и своей жизнью. Когда фашистские полчища вторглись на нашу землю, он и его брат не замедлили отправить в советское посольство в Лондоне письма с изъявлением готовности вступить добровольцами в Красную Армию и выполнять в полной мере свой долг перед Родиной.

В годы Отечественной войны Николай Константинович и Святослав Николаевич проводят в Индии совместные выставки с продажей картин в пользу Советского Красного Креста и Красной Армии. С этой же целью они организуют сборы пожертвований, выступления по радио, издают книги.

Как и все Рерихи, Святослав Николаевич горячо ратовал за самостоятельность Индии и поддерживал деятелей индийского освободительного движения. В начале 1942 года он познакомился с Джавахарлалом Неру, который

не раз впоследствии бывал у Рерихов в Кулу и всегда высоко ценил их участие в культурной жизни Индии. Любовь и уважение к талантливому народу этой страны принесли Рерихам искреннее признание и широкую известность.

В 1945 году Святослав Николаевич женился на одной из самых популярных киноактрис, деятельнице индийского художественного просвещения Девике Рани. Супруги поселились в пригороде Бангалора. Их гостеприимный дом хорошо знаком многим советским людям, посещавшим Индию. Весны Рерихи проводят на гималайских склонах, в доме отца, где Святослав Николаевич организовал картинную галерею.

После кончины Н. К. Рериха в 1947 году и старшего брата в 1960 году (Юрий Николаевич в 1957 году переехал в СССР) Святослав Николаевич с неиссякаемой энергией продолжает традиционную для всей этой семьи деятельность по углублению и расширению индийско-советского научного и культурного содружества.

В мае 1960 года, впервые после долгого перерыва, он приехал на Родину с большой выставкой. До этого она была показана в Дели, и на ее открытии Джавахарлал Неру сказал: «Картины Святослава Рериха относятся к тем произведениям искусства, которые оставляют в глубинах человеческой души неизгладимое впечатление. В художественной жизни Дели эта выставка — событие особого значения. Я уверен, что мы почерпнем из нее много поучительного...»

Творчество Святослава Николаевича было высоко оценено в Индии. Но что скажут на Родине? Как отнесутся советские люди к его произведениям? Будут ли они им близки, взволнуют ли? Эти вопросы не могли не тревожить художника, и ответ на них не заставил себя ждать. Бесконечный поток посетителей выставок в Москве и Ленинграде, сотни благодарственных записей в книгах отзывов, многочисленные интервью и публикации в печати убедительно свидетельствовали о том, что жизнь и работы Святослава Рериха нашли признание, зазвучали в унисон с чувствами родного народа. «Поездка в Советский Союз была поворотным пунктом в нашей жизни», — скажет позднее художник. Безусловно, она не прошла бесследно и для его дальнейшего творчества. В его картинах еще громче зазвучала нота предостережения и протеста против уродливых явлений утилитаризма и безумного бряцания оружием.

В 1974-1975 годах Святослав Рерих показал в Советском Союзе вторую экспозицию, которая совпала с семидесятилетием мастера. Выступая на вернисаже в Москве, он говорил: «Я счастлив, что моя выставка состоится в Третьяковской галерее. Это место окружено особым ореолом, освящено великими традициями русского искусства. Я показываю здесь картины разных периодов. Есть и ранние, их немного, есть и самые последние. Я работаю и в портрете, и в пейзаже, и в жанре, и в аллегорической манере, выбираю темы, которые мне близки, идеи, которыми хотелось бы поделиться. Я не связан с заказчиками, работаю совершенно свободно, и вы увидите на этой выставке именно то, что мне самому хочется сказать».

Выставку, показанную в пяти городах Советского Союза, посетило тогда свыше восьмисот тысяч человек — лучшее свидетельство того, что искусство Святослава Рериха интересно советским людям. Яркий, красочный мир художника пленяет глубиной мысли, емкостью содержания, гуманизмом и верой в человека.

Разнообразная природа Индии, знание жизни ее народов, любовь к стране дали художнику неисчерпаемый материал для многих картин. Великолепен цикл «Мои соседи», созданный в основном на юге страны; он раскрывает перед зрителями труд и быт людей Индии, традиции, верность родному очагу, тихую радость материнства. Прибегая к искусствоведческому термину, все это можно определить как «бытовой жанр». Но в осмыслении Святослава Рериха он значителен, монументален. «Мои соседи, — объяснил художник название цикла, — это люди, живущие вместе со мной на Земле. Это землелепашцы из долины Кулу, горожане из больших городов и те, кто живет за хребтом Гималаев, в самых далеких странах».

Он стремится показать не только как человек живет, но главное — для чего живет. Художник устраняет накипь обыденности, которая опустошает душу, и выдвигает на первое место все то, что направляет людей к поискам смысла существования. Такое искусство понятно народам всех континентов. «Далекая Индия отныне для меня, северянина, стала близкой», — записал в книге отзывов посетитель выставки из далекой Якутии. Под этими словами могут подписаться многие советские зрители из разных краев нашей Отчизны.

Прекрасны пейзажи Святослава Рериха. В них и величие снежных Гималаев, и ярчайшие краски южной Индии, и необъятные морские дали.

Но особое место в творчестве художника занимает портрет. К портрету он возвращается постоянно; часто совмещает работу над ним с решением некоторых проблем бытового жанра или пейзажа. Широкую известность получили созданные им изображения Николая Рериха — всего их свыше тридцати, первое сделано еще в 1916 году в Финляндии, а два последних рисунка — в 1947 году; портреты матери художника — Елены Ивановны, жены — Девик Рани Рерих, а также многих прогрессивных деятелей Индии, ее ученых, артистов, писателей и рядовых тружеников. Портрет Джавахарлала Неру кисти Святослава Рериха находится в зале заседаний индийского парламента, президента С. Радхакришнана — в президентском дворце. В портретах художник добивается не только достоверности психологического образа, но пытается выявить общечеловеческие, нравственные идеалы. Как мудро заметил Рабиндранат Тагор: «Личность начинается там, где бесконечное становится конечным, не теряя своей бесконечности». Это определение может служить эпиграфом к портретам Святослава Рериха.

Его произведения находятся в музеях Франции, Бельгии, Болгарии, Чехословакии, США, Индии и других стран. В Советском Союзе их можно увидеть в Третьяковской галерее, Эрмитаже, Музее искусств народов Востока, Новосибирской картинной галерее.

Мастерство живописца, умение создавать сложные гармонические компо-

зиции и организовать пространство, выразительность рисунка, изумительная чистота красок, колористическое богатство давно уже получили должную оценку. Однако не только совершенное владение техникой, но и понимание высокого общественного назначения искусства характеризуют его творчество. Многие полотна Святослава Рериха, такие как «Воззри, человечество», «Я двигаюсь среди этих теней», «Мы сами строим себе тюрьмы», «Ты не должен видеть этого пламени», «Ближе к тебе, мать-земля», — отличает острая социальная направленность, непримиримость с темными сторонами жизни. Все это, так же как и прогрессивная общественная деятельность, выдвинуло художника в ряды виднейших гуманистов современности.

За большие заслуги в области искусства, науки и просвещения он награжден высоким гражданским орденом Индии «Падма Бхушан», многими другими наградами, в том числе почетной медалью «За искусство и гуманизм» Калькуттского союза объединенных искусств, которую ранее получил Сергей Тимофеевич Коненков. В 1976 году за выдающийся вклад в дело развития индийско-советской дружбы С. Н. Рерих был удостоен премии имени Джавахарлала Неру. Не так давно совет Болгарской Академии художеств избрал Святослава Рериха своим почетным членом, а ученый совет Велико-тырновского университета — почетным доктором.

Седьмого июня нынешнего года в Москве в торжественной обстановке Святославу Николаевичу Рериху был вручен диплом почетного члена Академии художеств СССР.

Беседуя с корреспондентами, он сказал: «...ко всему, полученному мной в России и от России, я всегда стремлюсь приобщить Индию, где я живу многие годы, и, с другой стороны, все, что я делаю в Индии, принадлежит моей Родине».

Опубликовано: Журнал «Огонек», 1978, № 35. С. 16-17. Цв. вкладка с репродукциями картин.

Составитель:
Беликов П. Ф.

Н. К. РЕРИХ. ХРОНИКА

СССР
1958-1978

1. Персональные выставки.
2. Конференции, вечера, доклады и пр. мероприятия.
3. Издания книг Н. К. Рериха и отдельные публикации его литературных трудов.
4. Книги, фотографии, альбомы о Н. К. Рерихе.
5. Публикации о Н. К. Рерихе в периодической печати, сборниках спец. профиля, альманахах и пр.

Начиная с 1958 г., после приезда в Москву из Индии Ю. Н. Рериха, центр изучения жизни Николая Константиновича Рериха, его общественной деятельности, художественного, научного и литературного наследия переместился в СССР. Настоящая хроника ставит целью отобразить широкий интерес к художнику и ученому-гуманисту, проявленный на его Родине за последние 20 лет. Зарубежные выставки, публикации и прочие мероприятия, связанные с творческим наследием Н. К. Рериха в настоящую хронику не входят.

[1.] Персональные выставки

1958

Союз художников СССР. Выставочный зал. Москва.
Государственный музей латышского и русского искусства. ГМЛИРИ. Рига.
Государственный Русский музей/ГРМ/. Ленинград.
Киевский музей русского искусства. Киев.
Гос. музей искусств Грузинской ССР. Тбилиси.

1959

Государственная Третьяковская галерея/ГТГ/. Москва.

1960

Новосибирская областная картинная галерея/НКГ/. Новосибирск.

1961

ГРМ. Открыт отдельный зал Н. К. Рериха, функционировавший несколько лет.

1964

Государственный музей искусств народов Востока/ГМИНВ/. Москва.

1965

Киевский музей русского искусства/КМРИ/. Киев.

1973

Дом ученых Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск.

1974

Музей им. Бахрушина. Москва. Театральные работы Н. К. Рериха.
ГРМ. Ленинград.
Академия художеств СССР. Москва.

1975

КМРИ. Киев.
Художественный музей БССР. Минск.
ГМЛИРИ. Рига.
Вильнюсский художественный музей. Вильнюс.
Выставочный зал Академгородка. Новосибирск.
Томский музей. Томск.

1977

Государственный музей искусств народов Востока. Москва. Открыта постоянная экспозиция.

1978-1979

Турне совместной выставки произведений Н. К. Рериха и С. Н. Рериха/из собрания С. Н. Рериха/: Ленинград — Рига — Минск — Киев — Одесса — Москва.

х х х

Пост[оянные] расшир[енные] экспозиции пр[оизведен]ий Н. К.: НКГ, Горьковский ГХМ, ГМИНВ/Москва/, ГМЛИРИ/Рига/, ГРМ.

[2.] Конференции, вечера, доклады и пр[очие] мероприятия

1958

Октябрь. Восточная комиссия Географ[ического] об[ществ]ва СССР. Ленинград.

Доклад Ю. Н. Рериха: Н. К. Рерих — художник, археолог, путешественник.

Ноябрь. Там же. Доклад А. В. Коралева: Художественное наследие Н. К. Рериха и его значения для географ[ической] науки.

1959

Март. Московский филиал Географ[ического] об[ществ]ва СССР. Москва.

Доклад Ю. Н. Рериха: Экспедиция акад[емика] Рериха в Центр[альную] Азию.

1960

Май. Музей изобр[азительных] искусств им. А. С. Пушкина. Москва.

Выст[авка] С. Н. Рериха с воспоминаниями о Н. К. Рерихе.

Июнь. «Эрмитаж». Ленинград.

Беседа С. Н. Рериха о Н. К. Рерихе.

Июнь. Всесоюзное Географ[ическое] об[ществ]во СССР. Ленинград.

Доклад С. Н. Рериха: Худож[ественная] и научная деят[ельность] Н. Рериха.

1962

Октябрь. ГРМ. Ленинград.

Доклад В. П. Князевой: Последний период творч[ества] Н. К. Рериха.

1964

Октябрь. Институт народов Азии АН СССР. Москва.

Научная конф[еренция], посв[ященная] Н. К. Рериху.

Октябрь. Всесоюзное Геогр[афическое] об[щест]во СССР. Ленинград.

Заседание, посв[ященное] Н. К. Рериху.

Октябрь. ГРМ. Ленинград.

Вечер, посв[ященный] Н. К. Рериху.

Ноябрь. Кафедра индийской филологии Восточного ф[акультета] ЛГУ.

Заседание, посв[ященное] Н. К. Рериху.

1968

Октябрь. Дом Ученых АН СССР. Москва.

Вечер, посв[ященный] Н. К. Рериху.

1969

Декабрь. Вост[очная] комиссия Геогр[афического] об[щест]ва СССР. Ленинград.

Заседание, посв[ященное] Н. К. Рериху.

Декабрь. Геогр[афическое] об[щест]во СССР. Ленинград.

Доклад П. Беликова: Рерих — путешественник.

1970

Январь. Вост[очная] комиссия Геогр[афического] об[щест]ва СССР. Ленинград.

Доклад В. Князевой: Индия в картинах Н. К. Рериха.

1972

Февраль. Дом Ученых АН СССР. Москва.

Вечер, посв[ященный] Н. К. Рериху.

Февраль. Об[щест]во «Знание». Центральный лекторий. Москва.

Вечер, посв[ященный] Н. К. Рериху.

1974

Апрель. Студ[енческий] клуб Новосибирского гос[ударственного] университета. Новосибирск.

Вечер, посв[ященный] Н. К. Рериху.

Октябрь. Новосибирская обл[астная] картинная галерея. Новосибирск.

Вечер, посв[ященный] Н. К. Рериху.

Октябрь. Дом Дружбы. Москва.

Вечер, посв[ященный] Н. К. Рериху.

Октябрь. ГРМ. Ленинград.

Научная конф[еренция], посв[ященная] Н. К. Рериху.

Ноябрь. Академия Художеств СССР. Москва.

Научная конф[еренция], посв[ященная] Н. К. Рериху.

Ноябрь. Большой театр. Москва.

Торжественный вечер, посв[ященный] Н. К. Рериху.

1975

Июнь. Дом ученых СОАН СССР. Новосибирск.

Лекции П. Беликова: Рерих и Индия. Общественная и международная деятельность Н. К. Рериха.

Январь. Геогр[афическое] об[щест]во СССР. Ленинград.

Вечер, посв[ященный] Н. К. Рериху.

1976

Октябрь. СОАН СССР и Новосибирская областная картинная галерея. Новосибирск.

Рериховские Чтения. Научная конф[еренция], посв[ященная] Н. К. Рериху.

Прочее

1963. Присвоение горн[ой] вершине на Алтае наим[енования] «Пик Рериха».

1964. Присвоение леднику в Киргизском Алатау наим[енования] «Ледник им. Н. Рериха».

1975. Закончена работа и выпущен на экран фильм «Николай Рерих».

Сценарий Р. Григорьевой и Л. Шапошниковой. Режиссер Р. Сергиенко. Операторы В. Квас и О. Мартынов. Консульт[анты] П. Беликов, А. Зелинский.

Телепередачи

1964: Центр[альное]/октябрь/, Новосибирское/ноябрь/, Ленинградское/декабрь/.

1974: Новосиб[ирское]/август/, Центр[альное]/сентябрь/, Таллинское/октябрь/.

1975: Московское/январь/.

1977: Центр[альное].

Примечание:

В 1978 году П. Ф. Беликов предложил мне подготовить хронику «Основные даты жизни и деятельности Н. К. Рериха» для будущего Музея в Верхнем Уймоне (Горный Алтай). Текст был подготовлен и отправлен в Козе-Ууэмыйза. В сопроводительном письме я высказался по поводу объема текста. В ответ 8 ноября 1978 года он писал: «Чтобы Вы были в курсе, посылаю Вам образчики своих текстов для музея в Верхнем Уймоне. Я высказал некоторые свои соображения в письме к Леопольду [Цесюлевичу]. Объем тем необходимо дифференцировать. «Хроника» теряет всякий смысл, если ее сократить до 3 страниц, также и «Основные даты жизни и деятельности» должны выйти за этот предел. Вообще, я предложил ему для стендов отобрать тексты из имеющихся публикаций и поручить сделать их 1-2 человекам, чтобы была единая композиция... «Хронику», которую я Вам посылаю, прошу Вас просмотреть, исправить и дополнить, где можно. Это первый рабочий вариант. Я потом хочу его доработать...». 13 ноября он добавляет: «Очень прошу Вас — когда спишите для себя нужное Вам из «Хроники», то пошлите ее Маточкину. Он, в свою очередь, проверит и дополнит все сибирские мероприятия. Кроме того, если они сочтут нужным, то, может быть, опубликуют эту «Хронику» в ее уже окончательном варианте как приложение к публика-

ции тезисов «Рериховских чтений». Доработанная до конца она представит собой известный интерес для всех, кто Н. К. занимается. Такого справочного материала до сей поры не публиковалось...».

Первые две части «Хроники», составленной П. Ф. Беликовым, публикуются впервые по копии с авторизованной машинописи.

Примечание и публикация А. Н. Анненко (Абакан).

П. Ф. Беликов
РЕРИХ – ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ*

Общественная деятельность подразумевает обслуживание политических, профессиональных, культурных и т. п. нужд отдельных коллективов или человеческого общества в целом. Иногда такая деятельность выделяется в самостоятельную категорию, иногда связывается с обслуживанием определенной сферы общественных интересов.

Характерным для Н. К. Рериха является то обстоятельство, что вся его многогранная творческая деятельность получала широкий общественный резонанс и выходила на арену общественного служения.

Живопись Рериха, помимо чисто художественного значения и оценок, была идейно целенаправленной, несла богатую информацию. Взгляды художника на исторические события, народные движения, современные ему великие освободительные течения и сражения за лучшее будущее человечества, всегда отличались социальной прогрессивностью и находили в его картинах яркие, вдохновляющие образы.

В самом начале своей научной деятельности на поприще археологии, Рерих смело бросил вызов узко-кабинетному пониманию значения старины. Он писал тогда: «Пора смело осмеивать сухарей-археологов и бесчувственных педантов. Пора вербовать новые молодые силы и кружки ревнителей старины, пока, наконец, этот порыв не перейдет в национальное творческое движение, которым так сильна всегда культурная страна». И Рериху, действительно, удалось достичь того, что проблема охраны исторических памятников была вынесена на обсуждение мировой общественности. Усилия Рериха в этом направлении привели к заключению международного Пакта, а впоследствии и к международной Конвенции по охране культурного достояния народов.

Большой заслугой Рериха является и то, что он не только успешно содействовал признанию общественного значения старины, но также и признанию значения современного народного творчества.

На принципы всенародной значимости опиралась и просветительная работа Рериха. Еще в 1908 г. он писал: «Раскрытые двери музеев, привлекательные объяснения и лекции пусть скажут о великом, вездесущем искусстве каждому рабочему».

Состоя директором Школы Общества Поощрения художеств, Рерих превратил эту школу в самое крупное и демократическое учебное заведение в России. При школе были открыты воскресные классы для привлечения к художественному образованию рабочей молодежи.

Совместно с А. М. Горьким, Рерих принимал участие в работе созданной в 1917 году Комиссии по вопросам искусства при Исполкоме рабочих и крестьянских депутатов. В 1918 году, пока существовала возможность сношений

между Советской Россией и Финляндией, где тогда жил Рерих, он работал над планом реорганизации Школы Общества Поощрения художеств в Народную Академию. В своем обращении по этому поводу он писал: «Товарищи! Какие бы трудности нас не ожидали, будем твердо помнить, что идея народного просвещения всегда должна быть в человечестве самой нерушимой, самой любимой, самой близкой народному подвигу!».

Участвуя за рубежом в создании таких организаций, как: «Институт объединенных искусств», «Международный центр искусств Корона Мунди», «Всемирная лига культуры», Рерих высоко поднял знамя интернационального значения искусства. То же самое произошло и при учреждении в Гималаях Научно-исследовательского института «Урусвати». Научная работа Рериха — археолога, историка культуры, путешественника распространилась далеко за общепризнанные рамки этих дисциплин. Рерих был не только ученым-исследователем, но и талантливым организатором науки, ее идеологом, пропагандистом ее прогрессивных исканий. Он всегда подчеркивал общественное значение науки, ее задачу благотворно воздействовать на все стороны личной и общественной жизни людей.

Так научная и художественная деятельность Рериха неизменно переходила в общественно-значимое дело сближения народов на основах живого творческого общения, т. е. на широких общественных началах.

В трудные годы Великой Отечественной войны Рерих развил в Индии интенсивную патриотическую деятельность: выступал в печати, по радио, устраивал выставки, издавал книги, собирал средства в пользу Советской армии и Советского Красного Креста. Но инициативе Рериха в США была создана Американо-Русская Культурная Ассоциация, имевшая тесные контакты с Полпредством СССР в Вашингтоне. Ассоциация проделала большую общественную работу по распространению правдивой информации о Советском Союзе в зарубежных странах.

Как на важнейшие достижения в области социального прогресса, Рерих указывал на достижения нового, социалистического строя своей Родины.

Он писал: «...Демократия звучит недостаточно определенно... Социальный строй — это уже определительнее. В значении слова уже заключены и союз, и кооператив — словом, все, чем преуспела сейчас Русь».

Исчерпывающий рассказ об общественной деятельности Рериха превратился бы в пересказ всей его жизни, столь тесно она была связана с решающими общественными начинаниями эпохи. Сколь чутко он прислушивался и какое значение придавал ее всенародным задачам, достаточно хорошо свидетельствуют следующие слова художника: «Общественное мнение есть выражение народного сознания. В существе своем это сознание всегда прогрессивно, ибо им создавалась всякая цивилизация».

[1979 г.]

* Текст подготовлен П. Ф. Беликовым в помощь организаторам Музея имени Н. К. Рериха в Верхнем Уймоне (Горный Алтай). Публикуется впервые по копии из архива А. Н. Анненко.

Публикация А. Н. Анненко (Абакан).

П. Ф. Беликов
«КАЛАЧАКРА». ОТЗЫВ

Текст, безусловно, написан лицом, хорошо знавшим (источники) и глубоко почитавшим Е. И. [Рерих]. Некоторые идеи Учения правильно интерпретируются автором, автор не искажает их, но и не вносит ничего нового. Автор пишет (Ф-18), что Учение — вечно новый подход к тем или иным проблемам жизни. Это совершенно правильно. Если мы возьмем Т[айную] Д[октрину] Е. П. Блават[атской] и «Агни Йогу» Е. И., то сразу же этот подход видим. Между текстом «Калачакры» и текстом Уч[ения] Ж[ивой] Э[тики] такого подхода, на первый взгляд, нет. Есть лишь разница качественная. В то время, как текст А. Й. предельно ясен и прост, текст «Калач[акры]» порою крайне запутан. Это происходит главным образом от того, что не чувствуется Единой Идеи и той Диалектики, которые присущи Ж. Э.

Порою в «Калачакре» имеются утверждения, не соответствующие А. Й.. Они, конечно, проникли не намеренно, а в силу недостаточной диалектики мышления или изложения автора «Калач[акры]». Например: (Ф-40) рассуждения о ритме и гармонии. Автор пишет, что при правильном ритме даже конвейерный труд не утомляет человека при ускорении. Но ведь он может притупить, лишить правильного восприятия. В этом же параграфе говорится много о гармоничности, и не понять — в чем заключается разница между гармонией и ритмом. Между тем, в А. Й. точно разработаны эти понятия. Гармония есть закономерное сочетание разных ритмов. Так и конвейерный труд может не утомить исключительно в тех случаях, когда происходит правильная смена ритмов, а не нарастание одного и того же, как это можно понять из текста «Кал[ачакры]». В отношении музыки правильнее было бы сказать, что закономерное сочетание разных ритмов создает гармонию.

В Ф-15 автор «Калач[акры]» допускает грубую ошибку, сравнивая атом с монадой: «Что такое атом? Это искра-монада, стоящая на первичной ступени эволюции...» Но ведь монада — это Божественный луч, вокруг которой складывается человеческая индивидуальность, кроме того, она — неделима. Атом — сложная система, и никак не может уподобляться монаде. Вообще, весь этот параграф крайне путанный. Что значит фраза: «Но металлы являются основными элементами атомной шкалы и потому их сочетание определяет уже и самое строение физического тела», и множество подобных ей? В общем, правильная мысль о значении связующей мира вибрации, интерпретирована не достаточно четко. В А. Й. все положения, которых Она касается (а я не знаю, чего бы Она не касалась), разработаны с предельной точностью и научной достоверностью.

Например (Ф-14), есть фраза: «Из двух сознаний всегда побеждает то, мысли которого лишены кармического начала». В данном случае карма рассматривается слишком узко, а ведь карма — Великий Космический Закон.

Е. И. писала в одном из своих писем: «Космическая справедливость приведет в действие новые рычаги — и новая карма мира начнет утверждаться». В «Мире Огненном» (ч. III-76) СКАЗАНО: «Так решится карма народов. На пути к Миру Огненному запомним, что народная карма разрешится мощным событием». Карма — причинно-следственный закон мироздания, без кармы не состоялось бы строительство Космоса, и нельзя ее рассматривать как только человеческую судьбу. Ж. Э. трактует все вопросы очень широко — с Космических позиций и с человеческих — и рассматривает связь между ними. В «Калач[акре]» берется только одна позиция и возводится в абсолют.

Ф-43 — «Великое ожидание. Вспомнили картину «Ждущие». Начинаете постигать ее смысл. В нем напряженность, и устремление, и действие, и, прежде всего, действие мысли. Инертное ожидание бесплодно. Не вырастут крылья у бездумного ожидания». Мысль по существу — правильная. Но нельзя забывать, что картина «Ждут» создана в одной «Героической серии» в 1917 году. О этой серии сам Н. К. [Рерих] писал, что состоит она из семи картин: 1 Клад Захороненный, 2 Зелье Нойды, 3 Приказ, 4 Священные Знаки, 5 Ждут, 6 Конец великанов, 7 Победители клада. Характерно, что уже в 1917 году Н. К. создал эту пророческую серию и объяснил ее так. Захороненный клад — это скрытая правда жизни, все подступы к ней загородила злая колдунья (нойда — колдунья из скандинавской мифологии), но люди получают приказ разыскать этот клад. Священные огни ведут к нему, но нужен еще знак, чтобы пуститься. И люди терпеливо ждут, зорко всматриваясь в дали. Это первый вариант картины «Карелия. Вечное ожидание». В ней — четыре фигуры, три мужских и одна женская. Явный намек на четверых Рерихов. В позднейшем варианте Н. К. оставил только женскую, и назвал картину «Ждущая». В том и другом вариантах — ожидание Вести, оповещающей, что путь открыт. Но путь — полон опасностей. Наконец, они преодолены. Об этом оповещает картина «Гибель великанов» (великаны — в скандинавской мифологии демоны зла). И, как апофеоз всей серии, в последней картине мы видим «Победителей клада» — четыре фигуры выносят Огненное Сокровище из горных ущелий. В 1947 году Рерих, как бы подтверждая исполнение завещанного, повторяет первую и последнюю картины «Героической серии» — «Клад захороненный» и «Победители клада». Учение жизни — принесено человечеству. То, что в 1917 г. намечалось — было исполнено.

Картина «Ждущая» тоже была повторена, как ожидание «Знака», ожидание Зова на новый подвиг — возвращение на Родину, чтобы продолжить там работу. Конечно, можно интерпретировать картину «Ждущая» (не «Ждущие», как в «Кал[ачакре]») по-разному, в отрыве от всей серии, но это не будет интерпретацией Н. К. Очень хорош Ф-41 о «сверхличном», но он дословно повторяет положение Ж. Э.. То же самое можно сказать о Ф-45.

Совершенно непонятно наименование записей — «Калачакра». Это показывает претензию автора на что-то не сказанное в Ж. Э., но упомянутое в Ней

как Высокое Учение. Но Калачакра — учение очень древнее, его разбор сделан Ю. Н. [Рерихом]; как всякое древнее Учение, оно имеет свою специфику и очень сложную символику.

Заключение

В последнее время появилось много подражаний Учению. Мне попадает уже пятое ([Б. Н.] Абрамов, которого Вы, быть может, тоже знали, записывал также по утрам отдельные мысли). Все они вполне искренни и все ПОВТОРЯЮТ то, что в Ж. Э. уже сказано. Ничего нового они не привносят. Думается, что если бы нужно было бы продолжать Ж. Э., то почему это не делали сыновья, которые более других были приближены и принимали непосредственное участие в приеме Посланий Владыки? Не случайно Е. И. писала в одном из своих писем, что в своем Завещании Она распорядилась, что все написанное Ей должно иметь ее подпись, и никакие тексты без Ее подписи, никакие ссылки на Ее участие в чем-то — не имеют под собой оснований. Конечно, над Ж. Э. нужно работать, надо разрабатывать ее тематику (Е. И. очень рекомендовала как раз такую работу), но не надо ПОДРАЖАТЬ Ж. Э. и не следует КОММЕНТИРОВАТЬ то, что сказано с ПРЕДЕЛЬНОЙ ясностью. Ж. Э. не случайно дана отрывочно, отдельными мыслями, отдельными параграфами. Впервые дается Учение, требующее к Себе творческого подхода. Каждый берет себе то, что он может взять и что соответствует его продвижению к общей эволюции. Так, из отдельных «кирпичиков» (параграфов) складываются СТРОЙНЫЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. Ж. Э. в высшей степени ДИАЛЕКТИЧНА, после каждого тезиса дана соответствующая антитеза. Усвоение этой диалектики — первоочередная наша задача. Почему же так происходит, что вместо УСВОЕНИЯ Живой Этики появляются попытки ПОДРАЖАНИЯ? При этом с самыми искренними и лучшими намерениями. Я ни на минуту не сомневаюсь, что автор «Калач[акры]» прекрасно знает Ж. Э., и много работал над Ней. Иначе он не повторял бы Ее дословно. Ведь употреблены многие, присущие только Е. И. (кстати, не Н. К., на которого сделана ссылка) слова и выражения.

Мое мнение таково: на нас направлен могучий поток мыслей. Идей. И к этому потоку устремлены тысячи людей. Каждый из них берет из этого потока то, что он может взять, что позволяет его интеллектуальное и духовное развитие. Ведь, кроме лиц, утверждающих, что они получают сведения от Е. И. или Н. К., есть много лиц никогда не слышавших о Них и о Ж. Э. Все они также ведут записи и выдают их за Истину. И в этом нет ничего плохого. Какая-то доля Истины ими улавливается и происходит массовое изменение сознаний. Этот поток настолько могуч, что его хватает на всех. Ученый черпает из него идеи для своей науки, простые люди черпают правильные эволюционные мысли. Главное — чтобы сознание развивалось. Особенно в сторону Космосоведения. Но при этом не надо своих ошибок приписывать Н. К. или Е. И. Мы всегда можем грубо ошибиться при приеме и, ссылаясь на Н. К. или Е. И., этим самым делать их соучастниками собственных ошибок.

Каждый должен нести полную ОТВЕТСТВЕННОСТЬ за все написанное им, каков бы ни был источник информации. Поэтому я предпочитаю не анонимные записи с ссылками на Е. И. и Н. К., а подписанные автором. Е. И. могла не подписывать А. Й. потому, что она была гарантирована от ошибок при передаче Знаний, другие же на это права не имеют. Например, в Ф-15 говорится о металлах, свойственных той Звезде, что Атланты знали свойства металлов. Отсюда выводятся человеческие свойства, появившиеся при рождении. Но ведь Звезды состоят в основном из минералов, и химизм звезд зависит именно от последних. Видимо, автор не вполне разбирается в этих сложных научных вопросах. Зачем же свое незнание их приписывать Н. К.? Он, правда, ни в чем не виноват, виноват только приемник этих записей, так пусть же приемник, а не Источник, из которого он черпал эти сведения, и к которому причастны и Е. И. и Н. К., будет нести за них ответственность и поставит под ними свое имя. Тогда меньше будет ссылок на ни в чем неповинных Е. И. и Н. К. Так и было по существу до появления А. Й. Каждый автор подписывался. Но теперь появилось множество ПОДРАЖАНИЙ и в этом вред анонимных писаний. А в другом я лично вполне приемлю последние. Поток Знания и Эволюционных Идей никогда не прекращается. Каждый, в силу своих способностей и возможностей, прикасается к Нему и извлекает из него что-то нужное. И неправильно было бы осуждать тех, кто прикоснувшись к этому неисчерпаемому Каналу Знаний, делится СВОИМИ впечатлениями, СВОИМ уловом познанного. Он всегда будет в чем-то истинен и в чем-то ошибочен. Ибо — все мы человеки, и всем свойственно не только спрашивать, но и бессознательно ПРЕДПИСЫВАТЬ желаемые ответы.

(1980 г.).

Архив П. Ф. Беликова (Эстония).

Послесловие

История жизни Павла Федоровича Беликова (1911-1982) — это история жизни человека, начавшего свой путь рабочим на небольшой фабрике в Эстонии и ставшего на склоне лет подлинным интеллектуальным и духовным лидером времен Советского Союза. В то время, как на трибуны партийных съездов выходили руководители партии и государства и раздавались бессодержательные призывы к построению туманного будущего, из поселка Козе-Ууэмыйза шли отклики на просьбы поделиться своим духовным опытом, конкретные ответы на вопросы — «как сделать жизнь». В многочисленных письмах представителям разнообразных общественных групп содержались размышления по самым разным проблемам Бытия человечества. Лейтмотивом этих посланий была мысль о том, что человеку дано не только выпрямиться во весь рост, не только поднять взор от земли к Небу, но и устремиться в полет, в духовный полет, соединяя Повседневность и Надземное. Причем, эти послания не носили абстрактного и всеобщего характера, как если бы учитель говорил в аудитории, где собрались сразу

все школьники с первого по десятый класс. Нет, они имели конкретный адрес и учитывали сознание собеседников П. Ф. Беликова. Канон «Господом Твоим» он неуклонно и блистательно применял на протяжении всей своей жизни. Его жизненный подвиг зримо подтверждают ту непреложную истину, что подлинно великие люди не зависят от обстоятельств времени или социальных условий, они раскрывают свой потенциал, который рано или поздно становится всеобщим достоянием.

Среди обширного наследия Павла Федоровича Беликова (29 июля исполняется 97 лет со дня рождения выдающегося мыслителя, исследователя Рериховского наследия) имеются небольшие работы — отзывы на тексты, распространявшиеся в «самиздате». Они создавались по просьбе его корреспондентов, желавших услышать авторитетное мнение. Исходя из условий времени, работы эти не предназначались для печати. Тем не менее, всегда создавались с пониманием полной ответственности за написанное. Собственно, это понимание было неотъемлемой чертой Беликова-ученого. Если он и писал «в стол» его кабинета, то совершенно не исключал, что написанное им окажется на рабочем столе будущих исследователей. Причем, масштабность мышления, присущая ему, накладывала отпечаток на произведения, написанные по сравнительно частному поводу.

Нет никакой необходимости делать рекламу анализируемому П. Ф. Беликовым тексту и, тем более, устанавливать авторство. Но поскольку название отзыва дано самим П. Ф. Беликовым, скажем несколько слов в пояснение.

Текст «Калачакры» был получен П. Ф. Беликовым в декабре 1980 года от его калининградского корреспондента М. Ц. Пурге. 15 декабря он писал ему: «Безусловно, она написана человеком, глубоко знающим Учение и думающим над ним. Но напрасно он дал свое толкование Учения под претенциозным названием «Калачакра», к которой автор никакого отношения не имеет и никак не сопоставляет Учение «Калачакры» [1] с написанным. Кроме того, я остаюсь при своем мнении, — такие вещи надо подписывать своим именем, ибо могут быть и другие толкования, разбор других аспектов Учения, которые автор пропустил или не задумался над ними. Учение чрезвычайно широко. Оно, по существу, Необъятно. Автор с самого начала старается объяснить анонимность «качеством Новой Эпохи», но Новая Эпоха имеет много качеств и среди них будет такое, как Ответственность. Ответственность же повышается при том или ином толковании Учения. В данном случае автор претендует на абсолютную безгрешность всего написанного и начинает со слов: «Дайте эти записи без имени», присваивая себе право, данное только Е. И. [Рерих]. Этого, конечно, делать не следовало, т.к. мысли, высказываемые автором, при всей их правильности, являются его личными мыслями даже в том случае, если он считает, что они были приняты им из Пространства и в этом приеме принимал участие (вернее, не приеме, а передаче) кто-то другой. Все мы, сознательно или бессознательно, питаемся Пространственными мыслями, но за правильность их приема несем личную ответственность, особенно когда дело касается таких серьезных вещей, как толкование Ж[ивой] Э[тики]» [2].

В этом же письме он сообщает, что намерен «серьезно ознакомиться» с при- сланной работой. В результате появился тот отзыв, который сегодня пред- лагается читателю. Как и другие произведения П. Ф. Беликова — это весть в будущее, в том числе, в наши с вами дни.

Если при его жизни тексты, подобные «Калачакре», были извест- ны очень немногим, то сейчас они заполнили прилавки всех без ис- ключения книжных магазинов. И зачастую они пренебрегают важ- ным требованием, которое подчеркивает П. Ф. Беликов — «каждый должен нести полную ОТВЕТСТВЕННОСТЬ за все, написанное им». Характерно также предупреждение П. Ф. Беликова об ответственности при ссылках «на ни в чем неповинных Е. И. и Н. К. [Рерихов]». В другой по- добной работе он замечает: «В справке указано, что Томашевский был уче- ником Н. К. Рериха. В самой книге Томашевский пишет, что он считает себя учеником Н. К. Рериха. Именно последнее будет правильным, т. к. Н. К. Рерих никого не объявлял своими учениками, но считать себя ими может каждый, кто в той или иной мере следует его взглядам и идеалам» [3].

Публикуемая работа важна тем, что в ней затронуты вопросы методоло- гии подхода к сложнейшим явлениям и текстам о них.

В прошлом году авторитетный журнал «Наука и религия» опубликовал (и публикует до настоящего времени) фрагменты сообщений члену редкол- легии журнала, доктору наук, профессору Н., ко всем людям Земли, которые он принимает с августа 2004 года от «Высшего Космического Разума». В них содержатся Советы и Предупреждение Человечеству о Квантовом переходе или «ударе Судьбы» в 2012 году [4]. Если столь уважаемый журнал публикует подобные тексты, то это только подтверждает, что мысли П. Ф. Беликова, изложенные им без малого тридцать лет назад, актуальны и сегодня.

Внимательный читатель, несомненно, найдет в этом небольшом, но ярком произведении, свои поводы для размышлений...

Публикация и послесловие А. Н. Анненко (Абакан).

1. Учение Калачакры является одним из фундаментальных направлений буддизма; включает в себя многочисленные аспекты философии, метафизики, астрологии, медицины. Большое внимание ему было уделено в трудах Ю. Н. Рериха.

2. Письмо П. Ф. Беликова от 15 декабря 1980 года М. Ц. Пурге — «Непрерывное восхожде- ние». М., 2003. Том II, часть 2, с. 418.

3. П. Ф. Беликов. «К переводу книги — Энрю Томас «Шамбала, оазис Света»» (Ар- хив П. Ф. Беликова, Эстония).

4. Журнал «Наука и религия», 2007, № 9, с. 28 и др.

П. Ф. Беликов
Н. К. РЕРИХ.
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Николай Константинович Рерих родился 27 сентября (9 октября) 1874 года в Петербурге. Его отец — нотариус Константин Федорович Рерих — был потомком скандинава, перешедшего на службу к Петру I после шведской войны. Мать художника — Мария Васильевна, урожденная Калашникова, псковитянка — родилась в купеческой семье. Имение Рериха «Извара» («Извары») располагалось за Гатчиной, недалеко от станции Волосово. Это место древних поселений, где и теперь можно обнаружить следы финских захоронений и славянских курганов.

Нотариальная контора Рериха и его квартира находились в Петербурге на набережной Васильевского острова, по соседству с Академией наук и Академией художеств. Среди знакомых и близких друзей Константина Федоровича были: К. Д. Кавелин, Д. И. Менделеев, Н. И. Костомаров, Д. Л. Мордочев, К. Ф. Голстунский, М. О. Микешин и многие другие ученые, художники, общественные деятели.

Константин Федорович отличался энергичным, общительным характером, участвовал в работе различных культурно-просветительных и экономических организаций. В старшем сыне ему хотелось видеть не только наследника своей конторы, но и человека просвещенного, полезного обществу. Поэтому многосторонние интересы молодого Рериха всегда поощрялись отцом.

В 1883 году Николая Константиновича определили в частную гимназию К. И. Мая. Уже в гимназические годы Рерих занимается археологическими раскопками, публикует в журналах свои первые очерки, серьезно интересуется философией и историей.

Увлечение искусством тоже пришло рано. Недюжинные способности мальчика в рисовании были замечены другом семьи Рериха, художником и скульптором М. О. Микешиним. С 1891 года он начал заниматься с юношей живописью. В гимназии Мая в одно время с Рерихом обучались Александр Бенуа, Д. В. Философов, К. А. Сомов. Дружеские узы связывали Рериха с будущим профессором мозаичистом В. А. Фроловым и поэтом Леонидом Семеновым-Тянь-Шанским. Такое окружение усиливало тягу к искусству.

В 1893 году была окончена гимназия, и осенью, уступая желанию отца, юноша приступил к занятиям на юридическом факультете Петербургского университета, сдав одновременно вступительный экзамен в Академию художеств. Исключительное трудолюбие, умение организовать свое время помогли Рериху успешно проходить обязательные программы двух учебных заведений, а также посещать лекции на историческом факультете, участвовать в работе Археологического общества, заниматься в студенческих кружках.

Пребывание Рериха в Академии художеств совпало с ее реорганизаци-

ей, вызвавшей в 1894 году уход с руководящих преподавательских постов представителей академизма, на смену которым пришли передвижники и близкие им художники. Николай Константинович внимательно присматривался к этим переменам, отражавшим сложности и противоречия идеологической борьбы в России на рубеже XIX–XX веков. Студенческие дневники Рериха свидетельствуют об его стремлении глубже понять общественное назначение искусства, ту роль, которую оно играет в развитии национальной культуры.

Среди педагогов Николая Константиновича были П. П. Чистяков, Г. Р. Залеман, Н. А. Лаврецкий и другие. Рерих часто обращался за советами к И. Е. Репину, в мастерскую которого собирался поступить после окончания натурального класса. Из-за большого наплыва учеников Илья Ефимович не мог сразу принять Рериха и предложил ему записаться кандидатом. Но Николай Константинович этого не сделал, так как его выбор колебался между мастерскими Репина и Куинджи. Последний слыл человеком замкнутым и требовательным, чье расположение завоевывалось с трудом. Это останавливало Рериха, но по счастливому случаю ему удалось побывать у известного мастера, и тот, ознакомившись с эскизами, принял Николая Константиновича в свою мастерскую.

Архип Иванович Куинджи оказывал заметное влияние на своих учеников не только как художник, но и как человек твердой воли и необычной биографии. Рано осиротевший, безвестный крымский подпасок, чье общее образование не пошло дальше начальной школы, сумел стать одним из популярнейших художников своего времени. Его жизненный пример увлекал молодежь не меньше, чем его искусство, и не случайно, вспоминая о Куинджи, Николай Константинович неоднократно указывал: «Стал Архип Иванович учителем не только живописи, но и всей жизни» [1].

В 1895 году состоялось знакомство Рериха с В. В. Стасовым, чьи убеждения отвергали и «искусство для искусства», и «науку ради науки». Обширная эрудиция Владимира Васильевича Стасова, его активная деятельность и участие в культурной и общественной жизни страны помогли молодому Рериху найти гармоничное сочетание художественного творчества с научным познанием окружающего мира. Это с самого начала отличало его от многих сверстников по Академии и определило дальнейший, своеобразный творческий путь.

Николай Константинович отнюдь не солидаризировался со Стасовым во всех взглядах на искусство, между художником и критиком возникали подчас острые столкновения. Но их сближало единство точек зрения на самобытность развития русской национальной культуры, на потребность содействовать признанию ее исключительной ценности как у себя на Родине, так и за ее рубежами.

В 1897 году Рериху было присвоено звание художника за картину «Гонец. Восстал род на род», а в 1898 году он защитил университетский диплом на тему «Правовое положение художников в Древней Руси». Серьезные за-

нятия историческими науками помогли Рериху еще до окончания Академии художеств разработать план цикла картин о жизни и культуре славянских племен в эпоху образования Русского государства. Дипломная работа открывала эту серию.

Благодаря Стасову круг знакомств Рериха быстро расширился. Владимир Васильевич даже пригласил молодого художника поехать вместе с ним в Москву, чтобы представить его Толстому. Лев Николаевич одобрил «Гонца» и как бы предрекая этическую направленность творческого кредо Рериха, посоветовал ему «держаться выше», дабы течение повседневности не уносило от высоких нравственных идеалов.

Большой успех «Гонца» не означал для Рериха легкого начала пути художника. Николай Константинович чувствовал недостаточность художественного образования. Он принадлежал к тому «ускоренному» выпуску Академии, который состоялся после устранения оттуда Куинджи, вступившего в конфликт с официальными кругами во время студенческих волнений. Особенно трудно давался Николаю Константиновичу рисунок. Написанная им в 1898 году картина «Сходятся старцы», хотя и была благосклонно принята В. И. Суриковым и В. М. Васнецовым, получила и отрицательные отзывы. В частности, критически к ней отнесся Репин, с мнением которого согласился Стасов, посоветовавший Рериху «засесть за натуру и рисовать с нее упорно, ненасытно» [2].

Вопрос совершенствования профессионального мастерства, как бы важен он ни был для Рериха и других молодых живописцев, далеко не исчерпывал их раздумий и поисков, столь знаменательных для русского искусства на рубеже двух столетий.

Новое поколение начинало свой творческий путь в то время, когда русское общественное сознание переживало сложный процесс — на смену народническим идеалам шли новые, более радикальные и смелые идеи преобразования всей жизни страны. С середины 90-х годов наступает, по определению В. И. Ленина, третий этап революционного движения в России. На мировую историческую арену под руководством партии нового типа выступает самый организованный и революционный рабочий класс.

В период подготовки первой русской революции (1894-1904) чрезвычайно обостряется идеологическая борьба. В художественной жизни назревает бурная пора решительных столкновений противоборствующих взглядов, течений, группировок.

Острая борьба разгорелась между представителями передвижничества и вновь образованного объединения «Мир искусства». Роль Рериха в этой борьбе была весьма противоречива. Начав с критики выставок «Мира искусства» в 1898 году, Николай Константинович, перед самым роспуском первой группировки этого объединения в 1903 году, дал свои картины на выставку «Мир искусства».

В 1910 году, когда общество оформилось вторично, Рерих был избран председателем. Но во взглядах на искусство он во многом расходился с одним

из главных идеологов и инициаторов объединения — Александром Бенуа. Принципиальное несогласие с Бенуа в оценках исторического значения отечественной старины для будущего расцвета национальной культуры и было основной причиной настороженного отношения Николая Константиновича к объединению в целом и поводом для постоянных нападков на него со стороны некоторых мирискусников. Основоположники «Мира искусства», заново «открывшие» европейское и русское искусство XVIII века и мечтавшие об его возрождении, в своем большинстве вначале высказали пренебрежение к той исконной отечественной старине, которая так пленила Рериха. Кроме того, никто из инициаторов «Мира искусства» не питал серьезного интереса к проблемам глубинных исторических судеб народов, изучению которых Рерих отвел в своей жизни не меньшее место, чем живописи.

В общем же, взаимоотношения Рериха с участниками «Мира искусства» складывались по-разному. Принадлежа к новому поколению русских художников, Николай Константинович не мог не симпатизировать некоторым исканиям мирискусников. В свою очередь, и видные деятели «Мира искусства» неоднократно пытались привлечь Рериха в свои ряды. Это относится прежде всего к С. П. Дягилеву. Он прекрасно встретил дипломную работу Рериха и предложил Николаю Константиновичу показать на организуемой им выставке картину «Поход» (1899). Однако эту вещь Рерих уже пообещал дать на Весеннюю академическую выставку и своего обещания не нарушил. Тем не менее, судя по дневниковым записям Николая Константиновича, он серьезно задумался над предложением Дягилева и предвидел, какую бурю протеста вызовет у Стасова его участие в «декадентских» выставках.

Портить отношения со Стасовым Рериху не хотелось. Он чувствовал себя обязанным Владимиру Васильевичу за постоянную поддержку в научно-исследовательской работе и намеревался продолжать ее в тесном с ним сотрудничестве. Друг Стасова, известный литератор Д. В. Григорович, состоявший директором музея Общества поощрения художеств, сразу же после окончания Рерихом Академии художеств пригласил его к себе помощником. Эта должность не только открывала перед Николаем Константиновичем интересовавшее его поле деятельности, но и давала материальную независимость, что для начинающего художника и ученого было немаловажным.

Через Стасова пришло и предложение принять должность помощника редактора нового журнала «Искусство и художественная промышленность». Среди прочих задач издание преследовало цель сближения «чистого» искусства с «прикладным», что отвечало мыслям самого Рериха. Редактор Н. П. Собко, Стасов и его соратники широко использовали страницы журнала для критики новых течений в русском искусстве, и в частности «Мира искусства». До крайности обостренная полемика между двумя враждующими лагерями и огульное отрицание очевидных достижений в отечественном искусстве представителей обеих сторон были Рериху не по душе, так что примкнуть к какой-либо из группировок он считал для себя неприемлемым. Характерно, что свои статьи в этот период Рерих подписывает

псевдонимом «Изгой», словно бы стремясь подчеркнуть свое положение вне общественных объединений.

Осенью 1900 года Николай Константинович уехал в Париж, где продолжил художественное образование в студии известного мастера живописи Ф. Кормона. Кроме Франции, он посетил Голландию и Северную Италию. Через год Рерих возвратился в Петербург. Здесь его ждала невеста — Елена Ивановна Шапошникова. Николай Константинович впервые встретился с нею летом 1899 года в Бологом, которое посетил, исследуя по поручению Русского археологического общества состояние архитектурных памятников старины.

Отец Елены Ивановны — архитектор Шапошников — умер рано. Ее мать, урожденная Голенищева-Кутузова, приходилась внучкой великому русскому полководцу. Случайная встреча с девушкой произвела на Николая Константиновича неизгладимое впечатление. В Петербурге их знакомство продолжалось и вскоре перешло в большое чувство, связавшее двух духовно очень близких друг другу людей.

Несмотря на возражения родных Елены Ивановны, считавших замужество с начинающим и материально не обеспеченным художником невыгодной партией, молодые люди решили соединить свои судьбы, что и было исполнено сразу же по приезде Николая Константиновича из-за границы. Елена Ивановна разделяла творческие интересы своего супруга, была прекрасной музыкантшей, интересовалась философией, не страшилась далеких путешествий. Николай Константинович постоянно советовался с женой, работая над своими картинами. Темы и композиции некоторых из них подсказаны именно ею.

В 1902 году у Николая Константиновича и Елены Ивановны родился сын Юрий, а в 1904 — Святослав. Воспитанные в трудовой и творческой обстановке, они продолжили славные традиции семьи. Юрий Николаевич впоследствии стал известным ученым-востоковедом, а Святослав Николаевич — видным художником. Выступая в 1960 году на выставках своих картин в Москве и Ленинграде, Святослав Рерих вспоминал: «Многое можно было создать и создавалось. Мы все взаимно помогали друг другу. Знания Юрия Николаевича были полезны Николаю Константиновичу, знания матушки — Юрию Николаевичу. И не говорю о себе, — я особенно обогащался от них троих. И всегда мы находили друг у друга поддержку и ответы на вопросы, которые часто возникают в процессе большой работы» [3].

Между тем начинать самостоятельную жизнь Рериху было нелегко. Правда, его первые произведения имели успех. «Гонец» прямо с выставки попал в Третьяковскую галерею. Созданные в Париже «Идолы» и «Заморские гости» были неоднократно по заказам повторены. Картину «Зловещие» (1901) В. А. Серов, в то время член Совета Третьяковской галереи, также рекомендовал приобрести для галереи и был огорчен, узнав, что ее опередил Русский музей. Тем не менее, рассчитывать исключительно на доходы с продажи картин Николай Константинович не мог, да он и не собирался отдать себя

только живописи. Занятия археологией, историей, философией давно уже перестали быть для него увлечениями и требовали все большей и большей затраты сил и времени.

В поисках твердого и независимого положения Николай Константинович выдвинул в 1901 году свою кандидатуру на вакантную должность секретаря Общества поощрения художеств, которое играло заметную роль в культурной жизни страны, занималось выставочной и издательской деятельностью. Обществу принадлежали художественно-промышленная школа, художественно-промышленные мастерские, музей, аукционный зал. Секретарь общества руководил всем его делопроизводством и считался весьма значительным по своему положению лицом.

Основательные знания, последовательность в проведении своей линии, энергия Николая Константиновича вскоре принесли ему признание незаурядного организатора. Административные обязанности Рерих успешно сочетал с научно-исследовательской деятельностью и живописью. С 1902 по 1905 год им был проведен ряд интереснейших археологических исследований на северо-западе России. Они внесли много нового в научные представления о культуре народов, заселявших русские равнины в эпоху неолита. Открытия Рериха обсуждались и получили высокую оценку специалистов на археологическом съезде во Франции в 1905 году.

Плодотворной была для Рериха-художника и Рериха-ученого поездка по древнерусским местам. В 1903-1904 годах он и Елена Ивановна посетили свыше сорока русских городов, где были изучены исторические памятники, народное творчество, ремесла и старинные обычаи. Зимой 1904 года на выставке «Памятники русской архитектуры» экспонировалось около 90 этюдов, созданных Николаем Константиновичем за эту поездку. Единственная в своем роде серия живописных произведений имела громадный успех. Ее собирались приобрести для Русского музея, но этому помешала война с Японией. В 1906 году почти все этюды русской старины вместе с 800 произведениями других художников были отправлены на выставку в США. Устроитель выставки не сумел рассчитаться с американской таможней, и все картины были проданы с аукциона.

Научная, художественная и литературная деятельность Рериха отличалась подлинно национальным характером. Опираясь на исторические источники, Николай Константинович писал о достижениях славянских племен в далеком прошлом, об их общественно-государственной структуре и высоком уровне культурной жизни.

Изучая вопросы массовых миграций, Рерих приходит к заключению, что народы, заселяющие русские равнины, в течение долгих лет были гораздо теснее связаны с Востоком, нежели с Западом, и что именно на Востоке следует искать разгадки многих явлений и особенностей русской национальной культуры.

Такие взгляды Рериха определили весь его дальнейший жизненный путь, его научные поиски и развитие мировоззрения. Нашли они отражение и в его

живописи. В своих картинах Рерих воспроизводит древний облик славянской земли, исконных ее жителей, знакомых с разнообразным трудом, общественно организованных и способных защищать свою независимость и веками выработанный уклад жизни.

Занимаясь изучением старины, Рерих одним из первых русских художников со всей серьезностью и знанием дела поднимает вопрос об огромной художественной ценности древнерусской иконописи и о необходимости оградить ее от варварского уничтожения и искажения невежественными реставраторами. Внимание Николая Константиновича привлекает и бедственное положение народных ремесел, которые вытесняются безликим фабричным производством. Рерих принимает живое участие в работе художественных мастерских, открытых М. К. Тенишевой в имении «Талашкино» под Смоленском. В них обучали местную молодежь прикладному искусству. Тенишева широко пользовалась советами М. А. Врубеля, М. В. Нестерова, И. Е. Репина, В. А. Серова, С. В. Малютина, И. Я. Билибина, Е. Д. Поленовой и многих других художников, которым были дороги национальные традиции народного творчества.

Характерные особенности искусства самого Рериха вырабатывались в тщательном изучении и следовании этим традициям, что в значительной мере и определило его место в истории русской живописи, а также взаимоотношения с коллегами, в частности с художниками объединения «Мир искусства». Западнические тенденции некоторых его лидеров всегда оставались для Рериха неприемлемыми. Чужды были Николаю Константиновичу и свойственные ряду мирискусников живописные поиски в ограниченной сфере эстетических проблем.

Самобытный талант Рериха скоро принес ему широкое признание и известность. Его картины экспонировались на многочисленных отечественных и зарубежных выставках в Праге, Берлине, Риме, Вене, Венеции, Париже, Лондоне. В 1906 году Николай Константинович был избран членом парижского Осеннего салона, а в 1909 году — академиком петербургской Академии художеств.

Секретарские обязанности в Обществе поощрения художеств, отнимая много времени, не давали Рериху творческого удовлетворения. Его больше привлекала непосредственная работа в области художественного образования. Статьи Рериха, появившиеся вскоре после его приобщения к деятельности Талашкинских художественных мастерских, свидетельствуют об обширных планах преобразования всей постановки художественного просвещения в России. Считая, что влияние искусства распространяется далеко за пределы «чисто эстетического» и оказывает громадное воздействие на нравственное воспитание народа, Николай Константинович ратует за самое широкое «внедрение искусства в повседневную жизнь».

В 1906 году Рерих оставляет должность секретаря Общества поощрения художеств и становится директором Школы этого же общества. Ее дела находились к тому времени в большом упадке. Александр Бенуа писал в связи со сменой руководства Школы: «Рерих получил такое наследство, которое

всякий другой призадумался бы принять, тем более, что это наследство находилось под опекой лиц, достаточно могущественных...» [4].

Энергия и организаторские способности Рериха привели к тому, что через несколько лет Школа Общества поощрения художеств стала одним из самых крупных демократических художественных учебных заведений страны. Николай Константинович открыл сеть пригородных отделений, мастерских и классов, доступных для трудящейся молодежи петербургских фабричных окраин. Программы по специальности были им расширены введением уроков по общехудожественному образованию, музыке, хоровому пению. При Школе был создан Музей русского искусства, часто проводились экскурсии по древнерусским городам. К 1917 году число учеников значительно увеличилось, за Школой укрепилось наименование «второй академии художеств». Рерих действительно мечтал превратить со временем Школу в Народный университет искусств и уже разрабатывал соответствующую расширенную программу.

Почти одновременно с началом педагогическо-просветительной деятельности Николай Константинович занялся и театральной работой. Оформление таких спектаклей, как «Князь Игорь», «Снегурочка», «Пер Гюнт», «Принцесса Малейн», «Весна священная», которые шли в Петербурге, Москве, Париже, Лондоне, Милане, Нью-Йорке, Чикаго, принесло Рериху заслуженную славу большого мастера театральных декораций. Николай Константинович сотрудничал с С. П. Дягилевым, К. С. Станиславским, И. Ф. Стравинским, был близок со многими композиторами, артистами, театральными деятелями. Наряду с А. Н. Бенуа, Л. С. Бакстом, К. А. Коровиным, А. Я. Головиным Рерих внес много нового и ценного в русскую театральную живопись и способствовал ее высокому международному признанию. Достаточно сказать, что даже после смерти художника по его эскизам изготовлялись декорации для постановок русских опер в Англии, Италии, Швеции. Характерно, что Рерих предпочитал принимать участие в оформлении спектаклей, воспевавших народные движения, героизм, подвиг, высокое чувство любви.

Жизнь Николая Константиновича протекала в сложном взаимодействии многих творческих устремлений, отличавшихся вместе с тем четкой целенаправленностью, устойчивостью философского мировоззрения.

Впервые наиболее полно Рерих изложил свои философские и эстетические взгляды в большой статье «Радость искусству» (1908), в которой на материалах из русской и мировой истории проводилась мысль о зависимости между искусством и развитием общественной жизни в разные эпохи. Выше всего Рерих ставил творческое отношение человека к окружающему миру. По его мнению, искусство, будучи выразителем творческого начала, в том или ином виде пронизывает и направляет всю человеческую жизнедеятельность. Вместе с тем, Рерих пытается не порывать с исторической базой естественного происхождения и развития человеческих чувств и знаний. Однако, приурочивая появление на земле «полноценного человека» к моменту возникновения у него сознательно-творческого отношения к жизни, Николай Констан-

тинович отдавал приоритет духовным факторам и как философ зачастую придерживался идеалистических позиций.

Заметное воздействие на молодого Рериха оказывали Дж. Рескин и Л. Н. Толстой. Но в поисках «гармонии жизни» пути Рериха и Толстого расходились. Хотя в какой-то мере их сближал подход в постановке ряда этических проблем.

Решающее влияние на философское мировоззрение Рериха имел Восток. Николай Константинович с ранних лет следил за исследованиями отечественных востоковедов и со многими из них был хорошо знаком. Взгляды художника на процессы развития русской национальной культуры направляли его внимание на историю культуры народов Востока. Научные концепции Рериха о народных миграциях и их роли в преемственности культур находили опору в трудах тех ученых, которые в конце XIX и начале XX века заново открывали западному миру высокие достижения Востока в далекой древности.

Николай Константинович проявил большой интерес к движению «Миссия Рамакришны», возникшему в 1897 году по инициативе индийского мыслителя и общественного деятеля Свами Вивекананды. Вивекананда и его учитель, популярный в Индии и за ее рубежами философ Рамакришна, были первыми учеными, по трудам которых Рерих знакомился с оригинальной индийской философской мыслью. Из индийской классической литературы огромное впечатление произвели на Рериха «Бхагаватгита», ранние упанишады, некоторые буддийские философские тексты.

Увлечение восточной философией и литературой сказалось на формировании общественно-политических взглядов Рериха. Как истинный гуманист он не мог признавать справедливым общество, узаконившее угнетение и эксплуатацию человека человеком. Уже в своих ранних статьях Николай Константинович указывает на несовершенство общественного строя, закрывающего народу свободный доступ к радостям творческой жизни. Не прошли бесследно для Рериха и явно выраженные симпатии к социализму в сочинениях Вивекананды и Тагора. Однако прогрессивные идеологи освободительного движения в Индии были органически связаны с укоренившимися религиозными традициями, которых еще крепко придерживались широкие народные массы страны. Все это находило отражение и в общественных взглядах Рериха, безраздельно верившего в мощь «духовного оружия».

Начиная с 1905 года восточная тематика прочно входит в живопись и литературные труды Николая Константиновича. Научная работа сближает его с востоковедами, в их числе с известным буддологом Ф. И. Щербатским. Рерих ратует за создание в Петербурге специального Индийского музея. В Школе Общества поощрения художеств он добивается ассигнований для отправки в Индию учеников. Старший сын художника с гимназических лет изучает восточные языки. В 1913 году Николай Константинович ведет переговоры с проживающим в Париже русским востоковедом В. В. Голубевым об организации совместной экспедиции в Индию. В продолжение многих лет Рерих готовится к тому, чтобы посетить страны Востока с научно-

исследовательскими целями, главной из которых всегда оставалась проблема массовых народных миграций в древности.

Вместе с тем, в искусстве Рериха славянские мотивы отнюдь не вытеснялись восточными. Его пытливая мысль искала в диалектике больших исторических процессов корни национальных культур, его политические убеждения тесно связали освобождение пародов Азии от колониальной зависимости с победой революционного движения у себя на родине.

В 1914 году, когда вспыхнула первая мировая война, Рерих без колебаний примкнул к антимилитаристически настроенной части русской интеллигенции. Николай Константинович сближается с А. М. Горьким, с которым раньше сотрудничал в издательских делах, выдвигает проект организованной охраны просветительных учреждений и памятников культуры в военное время, участвует в работе Красного Креста, открывает мастерские по обучению художественным ремеслам раненых. Статьи Рериха в эти годы насыщены мыслями о «завтрашнем всенародном строительстве», о подготовке «высоких путей» к достижению лучшего будущего.

В начале 1915 года Николай Константинович перенес тяжелое воспаление легких. Его здоровье восстанавливалось медленно, врачи настояли на переселении из Петербурга в более сухую, лесистую местность.

Чтобы не отрываться от руководства Школой Общества поощрения художеств и другой общественной работы, Рерих стал подыскивать не очень удаленное от столицы место, и его выбор остановился на Сердоболе (Сортавала) в Карелии. Там, на берегу ладожских шхер, среди соснового леса он арендовал дом, куда и переехал с семьей в декабре 1916 года.

Пребывание в Сердоболе лишило Рериха его обычной активности в год Великой Октябрьской социалистической революции. Когда позволяло здоровье, он делал кратковременные выезды в Петроград, чтобы быть в курсе близких ему дел. Так, в марте 1917 года Николай Константинович присутствовал на созванном Горьким совещании группы художников, писателей, артистов. Тогда же была избрана комиссия из двенадцати человек, куда вошел и Рерих. 6 марта Горький, Бенуа, Рерих и Добужинский подписали заявление в Совет рабочих и солдатских депутатов, где говорилось: «Комиссия по делам искусства, занятая разработкой вопросов, связанных с развитием искусства в свободной России, единогласно постановила предложить свои силы в распоряжение Совета рабочих и солдатских депутатов для разработки вопросов об охране памятников старины, проектирования новых памятников, составления проекта положения об органе, ведающем делами изящных искусств, устройстве народных празднеств, театров, разработке гимна свободы и т. п.» [5].

Одним из документов, распространенных комиссией и подписанных вместе с другими Рерихом, было обращение ко всем правительственным и общественным организациям прекратить сооружение памятников, связанных с увековечением памяти династии Романовых. Этот призыв вызвал нападки на Горького со стороны более правых элементов, обвинивших Алексея

Максимовича в посягательстве на «свободу творчества». Присутствие в комиссии Александра Бенуа и его попытки преобразовать ее в Министерство изящных искусств, в свою очередь, послужили причиной бурных протестов представителей «левого» искусства, в частности, Маяковского. Бенуа пытался заручиться поддержкой Рериха и даже предлагал ему занять пост министра в проектируемом Министерстве изящных искусств, от чего Николай Константинович категорически отказался. Демократическая программа и искренние стремления Горького координировать культурные силы страны в трудное для нее время больше отвечали взглядам Рериха, чем деятельность министерства, обязанного проводить политику Временного правительства.

Разруха, вызванная войной, не ослабила работы Рериха над проектом Свободной народной академии. Готовясь к его защите, он писал в 1917 году: «Мы верим в великое назначение искусства для народа. Товарищи! Какие бы трудности нас ни ожидали, будем твердо помнить, что идея народного просвещения всегда должна быть в человечестве самой нерушимой, самой любимой, самой близкой понятию подвига» [6]. Здесь следует отметить само обращение «товарищи», которого многие представители интеллигенции старались тогда избегать.

Николай Константинович принял Октябрьскую революцию как поворотное историческое событие в судьбе не только русского народа, но и народов всего мира. В конце 1917 и первой половине 1918 года, работая над рукописью аллегорической повести «Пламя» и статьей «Единство», Рерих писал: «Создается еще одна ступень к мировому единству. Государственность дрогнула и обратилась к народному строению. А народность — первая ступень к единству... Лишь подвигом движима русская жизнь. И подвиг самый непреложный — подвиг народного просвещения. Культ самовластия, тирании, культ мертвого капитала может смениться лишь светлым культом знания» [7].

Взгляды Николая Константиновича были несколько односторонними. Недоценивая остроту классовых противоречий, он, однако, никогда не защищал обанкротившийся строй. 1917 год сразу же и навсегда стал для Рериха годом рождения Новой России.

Последний раз Николаю Константиновичу удалось побывать в революционном Петрограде в январе 1918 года. В мае этого же года финская буржуазия с помощью германских войск установила реакционный режим и закрыла государственную границу между Финляндией и Советской Россией. Рерих оказался надолго отрезанным от своей Родины, но контактов с нею не терял и разными путями налаживал переписку.

Архивы и литературные произведения Рериха периода его пребывания в Сердоболе свидетельствуют, что по мере приближения первой мировой войны к концу он много думал о планах поездки на Восток. Летом 1918 года здоровье Николая Константиновича, наконец, значительно улучшилось, и он предпринимает попытку выбраться из захолустного карельского городка. На помощь приходит предложение профессора О. Биорка из Стокгольма

приехать в Швецию для приведения в порядок картин русских художников, оставшихся там с выставки 1914 года.

Посетив шведскую столицу, Рерих договорился об устройстве персональной выставки своих произведений, которая прошла с большим успехом в ноябре 1918 года. Имя Рериха, уже достаточно известное в западных странах до войны, вновь появилось на страницах европейской прессы. Стали поступать предложения об организации выставок и даже переезде на постоянное жительство во Францию и Германию. Но Николая Константиновича интересовала в это время только Англия, с разрешения властей которой можно было выехать в Индию.

Попасть в Англию Рериху помог Дягилев, ставивший тогда в Лондоне «Князя Игоря». Английский театральный деятель Т. Бичам предложил Николаю Константиновичу написать декорации и к другим русским постановкам. Так, осенью 1919 года Рерих с семьей оказался в Лондоне, где его выставки и оформление театральных постановок были встречены восторженно.

Однако эти успехи не вызывали у Николая Константиновича намерения задержаться в Европе на продолжительный срок. Мыслями он давно уже был в Индии. И когда в 1920 году в Лондон приехал Рабиндранат Тагор, выразивший желание познакомиться с известным русским художником, то к своему удивлению он застал Рериха в мастерской за работой над серией панно «Сны Востока». Писатель поддержал планы Рериха. И уже с 1921 года, не без содействия Тагора, в индийских журналах стали появляться статьи об искусстве Рериха.

Готовиться к научно-исследовательской работе на Востоке Рерих начал сразу же по приезде в Лондон. Его сын Юрий поступил на индо-иранское отделение Школы восточных языков при Лондонском университете. Сам Николай Константинович тщательно следил за новейшей востоковедческой литературой. Особенно его интересовали последние работы русских востоковедов. Он знакомится с только что вышедшими в Петрограде работами Ф. И. Щербатского, Г. З. Цыбикова, П. К. Козлова, Ф. А. Розенберга, С. Ф. Ольденбурга, Б. Я. Владимирцева. Завязывается переписка с некоторыми индийскими деятелями культуры.

В конце 1920 года Рерих уже приобрел билеты на пароход до Бомбея, но поездка сорвалась. Выяснилось, что доброжелательного отношения английских властей к проведению научно-исследовательской работы в их колонии ждать не приходится. В самом лучшем случае можно было рассчитывать лишь на кратковременную туристскую поездку, что Николаю Константиновичу мало устраивало, и отъезд пришлось отменить.

Покидая в 1919 году Сердоболь, Рерих не имел ни малейшего намерения посетить Америку, и только вынужденная отсрочка запланированной в страны Азии экспедиции побудила его принять предложение директора Чикагского института искусств Р. Харше провести в США выставочное турне.

Первая выставка Рериха в США состоялась в декабре 1920 года в Нью-Йорке. За ней последовали другие, еще в 28 крупнейших городах. Эти вы-

ставки можно назвать не только большим успехом Рериха, но и триумфом русского искусства. Посещая крупнейшие центры США, Рерих выступал с лекциями, в которых знакомил американцев с достижениями русского искусства, науки, говорил о международном значении социальных преобразований в России. У Николая Константиновича имелось полное основание писать в начале 1923 года в СССР И. М. Степанову: «Вы правы, полагая, что за эти годы мною много сделано. Поработано во славу русского искусства много. Везде наше знамя осталось высоко» [8].

Вокруг Николая Константиновича стали группироваться художники, музыканты, писатели, учащаяся молодежь. Так началась общественная деятельность Рериха за рубежом, в частности, в США, на культурную жизнь которой он оказал в свое время значительное влияние.

По инициативе русского художника и его последователей возникло несколько культурно-просветительных учреждений, созданных на кооперативных началах, в их числе Нью-Йоркский институт объединенных искусств с секциями изобразительного искусства, музыки, хореографии, архитектуры, театра, литературы, с научным и философскими отделениями. Около ста американских деятелей культуры и науки отозвались на призыв Рериха принять участие в работе, преследующей самые широкие просветительные цели.

В основу учебно-образовательных программ закладывались те идеи, которые увлекли Рериха еще в 1917 году, когда он работал над проектом Свободной академии. Особое место отводилось тезисам об интернациональном значении искусства как международного проводника этических и эстетических ценностей.

Выставки, публичные лекции, выступления в печати, общественно-культурная и научная работа в международном масштабе подготовили благоприятную почву для осуществления давно задуманной экспедиции в страны Азии. Заручась поддержкой американских и европейских ученых, художников, писателей, Рерих не без оснований надеялся преодолеть то сопротивление англичан, которое обычно испытывали на себе русские путешественники в Индии.

Рерих прожил в США с 1920 по 1923 год и затем в 1924, 1929 и 1934 годах с короткими деловыми визитами посещал Нью-Йорк. Уже после отъезда художника из Америки в ноябре 1923 года в Нью-Йорке был открыт Музей имени Н. К. Рериха, куда Николай Константинович передал свыше 300 своих полотен.

В мае 1923 года семья Рериха собралась в Париже, где Юрий Николаевич успел получить степень магистра индийской филологии. Молодой ученый уже свободно владел санскритом, тибетским, монгольским, китайским и иранскими языками. Это облегчало многие задачи экспедиции. Подготовка к ней продолжалась еще несколько месяцев. Чтобы завязать более тесное сотрудничество с европейскими учеными, Николай Константинович побывал в Виши, Лионе, Флоренции, Болонье, Женеве. И, наконец, 17 ноября 1923 года семья Рериха отплыла на пароходе из Марселя в Индию.

30 ноября 1923 года Рерихи прибыли в Бомбей. Начав свой индийский маршрут с этого города и посетив попутно Джайпур, Агру, Сарнатх, Бенарес и Калькутту, они направились к южным склонам Восточных Гималаев, где и поселились в окрестностях города Дарджилинга. Интерес Рериха к северным районам Индии был понятен. Русские путешественники, в частности, Н. М. Пржевальский и П. К. Козлов, давно стремились пройти Центральную Азию с севера на юг, чтобы исследовать оставшиеся неизвестными области Тибета. Теперь Николай Константинович подошел с противоположной стороны к этим таинственным территориям.

В экспедициях, проведенных в пограничных с Тибетом Сиккиме, Непале и Бутане, Рерих собрал много буддийских старинных рукописей и предметов искусства. Внимание Николая Константиновича привлекали исторические и современные связи Индии с Тибетом. Горные перевалы Сиккима с незапамятных времен были главными артериями общения между ними, что вносило в культуру народов этой области свои особенности. Характерно, что первые научные описания и труды Николая Константиновича и Юрия Николаевича гораздо больше захватывали тибетскую, чем индийскую тематику.

Приезд в Азию, конечно, сказался и на искусстве Рериха. Его сразу же пленил величественный горный мир Гималаев, засверкавший на полотнах художника невиданными красками. Серия картин «Знамена Востока» («Учителя Востока») была задумана и начата Николаем Константиновичем уже в 1924 году в Сиккиме.

Местные экспедиции в районе Сиккима продолжались недолго. Работа в замкнутых пределах индийской территории не исчерпывала обширных планов Рериха по изучению исторических связей и укреплению в будущем обмена культурными ценностями между народами его родины и странами Азии.

В сентябре 1924 года Николай Константинович выезжает в Европу и Америку, чтобы решить там вопрос об организации большой научно-художественной экспедиции, маршрут которой дважды, — с юга на север и с севера на юг, — пересек бы Центральную Азию. Эту экспедицию Николай Константинович задумал использовать и для посещения Советского Союза. Чтобы подготовить такую возможность, художник из Сиккима пишет письмо Горькому.

Опираясь на поддержку ученых и сотрудников по культурно-просветительной деятельности, Рерих добивается в Нью-Йорке разрешения вести экспедицию под американским флагом и получает документы, открывающие доступ в колониальные страны Азии. Конечно, разговор о посещении Советского Союза в Америке не поднимался. Этот сложный и первостепенной важности для самого Рериха вопрос ему приходилось решать в одиночку и негласно.

В декабре 1924 года Николай Константинович приезжает в Берлин, где, судя по письмам, он предполагает застать Горького. Но Алексей Максимо-

вич находился в это время в Италии, и Рерих один наносит визит советскому полпреду Н. Н. Крестинскому. Тот был достаточно полно осведомлен о деятельности художника за границей и тепло принял его. Николай Константинович посвятил Крестинского в свои планы и рассказал ему о впечатлениях, связанных с поездкой в Азию, в том числе, и о положении в Тибете, где раздувалась усиленная антисоветская пропаганда.

В разговорах с Крестинским Рерих высказал свою симпатию к советскому строю и убеждение в том, что прогрессивные коммунистические идеи должны преобразовать на новых основах всю общественную жизнь человечества. Правда, идеалистические тенденции философского мировоззрения Рериха тесно связывали идеи современного коммунизма с многовековым учением Будды об общинном устройстве жизни и с этикой некоторых восточных философских школ. Это дало повод наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, которому по просьбе Рериха была доставлена стенограмма его беседы в берлинском полпредстве, назвать художника «полубуддистом-полукоммунистом» [9].

Изложив цели предстоящей экспедиции и свои политические взгляды, Николай Константинович просил оказать ему, в случае надобности, помощь советских дипломатов в Центральной Азии и разрешить посещение Родины. Вскоре из Москвы пришел благоприятный ответ, но он не застал Рериха в Европе. Николай Константинович был уже на пути в Азию. На этот раз он ехал через Цейлон, центр наиболее древнего ответвления буддизма — хинаяны. Здесь художник встретился с крупным ученым и общественным деятелем, будущим послом Цейлона в СССР Г. П. Малаласекерой. Через много лет, характеризуя деятельность Николая Константиновича, последний скажет: «Жизнь Рериха была соткана из многих необычайных элементов, которые с трудом поддаются описанию. Некоторые зовут его пророком, другие мистиком. Быть может, сам он предпочел бы быть названным посланником доброй воли Запада на Востоке» [10].

Это очень точное определение. Больше всего Рерих стремился к достижению взаимопонимания и сближения культур народов Запада с народами Востока, и, в первую очередь, народов Советского Союза, Центральной Азии и Индии. В успехе такого сближения Николай Константинович видел не только естественное продолжение традиций далекого исторического прошлого, но и единственный верный залог процветания человечества в будущем.

В марте 1925 года Николай Константинович, Елена Ивановна и Юрий Николаевич (Святослав Николаевич продолжал образование в Америке и Европе) переехали из Дарджилинга в столицу Кашмира Сринагар (Западные Гималаи). Здесь Рерих оснащает экспедицию и начинает свой далекий путь по Центральной Азии. Уже в самом Кашмире экспедиции Рериха, несмотря на американские документы и флаг, приходится сталкиваться с препятствиями, вплоть до явно спровоцированных вооруженных столкновений.

После Кашмира экспедиция два месяца проработала в горах Ладака и в сен-

тябре 1925 года двинулась в направлении Хотана. В трудных условиях осени были преодолены семь перевалов, более 5000 метров высотой. В Хотане, где Николай Константинович намечал археологические раскопки, путешественников ждали новые неприятности. Местные китайские власти запретили Рериху проводить научные исследования, придрались к документам, выданным китайским послом в Париже, отобрали необходимое в пути оружие и, в конце концов, арестовали всех членов экспедиции.

Николаю Константиновичу удалось, по счастью, снестись с советским консулом в Кашгаре, и только благодаря его энергичному вмешательству, после вынужденной трехмесячной стоянки в Хотане, караван Рериха стал продвигаться дальше через Аксу, Кучу, Карашар и в апреле 1926 года дошел до столицы провинции Синь-цзян — Урумчи. Здесь находился китайский генерал-губернатор, правивший обширным краем, в состав которого входил и Хотан, где не без прямого вмешательства англичан была сделана попытка не пропустить караван далее на север.

В Урумчи Рерихи дождались оформления советской въездной визы и 29 мая 1926 года в районе озера Зайсан пересекли границу Советского Союза. 13 июня они уже были в Москве. Посещение Родины имело для Николая Константиновича огромное значение, а сам факт приезда в Советскую Россию непосредственно из Британской Индии был в то время явлением чрезвычайным, которое не могло не вызвать к себе повышенного интереса.

В Москве Николай Константинович встретился с архитекторами, художниками, учеными, со Щусевым, Грабарем и другими, в тесном контакте с которыми предполагал наладить свою дальнейшую исследовательскую работу в Азии. О ее планах он подробно информировал наркомов Г. В. Чичерина и А. В. Луначарского и получил их одобрение и поддержку. Прежде всего, Рериху было необходимо оснастить экспедицию на вторую, наиболее трудную половину намеченного маршрута, пересекавшего восточную часть Тибетского нагорья. В этом Николаю Константиновичу была оказана государственная помощь, и ему был выдан советский экспедиционный паспорт.

В дальнейшем Рерих предполагал продолжить свои изыскания в районе Гималайского хребта, с тем, чтобы уже через десять лет окончательно вернуться на Родину. Находясь в Москве, художник передал Чичерину ларец со священной для индийцев гималайской землей для возложения ее к Мавзолею Ленина.

До отъезда из Советского Союза Рерихи побывали с экспедицией на Алтае и в Бурятской АССР. В сентябре 1926 года, через Кяхту, они проследовали в столицу Монголии — Улан-Батор, откуда и предстояло начать обратный путь в Индию.

В Монголии власть уже принадлежала Народному правительству, созданному после победы революционных сил над китайскими и японскими милитаристами. Еще из Индии Николай Константинович писал о Монголии как о самой передовой стране Центральной Азии. Теперь Рерих подчеркивал значение социальных преобразований для Советской России и Народной

Монголии и их готовность следовать заветам Ленина. Эти мысли нашли выражение в книге «Община» и других, изданных Рерихом в Улан-Баторе.

Частые ссылки на В. И. Ленина, русскую революцию, на надежды, возлагаемые народами Востока на Советский Союз, встречаются также и в рукописи «Алтай-Гималаи» (1923-1928). Однако, при издании книги на Западе они были опущены. Сохранившийся оригинал позволяет восстановить первоначальный текст и правильно понять те Цели, которые преследовал Рерих при попытках наладить в 20-х годах разнообразные культурные связи между народами закабаленного еще Востока и уже свободными строителями новой жизни на своей Родине.

Закончив оснащение экспедиции и запасшись разрешением тибетских властей пройти по их территории и посетить Лхасу, Рерих в апреле 1927 года вышел из Улан-Батора с караваном, взявшим направление на юго-западный монгольский пограничный пункт Юм-Бойсе. После Юм-Бойсе экспедиция прошла по пустынному и заброшенному пути, когда-то давно проложенному между исчезнувшими «островными оазисами» до Аньси.

В июле 1927 года Рерих разбил лагерь на высокогорном пастбище Шаргола, откуда отдельные группы выезжали в окрестные районы Цайдама для сбора научного материала. В конце августа экспедиция двинулась дальше по Тибетскому нагорью прямым путем на Нагчу. Этот чреватый опасностями маршрут через Цайдамские солончаки был короче караванной дороги, по которой в 1880 году следовал Пржевальский, повернувший, не доходя до Нагчу, обратно. Рерих намеревался завершить начатое прославленными русскими путешественниками в Азии дело и пересечь через Лхасу все Тибетское нагорье.

Николай Константинович и его спутники испытали на себе все опасности далекого пути, связанные с суровой природой Центральной Азии. Они усугублялись, так же как при Пржевальском и Козлове, нападениями на караван полудиких кочующих племен. Ко всему этому экспедиции Рериха пришлось пережить еще и совершенно непредвиденную трагедию, виновниками которой оказались колониальные власти.

В октябре 1927 года в местности Чунаркэн караван Рериха был остановлен регулярными войсками, подчиненными начальнику тибетских вооруженных сил области Западных Хор. Николай Константинович думал, что задержка вызвана каким-то недоразумением. Да и тибетский генерал при переговорах с Рерихом уверял его в том, что через несколько дней будут выправлены какие-то дополнительно потребовавшиеся документы, и он сможет продолжать свой путь.

Потянулись долгие дни ожидания. Караван окружили хорошо вооруженные воинские отряды под командованием тибетского майора, следившего за каждым шагом членов экспедиции и регулярно посылавшего в Лхасу донесения. Между тем, надвигалась жестокая тибетская зима, которую даже местное население с трудом переносит в утепленных юртах и к которой Рерих и его спутники совершенно не были подготовлены. Имея полную возмож-

ность уже в октябре дойти до Лхасы, экспедиция запаслась лишь летними палатками. Запасы продовольствия, фуража и медикаментов также не были рассчитаны на длительную стоянку, а пополнять их стало невозможно, так как окружавшие экспедицию войска препятствовали сношениям с населением и проходящими караванами.

Николай Константинович посылал через тибетского майора письма и телеграммы американскому консулу в Калькутту, британскому резиденту в Гангток, далай-ламе в Лхасу. Ответы на них не приходили. Экспедиция была столь тщательно изолирована от внешнего мира, что в западной прессе стали появляться сведения о ее гибели.

Только в марте 1928 года Николаю Константиновичу было, наконец, разрешено покинуть абсолютно непригодное для зимней стоянки место. Несколько членов экспедиции Рериха погибли вследствие простудных заболеваний. Что же касается вьючного состава, то из 102 верблюдов выжило только 10, а из 10 лишь два могли быть использованы для передвижения. Резкие перепады температуры уничтожили часть ценнейших кинопленок.

Однако мужество отважных путешественников не было сломлено. Исследовательская работа не прекращалась даже в самых тяжелых условиях. Путевые записи, коллекции, сотни созданных в пути этюдов и зарисовок удалось сохранить. Собрав новый караван, Рерих двинулся с экспедицией дальше, но, выполняя предписание тибетских властей, уже не через Лхасу, а в обход ее, что задержало возвращение в Индию еще на два месяца.

Что же, в сущности, произошло, и почему Рерих, имевший на руках официальное разрешение посетить Лхасу, был задержан менее, чем в трехстах километрах от нее, а его экспедиция чуть не погибла на самом подходе к Нагчу, где имелись обильные запасы продовольствия?

У Николая Константиновича были основания предполагать, что виною всему являются его симпатии к Советскому Союзу и посещение Москвы. Эти предположения полностью подтвердились в наше время, когда советскому журналисту Л. В. Митрохину удалось в индийских архивах найти переписку Великобританского министерства иностранных дел со своими ставленниками в Азии [11]. Оказывается, после того, как Николая Константиновича благожелательно приняли в Москве, и он имел беседы с членами Советского правительства, английскому резиденту в Сиккиме было дано указание ни в коем случае не пропустить Рериха обратно в Индию. А Рерих уже приближался к Лхасе. Поэтому английские колониальные власти, от которых полностью тогда зависело правительство Далай-ламы, разработали коварный план, обрекавший Рериха и его спутников на верную гибель.

Тем не менее, преодолев все препятствия, экспедиция Рериха перешла Гималаи через перевал Сепола и в конце мая 1928 года достигла Дарджилинга, откуда в марте 1925 года Николай Константинович начал свое путешествие, вписавшее в историю русских исследований Центральной Азии одну из самых славных страниц. Рерих достиг своей цели. Его экспедиция, подробно ознакомилась с положением памятников древности по пройденному малоиз-

вестному пути, собрала редчайшие коллекции, зарегистрировала следы великого переселения народов (издавна интересовавшая Николая Константиновича проблема), отметила состояние путей сообщения и горных перевалов. Археологические, геологические и ботанические находки насчитывались тысячами. Во время путешествия было создано около 500 картин и этюдов.

Вернувшись в Индию, Рерих, продолжая столь успешно начатое дело, основал в Сиккиме Гималайский институт научных исследований «Урусвати» («Свет утренней звезды»). Однако вскоре Николай Константинович решил перевести его в Западные Гималаи и в декабре 1928 года переехал в долину Кулу. Весь Северный Пенджаб, откуда шли древнейшие пути на Тибет и в Центральную Азию вплоть до Алтая, представлял для научно-исследовательской работы громадный интерес и был удобен для экспедиций через горные гималайские перевалы.

После того, как около местечка Нагар, на высоте 2000 метров, Рерихи нашли дом, где можно было поселиться и начать научную работу, Николай Константинович и Юрий Николаевич выехали в Европу и США, для того чтобы договориться о сотрудничестве в научных учреждениях западных стран. За пятилетнее отсутствие Рериха, созданные при его содействии культурно-просветительные организации успели широко развернуть свою работу. В Нью-Йорке был построен небоскреб, где разместились: Музей имени Н. К. Рериха, Институт объединенных искусств, художественная галерея, театр на 350 мест, помещения для секционных занятий и студий.

Художественный и научный мир Америки и Европы встретил Рериха с большим интересом. Его выступления в институтах и на конференциях собирали большие аудитории. Были изданы книги «Сердце Азии», «Алтай-Гималаи», содержавшие описания маршрутов, результаты работы экспедиции. В музеях Америки и Европы появились новые картины художника, привлекавшие внимание необычной тематикой и высоким мастерством исполнения. Художественная, научная и культурная деятельность Рериха становилась все более и более известной.

В 1929 году Николай Константинович вновь поднимает вопрос об охране народного культурного достояния, на этот раз уже в более широких международных масштабах, чем в 1914 году. Опираясь на принципы Красного Креста, Рерих разрабатывает проект специального Пакта по охране культурных ценностей в военное время. Гуманное начинание было горячо поддержано в прогрессивных кругах мировой общественности. Рабиндранат Тагор, Ромен Роллан, Бернард Шоу, Томас Манн, Альберт Эйнштейн, Герберт Уэллс и многие другие ученые, художники, писатели, общественные деятели горячо приветствовали Пакт Рериха.

В течение нескольких лет были проведены конференции и учреждены комитеты Пакта во Франции, Бельгии, США и в других странах Европы, Азии, Америки. В 1930 году Пакт был одобрен Комитетом по делам музеев при Лиге наций. Возникшее по инициативе Рериха движение приобрело множество сторонников.

Сам Николай Константинович не хотел задерживаться на Западе и торопился в Индию, где оставалась Елена Ивановна и налаживалась работа института «Урусвати». Весной 1930 года художник и его старший сын выехали из США в Лондон, а затем в Индию.

По возвращении в Кулу Рерих приступил к развертыванию работы нового института, деятельность которого была рассчитана на широкие международные связи. Юрий Николаевич взял на себя руководство этнолингвистическими исследованиями, разведкой археологических памятников, переводами на европейские языки манускриптов древности. Святослав Николаевич ведал работами по изучению древнего искусства народов Азии и проблем тибетской и местной фармакопеи.

Приглашенные специалисты собирали ботанические и зоологические коллекции. Была организована биохимическая лаборатория с отделом борьбы против рака. Издавался ежегодник «Урусвати», в котором публиковались результаты научной деятельности сотрудников института. Десятки учреждений Европы, Америки, Азии вели с институтом обмен информацией и коллекциями. Среди них был и Ботанический сад Академии наук СССР, куда по просьбе известного ботаника и генетика Н. И. Вавилова Рерих посылал семена для его уникальной ботанической коллекции.

Гербарии, собранные Рерихом в экспедициях по пустынным районам Азии, содержали много полезных засухоустойчивых трав. Ими заинтересовался департамент земледелия США, предложивший Николаю Константиновичу организовать специальную экспедицию для сбора семян растений, предотвращающих эрозию плодородных почв и задерживающих распространение песков. В 1934 году Рерих по приглашению этого департамента выехал в США, чтобы договориться о подробностях и условиях финансирования экспедиции.

По пути в Америку Николай Константинович остановился в Париже, где, вопреки своему правилу не вмешиваться во внутренние дела русской эмиграции, выступил в поддержку сочувственно относящихся к Советскому Союзу группировок.

После прихода в Германии к власти фашистов международная обстановка так обострилась, что стали уже открыто говорить о возможности близкого военного столкновения между некоторыми западными странами и Советским Союзом. Это вызвало раскол русской эмиграции на два лагеря. Сторонники одного из них готовились присоединиться к немецким и итальянским фашистам и принять участие в войне против Советского Союза. Другие, напротив, считали, что долг каждого русского, где бы он ни находился и каких бы взглядов ни придерживался, заключается в посильной помощи родной стране и ее армии.

Выступив открыто в поддержку патриотических настроений, Рерих вызвал против себя целую бурю враждебных выпадов наиболее реакционных эмигрантов. Патриотизм художника, его частые высказывания в печати, восхвалявшие хозяйственные и культурные достижения в Советской России, его твердая уверенность в победе родного народа в случае войны пришлось

некоторым заправилам белоэмиграции отнюдь не по душе. Начатая ими против Рериха кампания не прекратилась даже после смерти художника.

В 1934 году Николай Константинович столкнулся с очередной трудностью при выборе маршрута для новой экспедиции. Судя по английским провокациям 1925-1928 годов, следовало полагать, что пути к пустыням Центральной Азии через Хотан или Лхасу будут для него закрыты. Оставались свободными подходы к пустыням Гоби и Алашань со стороны Северо-Западного Китая, и Рерих остановил свой выбор на Внутренней Монголии.

В мае 1934 года Николай Константинович был уже в Японии, откуда его экспедиция, в состав которой входили Юрий Николаевич и несколько специалистов-ботаников, переправилась в Маньчжурию и углубилась в ее территорию.

При исследовании степной Барги и западного нагорья Хинганского хребта были найдены засухоустойчивые сорта растений, семена которых могли бы быть использованы в США. Помимо основной задачи, члены экспедиции занимались также сбором лекарственных растений и сведений об их применении в тибетской медицине. Работа сулила хорошие результаты. Однако, по мере удаления экспедиции к северу последовали придирки со стороны японских оккупационных властей. Чтобы выяснить их причины, Рерих поехал в Харбин. Здесь со страниц белоэмигрантской и японской печати на него обрушился поток самых нелепых обвинений. Изданная в Харбине книга Рериха «Священный дозор» со статьями патриотического содержания была запрещена к продаже японской цензурой. На официальные запросы Николай Константинович получил из Токио невнятные отписки.

После нескольких месяцев бесплодных хлопот Рерих был вынужден согласовать с департаментом земледелия США вопрос о переброске экспедиции в другое место, и в марте 1935 года, переоснастив ее в Пекине, Николай Константинович двинулся к границам пустыни Гоби через Калган. В Гоби и предгорьях Хингана экспедиция проработала все лето. Здесь было изучено свыше 300 сортов засухоустойчивых трав и послано в Америку около 2000 посылок с семенами.

Выполнив все взятые на себя обязательства, Рерих, обеспокоенный продолжительным молчанием своих ближайших нью-йоркских сотрудников, в сентябре 1935 года поспешил в Шанхай, где его ждали ошеломляющие известия. Небоскреб Музея имени Н. К. Рериха в Нью-Йорке был построен на правах паевого товарищества. Взносы самого Николая Константиновича, не располагавшего свободными деньгами, заключались в картинах, количество которых уже превысило тысячу. Николай Константинович и Елена Ивановна как инициаторы дела являлись постоянными членами правления и совместно с другими учредителями обладали правом решающего голоса. Проживая за пределами Америки, Рерихи не принимали участия в хозяйственных вопросах и мало вникали в них, тем более, что еще при основании музея и прилегающих к нему учреждений существовала договоренность, что все они со временем должны быть переданы в сеть государственных культурных организаций. Для соблюдения требуемых формальностей Николай Константи-

нович и Елена Ивановна выдавали полные доверенности на ведение финансовых дел члену правления и директору музея Луи Хоршу.

Хорш был довольно крупным бизнесменом, имевшим обширные связи в деловых кругах США. Воспользовавшись пребыванием Рерихов в долгосрочной экспедиции и отсутствием регулярного почтового сообщения, Хорш сумел переписать пай Рерихов на имя своей жены. Получив таким путем в свои руки контрольный пакет паев музея и принадлежащего музею имущества, Хорш устранил из правления Николая Константиновича, Елену Ивановну и верных им сотрудников — основателей музея и Института объединенных искусств. Картины художника перешли в собственность Хорша.

Друзья Рериха пытались, конечно, восстановить свои погрязшие права через суд, но безрезультатно. Сам Николай Константинович отнесся к этой афере довольно хладнокровно. Потеря небоскреба и картин не обескуражила и искренних сторонников Рериха, которых в США было достаточно. Вскоре они открыли новый музей имени русского художника. Он функционирует по сию пору и имеет в своем собрании около трехсот произведений Рериха. По старой традиции музей ведет разностороннюю культурную деятельность, устраивает выставки зарубежных художников, знакомит американцев с культурными достижениями других стран, в том числе, и Советского Союза.

Уезжая в 1926 году из Москвы обратно в Индию, Рерих наметил десятилетний план научно-исследовательской работы, связанной с путешествиями по странам Востока. После экспедиции в район Северо-Западного Китая это десятилетие подходило к концу, и мысли Николая Константиновича были уже заняты вопросами возвращения на Родину. Это оказалось очень сложной для него проблемой. Открыто выразив свое намерение вернуться в Советский Союз при той сложной и напряженной политической обстановке, которая сложилась в мире к середине тридцатых годов, он рисковал плодотворной деятельностью и самим существованием многих организованных им культурных учреждений в нескольких десятках стран.

Тем не менее, уже с 1936 года Николай Константинович начал систематическую подготовку к возвращению на Родину. Об этом свидетельствуют его дневники, переписка с близкими сотрудниками, налаживание через них связей с советскими дипломатами в Париже и Риге, намерение переслать из Индии в Прибалтику свои архивы.

После Маньчжурской экспедиции Николай Константинович больше не выезжал из Индии, и вспыхнувшая в 1939 году вторая мировая война застала его в уединенном Кулу. Война отодвинула на неопределенное время переезд художника в Советский Союз и вынудила его законсервировать деятельность института «Урусвати».

Однако, энергичная натура Николая Константиновича не позволяла ему оставаться просто наблюдателем происходящих грозных событий и спокойно ждать наступления мирных времен. Даже в крайне неблагоприятных условиях Рерих искал хоть малейшую возможность продолжить ту работу, ради которой он оказался в далекой Индии.

Когда в 1941 году фашистская Германия напала на Советский Союз, деятельность Николая Константиновича особенно активизировалась. В печати стали появляться патриотические статьи художника, в которых он не только выражал свою уверенность в победе Советского Союза, но и открыто объявлял себя сторонником нового, социалистического строя, принесшего России расцвет творческих сил ее народов.

В Индии проводились выставки и продажа картин Николая Константиновича и Святослава Николаевича в пользу нужд Красной Армии и Красного Креста. По инициативе Рериха его американские сотрудники организовали в 1942 году Американско-русскую культурную ассоциацию (АРКА), которая наладила тесные связи с ВОКС и посольством СССР в Вашингтоне. Получая от них правдивую информацию, ассоциация распространяла ее через свои бюллетени, устраивала выставки советских фотодокументов, демонстрировала советские фильмы, выписывала для библиотек советские газеты и журналы. За всем этим чувствовалась опытная организаторская рука Николая Константиновича, избранного почетным председателем ассоциации. И он с полным правом записывал в «Листах дневника»: «Если человек любит Родину, он в любом месте земного шара приложит в действии все свои достижения. Никто и ничто не воспрепятствует выразить на деле то, чем полно сердце» [12].

После окончания второй мировой войны Николай Константинович возобновил подготовку к переезду в Советский Союз. Из его переписки с И. Э. Грабарем, М. В. Бабенчиковым, В. Ф. Булгаковым и другими, а также по высказываниям встречавшихся с Рерихом советских журналистов видно, как тосковал художник по Родине и как стремился скорее туда вернуться. Свыше четырехсот картин под его наблюдением было уже запаковано в ящики для транспортировки их морским путем через Бомбей.

Радовали Рериха происходившие в Индии события. Владычеству англичан приходил конец, и страна обретала самостоятельность. Рерих всегда поддерживал лидеров индийского освободительного движения, многих из них, в том числе, и Джавахарлала Неру, бывшего у него в Кулу, Николай Константинович хорошо знал.

Искусство русского художника, его научная и культурно-просветительная деятельность, его общественно-политические взгляды, направленные против европоцентристских теорий, служивших колонизаторским целям западных империалистов, принесли Рериху большую популярность в странах Азии. Его выставки проходили с громадным успехом и привлекали множество посетителей. Картины Рериха занимали почетные места в музеях Индии, и им даже отводились отдельные залы. Десятки индийских журналов публиковали статьи Николая Константиновича по вопросам искусства, науки и культуры. Издавались его книги, а местные авторы часто предпосылали своим трудам предисловия Рериха. Многие индийские философы, писатели, ученые, художники, общественные деятели поддерживали с ним дружеские отношения. К имени Рериха всегда прибавлялось «гурудев» (великий учи-

тель) или «махариши» (великий подвижник), что служило знаком большого уважения и признания его заслуг. «Картины его — говорил о творчестве Николая Константиновича Джавахарлал Неру, — проникнуты духом нашей истории, нашего мышления, нашего культурного наследия, они говорят нам так много не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, что мы все не можем не чувствовать себя в большом долгу перед Николаем Рерихом, который запечатлел этот дух в своих великолепных полотнах» [13].

Победа индийского народа в борьбе за свободу значила для Рериха очень много. Собираясь покинуть страну, с которой за два десятилетия он так сроднился, Николай Константинович знал, что искусственные преграды, воздвигнутые английским империализмом между народами стран Азии и его Родины, навеки рухнули. Перед Рерихом вставала грандиозная перспектива культурного и научного сотрудничества Советского Союза со странами Востока. Самые заветные мечты Николая Константиновича получали осуществление, и он торопился на Родину, чтобы продолжить там свою творческую деятельность, направленную на взаимопонимание и сближение народов.

Однако мечтам Рериха не суждено было сбыться. Уже с 1939 года его здоровье стало сдавать. Сказалось на нем и душевное напряжение военных лет. Силы Николая Константиновича постепенно слабели, и 13 декабря 1947 года приступ сердечной недостаточности внезапно оборвал его жизнь.

Свыше четырехсот картин и эскизов индийского периода жизни Рериха были привезены в Советский Союз его сыном Юрием Николаевичем, известным востоковедом, возвратившимся на Родину в 1957 году. После их выставок у нас появился ряд специальных статей, книг, монографий, посвященных искусству Рериха. Эта тема столь обширна и сложна, что в настоящем очерке мы ее не затрагивали, однако, говоря о Рерихе-ученом, Рерихе-путешественнике, педагоге, мыслителе, общественном деятеле, не могли, конечно, обходить молчанием главного — Рериха-художника.

Искусство Рериха, как и всякое подлинное искусство, продолжает жить и восхищать зрителей. Не умерла с художником и его идея об охране культурного достояния человечества. В 1950 году основные положения Пакта Рериха со всей документацией были переданы в ЮНЕСКО. В 1954 году в Гааге был подписан Заключительный акт Международной конвенции по защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов. «Нравственные принципы Рериха в отношении культурного наследия народов Земли, — как справедливо сказал по этому поводу народный художник СССР Сергей Коненков, — стали нормами международного права».

1. См. очерк «Академия художеств», стр. 88-89.

2. Отдел рукописей ГТГ, фонд 44/1322.

3. Стенограмма выступления С. Н. Рериха 16 июня 1960 года в Ленинграде (архив П. Ф. Беликова, Таллинн).

4. А. Бенуа. Школа Общества поощрения художеств, «Речь». 1910. 14 мая.

5. Цитируется по кн.: «Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 3. М., 1959, стр. 13.
6. Цитируется по оригиналу рукописи Н. К. Рериха (архив Г. Рудзитис, Рига).
7. Там же.
8. Цитируется по кн.: В. П. Князева. Николай Константинович Рерих. Л.-М., 1963, стр. 72.
9. С. Зарницкий, Л. Трофимова. Путь к Родине. — «Международная жизнь», 1965, № 1.
10. Стенограмма выступления Г. П. Малаласекеры на открытии выставки Н. К. Рериха в Москве 12 апреля 1958 года (архив И. М. Богдановой, Москва).
11. См.: Crime in Himalayas. New Documents on Roerich's Expedition to Central Asia, by Leonid Mitrokhin. «Soviet land», New Delhi, 1972, Nos. 14-15, July-August.
12. См. очерк «Оборона Родины», стр. 231-232.
13. Цитируется по ст.: П. Ф. Беликов. Николай Рерих и Индия. — В сб.: «Страны и народы Востока», вып. XIV, стр. 228.

*Опубликовано: Н. К. Рерих. Из литературного наследия —
М.: Изобразительное искусство, 1974. С. 14-46.*

ИСКАТЕЛЬ

А. Д. Алехин

*ученый секретарь Научно-исследовательского института
художественного воспитания Академии педагогических наук СССР*

ХУДОЖНИК, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ **Первая полная биография Николая Рериха**

Николай Константинович Рерих прожил долгую, полную самых разнообразных событий жизнь. Как художник — обращался ко многим видам и жанрам изобразительного искусства, как ученый работал в области археологии, истории, географии, кроме того писал, преподавал, путешествовал. Обо всем этом рассказывается в изданной «Молодой гвардией» книге П. Беликова и В. Князевой «Рерих»/серия «Жизнь замечательных людей»/ — первой полной биографии русского художника.

Рерих предстает перед читателем во всей широте своего таланта, разносторонности интересов, цельности натуры. Авторы книги прослеживают становление художника, соединившего в своем искусстве достижения прошлого с требованиями современности, справедливо указывают на национальные основы его творчества, которым он никогда не изменял. Знание родного искусства, горячая к нему любовь явилась основой уважения и понимания Рерихом — подлинным интернационалистом — искусства других стран.

Книга утверждает за Рерихом место в рядах прогрессивных деятелей культуры XX столетия. Она рассеивает мифы о Рерихе — богоискателе, теософе, буддисте, о его «эмигрантстве». Она рассказывает о патриотизме художника, верного своему народу. «Конечно, даже и среди здешних деревяшек можно прожить, — цитируют авторы письмо Рериха из Лондона вдове Л. Андреева, — найти свою публику и средства, но ведь без России-то как же? Ведь я русский художник, и могу путником пройти по миру, но ведь огонек дома должен гореть в России»/стр. 146/.

Гордость за достижения Страны Советов, восхищение личностью В. И. Ленина, вера в счастливое будущее родины пронизывает все аспекты деятельности Рериха. Об этом же свидетельствуют его дневники и письма, выступления по радио, организация им сбора средств в фонд Красной Армии, участие в создании обществ, содействующих развитию культурных связей Индии, Америки и других стран с СССР. Он не стал подданным другой державы, не имел иностранного паспорта; только смерть — во время сборов в дорогу — помешала ему вернуться домой.

Полпредом Советской России прошел Рерих неисследованными областями Центральной Азии, бросая вызов колониализму и европоцентризму, служа делу мира.

Авторы книги рассказывают обо всем этом объективно, не обходя молчанием идеалистичности некоторых взглядов художника, например, его убеж-

денности в том, что искусство может стать основной движущей силой в развитии общества.

Рерих — убежденный реалист. Его работы, включая «картины-символы», — не отвлеченные идеи, не известные только ему знаки; они созданы доступным для всех, колоритным, образным языком. Туманное, мистическое, говорится в книге, всегда было чуждо Рериху, верившему в могущество науки, способной объяснять любое «чудо», любой феномен человеческой психики.

Особо следует сказать о прекрасно отображенной в книге деятельности Рериха в области народного просвещения, о воспитательных задачах, которые он ставил перед своим искусством, Рерих — пример художника, для которого искусство призвано вторгаться в жизнь общества, содействовать его прогрессу, а не служить лишь объектом пассивного любования. Произведения Рериха нельзя анализировать без учета этих задач, потребовавших от него использования соответствующих изобразительно-выразительных средств.

Если даже не иметь в виду многолетнюю педагогическую деятельность Рериха, успешное руководство им крупнейшей средней художественной школой России, в которой занималось свыше двух тысяч учащихся, главным образом рабочих и детей рабочих, то и тогда мы с полным правом можем назвать его выдающимся педагогом. Ведь и знаменитый Пакт Рериха прежде всего должен, по мнению художника, воспитывать у детей со школьной скамьи благоговейное отношение к памятникам культуры и искусства. Художник пробуждает патриотические чувства, прославляя подвиги Игора, Невского, былинных богатырей, призывает приобщиться к сияющим вершинам красоты и нравственности, воспевая очарование горных пиков. Искусство, утверждает он, должно быть действенным, звать к строительству, к творчеству, к совершенству.

Написанная интересно, с привлечением богатейшего фактического материала, книга знакомит с многогранным наследием Н.К. Рериха, столетие со дня рождения которого мы будем отмечать в 1974 году.

Опубликовано: «Книжное обозрение», 7 июля 1972 года.

Н. Надточий

«ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ Я НЕ ИСКУССТВОВЕД...»

Недавно наши книголюбцы и специалисты по литературе и искусству познакомились с новой книгой о замечательном русском художнике Н. К. Рерихе, вышедшей в полюбившейся читателю серии «Жизнь замечательных людей».

Интерес к ней был настолько велик, что едва появившиеся книги мгновенно исчезали с прилавков книжных магазинов Таллина и Москвы, Ленинграда и Новосибирска. Интерес к личности Рериха в последние годы очень вырос, в то время как отрывочные знания о нем бытуют рядом с легендами. Автор книги — Павел Федорович Беликов живет недалеко от Таллина, в маленьком поселке Козе-Ууэмыйза.

Рерих будто поселился в его доме давно и надолго. Он везде — в портретах на стенах, на редких фотографиях и, конечно же, в незабываемых рериховских красках.

Здесь много памятных вещей, связанных с Рерихом, многие присланы из далекой Индии его сыном Святославом. В кабинете Павла Федоровича царит порядок, какой бывает в архивах и кабинетах ученых-исследователей: тут ценнейшие архивные документы, редкие книги и монографии, папки с уникальными письмами, картотеки, малоизвестные материалы о жизни и деятельности Рериха. Павел Федорович вынимает альбомы с фотографиями, присланными из разных стран: Рерих с экспедицией в «небесной империи» — Тибете, его домик в Кулу (место, где он постоянно жил в Индии), семейные снимки.

Вот на фотографии русский «гуру» с индийскими крестьянами, они преподносят ему традиционную гирлянду цветов. В маленькую квартирку, из окон которой виден весь поселок, близко подступивший к нему лес, ближние и дальние поля, идут письма отовсюду: из Академии художеств и научных институтов в Москве, Новосибирске, Париже, Алтае, из Индии, из музея им. Рериха в Нью-Йорке и т. д. Нет, хозяин этих сокровищ по профессии не искусствовед и не историк. Его специальность — экономист, и работал он в системах «Международная книга», «Союзпечать», «Гидрометеослужба», в последние годы был главным бухгалтером Козеского отделения «Эстсельхозтехники». А одновременно исследовал жизнь и творчество Н. К. Рериха, занимался философией, историей культуры народов Востока, искусствоведением. «Так уж получилось, — говорит Павел Федорович и при этом как-то лукаво щурится. — «Хлеб насущный» давало одно, «духовную пищу» — второе. И знаете, ничто друг другу не мешало, никакого раздвоения трудового пути не было и быть не могло. Древние греки говорили, что детям нужно давать в руки ремесло и, по меньшей мере, два вида искусства. Как это верно! Без этого нельзя воспитать гармонически развитого человека будущего».

Более тридцати лет отдано Павлом Федоровичем изучению и исследованию творчества Рериха.

«Искусством и философией я увлекался всегда, что может быть интереснее сочетания искусства и философии в жизни, в человеке? Все это я нашел и люблю в Рерихе. Он — мыслитель и художник одновременно.

Но одними только средствами живописи, даже такими, как у Рериха, — его обобщенностью, символичностью, особенно экспрессивной цветовой гаммой, для выражения множества проблем, волнующих людей, — не обойтись. Поэтому закономерно появление Рериха — писателя.

Трудно до конца понять его картины, не будучи знакомым с его литературным наследием, с его раздумьями над природой и жизнью. Личность Рериха бесконечно многообразна и богата. Не зная Рериха-писателя, мы не узнаем Рериха-археолога, общественного деятеля, путешественника, этнографа, юриста, искусствоведа, педагога...».

Более тридцати лет интереснейшего труда, но одновременно кропотливого и тяжелого. За это время Павлом Федоровичем проделана огромная работа — собраны почти все рериховские литературные первоисточники, многие из которых были до этого неизвестны. Впервые составлена опубликованная в «Ученых записках ТГУ» полная библиография Н. К. Рериха; его изданные и находящиеся в рукописях литературные произведения на русском и иностранных языках.

В составлении библиографии и сборе материалов Павлу Федоровичу Беликову помогал еще при жизни сам Н. К. Рерих, с которым Павел Федорович находился в переписке, а после смерти художника — его сыновья: известный востоковед Юрий Николаевич и Святослав Николаевич, талантливый художник, возвратившийся на Родину в 1957 году и привезший в дар Стране Советов большое количество завещанных отцом картин. Сам Рерих так и не успел вернуться на Родину. Он умер в 1947 году, когда уже все было подготовлено к переезду в Советский Союз.

В чем же ценность и новизна вышедшей книги о Рерихе, написанной П. Ф. Беликовым в соавторстве с В. Князевой (ленинградским искусствоведом)?

О Рерихе, особенно о заграничном периоде его жизни, сложилось много легенд, широко бытовали самые неправдоподобные выдумки из-за малой изученности его биографии, в то время как интерес к художнику и его жизни был велик. Оказавшиеся в руках П. Ф. Беликова неизвестные донныне материалы позволили ему в плане художественной биографии восстановить достоверно-точную летопись жизни этого большого человека. В отличие от многих жизнеописаний, автору этой книги удалось избежать беллетризации и внешних приукрашиваний. Книга отличается богатым документальным материалом, но не лишена и многих художественных достоинств. Она глубоко раскрывает талантливую и недюжинную личность Рериха.

Но художественная биография, как всякий жанр, имеет свои границы, поэтому вполне естественно, что большое количество интереснейшего материала туда не вошло.

Сейчас Павел Федорович полон новых творческих замыслов: к юбилею Рериха, который будет отмечаться в сентябре 1974 года, по его инициативе и при его участии Институтом истории и теории изобразительных искусств Академии художеств СССР готовится большой однотомник о Рерихе. Скоро выйдут в свет публикации произведений Рериха-писателя в научном сборнике ИМЛИ им. М. Горького («Контекст»). Зреет намерение написать статью на тему «Рерих и Эстония». Художник не раз бывал в наших краях, его картины: «За морями земли великие», «Старый король» и др. написаны в Эстонии или вдохновлены ею.

Есть у исследователя задумка — привлечь к исследованию молодых. «Хорошо чувствовать и знать, что эстафета передана. Рерихом должны заниматься люди разных специальностей: археологи, востоковеды, искусствоведы, философы, этнографы и т.д.». Размечтавшись, Павел Федорович добавляет: «Давно собираемся с женой побывать на Алтае, полюбоваться «живыми» картинами Рериха, ведь он тоже их там писал. А вот в космосе вряд ли уже побываю, — а сам улыбается, — жалко, при разговоре космонавт Виталий Иванович Севастьянов сказал мне, что, встречая на космическом корабле восход солнца, он записал в боржурнал: «Рерих в натуре». Так бы хотелось увидеть это великолепие самому!»

Опубликовано: «Вечерний Таллин», 18 ноября 1972 г.

Л. А. Андросова, Н. Д. Спирина
ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ БЕЛИКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ТВОРЧЕСТВА Н. К. РЕРИХА

15 мая 1982 года ушел из жизни Павел Федорович Беликов, крупнейший исследователь жизни и творчества Н. К. Рериха и его семьи, неизменный участник «Рериховских Чтений».

Всю свою писательскую деятельность, выдающийся талант оратора и публициста посвятил он великому служению, раскрывая и показывая духовную красоту и многогранное богатство творчества каждого члена семьи Рерихов. Через всю свою жизнь, как драгоценное зерно, пронес П. Ф. Беликов веру в духовную мощь и силу человека и его разум, призыв к духовному совершенствованию человека, к расширению его сознания.

П. Ф. Беликов родился 29 июля 1911 г. в г. Нарва Эстонской ССР. Образование получил в Ленинграде. С 1932 г. принимал деятельное участие в литературных организациях, выступал с докладами, печатался в местных газетах и журналах, давал библиографические обзоры советских книг. С 1937 года возглавил представительство советской книги в Эстонии, «Международная книга».

Будучи по характеру работы в курсе советской востоковедческой литературы, помогал Николаю Константиновичу Рериху и его сыну Юрию приобретать интересующие их книги. В Индии, тогда еще Британской колонии, распространение советских книг было ограничено колониальными властями.

Личное знакомство с членами семьи Рерихов, переписка с ними во многом определили жизненный путь П. Ф. Беликова. С середины 30-х годов его основные интересы сосредоточились на творчестве и культурной и общественной деятельности Н. К. Рериха. Тогда же было положено начало сбору различных материалов о нем. В настоящее время архив, собранный П. Ф. Беликовым, составляет около 4 тысяч документов, статей, фотографий, отображающих с наибольшей полнотой творческую деятельность семьи Рерихов.

В 1968 году П. Ф. Беликовым была опубликована первая библиография литературных трудов Н. К. Рериха. Позднее в соавторстве с искусствоведом В. Князевой Беликовым была написана первая полная биография Н. К. Рериха, изданная в серии «Жизнь замечательных людей» и переведенная впоследствии на бенгальский, непальский, румынский и литовский языки.

Для юбилейного издания к 100-летию со дня рождения великого художника написан биографический очерк и создана подборка из его «Листов Дневника». П. Ф. Беликов осуществляет редактирование сборника «Рерих. Жизнь и творчество», изданного в 1978 году, куда он дает три свои статьи. П. Ф. Беликов консультирует фильм «Рерих», созданный на документальной студии Киевского «Научфильма».

В 70-х годах статьи и очерки П. Ф. Беликова появляются во многих сбор-

никах и альманахах страны. Среди них «Страны и народы Востока», «Контекст», «Памятники Отечества», «Прометей» и другие. В это же время им читается множество докладов о жизни и творчестве семьи Рерихов в Академии Художеств СССР, в Московском и Новосибирском Домах Ученых, в Русском Музее, в обществе «Знание», на «Рериховских чтениях» в Новосибирске. Павел Федорович начал, но не успел закончить книгу о жизни и творчестве Святослава Рериха.

Большую помощь оказал Павел Федорович в организации работ при установлении контактов с бывшим Институтом гималайских исследований Рерихов «Урусвати», обеспечивал всеми необходимыми материалами и документами, вел постоянную переписку со Святославом Рерихом, был его доверенным лицом и секретарем во время пребывания С. Н. Рериха в Советском Союзе.

Своими знаниями и мыслями Павел Федорович широко и щедро делился. Особенно много почитателей его многостороннего дарования было среди молодежи. На прекрасных обликах семьи Рерихов воспитывал он молодое поколение.

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ТРУДОВ П. Ф. БЕЛИКОВА

1. Великое искусство Святослава Рериха. «Святослав Рерих», Бангалор, Индия, 1965. (на англ.яз.)
2. Публикация «Листов Дневника» Н. К. Рериха (совместно с В. Нечаевым). «Наш Современник», М., 1967, № 7.
3. Рерих и Горький. «Ученые записки Тартуского Университета», вып. 217, Тарту, 1968.
4. Библиография литературных трудов Н. К. Рериха. Там же.
5. Публикация очерков Н. К. Рериха с предисловием и примечаниями. Альманах «Прометей», М., том 8, 1971.
6. Рерих (в соавторстве с В. Князевой), серия «Жизнь замечательных людей», М., 1972 (второе издание 1973).
7. То же, на литовском языке. Изд. «Вага», 1975.
8. То же, на языке непали. Изд. «Прогресс», 1979.
9. То же, на языке бенгали. Изд. «Прогресс», 1979.
10. То же, на румынском языке. Изд. «Эдугуре Меридиане», Бухарест, 1980.
11. Николай Рерих и Индия. «Страны и народы Востока», вып. XIV, изд. «Наука», М., 1972.
12. Литературное наследие Н. К. Рериха (с изданием ранее не публиковавшихся статей Н. Рериха и примечаниями к ним). Сборник Института мировой литературы Академии наук СССР, «Контекст — 1973», М., «Наука», 1974.
13. Н. К. Рерих. Биографический очерк. «Н. К. Рерих. Из литературного наследия». М., «Изобразительное искусство», 1974.

14. Составление очерков цикла «Моя жизнь» Н. К. Рериха, комментарии к ним, библиография литературных трудов Н. К. Рериха и исследовательских трудов о нем, именной список к текстам Н. К. Рериха. Та же.
15. Рерих — исследователь Азии (совместно с академиком А. П. Окладниковым и Е. П. Маточкиным). «Сибирские огни», № 10, 1974.
16. Великое искусство Святослава Рериха. «Святослав Рерих», изд. Галерея Рериха, Нагар, Индия, 1974.
17. Свет таланта. К выставке С. Рериха. «Байкал», № 5, 1975.
18. Правда мудрой красоты. «Правда Бурятии», 20 мая 1975.
19. Уран Беличеп Уайндер. (К выставке С. Рериха в Улан-Удэ), на бурятском языке. «Буряад Унэн», 28 июня 1975.
20. Последняя научно-исследовательская экспедиция Н. К. Рериха. «Рериховские чтения», Новосибирск, 1976.
21. Институт «Урусвати». Научная деятельность Н. Рериха и Ю. Рериха в Индии. (Совместно с востоковедом Л. В. Шапошниковой). «Страны и народы Востока», вып. XIX, «Наука», М., 1977.
22. Пакт Рериха. «Памятники Отечества», кн.3. «Современник», М., 1977.
23. В Гималаях. «Н. К. Рерих. Жизнь и творчество». «Изобразительное искусство», М., 1978.
24. Пакт Н. К. Рериха по охране культурных ценностей. Там же.
25. Институт «Урусвати». (Совместно с Л. В. Шапошниковой). Там же.
26. «Принадлежит моей Родине». «Огонек», № 36, 1978.
27. Личное участие членов семьи Н. К. Рериха в работе института «Урусвати». «Рериховские чтения», Новосибирск, 1980.
28. «Величайший победитель в битве...» «Огонек», № 9, 1982.

Опубликовано: Л. А. Андросова, Н. Д. Спирина, Павел Федорович Беликов — исследователь творчества Н. К. Рериха. Бурятский Институт общественных наук СО АН СССР, Институт Истории, Филологии, Философии СО АН СССР, Комиссия по Востоковедению СО АН СССР. Новосибирск, 1983.

Х. Танклер,
кандидат исторических наук
ПАПКА С НАДПИСЬЮ «РЕРИХИ»

Голубоватый листочек с машинописным текстом — письмо Николая Константиновича Рериха, письма его сыновей Юрия и Святослава, редкие фотографии дома Рерихов и окрестностей Кулу (штат Пенджаб, Индия), несколько цветных репродукций с картин Святослава Рериха — все это бережно хранится в небольшой папке с лаконичной надписью «Рерихи» в Научной библиотеке Тартуского государственного университета.

Письма Н. К. Рериха и его сыновей передал библиотеке Павел Федорович Беликов, один из авторов книги о Николае Рерихе в серии «Жизнь замечательных людей».

Сам Павел Беликов жил в Коце-Ууэмыйза в Харьюском районе, был одним из участников эстонской организации Пакта Рериха по защите памятников культуры в военное время, в 1936-1940 годах он работал представителем советской книготорговой фирмы «Международная книга» в Эстонии, переписывался с Н. К. Рерихом, пересылал ему в Индию литературу, выпущенную в СССР. Именно к этому периоду и относится письмо, переданное П. Ф. Беликовым Научной библиотеке ТГУ.

Письмо написано 5 ноября 1937 года. В нем Н. К. Рерих выражает радость по поводу того, что в Таллине собираются создать общество в поддержку Пакта Рериха. Автор письма советует искать контакт с председателем рижского общества Рихардом Рудзитисом, чтобы создать в Прибалтике монолитную организацию. Создание общества в Таллине считает, в связи с угрозой войны, необходимым.

Попытку создать такую конвенцию Н. К. Рерих предпринял еще в 1914 году. Но тогда война уже началась, и для подобных сугубо мирных инициатив время было не вполне подходящим.

К своей идее Н. К. Рерих снова вернулся к 1929 году, когда по примеру деятельности и основных документов Общества Красного Креста он с помощью юристов Парижского университета выработал проект Пакта защиты памятников культуры.

Первый и второй параграфы Пакта гласили: «Образовательные, художественные и научные учреждения, научные миссии, персонал, имущество и коллекции таких учреждений и миссий будут считаться нейтральными и как таковые будут подлежать покровительству и уважаемы воюющими. Покровительство и уважение в отношении названных учреждений и миссий во всех местах будет подчинено верховной власти договаривающихся сторон независимо от государственной принадлежности какого-либо отдельного учреждения или миссии. Учреждения, коллекции и миссии, зарегистрированные на основании Пакта Рериха, выставляют отличительный флаг, кото-

рый даст им право на особое покровительство и уважение со стороны воюющих государств и народов всех договаривающихся стран».

Идеи художника немедленно поддержали его современники, первыми из которых были Р. Тагор, Р. Роллан, Б. Шоу, Т. Манн, А. Эйнштейн, Г. Уэллс...

За свою деятельность в области защиты памятников культуры, за пропаганду мира между народами Н. К. Рерих был выдвинут в 1929 году Парижским университетом на соискание Нобелевской премии мира. Это выдвижение было поддержано научными учреждениями многих стран, потому что сама личность, само имя Н. К. Рериха является символом мира и сотрудничества — искренний патриот своей Родины, Советского Союза, он 27 лет жил в Индии, а один из самых представительных музеев его творчества находится в Нью-Йорке.

По сведениям П. Ф. Беликова эстонская организация защиты памятников культуры в военное время была создана в 1939 году. В нее вошли художники Р. Ниман, Э. Таска, А. Кайгородов, поэт Б. Тагто-Новосадов, сам П. Беликов и другие.

В конце тридцатых годов во всем мире работало свыше 80 обществ, музеев и других центров, связанных с именем Н. К. Рериха. Наиболее значительными из них были музей в Нью-Йорке, парижское общество, центр Брюгге, а также общество и музей в Риге. Хранилище наших южных соседей базировалось на подарках самого Н. К. Рериха — в конце тридцатых годов оно включало 40 полотен.

Последние слова письма, хранящегося в Научной библиотеке ТГУ, звучат как завещание великого гуманиста — живописца, театрального художника, археолога, писателя: «Каждое культурное дело для произрастания своего требует продолжительного времени и должно нарастать естественно, ибо всякое доброе начинание непременно встретит и противоречие и непонимание. Борьба с невежеством должна быть действенным лозунгом каждого культурного работника».

...Осень 1984 года называют Рериховской (110 лет со дня смерти [так в тексте! — ред.] Николая Константиновича и 80 лет со дня рождения Святослава Николаевича). В эти памятные дни папку с надписью «Рерихи» беру в руки с особым трепетом.

*Опубликовано: газ. «Советская Эстония» (Таллин). 1984. 30 ноября. № 275. Пятница. С. 3.
Рубрика «Страницы истории».*

Н. Д. Спирина
СЛОВО О ДРУГЕ

Говорят, что время залечивает раны и помогает забыть пережитое горе, но так бывает не всегда. Не проходит боль утраты, не приходит забвение, когда тот, кого больше с нами нет, незаменим. Когда потребность его ощущается постоянно — в самых важных и насущных делах. Таким был и остался для нас Павел Федорович Беликов — верным другом, мудрым советчиком; человеком, с которым было хорошо работать и общаться, говорить и переписываться, радоваться и печаловаться.

Все наши проблемы, нужды и дела находили незамедлительный отклик у Павла Федоровича. Он безотлагательно откликался на наши запросы и, имея огромный житейский опыт и знания, подавал всегда помогавший нам мудрый совет. Он щедро делился своими обширными и точными знаниями всего, что касалось Николая Константиновича Рериха и его наследия.

Без всякого преувеличения можно сказать, что Павел Федорович был уникальным рериховедом, коему не было равных в нашей стране.

В личном общении он был простым, обаятельным и приветливым человеком, обладавшим большим чувством юмора, очень интересным собеседником, доброжелательным и терпимым к сотрудникам и суровым обличителем врагов Света и Знания, которых он отлично распознавал под всеми их многообразными личинами. Причем он был всегда объективен в своих оценках и основывал их на критериях Живой Этики.

Я очень радуюсь конференции, которая посвящена Павлу Федоровичу Беликову. О таких деятелях, как он, надо знать и говорить. Благодаря его труду, энергии и мужеству ему удалось, с немалым уроном — в застойные времена — издать книгу о Николае Рерихе в серии «Жизнь замечательных людей», которая до сих пор является главным пособием для изучающих жизнь и творчество этого великого художника и мыслителя. Павел Федорович написал также немало прекрасных статей о Рерихах и начал уникальный труд по созданию духовной биографии семьи Рерихов. То, что этот труд остался незавершенным, — огромная потеря для нас.

Но и то, что он успел сделать, принесло благие плоды. В прошлом, когда у нас о Рерихе еще почти ничего не знали, он проложил путь к изучению его жизни и творчества, приблизил его к нам.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ О ПАВЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ БЕЛИКОВЕ
НЕИЗГЛАДИМА!

16 февраля 1991 г.

Впервые текст прозвучал на конференции в Таллинне, посвященной 80-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова.

Кирилл Беликов НЕПРЕРЫВНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

Жизнь моего отца Павла Федоровича Беликова — это непрерывное восхождение к вершинам Духа, восхождение, преобразовавшее не только самого Павла Федоровича, но и культурную жизнь России.

Официальные сведения о его образовании приводятся в краткой автобиографии: Единая трудовая школа (курс гимназии) в Ленинграде и Высшие коммерческие курсы в Таллинне (остались незаконченными [1]). Но она не отражает огромный труд отца над самообразованием, начиная с юных лет, увлеченное изучение многих философских школ и направлений, классической литературы и особенно поэзии. Обо всем этом можно узнать из писем отца к своей будущей жене — моей маме. Хочется процитировать несколько избранных мест из этой переписки. Вот какие мировоззренческие проблемы волновали Павла Федоровича в 23-24 года: ««...Путь парадокса — путь истины», — стал искать подтверждения....Разбиваю на школы, последовательно вытекающие одна из другой». «Беспредельность и конечность. Только соотношение этих антиподов и составляет правильное решение космологической проблемы...». «Мысли о бессмертии — не успокоение... В этом бессмертии не вижу ни минуты покоя, оно мне представляется путем более трудным и ответственным, чем теперешнее мое существование. Считаю трусостью отвергать бессмертие. Человеку страшно очутиться перед лицом Беспредельности со своим жалким багажом знаний. Он чувствует, что Беспредельность раздавит его, а смелости победить эту Беспредельность не хватает. Ведь: «Не быть гораздо легче, чем быть»».

Во многих письмах к моей матери отец рассуждает о религии, христианстве, Троице, смерти, перевоплощении. Он цитирует высказывания философов, писателей и поэтов. Особенно близки ему Кант, Федоров, Гумилев, Гете. Жаль, что нет возможности подробно осветить путь самообразования и самосовершенствования, проделанный отцом. Надеюсь, что когда-нибудь его эпистолярное наследие увидит свет, и процесс его духовного роста можно будет проследить воочию.

В 1930-е гг. отец возвращается в литературно-художественных кругах Таллинна. Он выступает с докладами («Философия И. Канта», «Зло невежества», «Державин», «После прочтения первой книги «Листы Сада Мории» — Н. К. Рериха» и др.). Русская диаспора в Эстонии собрала в то время цвет интеллигенции, вынужденной покинуть родину. Сблизившись с эмигрантами-евразийцами В. Гуцником, Б. Тагго и др. и разделяя некоторые их философские взгляды, отец написал статью «Пушкин и государственность» для сборника «Поток Евразии». На мой взгляд, она актуальна и сегодня.

1930-е гг. в жизни отца — это и время увлечения поэзией, он посещает выступления Игоря Северянина и других поэтов. Тонко чувствуя и глубоко ин-

тересуясь поэзией, он не только выступал с докладами о литературе, но и сам писал неплохие стихи.

Мысли о России постоянно занимали отца. («Нравится нам и Ваше отношение к Родине...», — письмо Н. К. Рериха от 14.02.1939.) Это объединяло его с Рерихами, в трудах которых много говорилось о значении России, ее особой миссии. Но иллюзий о жизни в сталинской России у отца не было. Некоторые связи с Россией сохранились, поступали сведения о жестоком режиме, о запуганности народа. Мой дед всегда говорил о Сталине, что это — не «отец народов», а «подлец», за что и был репрессирован в 1940 г. и умер в Сибири. Конечно, все последствия разгула сталинского мракобесия тогда еще было трудно предвидеть. Жизнь в Эстонии, как теперь говорят, «русскоязычных» в те годы тоже не приходится идеализировать. Здесь всегда склонялись больше к Западу, а после репрессий 1940-х гг. отношения с восточным соседом стали еще более натянутыми.

Переписка Н. К. Рериха с отцом началась в 1936 г. Сам отец так вспоминал об этом: «...Подготовил несколько докладов на тему о Рерихе. У Рериха в Таллинне были знакомые, через которых он узнал о моем увлечении и в 1936 году написал мне. Представьте же себе, он сам обратился ко мне! Мне тогда было 25 или 26 лет. Это письмо глубоко затронуло мои чувства. Я осознал, что способен на значительно большее. Началась переписка, завязались связи с его семьей. Началась целенаправленная собирательская работа...» К этому времени отец уже серьезно увлекся Востоком, изучал историю, философию, религию и искусство восточных народов. Он знал о Рерихах и их трудах, поэтому легко включился в сферу их просветительской деятельности. По рекомендации Н. К. Рериха отец побывал в Латвии, познакомился с руководителем Общества Рериха в Латвии Рихардом Рудзитисом. Не без его влияния он организовал рериховский кружок у себя в Таллинне, стал заниматься распространением литературы, выпускаемой в Риге: трудов Н. К. Рериха и Е. И. Рерих, «Тайной Доктрины» Е. П. Блаватской, работ исследователей наследия Н. К. Рериха — художника и мыслителя. Официально Рериховское общество в Эстонии оформиться не успело. (Н. К. Рерих сам писал, что спешить не стоит.) Это, вероятно, и спасло эстонских последователей взглядов Н. К. Рериха от преследований в годы советского режима. В то время власти не вникали, «кто есть кто». Теософия, оккультизм и Агни Йога — все подводилось под общую черту и считалось ими «проявлением враждебной идеологии». Почти все члены Общества Рериха в Латвии и Литве стали жертвами репрессий, были расстреляны или пополнили архипелаг ГУЛАГ. Отец вынужден был скрывать свои взгляды, заниматься исследованием творчества Рериха подпольно. Имея на руках такой «взрывоопасный» материал, как архив Рериха, он не только не уничтожил его, а, наоборот, заботился о его сохранности. К сожалению, некоторые архивные документы тоже стали жертвой сталинизма — пострадали, так как хранились в разных местах. И все-таки большинство материалов чудом уцелело, несмотря на войну и тоталитарный режим.

Когда началась Великая Отечественная война, отцу как начальнику Союзпечати Эстонии была дана отсрочка от мобилизации. Предстояло эвакуировать имущество Союзпечати. Сам же он эвакуироваться не успел: в город вошли немецкие части и отрезали его от гавани, откуда уходили суда с людьми и имуществом. Вскоре кто-то донес на отца немецкому командованию, его арестовали, но по пути в комендатуру ему удалось бежать. Лесными дорогами добрался он до хутора родителей своей жены, который находился недалеко от Чудского озера. Жизнь в этой глубинке тоже была беспокойной. Чудом избежал Павел Федорович немецкой мобилизации, заполучив, а вернее купив справку о том, что болен туберкулезом и процесс еще не окончился. Временами приходилось скрываться в лесу, ибо и среди своих, таких же окруженцев, находились предатели. По доносу одного из них был расстрелян немцами брат мамы. Отец случайно избежал подобной участи. Судьба словно специально хранила его для выполнения особой миссии на ниве культуры.

После войны помимо официальной деятельности — в Союзпечати Эстонии и в должности бухгалтера в различных организациях — отец старался наладить контакты с рериховцами, пополнял свой архив и много писал, как говорят сегодня, «в стол». Это было трудное время для рериховедения. Имя Н. К. Рериха открыто не произносилось, исследовательская работа в области его творчества под эгидой государственных учреждений не велась. Только в «хрущевскую оттепель» отцу удалось наладить контакты с сыновьями Н. К. Рериха. С Юрием Николаевичем он встретился в Москве, после его возвращения в Советский Союз. Тогда же началась переписка со Святославом Николаевичем, длившаяся более 25 лет. После «оттепели» стало возрождаться и отечественное рериховедение. Вот тут-то и пригодился архив, собираемый и хранимый отцом еще с середины 1930-х гг. Все первые советские публикации о Рерихах основывались на уникальных материалах этого архива. Отец никогда не придерживал что-то ценное для своих собственных работ, а щедро делился материалами с исследователями и радовался их успехам. Известные наши рериховеды — Князева, Сидоров, Шапошникова, Алевтин и многие другие — с благодарностью вспоминали эту щедрость Павла Федоровича.

В письме от 14.02.1939 г. Н. К. Рерих пишет отцу: «...Часто вспоминаем Вас и радуемся, что Вы стоите около книжного дела. Как это сейчас нужно и какие замечательные мысли у Вас могут зародиться, наблюдая истинное положение книги и просвещения. Вы находитесь в центре борьбы за Свет и Познание. И сколько душевного и неотложного Вы можете сделать во время своей каждодневной работы. К Вам придут молодые, и Вы сумеете принять их и согреть внимательным отношением. Вы разовьете в себе терпимость и увидите в каждом наиболее ценную черту...»

Это предсказание-пожелание отец полностью осуществил. Скольким людям он помог увидеть истинные ценности жизни и посвятить себя служению Добру. Недаром люди тянулись к нему, писали множество писем и неизменно получали обстоятельные, аргументированные ответы. Это эпистолярное на-

следие велико и ждет своего исследователя. В 1970-е гг. в Козе-Ууэмыйза — маленький поселок в 40 км от Таллинна — началось настоящее паломничество почитателей творчества Рерихов. И со всеми отец щедро делился своими знаниями и материалами. К нему обращались и создатели документальных фильмов о Н. К. Рерихе Р. А. Григорьева, Ю. Н. Белянкин.

В 1970-е гг. отец приступил к работе над рукописью «Рерих-мыслитель» (естественно, опять «в стол»). И вдруг ему предложили [2] участвовать в написании книги о Н. К. Рерихе в серии «Жизнь замечательных людей» в соавторстве с ленинградским искусствоведом В. П. Князевой. Всех подробностей о процессе создания книги я не помню. Но, судя по переписке отца с В. П. Князевой и по воспоминаниям мамы, все это доставило ему немало тяжелых переживаний. Зная всю духовную жизнь Н. К. Рериха, он как мог сопротивлялся требованиям советской цензуры осудить Николая Константиновича за идеализм, за самобытность мышления, за преклонение перед именами, которые проклинала в то время советская философия. Во взаимоотношениях соавторов возникли сложности — слишком различными были их общественные позиции и взгляды. Приходилось много раз переделывать главы книги. Неоценимую помощь оказывал и Святослав Николаевич Рерих, которому отсылались для проверки и оценки главы книги. Когда же работа была завершена, Святослав Николаевич поздравил отца: «Вы прекрасно справились с очень трудной задачей. Поздравляю Вас от всей души...» Он прекрасно понимал все сложности того времени. Первая полная отечественная биография Н. К. Рериха положила начало широкому осмыслению его деяний для России и всего мира.

И все-таки отец остался недоволен книгой. Это подтолкнуло его к работе над рукописью «Рерих. Опыт духовной биографии», где он широко использовал и архивные материалы, открытое обращение к которым в те годы было невозможным. Рукопись осталась незаконченной, но даже в таком виде она является ценным дополнением к книге, изданной в серии «Жизнь замечательных людей».

Архив отца и после его смерти продолжает служить людям. Правда, фонд Рерихов в этом архиве почти уже исчерпан исследователями. А вот фонд отца совсем не разработан: нам еще предстоит знакомство с неизвестным П. Ф. Беликовым — писателем, поэтом, философом, книговедом и библиографом. Библиографией Павел Федорович занимался всю жизнь. Специалистам будет интересна такая подробность: в составлении библиографии литературных трудов Н. К. Рериха отцу помогал еще при жизни сам Николай Константинович, а затем — его сыновья. Это труд многих лет, если не десятилетий. Своими работами в области библиографии Павел Федорович гордился не меньше, чем литературно-критическими трудами, и отмечал их в своей автобиографии. Полную сводку всех его работ — от обзоров книг в периодике до указателей — еще предстоит сделать. Кроме печатных трудов, в архиве отца остались и неопубликованные работы, в частности, материалы о творчестве Н. К. Рериха и С. Н. Рериха за период с 1958 по 1978 г.

Подвижническая работа Павла Федоровича на ниве культуры не была отмечена никакими наградами. Но ей воздали должное почитатели семьи Рерихов. Летом 1983 г., когда Павла Федоровича уже не было в живых, альпинисты новосибирского Академгородка взошли на безымянный пик Алтая. Покоренной вершине дали имя «Пик Беликова». Через этот пик идет дорога к вершинам семьи Рерихов.

Козе-Ууэмыйза, 1992 г.

Опубл.: Беликов П. Ф. Непрерывное восхождение // Сб. к 90-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова (1911-1982). Том I. М., 2001, с. 11-14.

1. В сведениях, которые опубликованы при жизни П. Ф. Беликова: «Беликов Павел Федорович/Авторы (краткие биографические сведения) // ЖЗЛ. Каталог. 1933-1973. Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 14 (546). — М.: Молодая гвардия, 1974, с. 202. Фото», указано: «Оконч. Высшие коммерческие курсы в Таллине». По данным А. П. Беликовой: «П. Ф. самостоятельно проштудировал курс обучения на филологическом факультете по плану Тартуского Университета (исключая историю КПСС и т. п.)».

2. Идея издания книги в серии «Жизнь замечательных людей» принадлежала П. Ф. Беликову. В условиях книгоиздательства того времени сотрудничество с известным искусствоведом В. П. Князевой возникло на взаимном понимании ситуации.

В. Г. Семенова,
главный библиограф ГРДБ

НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ **Павел Федорович Беликов (1911-1982)**

Есть множество определений библиографии: канонических, вошедших в учебники, и неканонических. Среди последних особой популярностью у библиографов пользуется то, которое дал академик Д. С. Лихачев: «Библиография — удивительная область деятельности: она воспитывает абсолютную точность, эрудицию и основательность, основательность во всех смыслах. Без нее не могут развиваться не только литературоведение, искусствоведение, языковедение, история, но и любая другая наука. Это почва, на которой растет современная культура» (1). А посему, провозглашает академик: «Слава библиографическим трудам и слава библиографам!» (2)

Прекрасные слова! Но сегодня у многих библиографов они оставляют в душе чувство горечи. Всегда ли библиографические пособия помогали росту культуры? Разве не было среди них и таких, где рекомендуемые книги содержали, выражаясь словами Н. К. Рериха, «глубочайшие целые океаны ложных измышлений, в большинстве сознательно направленных ко злу»? (3) Самый яркий пример — библиографическая «Лениниана», которую еще до недавнего времени считали выдающимся достижением советской библиографии.

А можно ли было в условиях идеологической цензуры создать достойный библиографический труд по другим темам и видам литературы? Ведь любой указатель при veto, например, на труды авторов русского зарубежья, диссидентов — отечественных и зарубежных — был бы заведомо неполным, односторонним... Это сейчас мы получили возможность вести «всемирный отбор лучшего, сознательного, просвещенного» (4), а ведь каких-нибудь семь лет назад советский библиограф даже не смел и мечтать об этом. И все-таки вопреки цензуре и «железному занавесу» появлялись библиографические труды, авторам которых не пришлось бы краснеть перед потомками.

Н. К. Рерих называл Культуру почитанием Света, а тех, кто своими трудами — большими или малыми — не давал погаснуть этому Свету, — Носителями Культуры. Это определение очень точно характеризует деятельность Павла Федоровича Беликова — собирателя и исследователя материалов об уникальной семье Рерихов.

В 1968 г. Павел Федорович опубликовал фундаментальную библиографию литературных трудов Николая Константиновича Рериха. (5) Увы, эта работа, признанная специалистами — философами, филологами и искусствоведами, осталась не замеченной нашим библиографоведением. Позднее, в самых разных изданиях, Павел Федорович поместил списки трудов Н. К. Рериха и литературы о нем.

Рассказ о библиографических работах П. Ф. Беликова невозможно вести в отрыве от биографии их создателя. Без этого мы не поймем во всей полноте их значения для культуры, не постигнем, отчего они отмечены печатью такого высокого качества и красоты, не узнаем, как возникла приверженность исследователя именно к этой теме научного поиска, почему он посвятил себя служению делу Рерихов?

Да, «людей неинтересных в мире нет...». Но есть особенные судьбы, знакомство с которыми вызывает постоянное удивление. Именно такой и была судьба Павла Федоровича Беликова. Разве не удивительно, что исследователь, чье имя пользуется почетом в среде рериховедов, не имел никаких научных степеней и званий и не работал в научных учреждениях? Грузчик, ткач, помощник мастера на прядильной фабрике, работник торговой фирмы, бухгалтер — вот список основных профессий П. Ф. Беликова. Своей исследовательской деятельностью, равной по масштабу деятельности целого института, он занимался до выхода на пенсию на досуге, не получая субсидий и помощи от государства.

Среди счастливых обстоятельств, способствовавших сближению безвестного интеллигента с известным на весь мир мыслителем и художником, немалую роль сыграло место жительства. Павел Федорович родился 29 июля 1911 г. в Эстонии, туда же вернулся в 30-е гг., получив образование в Ленинграде. Жизнь его в Таллинне, насколько это можно судить по скудным библиографическим материалам, опубликованным в печати, мало чем отличалась от жизни других молодых людей, которым самим приходилось добывать себе средства к существованию. Работа, которой приходилось заниматься ради куска хлеба, не могла удовлетворить любознательного юношу, испытывавшего тягу к философии, искусству и литературе, по-рыцарски влюбленного в книгу. С 1932 г. Павел Федорович вхож в литературные организации Эстонии. В местных газетах появляются его публикации, в том числе — отзывы о книгах и библиографические обзоры. Но только в 1937 г. отчасти исполняется его мечта о профессии, связанной с литературой: он возглавляет представительство советской книги в торговой фирме «Международная книга». Как ни трудно складывалась судьба П. Ф. Беликова, все-таки он был счастливее своих ровесников, живущих в России: над ним не было идеологического диктата, никто не запрещал ему читать книги, изымаемые из библиотек той страны, «где так вольно дышит человек». Недогматическое мышление помогло ему воспринять и философские идеи Рериха.

Но прервем ненадолго рассказ о П. Ф. Беликове и перенесемся в Индию, где в конце 20-х гг., вернувшись из экспедиции по Центральной Азии, обосновалась семья Рерихов. В местах своего пребывания Н. К. Рерих оставлял музеи и культурные центры. Верен себе он был и в Индии. В 1928 г. он создал небывалое в истории научное и культурное учреждение — Гималайский институт научных исследований «Урусвати». Как вспоминал академик И. Л. Кнунянц: «Институт вел очень интересную и важную работу: организовывал комплексные научные экспедиции и археологические раскопки, из-

учал языки и культуру народов Центральной Азии. Работала биохимическая лаборатория с отделом изучения рака. Был составлен первый в мире атлас тибетских лекарственных трав. Проводилось исследование космических лучей в высокогорных районах. Институт обменивался научной информацией с различными научными учреждениями Европы, Азии и Америки. Из советских ученых с институтом сотрудничал выдающийся советский ботаник и генетик Николай Иванович Вавилов...» (6)

С полным правом сотрудником этого института можно назвать и Павла Федоровича Беликова, ставшего комплектатором библиотеки Рерихов. Их постоянно интересовала советская литература, особенно работы востоковедов. Но из-за препятствий, чинимых британскими колониальными властями, библиотеку приходилось комплектовать в основном во Франции и Прибалтике. Была и еще одна причина избегать прямых контактов с родиной: опасение за жизнь своих адресатов. И опасение это было не беспочвенным. Так, за переписку с Рериховским центром в Нью-Йорке был арестован ученик Н. К. Рериха художник-космист Б. А. Смирнов-Русецкий.

Книги из Прибалтики в адрес института высылали члены общества имени Н. К. Рериха в Латвии, а также «Международная книга» в Эстонии, где заказы выполнял П. Ф. Беликов, ставший к этому времени знатоком восточной литературы. Это сотрудничество началось в 1938 г., когда Н. К. Рерих обратился с просьбой найти книгу Поппе «Грамматика монгольского языка», изданную в том же году в Ленинграде. П. Ф. Беликов выполнил заказ и предложил свои услуги по ознакомлению с советской научной литературой. Николай Константинович ответил согласием и приложил список разыскиваемых им книг.

«Потом мы начали переписываться и с Юрием Николаевичем Рерихом. А встретились через 20 лет, когда, уже в 1957 году, я позвонил Юрию Николаевичу по его московскому телефону. Он сразу назвал меня по имени и отчеству, спросил, где я нахожусь и не могу ли сразу к нему приехать. Через полчаса я был возле дома на Ленинском проспекте, где он жил. Юрий Николаевич уже ждал меня и проводил в кабинет. В кабинете, заставленном книжными полками, царил полумрак, горела лишь настольная лампа на большом письменном столе. Показав на полки с книгами, Юрий Николаевич сказал:

— Чувствуйте себя как среди старых знакомых — среди книг много тех, которые Вы посылали мне». (7)

Около пяти тысяч книг из этой библиотеки после смерти Ю. Н. Рериха были переданы в Институт востоковедения, где он заведовал сектором. Библиотека мемориального кабинета послужила потом ученикам Ю. Н. Рериха для написания работ по истории и культуре Востока, вошедших в сборник, посвященный памяти ученого. Разве не позавидуешь, читая эти строки, П. Ф. Беликову?! Разве не хотелось каждому библиотекарю быть причастным к приумножению знаний?!

Если бы великое служение Павла Федоровича семье Рерихов заключалось только в пересылке книг, то и за это ему стоило бы высказать при-

знательность и благодарность. Но на этом оно не ограничилось. Переписка с Н. К. Рерихом положила начало духовному росту Павла Федоровича, помогла найти цель жизни: стать распространителем его идей. В Риге общество Рериха создало музей его имени, насчитывавший в своем собрании около сорока пяти картин художника, издавало его философские произведения, научно-художественные сборники «Мысль» и «Литературные записки», в 1939 г. выпустило большую монографию о нем. Н. К. Рерих помог Павлу Федоровичу связаться с латвийским обществом. Узнав о его деятельности, Беликов загорелся идеей основать подобное общество в Эстонии, стал искать единомышленников в среде интеллигенции. На себя он взял очень трудное и ответственное дело — сбор по всему миру материалов и документов о семье Рерихов.

Но деятельности поклонников искусства и философских взглядов Н. К. Рериха в Эстонии помешала война, а затем — сталинщина. Когда-нибудь будет написана подробная история советского рериховедения, и мы узнаем о подвиге тех, кто не отрекся от Учителя, продолжал хранить и изучать его наследие. Да, в тех условиях это было подвигом. Как тут вновь не вспомнить Н. К. Рериха! «...Лишь подвигом, — писал он в черновых записках к очерку «Пламя», — движима русская жизнь. И подвиг самый непреложный — подвиг народного просвещения. Культ самовластья, тирании, культ мертвого капитала может смениться лишь светлым культом знания...» (З. С. 260.)

Эти слова оказались пророческими — как только рухнул культ личности, появилась и возможность открыто изучать наследие Рериха. И среди первых работ, посвященных Н. К. Рериху, были работы П. Ф. Беликова.

В 1967 г. журнал «Наш современник» поместил большую подборку «Листов дневника» Н. К. Рериха, которую П. Ф. Беликов подготовил в соавторстве с В. Нечаевым. В следующем году в авторитетном научном издании — «Ученых записках Тартуского государственного университета» — были опубликованы две работы: «Рерих и Горький» и «Библиография трудов Н. К. Рериха». Кто бы мог подумать, что автор этих работ — главный бухгалтер отделения «Эстсельхозтехники», находящегося в поселке Козе-Ууэмыйза, куда Павел Федорович переехал в 1961 г. из Таллинна?!

Труд подобного масштаба появился у нас впервые. Составитель выявил и систематизировал обширные литературные публикации Н. К. Рериха. Достаточно сравнить эту библиографию с подобной библиографией на английском языке (8), чтобы оценить сделанное П. Ф. Беликовым. Если в зарубежной библиографии учтено только двадцать изданий, то у П. Ф. Беликова их 30, а кроме того, им выявлено 48 произведений, не вошедших в издаваемые и подготавливаемые к изданию книги. Еще одно отличие от зарубежной библиографии — раскрытие содержания всех сборников с датировкой очерков, а их только в подборках «Листов дневника» было 973! Изданию предпослано обстоятельное предисловие, в котором составитель ничего не пишет о себе, кроме упоминания о собственном архиве, данными которого он пользовался. Но по работе нетрудно получить представление об этом человеке и не зная

подробностей его биографии. На такой кропотливый труд способны только подвижники. Работу выполнял не дилетант, а профессионал. Это подтверждают, в первую очередь, комментарии. Составитель — человек редкой образованности, не каждый библиограф владеет несколькими иностранными языками и может раскрыть содержание зарубежных книг. Это — благородный человек, не забывающий выразить благодарность всем, кто помогал ему в работе. Часто ли мы встречаем у профессиональных библиографов такую черту?

Среди слагаемых Культуры Рерих называл и красоту (9). Эта черта свойственна и работе П. Ф. Беликова, отличающейся четкостью, стройностью, логичностью.

В 1971 г. Павел Федорович вышел на пенсию. Жить ему осталось недолго — всего 11 лет. Но как много успел он сделать именно за эти годы, когда у большинства людей гаснут творческие способности! Вот когда полностью реализовался его литературный и научный талант. Это и участие в подготовке книг, возвращающих литературное наследие Н. К. Рериха, и написание работ, посвященных семье Рерихов. В начале 70-х гг. в соавторстве с ленинградским искусствоведом В. П. Князевой Павел Федорович выпустил первую советскую биографию Н. К. Рериха. Книга, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия», выдержала два издания на русском, каждый раз моментально исчезая с прилавков. О книге хорошо писалось в эстонской прессе, но авторы вряд ли могли быть полностью довольны своей работой. И не только из-за цензурных условий, но и потому, что не имели возможности пользоваться всеми архивными материалами. Рерихи наложили запрет на публикацию отдельных источников, считая, что время для этого еще не настало.

Все же книга, особенно данная в ней библиография, сыграла большую роль в приобщении тысяч людей, особенно молодых, к художественному и философскому наследию Н. К. Рериха. В самиздате появились копии его произведений, не публиковавшихся в России, в том числе философских работ, изданных в Риге до войны. Интерес к философскому наследию Н. К. Рериха, к книгам «Живой этики», написанным Н. К. и Е. И. Рерихами от имени Махатмы Мории, рос так стремительно, что КГБ стал принимать свои меры. Об этом стало известно совсем недавно из публикаций в газете «Аргументы и факты» (1992, № 9 (594). С. 5): «1984 год. Завершена работа по проверке советских граждан, имевших внеслужебные контакты с гражданином Индии художником С. Рерихом в период его пребывания в СССР. 12 контактов поставлены на учет. (Фонд 6, опись 5/16. Дело Ф-175. Т. 1. С. 11.)

В связи с проявляемым в последнее время интересом со стороны некоторых антиобщественных элементов к философским трудам художника Н. Рериха от агента «Сергеевой» получены аналитические материалы, раскрывающие истинный характер мировоззрения художника и показывающие ошибочность его взглядов».

В 1984 г. Павла Федоровича уже не было в живых, но к «интересу к насле-

дию Н. Рериха» он был причастен. Его статьи и книги не только зажигали у читателей искру интереса, но и через библиографию помогали этому интересу разгораться.

Из прикнижных списков литературы, составленных П. Ф. Беликовым, отметим список в первом советском сборнике «Н. К. Рерих. Из литературного наследия», выпущенном в 1974 г. В списке два раздела: «Труды Н. К. Рериха»; «Книги о Н. К. Рерихе и основные публикации о нем в сборниках и периодических изданиях». Для того времени это был самый значительный труд, и остается только поражаться, как удалось в тисках цензуры выпустить такой обширный список, куда попали все важные труды исследователей творчества Н. К. Рериха, в том числе — авторов русского зарубежья и ведущих иностранных рериховедов. Сейчас мы радуемся появлению библиографических источников, «наводящих мосты», соединяющих отечественные публикации с зарубежными, ранее запрещенными. П. Ф. Беликов сделал это в своей работе, вышедшей на заре застоя. Этот труд — и документальное обвинение сталинщине. Мы не встретим в нем работ, выпущенных в Советском Союзе с конца 20-х гг. до 1958 г. Нет, имя Рериха не было окончательно стерто, оно упоминалось в каталогах картинных галерей (10) и в некоторых других искусствоведческих изданиях. Но не вышло ни одного фундаментального исследования, представляющего ценность для искусствоведения.

Помимо книг и статей, Павел Федорович рассказывал о семье Рерихов на многочисленных лекциях и выступлениях — в Академии художеств, в Русском музее, в Московском и Новосибирском домах ученых и во многих других местах, куда направляло его общество «Знание».

Непрестанно пополнялся и архив П. Ф. Беликова. К началу 80-х гг. в нем было собрано около 4 тыс. документов, статей, фотографий. Почти во всех работах 70-90-х гг. о Рерихах мы встретим ссылки на архив Павла Федоровича. Авторы публикаций о П. Ф. Беликове вовсе не преувеличивали, когда писали, что его дом в Козе-Ууэмыйза выполнял роль Всесоюзного Рериховского центра.

Год от года росла репутация Павла Федоровича в научных кругах. Он был консультантом и рецензентом многих работ о Н. К. Рерихе, консультировал фильм о нем, снятый студией «Научфильм» в Киеве. В советах Павла Федоровича нуждались не только отечественные, но и зарубежные ученые. Ему писали из Лондона и Парижа, Мадраса и Бомбея, из музеев и обществ им. Н. К. Рериха, действовавших в разных странах мира. Предпочтение перед всеми искусствоведами отдавал ему Святослав Рерих, над книгой о творчестве которого в 60-70-е гг. работал П. Ф. Беликов. «Я очень ценю Ваши мысли и Ваш труд, — говорил художник в одном из писем в Козе-Ууэмыйзу. — Ваш подход к моему искусству правилен именно потому, что Вы мыслите свободно и глубоко и Вы видите гораздо больше, нежели многие так называемые критики. Ведь глубина нашей творческой интерпретации пропорциональна нашей внутренней культуре, нашему духовному прозрению и устремлению. То, что мы ощущаем и лицемерим в храме нашего сердца, озаряет нам окру-

жающую нас жизнь и позволяет проникнуть в еще скрытые аспекты Бытия». (8. С. 17.)

Ученик Н. К. Рериха был причастен к организации «Рериховских чтений» в Новосибирске, к открытию его музея в поселке Извара и к созданию Культурно-экологического центра им. Н. К. Рериха в Карелии. Благодарности П. Ф. Беликова и поныне звучат в среде рериховедов.

При жизни о Павле Федоровиче писали редко, да и он не стремился к известности, оставаясь в тени Рерихов. За десять лет, прошедших со дня смерти П. Ф. Беликова, публикаций о нем почти не прибавилось. Но хочется верить, что обязательно появится книга о Павле Федоровиче, глубоко раскрывающая личность этого человека. Живший в нелегкое время, он, как и многие, часто разделял общественные иллюзии, но не многие сумели стать такими Носителями Культуры, как он.

Имена Рерихов сегодня произносятся очень часто. Вокруг них не только благоговейное преклонение, но и жаркие споры. Поэтому так нужны работы П. Ф. Беликова, посвященные этой уникальной семье, работы человека, увлеченного благородной идеей, настоящего русского подвижника.

Примечания:

- 1) Лихачев Д. С. Поэзия труда библиографа // Сов. библиогр. 1980. № 2. С. 63.
- 2) Там же, с. 64.
- 3) Рерих Н. К. Твердыня пламенная. Рига, 1991. С. 47.
- 4) Рерих Н. К. Указ. соч. С. 89.
- 5) Беликов П. Ф. Библиография трудов Н. К. Рериха // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 217. Тр. по рус. и слав. филологии. XIII. Горьковский сборник. Тарту, 1968. С. 265-282.
- 6) Цит. по кн.: Линник Ю. В поисках Шамбалы. Петрозаводск, 1992. С. 131.
- 7) Беликов П. Ф. «Величайший победитель в битве...» // Огонек. 1982. № 9. С. 20.
- 8) Nicholas K. Roerich. Bibliography. Karachi: The Young Builder Press, 1936.
- 9) Рерих Н. К. Указ. соч. С. 63.
- 10) Острой О. С Русские справочные издания по изобразительному и прикладному искусству: Аннот. указ. М.: Книга, 1972. 280 с..

П. Ф. Беликов: Библиография

Основные труды и публикации из архива

1. Великое искусство Святослава Рериха // Святослав Рерих. — Бангалор [Индия], 1965. — Англ.; То же. — Наггар [Индия], 1974.
2. Рерих Н. К. Моя жизнь: [Гл. из кн. «Моя жизнь»]/Предисл., публ. и коммент. П. Беликова и В. Нечаева // Наш современник, — 1967. — № 7. — С. 102-114: ил.; фото.
3. Рерих и Горький // Учен. зап. Тартуского гос. унта. Вып. 217. Тр. по рус. и слав. филологии. XIII. Горьковский сборник. — Тарту, 1968. — С. 251-265.
4. Библиография произведений Н. К. Рериха // Там же. — С. 265-282.
5. Рерих Н. К. Листы дневника/Предисл., публ. и примеч. П. Ф. Беликова // Прометей: Ист.-биограф. альм. сер. ЖЗЛ. — Т. 8. — М., 1971. — С. 233-252: фото.
6. Беликов П. Ф., Князева В. П. Рерих. — М.: Мол. гвардия, 1972. — 256 с:

ил. — (ЖЗЛ); То же. — 2-е изд., стереотип. — 1973; То же. — Вильнюс: Вага, 1975. — Лит.; То же. — М.: Прогресс, 1979. — Непали; То же. — М.: Прогресс, 1979. — Бенгали; То же. — Бухарест: Эдугуре Меридиане, 1980. — Рум.

7. Николай Рерих и Индия // Страны и народы Востока. Вып. XIV: Индия — страна и народ. Кн. 3. — М., 1972. — С. 211-232. — Библиогр.

8. [Рерих Н. К. Очерки из третьей подборки «Листов дневника»] / Публ. П. Ф. Беликова на основе своего архива // Там же. — С. 232-236.

9. О литературном наследстве Н. К. Рериха // Контекст. 1973. — М., 1974. — С. 388-414.

Из содерж.: Беликов П. Ф. О литературном наследстве Н. К. Рериха / Вступ. ст.; Рерих Н. К. Героический реализм. — Еще радости. — Полнота жизни. — Старые друзья. — Блок и Врубель. — Встречи. — Недописанное. — Века. — Ко времени. — Сотруднику. — Синтез.

10. Рерих Н. К. Из литературного наследия / Под ред. М. Т. Кузьминой. — М., 1974. — 534 с: ил.; портр.

Из содерж.: Беликов П. Ф. Рерих Н. К. Биограф, очерк. — Рерих Н. К. Листа дневника. — Моя жизнь: Избранное. — Примечания / Сост. П. Ф. Беликов, В. М. Володарский, И. А. Свиридова, В. В. Шлеев. — С. 439-476. — Указатель имен, упоминаемых в текстах Н. К. Рериха / Сост. П. Ф. Беликов, В. В. Шлеев, при участии Г. К. Буровой, В. М. Володарского, Р. А. Незлобиной, И. А. Свиридовой. — С. 477-516. — Библиография: 1. Труды Н. К. Рериха. 2. Книги о Н. К. Рерихе и основные публикации о нем в сб. и периодике / Сост. П. Ф. Беликов. — С. 517-524.

11. Окладников А., Беликов П., Маточкин Е. Рерих — исследователь Азии // Сиб. огни. — 1974. — № 10. — С. 166-172: ил.

12. Свет таланта: [К выст. картин С. Н. Рериха в Улан-Удэ] // Байкал. — 1975. — № 5. — С. 151-154: фоторепр. И. Нечаева.

13. Праздник красоты: [К выст. картин С. Н. Рериха в Улан-Удэ] // Правда Бурятии. — 1975. — 20 мая.

14. Уран Белигей хайндэр: [К выст. картин С. Рериха в Улан-Удэ] // Буряад Үнэн. — 1975. — 28 июня. — Бурят.

15. Последняя научно-исследовательская экспедиция Н. К. Рериха // Рериховские чтения. 1976. К 50-летию исследований Н. К. Рериха на Алтае: Тез. конф. — Новосибирск, 1976. — С. 94-97.

16. Беликов П. Ф., Шапошникова Л. В. Институт «Урусвати»: [Науч. деятельность Н. К. Рериха и Ю. Н. Рериха в Индии] // Страны и народы Востока. Вып. XIX: Индия — страна и народ. Кн. 4. М., 1977. — С. 250-270. — Библиогр.

17. Пакт Рериха // Памятники Отечества. — Кн. 3. — М., 1977. — С. 140-146.

18. В Гималаях // Н. К. Рерих. Жизнь и творчество: Сб. ст. — М., 1978. — С. 201-219. — Библиогр. в сносках.

19. Пакт Рериха по охране культурных ценностей // Там же. — С. 186-191. — Библиогр. в сносках.

20. Беликов П. Ф., Шапошникова Л. В. Институт «Урусвати» // Там же. — С. 225-236. — Библиогр. в сносках.

21. «Принадлежит моей Родине»: [О С. Н. Рерихе] // Огонек. — 1978. - № 35. — С. 16-17; То же // Мир через культуру: Ежегод. — М., 1990. — С. 180-186.

22. Личное участие членов семьи Н. К. Рериха в работе института «Урусвати» // Рериховские чтения. 1979. К 50-летию, института «Урусвати»: Материалы конф. — Новосибирск, 1980. — С. 291-301. — Библиогр. в сносках.

23. «Величайший победитель в битве...»: [Беседа с биографом семьи Рерихов П. Ф. Беликовым в связи с 80-летием со дня рождения Ю. Н. Рериха/ Вела Т. Калугина] // Огонек. — 1982. — № 9. — С. 20-22: фото.

24. Рерих в Карелии/Публ. Ю. В. Линника на основе архив. материалов П. Ф. Беликова // Комсомолец. — Петрозаводск, 1982. — 24 апр.

25. Творчество Святослава Рериха: К выст. худож. в Москве // Рериховский вестн.: Публ. Сообщ. Исслед. 1990, янв.-дек. — Спб.; Извара, 1991. — С. 10-13.

26. Письма С. Н. Рериха П. Ф. Беликову // Там же. — С. 13-17.

27. Н. К. Рерих: Из записей Сортавал. периода/Из арх. материалов П. Ф. Беликова // Комсомолец. — Петрозаводск, 1991. — 16 февр.

28. Николай Рерих о большевизме: [Фрагм. из сортавал. записей. 1917-1918/Из арх. П. Ф. Беликова; Публ. Ю. В. Линника] // Набат Северо-Запада [Рос. нар. газ.]. — 1992. — 12 июня. — С. 7.

29. Линник Ю. В. В поисках Шамбалы. — Петрозаводск: Карелия, 1992. — 576 с. Публ. материалы из архива П. Ф. Беликова.

Материалы к биографии

30. Геродник Р. «Рерих» и его автор // Сов. Эстония. — 1973. — 20 мая.

31. Андросова Л. А., Спирина Н. Д. Павел Федорович Беликов — исследователь творчества Н. К. Рериха. Препринт — Новосибирск 1983. — 6 с. Библиогр.

32. [Павел Федорович Беликов] // Рериховский вестн. Публ. Сообщ. Исслед. — 1990, янв.-дек. С-Пб; Извара — 1991. С. 13-14: фото.

33. Попова Р. «Красотою молимся. Красотою объединяемся» // Молодежь Эстонии. — 1991. — 16 февр.

Послесловие

Читатели вправе спросить: как развивалась библиографическая рерихиада после смерти П. Ф. Беликова? Увы, до сих пор не создана фундаментальная библиография творчества семьи Рерихов. Среди отдельных публикаций выделяются работы Л. А. Андросовой и Н. Д. Спириной. Удивительный факт, но все библиографы наследия Рерихов — люди поразительной судьбы, все связаны с историей рериховского движения в нашей стране, являются исследователями и пропагандистами творчества семьи Рерихов.

Л. А. Андросова — научный сотрудник Дома-музея Н. К. Рериха в Изваре. Здесь подготовлена библиография трудов Е. И. Рерих.

Н.Д. Спирина — почетный член Новосибирского отделения общества дружбы «СССР — Индия». Ей было предоставлено право приветствовать участников 1-й общественной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е. И. Рерих (Новосибирск, 11-12 февр. 1989), на которой впервые публично прозвучали стихи Н. Д. Спириной из сборника «Капли». С этими стихами была знакома Е. И. Рерих: «О «Каплях»... могу сказать, что яро они мне близки и я принимаю их всем сердцем. Пусть пишет со всем пылом сердца своего, не сомневаясь ни в чем. Очень хотелось бы иметь еще несколько «Капель», ибо чую источник их».

Опубликовано: Семенова В.Г. Носитель культуры (Павел Федорович Беликов) // Библиография, 1993, № 1, с. 118-127.

Алексей Анненко
«РЕРИХОВСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ»
ПАВЛА БЕЛИКОВА...

Вспоминая о своих встречах и сотрудничестве с выдающимся русским художником, мыслителем и гуманистом Николаем Константиновичем Рерихом, его ближайшая последовательница Зинаида Григорьевна Фосдик, бесменный до конца жизни вице-президент Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке, употребила поразительное по своей точности определение: «Общение с Рерихом было равно посещению одновременно нескольких университетов...»

Точнее не скажешь. Даже те, кто «рериховские университеты» проходит «заочно», без счастья непосредственного общения, при соответствующем уровне прилежности, получают уникальную возможность проникновения в различные сферы человеческого гения.

Возьмем ли искусство Рериха-художника — мы непременно углубимся в познание художественной жизни в России в конце XIX — начале XX веков, влиянии различных школ Запада и Востока, всплывут имена Стасова, Микешина, Куинджи, Кормона, Дягилева, Врубеля, художников объединения «Мир Искусства» и многие-многие другие. А, кроме того, нельзя будет обойти вниманием развитие театрально-декорационного искусства, графики, мозаики, настенных росписей, прикладных ремесел... Возьмем ли его историко-археологические изыскания — мы погрузимся в истоки российской истории, обратимся к ее переломным вехам, к ярчайшим представителям светской и духовной жизни... Возьмем ли его многочисленные путешествия — по России, Центральной Азии, Тибету, Монголии — мы откроем для себя неведомые земли, зазвучат имена знаменитых путешественников, историков, археологов, собирателей древностей — Спицына, Голубева, Пржевальского, Козлова, Роборовского... Возьмем ли его литературную, культурно-просветительскую, благотворительную деятельность — мы оказываемся на вершинах проявления человеческого духа. Толстой, Станиславский, Блок, Соловьев, Андреев, Горький, Тагор, Кент, Эйнштейн, Северянин, Милликен, Грабарь, Щусев, Босе, Чаплин... Список имен, входящих в «круг Рериха», громаден. Вершины духа, которые предстоит одолеть вольнослушателям «рериховских университетов», подпирают небесные дали. Путь «каменист»... Но находятся люди, которые не только успешно преодолевают все препятствия, но и сами становятся наставниками этих «рериховских университетов», передавая свои знания поступившим «на первый курс»...

Таким был Павел Федорович Беликов. Он родился 29 июля 1911 года в Эстонии, в Нарве. Его «внешний» жизненный путь протекал вполне обычно. Был он и грузчиком, и ткачом, и работником торгового представительства «Международная книга». Последние годы до пенсии работал бухгалтером в небольшом поселке под Таллинном — Козе-Ууэмыйза. Рядовой путь

рядового советского человека... И эти же годы были наполнены творческой деятельностью, равной масштабу деятельности научно-исследовательского института. Предмет исследований — жизнь и творчество семьи Рерихов. Время — после работы, в выходные и праздничные дни, в отпуске. Средства собственная зарплата. Не имея ученых степеней и званий, он занял одно из ведущих мест в мировом рериховедении.

...Молодость Павла Беликова пришлась на двадцатые-тридцатые годы. Довоенный Таллин... Любознательного юношу влекут к себе литературные занятия, он пишет стихи, печатает заметки в местных газетах... Увлекается христианской теологией, позднее — восточной философией, но одна из книг по этой тематике надолго поубавила интерес к древней мудрости Востока. Однажды ему на глаза попались заметки о путешествии Николая Рериха по просторам Центральной Азии. Некоторые мировоззренческие утверждения вызвали несогласие, и он выступил с ними на заседании Русского литературного кружка, один из участников которого имел переписку с Рерихом. Неожиданно Беликов получил письмо из Индии. И не с отповедью, как предполагал дерзкий юноша, вскрывая конверт, а с предложением сотрудничества, что поразило и навсегда полонило сердце. Как? Вместо того чтобы упрекать, что он еще молод, что он еще многого не понимает, ему предлагают сотрудничать? Всемирно известный художник и мыслитель! Молодой человек был сражен...

Полученное письмо заставило П. Ф. пристальнее взглянуть на суть деятельности Николая Константиновича. Зная о том, что рядом, в Латвии, существует сильное Рериховское общество, ведущее значительную издательскую работу, П. Ф. загорелся желанием создать такое же общество в Эстонии. Он понял, что его поиски в христианском направлении, изучение восточной философии пришли к логическому завершению. Но это «завершение» на самом деле будет только началом познания того средоточия мудрости, которое содержится в Агни Йоге... «Эти книги, — говорил он мне, — меня буквально духовно перевернули...»

И еще его привлек сам облик русского художника, сумевшего встать над суетой будней, в жизни и творчестве которого Культура и Красота проявились с неисчерпаемой полнотой. Он стал собирать материалы о деятельности семьи Рерихов, не предполагая еще, что ему выпадет миссия на склоне лет, в другой стране поднять имя Рериха на соответствующую высоту, опубликовав книгу о нем в серии «Жизнь замечательных людей», стать общепризнанным авторитетом в мировом рериховедении.

Хотя цель такую он поставил перед собой уже в молодости. «Между прочим, — писал он 22 декабря 1978 года, — когда мне было лет тридцать, я думал, что могу многое сказать о Рерихе, стремился к этому. Обстоятельства сложились так, что я вышел на профессиональную «арену» с чувством, что теперь-то я могу сказать о Рерихе так как надо, когда был на исходе пятый десяток лет. А теперь, когда на исходе шестой десяток, я гадаю — смогу ли я до конца жизни вообще сказать о Рерихе то, что нужно и так, как нужно.

Мой пример, конечно, не эталон, наоборот, он большое исключение, обусловленное какими-то скрытыми от меня самого кармическими следствиями...» (Архив автора. Все цитаты из писем П. Ф. Беликова, С. Н. Рериха, З. Г. Фосдик публикуются впервые).

Завязавшаяся переписка с Н. К. Рерихом, а затем и с его старшим сыном, востоковедом, Юрием Николаевичем, имела под собой и практическое основание. В конце тридцатых годов П. Ф. сотрудничал с представителем московской «Международной книги» в Таллинне. Он с готовностью согласился выполнять заказы семьи Рерихов, прежде всего Юрия Николаевича, на интересующие их книги. В 1957 году, после переезда Ю. Н. в Советский Союз, П. Ф., находясь в Москве, позвонил ему: «Он сразу назвал меня по имени и отчеству, спросил, где я нахожусь и не могу ли сразу к нему приехать. Через полчаса я был возле дома на Ленинском проспекте, где он жил. Юрий Николаевич уже ждал меня и проводил в кабинет. В кабинете, заставленном книжными полками, царил полумрак, горела лишь настольная лампа на большом письменном столе. Показав на полки с книгами, Юрий Николаевич сказал: «Чувствуйте себя как среди старых знакомых. Среди книг много тех, которые вы посылали мне» (П. Беликов. «Величайший победитель в битве...» — Огонек, 1982, № 9, с.20).

С 1957 года он фактически становится доверенным лицом братьев — Юрия Николаевича и младшего — Святослава Николаевича, проживавшего в Индии...

...Я встретился с Павлом Федоровичем в июне 1975 года, когда учился на четвертом курсе университета. Он приехал в Новосибирский Академгородок в связи с выставкой картин Н. К. из собрания Святослава Николаевича, показываемых тогда в Советском Союзе впервые. Выставку разместили в спортивном зале университета. Одна стена его была сплошь стеклянной. По утрам я любил посидеть на пригорке перед этим своеобразным окном в Державу Рериха и всматриваться в неопишуемое торжество красок на картинах Великого Мастера в озаряемом лучами восходящего солнца зале. Может быть, это самое сильное впечатление от общения с чудесным рериховским миром, которое я когда-либо испытывал. Негромко шумели кроны сосен и берез, утреннюю тишину нарушало лишь пение птиц... Между мной и картинами, образующими своеобразную мозаику под названием «Искусство Николая Рериха», была лишь тонкая стеклянная перегородка, и в голову невольно шли вбитые со школьных лет строчки: «Двое в комнате. Я и...» В моей интерпретации, конечно, звучало «... и Рерих»...

Находился я тогда на распутье. Довольно основательно, насколько это было возможно по тем временам, при дефиците литературы, был знаком с творчеством Николая Константиновича. Пришла ко мне и отпечатанная на фотобумаге копия книги «Агни-Йога». Для дальнейшего продвижения вперед, которое тогда связывалось мною с изучением всех книг Живой Этики, надо было выходить на контакт с теми, у кого они имелись. Но по имеющимся у меня сведениям такой контакт обуславливался целым рядом условий, в целом не соответствующих, на мой взгляд, и духу, и букве Живой Этики.

Я раздумывал, как поступить. И в это время в Академгородок приехал один из авторов книги о Н. К. в серии «Жизнь замечательных людей», авторитетнейший рериховед, Павел Федорович Беликов.

Эта встреча и последующие, в том числе со Святославом Николаевичем, Людмилой Васильевной Шапошниковой, навсегда убедили меня, что истинно великие люди просты в общении, снисходительны и никогда не откажутся от помощи тем, кто в ней нуждается.

Был солнечный летний день. В зале выставки П. Ф. окружали любители рериховского искусства... Наконец, я улучил момент, когда у П. Ф. выдалась свободная минута, подошел, представился и попросил найти время для беседы. П. Ф. незамедлительно откликнулся и назначил мне встречу на следующий день.

Никогда не забуду наш первый разговор в моей комнате в студенческом общежитии. 12 июня 1975 года... Как сейчас вижу фигуру Павла Федоровича, на фоне солнечных лучей, проникающих через распахнутое настезь окно, склонившегося над книгами, альбомами, вырезками газетных и журнальных публикаций, которые я ему показывал... Слышу его голос:

— Вы спрашиваете, стоит ли Вам примыкать к какой-то группе? Вот что я Вам скажу — лучше не надо, лучше остаться самостоятельным. Я сам шел таким путем и считаю его наиболее правильным. Тем более, когда выставляются какие-то условия... Иерархия складывается сверху вниз, но никак не наоборот. Я вел как-то два кружка. Мы собирались раз в неделю, создавалась торжественная обстановка, мы читали по очереди Агни Йогу и затем обсуждали. Причем правилом и законом был абсолютно свободный обмен мнениями. Так же было в Рижском обществе. Мне рассказывала Зинаида Григорьевна (Фосдик — А. А.), что у них в Америке тоже практиковались свободные дискуссии. Агни Йога дана всем, дана так широко, что претендовать на изречение истины в последней инстанции никто не может... Ведь главное — проблема совершенствования. Именно поэтому каждый человек должен индивидуально подходить к книгам Живой Этики, над ним не должно довлеть мнение доморощенного авторитета. Каждый находит свое. Лучше всего самостоятельно духовно перерабатывать то, что приходит ищущему. Можно, конечно, входить в контакт с кем-либо, порой не только можно, но и нужно, но только при условии собственной независимости. Я, например, долгое время работал самостоятельно, хотя рядом в Риге был сильный кружок Агни Йоги. И, Вы знаете, то, что мне нужно было — приходило. А потом уже нас Николай Константинович свел...

То, что нужно — приходит. Было бы устремление. Сотрудничество с Павлом Федоровичем только подтвердило для меня эту непреложную истину. При дальнейших встречах в Новосибирске, у него в Козе-Ууэмыйза, фактически тогдашнем Советском Центре рериховских исследований, в переписке я получал ответы на все вопросы, которые встают перед каждым на пути в Державу Рериха. Если я уделил внимание своим личным обстоятельствам, то лишь для того, чтобы подчеркнуть готовность П. Ф. каждому «идущему»,

даже если это простой студент сибирского вуза, оказать всяческую помощь и внимание.

Меня поражала в нем способность настроиться на «волну» собеседника. Дважды он приезжал на «Рериховские чтения» в Новосибирск. В 1976 и 1979 годах. Это, с одной стороны, поднимало их уровень авторитетности, а с другой, давало возможность и сторонникам, и противникам рериховского движения (причем среди тех и других были самые разные оттенки принадлежности) обратиться к человеку, мнение которого нельзя было не учитывать. Особенно ярко помню один такой день «хождения по группам», когда с раннего утра и до позднего вечера Павла Федоровича «передавали» из рук в руки, чтобы получить ответы на то, как решить те или иные, у каждого свои, своеобразные, проблемы. И в каждом случае, при разговоре о вопросах, порой не стоящих и выеденного яйца, Павел Федорович с полным вниманием включался в их решение. Причем, зачастую тот мелочный повод, который послужил началом разговора, уходил куда-то в сторону, а беседа незаметно входила в русло проблем действительно существенных. И разные люди, с разным отношением к рериховскому наследию, с разным пониманием, по тогдашнему партийному выражению, «задач текущего момента» получали «информацию к размышлению», которая подводила их к осознанию тех самых действительно важных проблем.

К сожалению, появились сонмы «пророков», «кудесников», «посвященных», среди которых чуть ли не каждый второй «имеет» канал общения с Высшими Мирами, подобно «новым русским» с сотовыми телефонами. «Духовность» становится модным понятием, хотя нелепость этого очевидна. По мнению Павла Федоровича, «если даже вне сферы духовности в человеке пробуждается доброта, ответственность, благожелательность и творчество, на первых шагах хотя бы в усовершенствовании мотоциклетных моторов, то и эти задатки могут продвинуть дальше, чем битие лба о каменные плиты в храме»... (письмо автору от 19 января 1977 года).

Мне запомнился тот день еще и потому, что вечером П. Ф. раскрылся для меня одной из тех граней, которые, конечно же, были характерными для него, но были скрытыми для нас в связи с нашим односторонним отношением к нему только как исследователю рериховского наследия. Наталья Дмитриевна Спирина, нынешний почетный председатель Сибирского Рериховского общества, попросила П. Ф. послушать песни ее ученика, Андрея Юшкова, тогда начинающего самодеятельного композитора и певца. Вечером мы были у нее на квартире. Андрей пел, делился планами будущих концертов, спрашивал совета у П. Ф. В разговоре всплыло имя Игоря Северянина. Тогда, в середине 70-х годов он был известен, в основном, по знаменитой строчке: «Я гений, Игорь Северянин...» и специфическому «советскому» отношению к эмигрантским писателям и поэтам. А Игорь Северянин последние свои годы прожил в Эстонии. Услышав это имя, уставший после многотрудного дня, Павел Федорович как-то сразу встрепенулся, заулыбался, как бы припоминая какие-то ведомые только ему встречи давних лет, и произнес: «О, это

Поэт Божьею милостию!» Оказалось, он не раз в Таллинне слушал выступления поэта, был с ним знаком и с юношеских лет любит его творчество. Он рассказал нам об одном случае. Как-то он ехал в Москву в одном купе с известным артистом Михаилом Козаковым. В разговоре тот упомянул, что готовит для записи на телевидении чтение Пушкинского «Дон-Жуана». Ему Павел Федорович прочитал неопубликованное тогда стихотворение «Монолог Дон-Жуана», написанное Игорем Северяниным. Прочитал он, конечно, наизусть и нам, и мы записали под его диктовку:

*«Чем в юности слепительнее ночи,
Тем беспросветней старческие дни.
Я в женщине не отыскал родни:
Я всех людей на свете одиноче!
Очам не предназначенные очи
Блуждающие теплили огни.
Не проникали в глубину они:
Был ровным свет. Что может быть жесточе?
Не находя Искомой разве грех
Дробить свой дух и размещать во всех?
Но что в отдар я получал от каждой?
Лишь кактус ревности, чертополох
Привычки да забвенья трухлый мох.
Никто меня не жаждал смертной жаждой»*

Кстати, поскольку в стихотворении затронута тема отношения к женщине, надо сказать, что один из самых счастливых моментов в жизни П. Ф. была встреча с Галиной Васильевной, спутницей и вдохновительницей до конца его земных дней. Еще в тридцатые годы им послала «привет сердца» Елена Ивановна Рерих. В письме к одному из сотрудников в Прибалтике она писала 29 июля (кстати, в день рождения П. Ф.!) 1939 года: «Получили и фотографии супруги П. Ф. Б. Очень понравилась она нам всем. Такой вдумчивый и ясный взор! Думаю, что оба они могут быть прекрасными работниками на ниве труда просвещения. Мысли, высказанные П. Ф. в его последнем письме к Н. К., пришлись мне очень по душе. Бодрость духа есть залог преуспевания. Именно радость жизни не в роскоши и изобилии, но в проникновенном осознании глубокого смысла и назначения жизни как таковой. Именно тогда всякий труд становится источником радости и восхождения. Шлю им привет сердца...»

Встреча с творчеством Рериха стала для П. Ф. началом обучения в «рериховских университетах». Ведь Н. К. настолько многогранная, многозначительная фигура, что тот, кто по-настоящему увлечен изучением его жизни и деятельности, неминуемо выходит на познание самых различных сфер взаимодействия Человека и Мира. Недаром Святослав Николаевич в письме к П. Ф. писал, что «искусство Жизни было для Н. К. наивысшим искусством» (10 ноября 1969 года. Архив П. Ф. Беликова).

Эти слова в полной мере можно отнести и к жизненному пути Павла Федоровича Беликова. В этом году — 15 мая — исполнилось бы пятнадцать лет с того дня, как прекратилось его земное существование...

В одном из писем ко мне он упомянул передачу «Очевидное-невероятное», которую вел Сергей Петрович Капица. Тогда я машинально отметил, что есть что-то общее у П. Ф. и известного ученого. Даже во внешнем облике. Но главное в другом — всю свою жизнь П. Ф. посвятил изучению «очевидного-невероятного» рериховского мира, который он всеми возможными силами и средствами открывал нам, приближал к нашей повседневности, чтобы она засияла новыми гранями и красками, «невероятными» для нас, «очевидными» для него...

Опубликовано: Журнал «Мир Огненный», № 3 (14) 1997 г.

**Гунта Рудзите
ПОЭТ И БОРЕЦ,
БИОГРАФ НИКОЛАЯ РЕРИХА**

Больше всего меня сблизил с Павлом Федоровичем Беликовым (1911-1982) работа над его книгой о Н. К. Рерихе для серии «Жизнь замечательных людей».

Я знала о Павле Федоровиче уже давно. Знала, что еще до войны у него была небольшая группа людей, изучающих Живую Этику. Знала, что его работа в «Международной книге» дала ему возможность помогать книгами Н. К. Рериху и особенно Ю. Н. Рериху. Знала, что он переписывался с Николаем Константиновичем и получил от него 15 писем, 8 копий которых были присланы Рерихами моему отцу, Рихарду Яковлевичу Рудзитису (1898-1960), для ознакомления: Рерихи всегда просили Латвийское общество Рериха взять шефство над Литовским и Эстонским обществами, как более молодыми.

Мой отец еще до войны переписывался с П. Ф. Беликовым и встречался с ним лично. Павел Федорович бывал и у нас, в основном после войны. Помню, как две недели он жил в маминой комнате и не отрываясь, целыми днями работал над нашим архивом (у него был договор насчет книги о Н. К. Рерихе). Он присутствовал и на похоронах отца осенью 1960 года.

Многое о Беликове запечатлено в отцовском дневнике, который сейчас готовится к печати минским издательством «Лотац». Приведу один фрагмент.

«В Таллинн я приехал воскресным вечером, 21-го августа. Нашел гостиницу и, так как не было еще поздно, отправился в «Номме» — зеленый район — к Беликову. Так как последующие дни я провел у него, то и глубже соприкасался с душою его и его жены. Они оба очень серьезные люди, может быть даже слишком для своего возраста: ему лишь около 27 лет. Только что поженились. Жена, наверное, должна будет ехать в провинцию учительницей, ибо он сам очень мало зарабатывает в книжном магазине. Его жена также в группе изучающих Живую Этику, где кроме них обоих лишь трое. В Учение он углубляется и старается также осуществлять в жизни. У него был туберкулез, теперь уже осилен. Мать совсем больная. Так жизнь для них — большое напряжение. Я верю, что для Беликова и его жены еще впереди этапы развития. Главное, они все хорошо понимают и подходят к Учению с глубочайшим интересом и серьезностью. Советуются по вопросам Учения с некоторым нашим членом общества. Но хотелось бы как-то видеть больше звучной широты. И его статья о Н. Рерихе как мыслителя немного интеллектуальна. Все-таки все развитие еще перед ним». (5 октября 1938 г.)

Сохранилась и часть писем Павла Федоровича к Рихарду Яковлевичу.

В Риге П. Ф. Беликов посещал также родственницу жены — Лидию Жейбе — маму Ксении Рудзите, которая защитила магистрантскую работу о нашей

коллекции картин Н. К. и С. Н. Рерихов и сейчас руководит русским отделом нашего Государственного Художественного музея. Лидия Жейбе-Рудзите также была работником музея.

После ухода отца П. Ф. Беликов познакомился с оставленным им архивом. Ему требовалось уточнить разные сведения, и между Павлом Федоровичем и мною возникла оживленная переписка. Теперь уже я, в то время студентка искусствоведческого факультета Рижской Академии художеств, ездила к нему.

Когда я впервые поехала к П. Ф. Беликову, он встретил меня в Таллинне и с большим увлечением показывал старый город, древний романический величественный собор, укрепления, сложенные из чарующих древних серых камней. Мы долго любовались на город с того места, где когда-то, в начале столетия, делал зарисовки Н. К. Рерих. Пили кофе из крохотных изящных фарфоровых чашек в уютном погребе-кафе.

Потом поехали к Беликовым в Козе-Ууэмыйза (Харьюский район), в часе с лишним езды от Таллинна, куда Павел Федорович переехал жить из-за старого недуга легких. Здесь по соседству некогда находилось имение Икскюль. Мы гуляли по старинному парку и разговаривали на многие темы.

В центре села семья Беликовых — сам Павел Федорович, его жена Галина Васильевна и бабушка — имела уютную трехкомнатную квартиру в двухэтажном доме. Около домика росли цветы, а чуть дальше были разбиты грядки с овощами. Как это принято у эстонцев — и дома ни соринки, и в саду ни сорняка.

Я обычно ночевала в кабинете Беликова, вдоль стен которого стояли книжные полки до самого потолка. Среди множества собраний сочинений — томики поэзии. Павел Федорович признался мне, что очень любит Заболоцкого, а в молодости и сам писал стихи. Он читал мне и свои стихи, и стихи других поэтов.

Большим событием в жизни П. Ф. Беликова стало возвращение Юрия Николаевича Рериха на Родину. В отличие от других Павел Федорович старался не тревожить его, в основном они виделись на выставках. Лишь сказал, что на него Юрий Николаевич всегда может рассчитывать. И встречи со Святославом Николаевичем были знаменательными. Именно уход брата очень сблизил С. Н. Рериха с П. Ф. Беликовым. Большая статья Беликова о Ю. Н. Рерихе (в форме интервью) появилась в журнале «Огонек». Все больше стало появляться и научных статей о Н. К. Рерихе — в сборнике «Страны и народы Востока» и в других изданиях.

Еще до войны П. Ф. Беликов мечтал написать большую работу о Н. К. Рерихе. Он прислал нам свой обширный труд философского характера о Рерихе-мыслителе. Когда ему удалось заключить с издательством договор на книгу о Н. К. Рерихе в серии «ЖЗЛ», Павел Федорович приступил к ней со всей ответственностью, пылом и благоговением своего сердца. Днем он работал главным бухгалтером местного совхоза, но каждый вечер после работы с восьми до двенадцати проводил за письменным столом.

Правда, неизвестному бухгалтеру не хотели одному доверить книгу о художнике, он должен был консультироваться с ленинградским искусствоведом Валентиной Павловной Князевой, но она полностью доверила ему эту работу.

В то время собирать материалы для книги, особенно о последнем периоде жизни Н. К. Рериха, было не так просто. Взяв отпуск, П. Ф. Беликов работает в главных библиотеках, архивах Москвы и Ленинграда. Многочисленные письма летят в разные города, в том числе и в Ригу. Завязалась тесная переписка с С. Н. Рерихом, который посылает ему книги Н. К. Рериха, изданные за рубежом, периодику с посвященными художнику статьями, свою брошюру об искусстве долины Кулу («The Art of Valley Kulu»).

Многое дала Беликову и переписка с бывшим секретарем Н. К. Рериха Владимиром Анатольевичем Шибаевым (1898-1975), который в то время жил в Кардифе, около Лондона. В его коллекции было около тысячи фотоснимков времен пребывания в Наггаре и Кулу. Некоторые из них были присланы и моему отцу еще в 30-е годы.

Сила устремления, упорный труд над книгой были причиной того, что иногда в работе помогали «неведомые силы». Бывало, Павел Федорович жаловался мне: «Не знаю ничего о Н. К. Рерихе-мозаисте...» Потом обрадованный рассказывает: «Еду в Петербург, читаю «Пути Благословения». Вдруг заговорил человек, сидевший напротив: «Вы тоже любите Рериха?» Оказалось, что сосед по вагону — сын знаменитого мастера по мозаике Фролова, вместе с которым Н. К. Рерих работал в мастерской Академии Художеств». Вместе с новым знакомым они побывали в этой мастерской, и Павел Федорович привез мне оттуда горсть позолоченных стекляшек.

Вскоре кабинет П. Ф. Беликова изменился до неузнаваемости. Когда-то он ездил к нам, а теперь и сам имел коллекцию материалов о Рерихах, которой мог бы позавидовать каждый. Над письменным столом — цветные репродукции портретов Е. И. и Н. К. Рерихов кисти Святослава Николаевича, фотоснимки самого С. Н. Рериха вместе с Девикой Рани, Юрия Николаевича. В кабинете индийские журналы, книги, альбомы, последние письма. Чем мог, он делился и со мною. Вырезки из прессы, выписки, письма легли в аккуратные папки на полках. Да, я ворчала, что Павел Федорович по привычке пробивает, прошивая в папках, и письма Святослава Николаевича. Но зато порядок у него был образцовый. Но самыми ценными были его картотеки, увы, на бумажках разного формата и разного происхождения, хранившиеся в коробках из-под туфлей. В то время писчая бумага, тем более библиотечные карточки, были недоступны. К сожалению, после смерти П. Ф. Беликова я их уже не нашла. Тщетно искали их и другие.

Чтобы прочесть полученные от С. Н. Рериха и директора Нью-Йоркского Музея Зинаиды Григорьевны Фосдик книги, Павел Федорович изучил английский язык, что в его возрасте было уже не так просто. Мечтал побывать в Кулу, в Индии — Святослав Николаевич жаловался, что архивы нуждаются в обработке, нужны люди, знающие и русский, и английский языки. (Благо-

даря этому многие молодые люди и в Латвии, и в Литве, наверное, и в Эстонии спешным образом усвоили английский язык — вдруг пригодится...)

П. Ф. Беликов активно участвовал во всех конференциях, посвященных Рерихам: в 1974 году в Ленинграде и в Москве, на Рериховских чтениях в Новосибирске (1976, 1979 годы).

П. Ф. Беликов помогал организовывать выставки картин С. Н. Рериха. Помню, как однажды, когда Павел Федорович сломал ногу, мне пришлось заменять его на подготовке выставки работ Н. К. и С. Н. Рерихов во Львове и обучать гида. Правда, с эрудированным директором музея Возницким это было нетрудно. Я была восхищена и экспозицией, и знаниями работников музея.

Книга П. Ф. Беликова о Рерихе с прекрасными фотоиллюстрациями вышла в 1972 году и сразу же была раскуплена, поэтому в 1973 году появилось второе издание. Из своих 200 экземпляров автор не продал ни одного, все были раздарены по строгим спискам. Он гордо отказался вступить в Союз Писателей (как когда-то и мой отец): не хотел себя связывать.

Все-таки П. Ф. Беликов не отказывался от мысли написать новую работу о Рерихах. В книге, изданной в серии «ЖЗЛ», он должен был уступить некоторым требованиям редактора. Конечно, Павел Федорович не стал бросать тень на человека, побывавшего за границей, что требовалось в то время, но все же он был стеснен определенным объемом и необходимостью научно-популярного изложения. Теперь же Павел Федорович взялся за книгу о всей семье Рерихов с целью написать все, что знает, и так, как думает.

Несмотря на глубокие знания, он все-таки советуется, делится планами, задает вопросы. Сначала ему хотелось показать рост личности Николая Константиновича, и для этого он собрал из юношеских дневников Рериха упоминания об ошибках и недостатках. Но и это не дало правдивого образа, пришлось переписать. Не так легко даются литературные, живые образы, но Павел Федорович не отступал.

Жизнь его не пощадила. Эмоциональный по натуре, прирожденный борец, он старался защищать от любых нападков дело Рериха. Чуткая его природа не выдержала после поездки на Рериховские чтения, проходившие в Новосибирске в 1979 году, и он получает тяжелый инсульт. Несмотря на это, чуть оправившись, снова пытается писать. Если не слушается рука, то на машинке. Каждый день старается гулять на воздухе, уже с палочкой, и силы возвращались. Но жизнь неожиданно оборвалась, и книга осталась неоконченной.

Но уйти среди работы — значит, продолжить дело и в другом мире. Вижу его всегда перед глазами: неутомленного, полного энергии, со сверкающими глазами, с красивым, одухотворенным, улыбающимся лицом.

Рига, май 2001 г.

Опубликовано: Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. В 2-х т. М.: Международный Центр Рерихов, 2001. Т. I. С. 67-71.

Людмила Шапошникова,
генеральный директор Музея имени Н. К. Рериха (Москва)

ХРАНИТЕЛЬ

*«В иных встречах, в иных сплетениях
событий, не представляющих на первый взгляд
ничего исключительного, сокровенная сущность
нашего бытия проявляется гораздо ярче,
чем в нашей повседневной жизни».*

Ги де Мопассан

В мае 1972 г. Святослав Николаевич Рерих пригласил меня погостить на его вилле в Гималайской долине Кулу. Там я впервые увидела не только непередаваемую красоту самых высоких на нашей Планете гор, но и соприкоснулась с уникальным и неповторимым миром Рерихов. На вилле все осталось так, как было при Николае Константиновиче и Елене Ивановне. Святослав Николаевич поселил меня в комнате своих родителей, где был камин, стояли две кровати, а у старинного шкафа — кресло, в котором, как он объяснил мне, любила сидеть Елена Ивановна. Комната эта соединялась с другой, много меньшей, с окном на двуглавую заснеженную вершину Гепанга. Здесь были только простой, деревянный письменный стол и стул с высокой спинкой. Святослав Николаевич провел рукой по столу, на котором лежали какие-то бумаги, посмотрел в окно и на какое-то мгновение задумался.

— Вот здесь, на этом столе, — сказал он, — моя матушка записывала многое из того, что потом составило книги Живой Этики. Теперь за ним будете работать Вы, если, конечно, Вам это понадобится. — И улыбнулся чуть хитровато. — А спать будете тоже на ее кровати.

Две недели, которые я провела на вилле Рерихов, прошли быстро, как один день. Они были наполнены массой разнообразных впечатлений, прогулками по Наггару и окрестным деревням и, самое главное, ежедневными беседами со Святославом Николаевичем. Мы вели их на скамейке, стоявшей под раскидистым деодаром во дворе виллы.

— Ну, так что нам еще надо узнать? — обычно спрашивал он, и начиналась беседа, которая длилась иногда по три часа.

Те две недели в Кулу как бы перевернули всю мою жизнь и направили ее, неожиданно и резко, совсем по другому руслу.

Накануне моего отъезда Святослав Николаевич вручил мне два письма. Одно — для Ираиды Михайловны Богдановой, другое — для Павла Федоровича Беликова. Тогда я еще никого из них не знала. С Богдановой было проще — она жила в Москве, а вот Беликов обитал в Эстонии. И я, сделав небольшую приписку к письму Рериха, отправила его по указанному адресу. Выполнив свой долг, я забыла и о самом письме, и о незнакомом мне человеке.

Но через некоторое время, к моему удивлению, пришло письмо от Беликова, в котором он сообщал, что скоро будет в Москве и хотел бы со мной встретиться. Когда он приехал, я пригласила его к себе домой и так состоялась наша первая встреча. Павел Федорович оказался человеком общительным, живым и разносторонним. Мы говорили с ним о Кулу, о Рерихах и потом перешли к проблемам рериховского наследия. Он сообщил мне о том, что до сих пор нет даже комиссии по наследию и что если такое случится, то это будет только начало, и что необходим Музей Рерихов. Беспокоился о приближающемся юбилее Николая Константиновича в 1974 г., говорил о трудностях, которые могут в это время возникнуть.

Как было положено в то время, мы оба соблюдали осторожность в высказываниях, ибо практически ничего еще не знали друг о друге. По мере узнавания Павла Федоровича я все больше удивлялась, потом изумлялась и, наконец, поняла, что передо мной человек необычный, уникальный, неповторимый. Он был отмечен печатью той истинной интеллигентности, которая ушла из нашей жизни давно, под грохот революционных взрывов, была уничтожена на полях гражданской войны, убита в сражениях Великой Отечественной и погибла в тюрьмах и лагерях. Он обладал не только интеллектом и образованностью этой интеллигентности, но и ее твердостью, мужеством, я бы сказала, какой-то ее несгибаемостью. Очень трудно было с первого взгляда заподозрить все это в скромном человеке, жившем в небольшом поселке Козе-Ууэмыйза в Эстонии и работавшем в бухгалтерии цементного завода, расположенного на окраине этого поселка. У него было все, «как у людей», — семья, дети, маленькая двухкомнатная квартирка, палисадник у дома, где цвели розы и росла клубника, огород за поселком, у леса. И мало кто мог заподозрить в нем того Павла Федоровича Беликова, который был, если можно так сказать, «человеком судьбы». Иными словами, тем человеком, которого судьба поставила на одно из жизненно важных мест и определила ему миссию, связанную с явлениями, о которых никто в этом отдаленном поселке и не слыхивал. На этом месте он оставался, несмотря ни на какие жизненные невзгоды, до своего последнего вздоха. Ту миссию, которую он выполнял большую часть своей жизни, я назвала бы миссией Хранителя с большой буквы, ибо в самых тяжелых и противоречивых исторических условиях нашей страны он сохранил для нас имя и деяния великих наших соотечественников — Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов. И не только сохранил, но и многие годы сам неумоимо работал над тем, чтобы эти имена не были преданы забвению и обрели бы хоть какой-то официальный статус. Он был озабочен организацией комиссии по наследию Рерихов, стремился что-то сделать, чтобы был создан музей их имени, чтобы выходили правдивые публикации об их жизни и творчестве. И сам он делал все: и писал, и организовывал, и привлекал к Общему Делу людей, которых считал достойными этого Дела. И в то же время работал в своей конторе ежедневно по восемь часов, занимался огородом, детьми, был помощником во всем своей жене, которая учительствовала в сельской школе, а также поддерживал

со многими и очень разными людьми дружеские связи и отношения.

Когда я думаю о Павле Федоровиче, то каждый раз испытываю огромное и неизбывное чувство благодарности. Он был тем, добрую помощь которого я всегда на себе ощущала. Он щедро передавал мне все, что знал сам, делился со мной своими мыслями и соображениями. Надо сказать, что я не была в этом каким-то исключением. Все те, кто оказались связанными с Павлом Федоровичем по тем или иным причинам, чувствовали, я уверена, то же самое, что и я. Он стоял у истоков серьезного научного рериховедения. Первыми нашими публикациями о Рерихах все мы были обязаны ему. Его большой, тщательно подобранный и прекрасно систематизированный архив был для меня надежным источником тех знаний о Рерихах, в которых я в то время нуждалась. Сам Павел Федорович от природы своей обладал талантом ученого и исследователя. Он был ученым, как говорят, от Бога. Не имея никакого специального образования, он был первым, сумевшим открыть нам подлинного Рериха во многих аспектах его деятельности. Павла Федоровича никто не учил работать с источниками, он не защищал диссертаций, не постигал специальной научной методологии. Но его работы, превосходившие публикации дипломированных ученых, охотно принимали в научные журналы и сборники.

Так сложилось в нашей стране, что степень «учености» определяло то пространство, в котором находился тот или иной ученый муж. Считалось, что наиболее выдающиеся из них складываются лишь в крупных городах, ну и конечно, в первую очередь, в Москве и Ленинграде. Павел Федорович всей своей жизнью опроверг это расхожее мнение. Ну что может быть наименее подходящим для научной работы, чем небольшой, затерянный в лесах и полях поселок Коze-Ууэмыйза, где не было ни библиотек, ни культурных учреждений, где никто не читал лекций и не обсуждал в переполненных залах важных научных проблем? Здесь люди от рождения становились маргиналами, отрезанными от забот большого мира, который помещался где-то там, за горизонтом и до которого жителю поселка было такое же дело, как, предположим, русскому крестьянину XVIII века до жизни императорского двора в Китае. Павел Федорович, даже живя в своем далеком поселке, был человеком большого мира, дыхание которого он все время ощущал. В Коze-Ууэмыйза шли письма и бандероли с книгами из Нью-Йорка и Лондона, из Германии и Австралии, из Индии и Франции. Я уже не говорю об обширной переписке Павла Федоровича в собственной стране. Он всегда был в курсе выходящей литературы, старался не пропустить ни одной нужной ему книги и частенько бывал обо всем этом осведомлен раньше столичных своих коллег.

Однако мне бы не хотелось, чтобы у читателя сложилось впечатление о Павле Федоровиче Беликове как о некоем идеальном персонаже, всезнающем и непогрешимом, лишеном того, что присуще обычному человеку. Известно, что на нашей грешной земле таких людей не бывает. И не в том проблема, существуют ли недостатки и ошибки, а в том, как мы сами к ним относимся. Павел Федорович относился к ним, с моей точки зрения, самым правильным

образом: если он ошибался, то всегда находил в себе мужество не скрывать это от других. Его отличало то внутреннее мужество, которое помогало ему достойно выходить из самых трудных и запутанных ситуаций. А их в его жизни было немало. Он подходил к жизни реально, никогда не витал в облаках и не принимал, когда это делали другие. Он деликатно и иронично над ними посмеивался, но никогда не опускался до резкого осуждения, даже тогда, когда эти «витающие», которых среди рериховцев, и старых, и молодых, было немало, мешали ему в чем-то, а нередко попросту отнимали у него время, которым он всегда очень дорожил. Павел Федорович оказал на меня большое влияние не только образом своего мышления, своими подходами к исследованию наследия Рерихов, но и изменил какие-то мои человеческие качества. Он приучил меня к тому, что отвечать на письма надо сразу. Но, правда, так и не смог привить мне правило — отвечать подробно. Он заставил меня дорожить каждым фактом в жизни Рерихов, ничего не оставлять без внимания, не делить факты, как это я привыкла делать, на важные и неважные. И когда я, следуя его наставлениям, стала тонуть в этом обилии фактов, которые он почему-то считал все «необходимыми», я запротестовала.

— Зачем это нужно? — спросила я. Он на какое-то время задумался.

— Видите ли, все эти факты связаны с великими личностями, в жизни которых были события необычные и миссия которых для нашего столетия была уникальна. И, наконец, несмотря на видимое обилие фактов, мы не можем сказать, что знаем о Рерихах все. Мне кажется, — он как-то смущенно улыбнулся, — что факт, который мы с вами сегодня считаем неважным, может завтра оказаться важным, и наоборот.

Потом я убедилась, что Павел Федорович был глубоко прав, и создала сама «банк фактов», которые мне в данный момент не требовались, но могли быть востребованы в любой момент. И сколько из них, казавшихся ненужными, потом были пущены в ход и осветили по-новому происходящее в жизни Рерихов.

Мы много с ним беседовали о самых разных вещах, начиная с тех, о которых я рассказала, и кончая важными проблемами, связанными с философией Живой Этики, особенно в ее эволюционных аспектах. Беседовать с Павлом Федоровичем было легко и интересно. И очень часто именно тогда я испытывала редкое чувство полного понимания со стороны собеседника. Я написала «редкое», потому что такое со мной случалось не часто, даже с людьми близкими или с теми, которых я знала давно и хорошо. И чем ближе мне был человек, тем реже возникало такое взаимопонимание.

С Павлом Федоровичем у меня возникли те доверительные отношения, которые и привели к полному взаимопониманию. И здесь главная «вина» была его, а не моя. Уверена, такие взаимоотношения с Павлом Федоровичем, инициированные им самим, возникали у него и с другими. Поэтому люди к нему так тянулись. Некоторых к нему привлекали не столько его знания, сколько те человеческие качества, которые мы сами растеряли в разного рода сражениях, волнениях и стрессах.

Я не однажды навещала Беликовых в Козе-Ууэмыйза; мы гуляли с Павлом

Федоровичем по старинному парку, принадлежавшему когда-то местному барону, или бродили по лесу, который начинался сразу за парком. И все время разговаривали. Временами в нашем разговоре появлялась странная поспешность, мы начинали перескакивать с сюжета на сюжет, как будто торопились что-то друг другу сказать, точно бы этот разговор был последним. И тогда в живых, всепонимающих глазах моего собеседника появлялась какая-то неведомая мне печаль. Но он ее каким-то особым движением головы стряхивал, и наша беседа начинала течь в прежнем спокойном русле. И каждый раз я уносила с собой что-то неожиданно бесценное, что заставляло меня потом долго, а иногда и плодотворно, размышлять.

Летом 1979 года я прожила в Козе-Уэмыйза больше месяца. Павел Федорович нашел для меня удобный домик, расположенный на краю поля, около леса. Там я работала с его архивом, без которого вряд ли были бы возможны мои будущие публикации. Павел Федорович и Галина Васильевна, стараясь деликатно мне не мешать, навещали меня по утрам, чтобы, как я полагаю, убедиться, что со мной все в порядке.

В жизни Павла Федоровича самым важным человеком всегда был Святослав Николаевич Рерих. Такой преданности одного человека другому я никогда не встречала. Конечно, в этих чувствах ничего неожиданного не было. Еще когда были живы старшие Рерихи, Павел Федорович переписывался с ними, получал от них указания и советы, а когда в Советский Союз вернулся Юрий Николаевич, он познакомился и с ним и помогал ему до самой его смерти в 1960 г.

Взаимоотношения же со Святославом Николаевичем оказались наиболее близкими и долговременными. Начиная с хрущевской «оттепели», когда стало меняться, хотя и ненадолго, отношение к Рерихам, Святослав Николаевич начал посещать Родину. И Павел Федорович был тем, на кого младший Рерих мог полностью положиться и на помощь которого всегда мог рассчитывать. Во время каждого визита Святослава Николаевича Павел Федорович приезжал в Москву и, находясь все время при госте, исполнял практически обязанности его секретаря. Секретарь из него был высочайшей квалификации: он мог организовать самое сложное дело, свести с кем надо и выполнить многое другое, что значительно облегчало Святославу Николаевичу его непростую жизнь в Москве.

Для Павла Федоровича не было дел неважных и важных. Он выполнял все, о чем просил Святослав Николаевич, нисколько не смущаясь, на первый взгляд, «ничтожностью» поручения Рериха. Святослав Николаевич обычно останавливался в гостинице «Советская» в забронированном для него постоянном номере. У него были визиты «легкие», как он сам говорил, и «трудные». Трудные обычно были связаны с выставками картин Рерихов. Во время таких визитов увеличивалась нагрузка и на Павла Федоровича, ибо он активно участвовал во всем: присутствовал в выставочном зале, где шло оформление экспозиции, спорил с чиновниками, когда те запрещали повесить ту или иную картину, как «идеологически не соответствующую».

Святослав Николаевич имел обыкновение находиться каждый день в выставочном зале и общаться с посетителями. Павел Федорович всегда был рядом с Рерихом. Он знал, что в любой момент может понадобиться ему, и не хотел, чтобы Святослав Николаевич беспомощно шарил глазами по залу, пытаясь найти нужного человека.

Чиновники Министерства культуры, приставленные к почетному гостю, время от времени исчезали, иногда надолго. Павел Федорович всегда был рядом.

— Я чувствую себя с Павлом Федоровичем в безопасности, — как-то сказал мне Святослав Николаевич, — такого надежного друга я вряд ли когда-нибудь буду иметь.

И сам Рерих никогда не оставался в долгу. Он высылал Павлу Федоровичу нужные материалы, просматривал его рукописи, давал нужные советы и рекомендации.

Но самым важным, с моей точки зрения, делом, которое Павел Федорович выполнял во время визитов Рериха, было регулирование потока желающих встретиться с гостем. Дело это было чрезвычайно трудное и сложное. И для того, чтобы его бесконфликтно выполнять, необходима была организационная хватка, прекрасное знание человеческой психологии и понимание важности или неважности самого визитера для Святослава Николаевича.

Мне пришлось пройти через подобный опыт во время последнего визита Рериха в 1989 году, когда Павла Федоровича уже не было в живых, и могу сказать, что более трудной работы мне не приходилось выполнять ни до, ни после.

Павел Федорович руководил этим потоком корректно, вежливо и твердо. Он сам решал, кто из посетителей был необходим Святославу Николаевичу, кого можно ограничить во времени, а кого следует и попридержать. И когда один из визитеров при отказе заплакал «скупыми мужскими» слезами, Павел Федорович, приобняв плачущего за плечи, стал легко, но настойчиво продвигать его к выходу. Тот же почему-то не стал сопротивляться и, сморкаясь и всхлипывая, совсем уже не по-мужски, покорно ушел. Но могу со всей уверенностью сказать, что все нужные Святославу Николаевичу люди получали возможность с ним встретиться.

Во время таких визитов Павел Федорович знакомил и сводил людей, частных к Делу, которому он сам, Беликов, служил. Он как бы укреплял то, что начиналось тогда в Советском Союзе, людьми, которым доверял. К сожалению, еще при его жизни не все оправдали такое доверие.

Во время этих напряженных визитов Рериха Павел Федорович успевал записывать и то, что в это время происходило. Из его записей выросла потом целая летопись, крайне значительная и полезная. Эту летопись он постепенно стал превращать в книгу о Святославе Николаевиче и работал над ней до самых последних дней, уже будучи неизлечимо больным.

Пришло время, когда письма от него стали приходиться все реже и реже и становились все короче и короче. Я понимала, что надвигается развязка, но никто из нас уже ничем не мог ему помочь. Так в жизни случается часто.

Я приехала в Таллинн ранней весной 1982 года. Было утро, над городом стоял легкий туман, сквозь который время от времени просвечивали неяркие лучи балтийского солнца. С моря дул ветер и нес запах каких-то водорослей и чего-то еще неясного и беспокоящего. Лужицы на платформе вокзала были затянуты хрупким весенним льдом. Меня встретил сын Павла Федоровича, Кирилл. Мы поздоровались.

— Ну как? — спросила я.

— Неважно, — ответил он и отвернулся. Больше мы об этом не говорили.

Павел Федорович жил последнее время в Таллинне на квартире своей дочери Лены. Я увидела его лежащим на кровати в чистой и выглаженной рубашке, глаза на побледневшем и исхудавшем его лице были по-прежнему живыми и заинтересованными, но в глубине их уже таилось что-то незнакомое и в какой-то мере пугающее.

— Вот как получается, — как бы оправдываясь, сказал Павел Федорович, — видите, лежу у Лены — нужны врачи, а у нас в Козе-Ууэмыйза таких нет. Но главная беда — книгу о Святославе Николаевиче еще не кончил. Руки не работают. Не могу печатать даже на машинке.

Я протянула ему бобину с магнитофонной лентой, которую с трудом достала в Москве. Тогда были такие времена. Он радостно засмеялся, сделал попытку встать, но у него не получилось.

— Спасибо огромное. Ну, теперь я спасен. Буду наговаривать на магнитофон, а потом посмотрим.

Я взглянула на Галину Васильевну и по ее лицу поняла, что диктовать ему долго не придется. Вечером этого же дня я уехала в Москву. Был разгар учебного года, и я смогла вырваться только на воскресенье.

Уже тогда я понимала, что это будет моя последняя встреча с Павлом Федоровичем Беликовым. Так оно и случилось. Книга о Святославе Николаевиче осталась незаконченной, и многие дела, которые он задумывал, — незавершенными.

После его ухода я почувствовала какое-то внутреннее опустошение, как будто из-под меня выбили опору. А мысль — «Надо спросить у Павла Федоровича, надо посоветоваться с Павлом Федоровичем» — еще долго жила во мне и каждый раз причиняла боль невозможностью своего осуществления.

В Москве, в Малом Знаменском переулке, рядом с Музеем изобразительных искусств, теперь стоит Музей имени Н. К. Рериха. Каждый раз, когда я смотрю на этот Музей, то думаю одно и то же — почему Павел Федорович не дожил до него? И каждый раз утешаю себя все одним и тем же — в этом Музее есть и часть его устремлений, труда и страданий, которая продолжает жить с нами и приносить свои плоды. Но только об этом многие уже не подозревают (...).

Козе-Ууэмыйза — Таллинн — Москва, 1981 г. — Москва, 2001 г.

Опубликовано: Воспоминания о П. Ф. Беликове // Беликов П. Ф. Непрерывное восхождение // Сб. к 90-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова (1911-1982). Том I. М., 2001. С. 45-55. (Сокр.).

**Т. О. Книжник
ХРАНИТЕЛЬ**

...Я много лет занимался и до конца жизни буду заниматься работой по исследованию жизни и деятельности Н. К. Рериха. Плоды своих трудов я всегда складывал и буду складывать к подножию того Алтаря, пред Которым предстоят служители Общего Блага, провозглашенного Н. К. Рерихом.

П. Ф. Беликов

Его труд «Рерих», изданный в 1972 году в серии «Жизнь замечательных людей», и по сей день является наиболее полным исследованием жизни и творчества великого русского художника, ученого и философа. Его архив по рериховской тематике, крупнейший в СССР, насчитывавший более 4000 единиц хранения, долгие годы был источником знаний для искусствоведов, писателей и ученых. В нелегкое время торжества материалистической идеологии и преследования инакомыслия он сумел сохранить для нас Имя и Наследие наших выдающихся соотечественников, помогая осуществить их завет: «Для народа русского мы трудились, ему несем знания и достижения». Именно он был одним из главных организаторов мероприятий, посвященных юбилейным датам — 90-летию и 100-летию со дня рождения Н. К. Рериха, устройтелем первых Рериховских чтений. Его ответственности и огромного объема работы вполне хватило бы на целый коллектив, но судьба распорядилась так, что на этом посту он был один.

Павел Федорович Беликов... Этот человек, стоявший у истоков изучения жизни и творчества семьи Рерихов, не был дипломированным философом или искусствоведом. Экономист по роду деятельности, он был «рериховедом» по призванию, уделяя творческой работе вечерние часы после службы. Однако его труды ни в чем не уступали трудам «остепененных» ученых. Их печатали в серьезных научных изданиях, литературно-философских журналах, к ним обращаются и будут обращаться те, кто занимается исследованием рериховского наследия сегодня. Ему принадлежит первая библиография литературных произведений Н. К. Рериха, созданная при участии самого Николая Константиновича и его сыновей, а также замечательная исследовательская работа, рассказывающая о внутренней, сокровенной стороне жизни великого художника: «Рерих. Опыт духовной биографии».

В июле 2001 года ему исполнилось бы 90 лет. Именно к этой дате приурочен двухтомник «Непрерывное Восхождение» [1], подготовленный Международным Центром Рерихов совместно с Эстонским обществом Рериха, где бережно хранят память о своем Учителе и Основателе. Всю свою жизнь П. Ф. Беликов прожил в Эстонии: сначала в Нарве, затем в Таллинне и последние годы — в небольшом поселке Козэ-Ууэмыйза.

В первом томе после краткой автобиографии представлены воспоминания современников, лично знавших Павла Федоровича. Написанные разными людьми — журналистами, искусствоведами, учеными и деятелями рериховского движения, разные по стилю и объему, эти воспоминания объединяет одно: глубокое чувство благодарности и признательности человеку, с которым подарила встречу судьба. Павел Федорович обладал редкой душевной щедростью, никогда не отказывал обращающимся к нему в поддержке и совете и искренне радовался их успехам. В нем не было ни малейшего намека на чувство превосходства или желание поучать других, хотя он переписывался с самим Николаем Константиновичем, лично знал его сыновей, а глубине его познаний мог позавидовать каждый. «Да не оскудеет рука дающего» — таким принципом руководствовался он в своих отношениях с другими людьми. Павел Федорович всегда бескорыстно делился материалами своего архива, пользуясь любой возможностью их обнародовать, порой отдавал другим готовые свои наработки, при этом скромно оставаясь в тени. Это редчайшее качество подмечено всеми без исключения авторами воспоминаний. Он рецензировал, редактировал и дорабатывал научные статьи, рукописи книг, диссертации, консультировал создателей фильмов. «...Дело Н. К. Рериха — это большое всенародное, даже общечеловеческое Дело, — объяснял он свою позицию. — Оно будет разрастаться. К нему примкнут многие ученые и научные институты. Нас не будет, а Истины, провозглашенные Н. К. Рерихом, победно будут завоевывать всеобщее признание. Наша посильная помощь заключается не в претензиях на монополию, а в пробуждении инициативы и широкой помощи везде, где в ней имеется нужда». Впечатление от воспоминаний в значительной мере дополняет обширный иллюстративный материал — более 50 фотографий, в основном любительских, запечатлевших душевный и гармоничный облик Павла Федоровича.

Следующий раздел первого тома, «Письма», включает все сохранившиеся на сегодняшний день письма Н. К., С. Н. и Ю. Н. Рерихов к П. Ф. Беликову: 15 писем Николая Константиновича, три письма Юрия Николаевича, 84 письма Святослава Николаевича Рериха и одно письмо Девики Рани Рерих.

«...Я начал переписываться с Н. К. Рерихом еще в середине тридцатых годов, причем первым написал не я ему, а он мне», — рассказывал Беликов своему корреспонденту А. Андрееву. Письмо, полученное 25-летним Павлом Беликовым от всемирно известного художника и философа, глубоко затронуло его душу и внушило веру в собственные силы. Вокруг него стали собираться люди, так же, как и он, серьезно интересовавшиеся литературой и философией. По совету Николая Константиновича Беликов знакомится с Р. Я. Рудзитисом, главой Латвийского общества Рериха, в те годы крупнейшего и активнейшего рериховского центра в Европе, и помогает распространять издаваемую обществом литературу — книги Учения, труды Е. И. и Н. К. Рерихов, «Тайную Доктрину» Е. П. Блаватской — у себя в Эстонии. Тогда же он начинает собирать свой архив: книги, фотоматериалы, публикации о Н. К. Рерихе, его письма и очерки. Часть этого архива, к сожалению,

была уничтожена во время войны. В 1957 году Павел Федорович лично знакомится с вернувшимся в Россию Юрием Николаевичем Рерихом (их переписка началась еще в 1930-е годы), а в 1960 году — со Святославом Николаевичем Рерихом, с которым у него устанавливаются прочные дружеские отношения. Обычно скупой на письма, Святослав Николаевич неизменно держал Беликова в курсе всех дел и извещал его о каждом своем приезде в Советский Союз.

Все эти письма, оригиналы которых хранятся в архивах Международного Центра Рерихов, Эстонского общества Рериха и П. Ф. Беликова, публикуются впервые и сопровождаются обширным комментарием.

И, наконец, третий раздел составили труды самого П. Ф. Беликова, написанные им в разные годы: выступления, очерки, публикации в прессе, в том числе и несколько стихотворений («Я сам когда-то грешил стихами, — признавался он, — они затягивают и требуют полной отдачи, а это оправдано лишь тогда, когда человек рождается поэтом»). Простота изложения, глубокое проникновение в сущность вопроса, тщательно выверенные факты и неизменно бережное отношение к теме присущи всем беликовским работам. Этот человек явил всем нам достойный пример того, как надо работать с Наследием. «...Когда мне было лет тридцать, — писал он одному из своих корреспондентов, — я думал, что я могу много сказать о Рерихе, и стремился к этому. Жизнь сложилась так, что вышел я на профессиональную арену с чувством, что теперь-то я могу сказать о Рерихе так, как надо, когда был на исходе пятый десяток лет. А теперь, когда мне на исходе шестой десяток, я гадаю — сумею ли я до конца жизни вообще сказать о Рерихе то, что нужно и так, как нужно...» Замечательное высказывание! Невежество, погоня за сенсацией и профанация были органично чужды его стилю и методам работы. Сам он всегда настаивал на необходимости строго научного подхода к фактам биографии Н. К. Рериха, особенно когда это касается малоизученных эпизодов из его жизни: «...мы хорошо знаем, что подробное жизнеописание Н. К. Рериха — очень ответственная работа, — писал он С. Н. Рериху. — Сейчас я пользуюсь исключительно архивными материалами, и если у меня возникают сомнения, то предпочитаю такие моменты вообще выпускать, чтобы не исказить фактов. Но, безусловно, важны не только сами факты, но и их интерпретация, и в этом Ваше указание будет особенно ценным...».

На страницах первого тома представлены работы Беликова, посвященные различным аспектам многогранной деятельности семьи Рерихов: научной и общественной деятельности, литературному и художественному творчеству, здесь же публикуются биографические заметки о Н. К. Рерихе и воспоминания о Юрии Николаевиче Рерихе в форме интервью. Надо отметить, что С. Н. Рерих очень высоко ценил написанное Павлом Федоровичем о своем искусстве и об искусстве отца. «У Вас очень правильный подход и анализ — но иначе и не могло быть, — писал он, — мы на одном общем Пути». «Я очень ценю Ваши мысли и Ваш труд. Ваш подход к моему искусству правилен именно потому, что Вы мыслите свободно, глубоко и Вы видите го-

раздо больше, нежели многие так называемые критики. Ведь глубина нашей творческой интерпретации пропорциональна нашей внутренней культуре, нашему духовному прозрению и устремлению». Читатель может легко убедиться в этом сам, познакомившись с такими блестящими работами Беликова, как «На выставках Святослава Рериха», «Святослав Рерих и проблемы современного искусства», «Об идеологии творчества Н. К. Рериха» и др. Большинство работ предваряется эпиграфами — выдержками из писем самого Беликова, в которых он раскрывает историю написания той или иной статьи. Часть работ («Творчество Н. К. Рериха», «К 90-летию со дня рождения Н. К. Рериха», «К 60-летию С. Н. Рериха», «О «Весне Священной»») и поэтическое наследие публикуется впервые.

Эпистолярное наследие Павла Федоровича будет опубликовано во втором томе двухтомника (части 1 и 2) [2]. Эти письма, частично представленные в рубрике «Наследие» этого номера нашего журнала, показывают разносторонность интересов П. Ф. Беликова, широту его взглядов, глубокие познания в различных областях философии, литературы, искусства. Они могут служить блестящим пособием для усвоения метода, которым в совершенстве владели Рерихи, умевшие эффективно и без упрощения «переводить на общедоступный язык» основополагающие идеи Учения Живой Этики, и, безусловно, являются ценнейшим документом, отражающим историю рериховского движения в России в 1960-1970-е годы.

Примечания:

1. Непрерывное Восхождение/Сост. К. А. Молчанова, справочный аппарат И. В. Сяэск. М.: МЦР, 2001. Т. 1.
2. Непрерывное Восхождение/Сост. К. П. Беликов, Т. О. Книжник, И. В. Сяэск, справочный аппарат К. А. Молчанова, О. Е. Цветкова. М.: МЦР, 2003. Т. 2. Ч. 1, 2.

Опубликовано: Журнал «Культура и время». 2002. № 1/2.

Сергей Зорин
СВИДЕТЕЛЬСТВОВАЛ СОБОЙ...
(Воспоминания о П. Ф. Беликове)

Во время учебы в институте (1963-1968 гг.) я заинтересовался философией Востока. Знакомство с литературой по буддизму привело с неизбежностью сначала к теософии Е. П. Блаватской, а затем к Рерихам и Агни Йоге. Доставать книги Учения сорок пять лет назад было непросто. В основном приходилось переснимать их и печатать. Тогда я очень увлекался фотографией, и ночи напролет просиживал, печатая книгу за книгой. До сих пор у меня на даче хранятся целые тома, сделанные фотоспособом или перепечатанные на машинке.

Позднее (в 1969-1970 гг.) я с огромным интересом ходил в МГУ на полуподпольные лекции по буддизму, которые читал там А. М. Пятигорский. Нам, молодым художникам коллектива «Движение», удалось пригласить его к себе в гости. Из беседы с Пятигорским мы узнали об удивительной личности Юрия Николаевича Рериха. Я тогда почувствовал, что речь идет не просто о замечательном востоковеде, но и об удивительном многогранном Человеке, поэтому Мемориальная квартира-музей Юрия Николаевича притянула меня как магнит. В начале 70-х я стал часто бывать в этой квартире, пользуясь гостеприимством Ираиды Михайловны Богдановой, рассказывавшей в те годы много подробностей и о трансгималайской экспедиции, и, особенно, о жизни в Кулу. Интерес мой к великой Семье Рерихов и к данному через них Учению все возрастал.

Вот почему, когда в 1972 году в серии ЖЗЛ вышла книга П. Ф. Беликова и В. П. Князевой «Рерих», мне захотелось, во что бы-то ни стало, познакомиться с авторами и узнать от них больше об удивительной семье. Ясно же, что все свои знания они не могли поместить в одну книгу, да и цензура вряд ли бы все пропустила... С Валентиной Павловной я так и не сумел познакомиться, зато судьба подарила вскоре после выхода книги встречу с Павлом Федоровичем, с которым мы несколько раз встречались. Через год после нашего знакомства он представил меня Святославу Николаевичу Рериху. Но об этой встрече расскажу ниже, а сейчас подробнее поведаю о беседах с Павлом Федоровичем.

Мы несколько раз встречались в 73 и в 74 годах. Разговоры, естественно, были об удивительной семье Рерихов, о жизни и творчестве которой Павел Федорович знал, наверное, в то время больше, чем кто-либо в Советском Союзе. Были мы с ним вместе и у вдовы писателя Валентина Дмитриевича Иванова, автора романов «Русь изначальная» и «Русь великая». Встреча состоялась вскоре после ухода из жизни замечательного писателя. На этой встрече были В. М. Сидоров, П. Ф. Беликов и я со своими друзьями Александром Кочаровым и Тамарой Котеленец. Нужно сказать, что в то время

мы с Александром увлеченно занимались поисками материалов по Востоку. У Кочарова созрело твердое решение освоить санскрит, и вскоре мы уже были на квартире у Октябрины Федоровны Волковой, работавшей в свое время, как и А. М. Пятигорский, под руководством Ю. Н. Рериха, который организовал в Институте востоковедения Сектор истории индийской религии и философии. Там читал лекции по буддизму и преподавал языки (пали и сингальский) друг Юрия Николаевича профессор Гунапала Малаласекера, который был еще и послом Цейлона в СССР. Октябрина Федоровна, которая к тому времени неплохо знала санскрит и хинди, стала заниматься у Юрия Николаевича — тибетским, а у Малаласекеры — пали.

Вот к такому знатоку привела нас судьба в 1974 году. Начались наши занятия у О. Волковой по изучению санскрита. Кочарова они увлекли невероятно, я же, понимая, как много времени потребуется для овладения этим древним языком, решил, что не могу забросить создание инструментария Оптического театра, над которым трудился тогда, не покладая рук. Вот почему вскоре, отсняв на слайды иллюстрации из великолепных старинных фолиантов, которыми была богата библиотека О. Ф. Волковой, я прекратил занятия и сосредоточил все силы на создании уникального инструментария для Оптического театра. Кочаров же, успешно освоив санскрит, долгое время учился еще в Бурятии, найдя там своего учителя, у которого он постигал каноны создания танок. Позднее Александр уехал в Индию, где много лет жил (и сейчас периодически там живет) в Дармсале, часто контактируя с Далай-ламой XIV. Десятилетия спустя именно Кочаров написал потрясающую танку Шамбалы, которая сейчас находится в музее Н. К. Рериха в Москве.

Это не отступление от темы, а описание нашей жизни в начале 70-х, нашего жгучего интереса ко всем, кто Востоком занимался профессионально, что и приводило закономерно к встречам со многими интересными людьми. Вот почему однажды вечером мы оказались в такой компании на квартире известного писателя. И В. М. Сидоров, и, тем более, П. Ф. Беликов были для нас источниками информации, к которой тянулась душа, и которую так непросто было получить в то время.

Вот впечатления после первых встреч и разговоров. Павел Федорович — образованнейший человек ренессансного типа. Энциклопедист. Человек, для которого учиться всю жизнь было интересно и радостно. И Учение в его жизнь пришло потому, что не могло быть иначе. Устремленность души к миру горнему привела бы его к Учению с неизбежностью. Конечно, он не мог не устремиться всем сердцем к тем, через кого дано было миру это Учение. Когда он еще до войны вел переписку с Рерихами, то писал точно, скупой и по делу, без свойственных нынешним рериховцам славословий и никому не нужных «исповедей»... Это о нем писала Е. И. Рерих, что хороший бухгалтерский отчет (о деле) они ценят больше, чем пространные заверения в преданности... Воистину, свидетельствовать о чем бы то ни было можно только собой. Таким и был П. Ф. Беликов. Собой, своим отношением к друзьям он свидетельствовал об истинном благородстве, об истинной скромности...

Не о показном смирении, которое паче всякой гордыни... Тихий, скромный, незаметный, но, в то же время, собранный, целеустремленный, нацеленный на высокие дела и задачи, — таким он запомнился мне. Думаю, что те, кто общался с Павлом Федоровичем, со мной согласятся в такой оценке.

У Беликова был большой архив, касающийся семьи Рерихов, который он собирал всю жизнь, поэтому к нему часто обращались за уточнениями и разъяснениями. Если он был в состоянии ответить на заданный вопрос, Павел Федорович в помощи никогда и никому не отказывал. Он рассылал многим людям материалы по теософии и Живой Этике. И когда его пытались урезонить, говоря, что рассылка *по почте* грозит огромными неприятностями, то Павел Федорович тихо и спокойно отвечал: «Да не оскудеет рука дающего», и пыл тех, кто его только что прорабатывал, куда-то улечивался. При нем все ссоры, которые так часто вспыхивают между рериховцами, тут же стихали... Он *знал*, он был истинным Хранителем, и это чувствовали и понимали те, с кем он общался... Как нам сегодня не хватает такого спокойного, мудрого и ответственного подхода.

Еще лет двадцать назад среди рериховцев было очень много людей, искренне устремленных к Свету. Пусть они ошибались, но устремления их были чисты и лишены прагматизма и сектантского духа. Но за последние два десятилетия произошли огромные перемены в этом движении. Ведомые «космическими иерархами», рериховцы качественно преобразились. По городам и весям России и стран, входивших ранее в Советский Союз, рериховские общества возглавляют клоны главного «космического иерарха». Назвавшись рериховцами, многие сегодня, не усмирив свою гордыню, продолжают самозабвенно лелеять свое эго, самоутверждаться, расталкивая всех вокруг, подобно кукушатам в чужом гнезде. Примеров можно было бы привести много, но статья не об этом... Тем неопитам, которые попадают под влияние подобных «махатм» и «иерархов», не хватает ни образованности, ни общей культуры, ни просто чутья, чтобы самим разобраться, в какие сети завлек их очередной самопровозглашенный «мессия» или «космический иерарх». Хорошо бы не только постигать книги Учения, но читать также больше мудрых книг, анализировать, думать и понимать, что только напряженная работа по *самосозиданию* может дать более-менее адекватное понимание сложнейшего многопланового мира. Слепое же следование за новоявленными «пророками» непременно приведет в яму, куда и упали слепцы, ведомые слепым, как этот увлекательный процесс изобразил много веков назад Питер Брейгель.

Для нас очень важен жизненный опыт каждого из великой семьи Рерихов. Если мы хотим, хоть в какой-то мере, следовать путем, который проложили они, работать на той же ниве Культуры, которую они с любовью возделывали и стойко охраняли, то мы должны настраивать сердца в резонанс с *ними*, изучать *их* опыт, а не слушать отсебятину «учителей» местного разлива. Ловцов человеческих душ предостаточно. Не попадаться на их крючок сможет лишь тот, кто понимает, что нужно постигать этот мир, впитывая все лучшее, что накопила мировая культура, мировая философия. Иначе и смысл книг

Учения Живой Этики не будет понят адекватно. Мы уже видели, как большевистские «пророки», используя прекрасные идеи, понятые ими превратно, привели нашу родину к трагическому финалу. Разве они не провозглашали, что ведут народ к сияющим высотам коммунизма. И куда они привели? Распалась великая страна, страна воистину Новая. «Братских народов союз вековой» не продержался и одного века, подло преданный именно теми, которые вели *вперед и выше*, преданный элитой. Теперь некоторые из той предательской элиты снова на коне и уже под другим знаменем готовы вести народы к зияющим высотам (замечательное словосочетание принадлежит А. Зиновьеву).

Многое пытливому уму даст книга П. Ф. Беликова «Рерих. Опыт духовной биографии». Мечта написать такую книгу зародилась у Павла Федоровича давно. Помню, как он с увлечением рассказывал нам, что собирается написать книгу о духовном становлении Николая Константиновича. Нужно, мол, вдохновить многих ищущих и показать им, как в реальной жизни реальный человек, благодаря огромному труду, устремленности и великой ответственности достигает высот духа. Как он продирается не только сквозь многочисленные преграды, которыми изобилует жизнь, но и через собственное несовершенство.

Прошли годы, и такая книга появилась. Павел Федорович, в частности, в этой книге анализирует дневниковые записи молодого Н. К. Рериха. Когда он учился в Академии художеств, то часто доверял бумаге все перипетии своей студенческой жизни. Это бесценное свидетельство для тех, кто привык из одухотворенного человека, достигшего высот в жизни и в творчестве, создавать себе кумира и считать, что мастера, адепты и Махатмы приходят на землю сразу в готовом виде. Нужно только млеть, читая книги, падать на колени, что иногда делают умалишенные рериховки, бухаясь на колени перед памятником Рерихам во дворе МЦР, и лепетать нечто невразумительное о чакрах и вибрациях, — и ты уже «рериховец». Но этимология слова «рериховцы» недвусмысленно говорит о том, что людям, называющим себя последователями Рериха, нужно быть сдержаннее и скромнее. *Рерих + овцы = рериховцы*. Кто такой Рерих, известно всему культурному миру, а кто такие «овцы» нам показывает в XXI веке практика жизни этого небольшого, но агрессивного сообщества, желающего немедленно переделать мир в соответствии с их представлениями. Все рериховские общества сегодня *сосчитали* и привели к общему знаменателю самые главные «иерархи».

И, тем не менее, как ни странно, агрессия у многих рериховцев происходит часто из искреннего желания преобразовывать мир, делать его лучше и светлее. Желание благородное, но в деятельности неофитов есть одна принципиальная ошибка, которая и приводит к плачевным результатам. Они почему-то считают, что *имеют право* всех и вся вокруг поучать и *требовать от других* совершенствования. Это о сегодняшних рериховцах сказано, что они в своем глазу бревно не видят, зато готовы другого изничтожить за соринку в его глазу. В основном, благодаря поведению таких «овец», которые,

как они часто повторяют, ведут бесконечную войну не на жизнь, а на смерть (с кем в своей стране?), РПЦ, по сути, предала анафеме Рерихов, а заодно и всех рериховцев, ибо в определении Собора написано: «Люди, разделяющие учения этих сект и движений, а тем более способствующие их распространению, отлучили себя от Православной Церкви». Если бы меньше было воинственной риторики, а больше светлых, созидательных дел, то вполне возможно не было бы и такого определения собора РПЦ. Работать до седьмого пота, выжигать каленым железом свои недостатки, выжимать из себя по капле раба, стремиться к прекрасному и самому пытаться ежедневно (хотя бы по крохе) это прекрасное привносить в нашу жизнь, — это путь не для рериховцев сектантского толка.

Вот почему я так рад, что дожил до появления замечательной книги Беликова, о которой он мечтал более тридцати лет назад. Этот труд Павла Федоровича очень важен. Псевдорериховец он, может быть, и шокирует. Как же так, разве мог их кумир подобное в своих дневниках записать, разве могло подобное с ним вообще происходить? Разве мог он страдать, метаться, мучиться сомнениями? Неужели это Н. К. боялся быть изгнанным из Академии художеств за неуспеваемость, нелюбезно отзывался о сокурсниках и о самом Куинджи, которого позднее назвал не только учителем живописи, но и Учителем Жизни? Да, это все происходило с ним. Но книга рассказывает не столько об этом, сколько о том, как неуверенный в своих силах студент, страдающий при этом сомнением, постепенно шаг за шагом поднимался по крутой каменистой тропинке к заоблачным вершинам. На пути этого восхождения произошла встреча сужденная. В его жизнь пришла Лада — Елена Ивановна, пришла Ведущая. И земной поклон Павлу Федоровичу за то, что в своей книге он сумел показать лабораторию созидания Высокого Духа. Огромный личный труд и невидимые миру слезы, растворяющие кору несовершенства, помогающие сквозь кокон быта прорваться в небо Свободы, преображаясь при этом из просто человека в Человека Огненного.

Особую благодарность к П. Ф. Беликову я испытываю за то, что в 1974 году именно он сказал мне о приезде из Индии в Москву С. Н. Рериха с картинами Николая Константиновича и своими. Святослав Николаевич привез тогда большую выставку картин на родину Художника к 100-летию со дня рождения Н. К. Выставки прошли в Академии художеств и в Третьяковской галерее. Благодаря помощи Павла Федоровича, я смог попасть на открытие обеих выставок. На этих открытиях было и телевидение, и киногруппа, снимавшая документальный фильм об этом событии, а, значит, было и море света. Это помогло мне отснять оба открытия и на черно-белый негатив и на слайдовую пленку. Когда я отпечатал фотографии и показал их Беликову, он предложил мне пойти вместе с ним к Святославу Николаевичу в гостиницу «Советская» и подарить ему весь набор фотографий. Я с радостью согласился, потому что мечтал познакомиться с этим удивительным художником и изумительным портретистом. Он был одним из Рерихов и мог бы, как никто другой, ответить на многие вопросы, накопившиеся к тому времени...

Пришли мы в гостиницу ясным январским днем уже 1975 года около полудня. Святослав Николаевич, предупрежденный Беликовым, ждал нас в номере. Павел Федорович представил меня, и я с особым чувством пожал руку Мастера. Сразу же разложил на столе около тридцати больших фотографий, которые с интересом стал рассматривать Святослав Николаевич. Вдруг он довольно громко позвал отдыхавшую в другой комнате жену. Появилась Девика Рани Рерих, поздоровалась с нами и тоже подошла к столу. Они долго рассматривали фотографии, обсуждая их на английском языке, а мы с Павлом Федоровичем с интересом наблюдали за этой увлеченной парой. Святослав Николаевич сказал, что это очень живой репортаж об открытии выставок и что он с благодарностью такой подарок принимает. Я заготовил на всякий случай две одинаковых больших фотографии с его портретом. Одну подарил вместе со всем набором Святославу Николаевичу. Взяв вторую в руки, он сел за стол и своим четким красивым почерком вывел «Сергею Зорину на Добрую Память». Поставил подпись и число — 27.01.1975 г.

После этого я, немного смущаясь, спросил Святослава Николаевича, не найдется ли у него полтора-два часа для серьезного разговора. Для меня-то он уж точно был серьезным и важным. Честно говоря, я боялся, что получу отказ под каким-нибудь благовидным предлогом и замер, ожидая ответа. Но к моему большому удивлению Святослав Николаевич согласился. Я знал, что Павел Федорович долго оставаться не мог, т.к. у него были назначены встречи, но на всякий случай шепнул ему, что очень хочу поговорить со Святославом Николаевичем с глазу на глаз. Беликов понимающе улыбнулся и, сославшись на запланированную ранее встречу, откланялся. Девика ушла отдыхать, и Святослав Николаевич пригласил меня присаживаться для разговора. Я же, громко говоря, предложил ему выйти в холл якобы потому, что мы будем мешать отдыху его жены, а сам стал показывать на потолок и стены, знаками изображая, что они, наверняка, напичканы подслушивающими устройствами.

Мудрая улыбка, легкий вздох, и мы вышли в коридор, в котором, действительно, недалеко от номера был очень уютный холл с небольшим столиком и двумя креслами. Рядом со столом возвышался большой фикус в бочке. Мы уселись и два часа пролетели незаметно в обсуждении вопросов, которые я заготовил заранее. Святослав Николаевич тоже задавал вопросы, и было видно насколько он равнодушен ко всему, что происходит в России, как ему интересно, чем живет и о чем мечтает молодежь. Разговор я здесь подробно приводить не буду, т.к. уже описывал его в другой публикации. В конце разговора Святослав Николаевич пригласил меня в Бангалор и просил ему непременно писать. Мы снова зашли в его номер, он взял бланк международной телеграммы и, написав на нем свой адрес в Индии, вручил мне. Мы тепло попрощались и я, ликуя, ушел. Скажу только, что недооценил наши славные органы. Через два года, зимой 1977 г. мне предъявили на допросе стенограмму того памятного разговора. Я, видите ли, не имел права встречаться с иностранцем (это Святослав Николаевич — иностранец?!), т.к. в свое время, ра-

ботая на одном из оборонных предприятий, давал подписку... Все мы тогда что-то подписывали в первобытных отделах подобных предприятий. Обидно и противно задним числом, что и Святослав Николаевич был под неусыпным наблюдением искусствоведов в штатском. Да, видимо тот фокус был с фокусом, и микрофонов в нем было больше чем листьев...

Сегодня я храню и этот портрет, подписанный Святославом Николаевичем, и бланк телеграммы с его адресом как дорогую реликвию. Храню и помню, что эта замечательная встреча, о которой я мог только мечтать, стала возможной благодаря Павлу Федоровичу Беликову.

Москва. 2001, 2011 гг.

О. Е. Цветкова,
редактор публикаторского отдела МЦР
«НЕПРЕРЫВНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ»

Презентация сборника в программе практического семинара «В защиту чести и достоинства семьи Рерихов и МЦР», организованного Международным Советом Рериховских организаций 12 февраля 2005 года.

С момента выхода в свет последнего тома двухтомника П. Ф. Беликова «Непрерывное Восхождение» прошло уже полтора года, а первый том вышел из печати еще раньше — три с половиной года назад. Широкий круг читателей за это время ознакомился с философскими работами и статьями Павла Федоровича, посвященными жизни и творчеству всех членов семьи Рерихов, с воспоминаниями современников о самом Беликове, а также с письмами Николая Константиновича, Юрия и Святослава Рерихов, адресованными Павлу Федоровичу.

Большой интерес у читателей вызвал второй том сборника, куда вошли письма, автором которых является сам Беликов. Для многих появление второго тома в двух объемистых книгах стало неожиданностью. Впечатляет и количество подготовленных к печати писем, адресованных 65 корреспондентам, — их 487. И это только скромная часть переписки Павла Федоровича.

Скажем вкратце о некоторых письмах и об их адресатах.

Письма будущей жене Галине Васильевне широко показывают тот фундамент, тот потенциал, который был у молодого Павла Федоровича Беликова и развитие которого дало такую многозначную личность, ставшую опорой для воплощения идей Николая Константиновича Рериха.

Два письма Юрию Николаевичу и множество писем Святославу Николаевичу и Девике Рани являются содержательным стержнем всего сборника. В них прослеживается не только событийная канва, но и безмерное уважение и почитание, а внимательный читатель может почувствовать в них духовную связь ученика с Учителем.

Ярким примером общения с представителями науки и культуры является переписка с учеными Б. Л. Смирновым и Л. В. Шапошниковой, с писателем И. А. Ефремовым и искусствоведом А. Д. Алехиным.

Письма, адресованные молодым корреспондентам — А. Н. Анненко, Г. В. Гаврилову, Е. П. Маточкину, Ю. В. Линнику и др., проникнуты открытостью, внимательностью. Павел Федорович видел в них надежных помощников, людей, способных и в сердце, и в делах нести идеи Николая Константиновича Рериха, не уклоняясь и не теряя Пути.

Общий тон всей переписки указывает на Павла Федоровича как на человека очень воспитанного, тактичного, вежливого. Каждое письмо заканчивается добрыми пожеланиями не только для адресата, но и для членов его семьи,

названных поименно. Павел Федорович предстает как человек высочайшей культуры общения. Его ранние письма могут служить образцом для молодых людей, высказывающих письменно свои мысли. Следует подчеркнуть и то, что свое несогласие по какому-либо вопросу Павел Федорович четко аргументирует, пытаясь по возможности более доступно для адресата изложить свое мнение.

Он рекомендовал другим и старался поступать сам по принципу «проведения более длинной линии».

Если мы зададимся целью проанализировать с лингвистической точки зрения письма Беликова, то обнаружим некоторое количество лексических ошибок, диалектизмов и просторечных выражений, что вполне допустимо в разговорной письменной речи, но не найдем ни одного вульгаризма или окрашенного пренебрежением слова. Кстати, надо напомнить, что нас отделяют от времени написания большинства этих писем 30-40 лет, и в то время некоторые слова могли еще не нести того значения, которое они имеют сегодня.

Такой грандиозный объем архивного материала привлек к себе большое число составителей сборника. Сын Павла Федоровича Кирилл Павлович Беликов работал при поддержке семьи и сотрудников Эстонского Общества Рериха — Татьяны Семеновны Гореньковой, Киры Алексеевны Молчановой, Ирины Валентиновны Битковой, Ирины Сяэск.

Их стараниями в слабо систематизированном и неописанном архиве П. Ф. Беликова были подобраны рукописные и машинописные оригиналы писем и других материалов, необходимых для составления комментариев.

Двухтомник вышел, проиллюстрировав не только события последней половины XX века в рериховском движении, но и показав личность Павла Федоровича Беликова, всю жизнь работавшего на популяризацию научного и художественного наследия всех членов семьи Рерихов.

И в заключение цитата из письма Павла Федоровича Гаральду Лукину: «Ведь я работаю, не жалея сил, и не для того, чтобы мое имя появлялось на обложках, и не для гонораров <...>. Однако именно в научных изданиях без имени ничего не напечатается, из всех принадлежащих к Уч [ению] только мне удалось сейчас в них проникнуть. Знаю, что не самому, и не ставлю себе этого в заслугу. Всегда чувствую Водящую Руку, Ведущую меня по этой кармической стезе» [*].

*Опубликовано: Газета Международного Совета Рериховских организаций
«Содружество», № 16, ноябрь 2004 — февраль 2005 гг.*

[*] Письмо П. Ф. Беликова Г. Ф. Лукину от 23 апреля 1973 г./Сб. Непрерывное Восхождение. Т. 2., ч. 1. М.: МЦР, 2003. С. 304.

В. Л. Мельников

(Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург)

«ВСЕ ХРАНИТСЯ И ДЕЛАЕТСЯ, КАК ПРИ ОТЦЕ»

*Светлой Памяти Кирилла Беликова
посвящается*

К сожалению, день 19 сентября 2003 г. продолжил список невосполнимых потерь — ушел из жизни преданный друг и сподвижник семьи Рерихов — Кирилл Павлович Беликов. Эта весть к нам прилетела от его дочери и жены из Таллинна, где всю жизнь прожил Кирилл Павлович.

Став достойным продолжателем дела своего отца, Павла Федоровича Беликова, известного писателя, собирателя и хранителя уникального архива документов о семье Рерихов, Кирилл Павлович был для нас воплощением совести и чести Рериховского движения. В последние годы из-за болезней ему не всегда удавалось твердо держать светильник своего сердца, но он непрерывно светил всем, кто обращался к нему за советом, подсказкой, материалами.

Все свою жизнь К. П. Беликов был правой рукой своего отца Павла Федоровича — выдающегося человека, бывшего для него во всех отношениях идеалом. И когда в 1982 г. отца не стало, К. П. Беликов подхватил его работу по мере сил.

Он продолжил общение Беликовых с великой семьей Рерихов, с которой глава семейства был связан еще с начала 1930-х гг. Дружеские слова поддержки в трудное время перестройки его жизни незамедлительно прилетели из Индии — в письме супруги Святослава Николаевича Рериха Девики Рани. С лета 1982 г. на старый адрес в эстонском поселке Козе-Ууэмыйза продолжали идти письма от Рерихов, только теперь их получателем стал Кирилл Павлович:

«Нет никакой необходимости людям, называющим себя мистиками, участвовать в работе, посвященной Святославу Николаевичу и Николаю Константиновичу... Я чувствую, что ты не должен смешиваться с ними. Книгу и библиотеку твоего отца никто не должен видеть и трогать, если только он не был связан с его работой. Исключения могут быть сделаны для выдающихся людей и его учеников. Его наследие никоим образом нельзя разделять. Если твоя мать пожелает, она может его перевести на твое имя, и ты сможешь делать то, что считаешь необходимым и лучшим для продолжения работы отца.

Я тебя очень люблю, но все же больше люблю и восхищаюсь твоим отцом, и поэтому все, что связано с ним, должно быть цело и неделимо. Конечно, я пишу это тебе как другу. Ты должен это передать своей матери» (письмо Девики Рани Рерих К. П. Беликову от 15 июня 1983 г.).

«Я надеюсь, ты продолжаешь работать в библиотеке Павла Федоровича

и понимаешь, что эти материалы нельзя передавать в какой-либо институт или частному лицу» (письмо Девика Рани Рерих К. П. Беликову от 28 октября 1983 г.).

Эти слова поддержки многое определили в дальнейшей жизни Кирилла Павловича. В целом момент ухода отца — поворотный пункт в его биографии. Огромная ответственность легла на его плечи. Это он почувствовал сразу, ибо непрерывный поток корреспонденции, обращений, инициатив и т. д., стекавшийся к отцу, теперь нуждался в его постоянном внимании. И он заступил на место Павла Федоровича, помня о его доброжелательном отношении к вновь приходящим исследователям, зная особый стиль его работы — четкий, конкретный и вместе с тем широкий, масштабный.

Сначала робко, а затем в полный голос он откровенно делился со Святославом Николаевичем и Девикой Рани всеми новостями и сокровенными думами. И здесь он всецело следовал отцу, который переписывался с Рерихами без малого 45 лет.

Вскоре Святослав Николаевич и Кирилл Павлович повидались в Москве. И с новой силой и полной ясностью вспыхнула в его сознании решимость следовать по выбранной им дороге духовного поиска и развития культуры сердца. Он всегда был честен и открыт. Видимо, поэтому Святослав Николаевич и Девика Рани доверяли ему свои переживания и волнения о судьбах наследия своей семьи на Родине, как прежде и его отцу.

Однажды при встрече в Москве в 1982 г. Святослав Николаевич спросил Кирилла Павловича: «Почему дела с общественными начинаниями в России так медленно продвигаются?» Кирилл Павлович не нашел быстрого ответа, ибо был по своей природе правдив. Он никогда не объяснял то, в чем сам до конца не разобрался, и никогда не искал виноватых, обвиняя во всяком негативном явлении окружающей жизни, прежде всего, самого себя. Ответ он послал позже. В письме Святославу Николаевичу от 6 июня 1983 г. он писал: *«Не хватает деловых людей? Возможно. Но и деловым людям мешают фанатики, которые от жизненного понятия идей Живой Этики ударяются в мистику и какое-то сектантство, связывая это с именем Рерихов. Конечно, такие действия не поощряются и вносят всевозможные разногласия и затруднения.*

В последнее время и у нас появилось много «яснослышащих», занимаются медитациями, сами понимаете, на каком «уровне». К сожалению, упоминают имена Учителей, и все это плохо отражается на правильных путях. Почему-то много людей со слабой психикой стараются прикоснуться к Великому и толковать на свой лад».

Имея такие ясные убеждения, позволяющие ему безошибочно отличать «зерна» от «плевел», Кирилл Павлович никогда не рвался в «лидеры», держался в стороне от склок и прочих негативных явлений внутри Рериховского движения. «Святослав Николаевич, Вы знаете, что никакой выгоды или «первенства» я не ищу, — писал он в письме 15 августа 1987 г. — Ко всем стараюсь относиться дружелюбно... Естественно, я не имею авторитета, и со мною не принято считаться». Так трезво он оценивал себя, и эту трезвость ценили

Рерихи. По их просьбе и по примеру отца он продолжал сообщать им об обстановке в Рериховском движении. При этом он внутренне всегда чувствовал себя свободным, не признавал никакого давления, действовал не по указке отдельных лиц, а по зову собственного всегда искреннего сердца.

Он был очень совестливым человеком, глубоко переживающим моральную нечистоту того или иного сотрудника. В его письмах много таких искренних переживаний. Он твердо знал, что ««передразги» вокруг имени Николая Константиновича ни к чему хорошему не приведут» (письмо Л. С. Митусовой 18 июля 1983 г.). Соглашался, что духовность не имеет национальности: «...Духовность или «есть», или «нет». Знаю со слов Святослава Николаевича, что были и раньше сложности во взаимоотношениях сотрудников, но их надо преодолевать мирным путем, подходить с позиции канона «Господом Твоим». Конечно, люди такого уровня, как Рерихи, встречаются на нашей земле очень редко. Они не способны обижаться на нас грешных — прощают наши несовершенства и недостатки, стоя выше этого. А когда мы, прикоснувшись к высоким понятиям, остаемся мелочными, — виноваты сами» (письмо Л. С. Митусовой и В. Л. Мельникову 4 января 1997 г.).

«Все хранится и делается, как при отце», — за этими словами в письме Рерихам 15 августа 1987 г. стоит много созидательных усилий. Он не только продолжал систематизировать материалы, собранные отцом, но и сам активно пополнял архив и библиотеку, порой весьма ценными экспонатами. Например, зимой 1985 г. ему удалось приобрести редкую монографию «Рерих», изданную в 1916 г. в петроградском издательстве «Свободное искусство». Этой радостью он сразу поделился со Святославом Николаевичем и Девикой Рани: «Ее не было в архиве, и я доволен, что он как-то пополняется. Все-таки многие люди, занимающиеся наследием Вашей семьи, приезжают сюда и находят нужное для души и работы» (письмо 10 декабря 1985 г.). Постепенно он привел архив и библиотеку в более доступное для исследователей состояние — составил подробные описи, каталоги всех папок. Много работал и над перепиской отца, ибо находил в ней много ценного. «Вижу, как ознакомление с перепиской отца хорошо действует и воспринимается людьми, которым я давал читать ее», — сообщал он С. Н. Рериху и Д. Р. Рерих в том же письме. Об этом же он писал Рерихам через год: «Вообще, чувствуется проявление широкого интереса людей к Учению. Понимание необходимости культуры, внутренней готовности, а не просто удовлетворения любопытства. Часто приезжают сюда. Стараюсь помочь им литературой. Хорошо воспринимаются записи отца, они как бы связующая нить нашей повседневной жизни с Учением» (8 декабря 1986 г.).

Но прежде работы над письмами после ухода отца он занялся подготовкой к изданию его опубликованных и неопубликованных трудов и, особенно, последнего его сочинения — «Рерихи. Опыт духовной биографии». Поначалу много опасений у К. П. Беликова вызывало бесконтрольное копирование рериховцами этой по сути незавершенной рукописи. В письме к Л. С. Митусовой от 30 ноября 1983 г. он писал: «Надо все-таки осторожнее с этой кни-

гой. Может принести вред в отношении имени отца в официальных кругах. Да и не все «свои» ее правильно понимают. Отец писал ее, конечно, для чтения и давал ее многим для ознакомления. А мне теперь кажется, что еще рано она распространилась. Сокровенное будут возводить в какой-то «ранг» секретности». В дальнейшем эти слова Кирилла Павловича в полной мере оправдались. До конца своих дней он работал над редактированием этой книги. Главное, что он стремился достичь в этой работе, — это максимально сохранить ход мысли отца, знания которого были основаны не только на архивных документах, но и на личном контакте с Рерихами. Отец был воплощением устной традиции высокого ученичества, и К. П. Беликов, переживший многие отцовские наставления, эту традицию продолжал. В полной мере это проявилось и в подготовке к изданию рукописи отца о творчестве С. Н. Рериха при участии А. Н. Анненко и Р. Б. Рыбакова.

Особым было его отношение к друзьям Павла Федоровича, которые оставались и его друзьями. Здесь нельзя не упомянуть о его трепетном отношении к Людмиле Степановне Митусовой, общением и дружбой с которой он очень дорожил. «Все очень хорошо к Вам относятся, уважают, любят и желают только добра... Перечитал письмо — какое-то несвязное, в душе все по-другому. «А душу можно ль рассказать?»» (письмо Л. С. Митусовой от 30 ноября 1983 г.). Эти и подобные им слова были не раз посланы Людмиле Степановне в трудные годы ее одиночества и невзгод для поддержки. «Надо стараться думать о чем-то Вечном (помнить об Учении, о Елене Ивановне). Это как бы провести более длинную линию, которая «умалит» (сделает меньше, проще) наши преходящие неурядицы. Конечно, «говорить легко», в жизни все сложнее. Но от всей души желаем Вам спокойствия Духа, оно помогает во всех наших затруднениях» (письмо Л. С. Митусовой от 8 мая 1984 г.).

Кирилл Павлович продолжил развитие многих ответственных начинаний, связанных с наследием семьи Рерихов в новейшее время. Музеи и мемориальные кабинеты в Москве, Барнауле, Изваре, Верхнем Уймоне, Санкт-Петербурге и т. д. не остались без его участия и помощи. «Мне писали из Бологого, — сообщал он Рерихам в Индию в 8 декабря 1986 г. — Там хотят создать экспозицию в бывшем имении Путятинных (место встречи), посвященную Николаю Константиновичу и Елене Ивановне». И это далеко не единичный случай такой отзывчивости и помощи.

Именно К. П. Беликов снабдил Кеннета Арчера ценными материалами для воссоздания «Весны священной» Игоря Стравинского — Николая Рериха — Вацлава Нижинского на театральных подмостках Лос-Анджелеса и Нью-Йорка осенью 1987 г. Об этом он с удовлетворением «отчитался» перед Святославом Николаевичем в письме 21 февраля 1987 г. Вообще, многие его письма Рерихам 1980-х гг. похожи на отчеты, порой весьма подробные и содержательные. Чувствуется, как эти письма-отчеты дисциплинировали его волю и сознание. В каком-то смысле они являются образцовыми для составления характеристик участников событий и обобщения результатов сделанного.

В конце 1980-х гг. Кирилл Павлович подступился к труднейшей задаче —

дальнейшему сбору и систематизации литературного наследия Н. К. Рериха, включая письма. В этом деле ему много помогал москвич Д. Н. Попов, о котором 22 января 1988 г. он писал Рерихам: «Добросовестный и работоспособный человек».

Волновала его и судьба квартиры Ю. Н. Рериха в Москве. В этом вопросе К. П. Беликов руководствовался прямыми указаниями Святослава Николаевича, на встречи с которым в Москве он буквально «прилетал» из Таллинна. А когда вновь наступало расставание, преисполненный глубочайшей благодарности, он писал: «Большое Вам спасибо за встречи. Хотя спокойно поговорить и посоветоваться с Вами в гостиничной суете не удастся, но, находясь рядом, воспринимаешь Ваше мудрое отношение к делу, людям. Это обогащает и помогает многое осмыслить и понять глубже» (письмо С. Н. Рериху и Д. Р. Рерих 15 августа 1987 г.).

Слова, сказанные при этих встречах или по телефону, навсегда врезывались в память. Воспоминаниями о Рерихах он щедро делился со всеми, а порой побуждал к такому «даянию» и своих современников, знавших эту семью. Например, Л. С. Митусовой он писал: «Людмила Степановна, Вы так близко к сердцу принимали, чувствовали Юрия Николаевича, что просто необходимо оставить какие-нибудь записи о нем. Вы рассказывали при встрече, но знаете, как многое потом «теряется» в потайных уголках нашей, увы, несовершенной памяти» (21 декабря 1983 г.). Будучи уже безнадежно больным, не в силах записывать самостоятельно, незадолго до кончины он надиктовал своей жене Алле Павловне воспоминания о встречах со Святославом Николаевичем и Девикой Рани, выполнив тем самым до конца свой долг памяти перед семьей Рерихов.

Неслучайно, уже в самом конце жизни С. Н. Рериха, в 1992 г., он удостоился чести быть приглашенным в члены авторитетного Международного Мемориального Рериховского Фонда, учрежденного в Бангалоре под руководством С. Н. Рериха. Письмо от самого Святослава Николаевича, в котором К. П. Беликов приглашался в члены упомянутого Фонда, свидетельствует о Высшей оценке его личного вклада в сохранении и изучении наследия семьи Рерихов и той бессмертной культурной традиции, которой они следовали.

Для нас особенно драгоценны были встречи с Кириллом Павловичем в феврале 1998 г. в Козе-Ууэмыйза, когда он потратил столько сил, чтобы поддержать всеми возможными материалами организуемый в Санкт-Петербурге Музей-институт семьи Рерихов.

Ушел Кирилл Павлович светло и достойно, оберегая семью от лишних забот и волнений. От него остался разобранный и приведенный в порядок архив отца, несколько публикаций, письма, фотографии и радость познания, которую он щедро делился со всеми приходящими, которую он вложил и в наши сердца. Вечная ему память!

[22 сентября 2003 г.]

Опубликовано: Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»: Том III: Восток — Запад на берегах Невы. — СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. — Ч. 1. С. 177-182.

Л. С. Митусова
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О П. Ф. БЕЛИКОВЕ

Павел Федорович Беликов, с которым я познакомилась в трагические дни ухода Юрия Николаевича Рериха, потом рассказывал мне, что в момент ухода Ю. Н. Рерих был чем-то напуган, у него было испуганное лицо. В ежедневнике Таня¹ записала, что Юрик ушёл 21-го мая в 17.20.

Мы приехали в Москву на следующий день. Людмила Богданова говорила мне, что когда врач скорой помощи, констатировавшая смерть, вышла от Юрия Николаевича, она в сердцах подняла руки и сказала: «Какого человека убили!».

Но в гробу у Юрика было удивительно спокойное, просветленное лицо. Не лицо, а Лик.

На гражданской панихиде было много выступающих, много представителей Востока. От ленинградских ученых говорил Александр Васильевич Королев.

После открытия выставки в Эрмитаже², Светик просил меня приехать в Москву и заняться разбором спальни Юрика: «Я хочу, чтобы его комнату разбирали свои руки». Мне были выданы деньги на дорогу³.

Кабинет Юрия Николаевича разбирали и описывала Маргарита Иосифовна Воробьева-Десятовская, ученица Юрия Николаевича, востоковед. Ей помогала Кира Молчанова, тогда студентка, о которой ее дядя⁴, Павел Федорович Беликов, говорил мне, что она необходима ему как секретарь, так как была очень хорошая стенографистка, но по своим знаниям она ещё не готова выполнять более серьёзную и глубокую работу.

Я благодарна Р. Я. Рудзитису, Б. Н. Абрамову, П. Ф. Беликову и некоторым другим людям, к которым я относилась с большим доверием, за их участие в те дни, за их помощь мне. Им я тоже хотела по возможности чем-то помочь и очень радовалась, когда это получалось.

Борис Николаевич Абрамов, Павел Федорович Беликов, Виктор Тихонович Черноволенко, Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий, Эдуард Яковлевич Бложис, Гаральд Феликсович Лукин, Арвид Юльевич Калнс и его жена Лидия Петровна — вот мое окружение, мои друзья вскоре после ухода Юрия Николаевича. О них вновь напомнили выписки из писем Арвида Юльевича Павлу Федоровичу, сделанные во время поездки в Таллинн и Козе-Ууэмыйза в 1998 году.

Больше всего поразило письмо 29 сентября 1961 года:

«Хотя Рая договорилась с Зюмой о нашем приезде, в связи с чем нам приготовили комнату, мы все-таки решили не воспользоваться этой любезностью

сестер [Митусовых. — А. Б. и Л. М.] и устроились через гостиницу частным образом на одной квартире, где получили отдельную прекрасную комнату. Татьяны Степановны не было, она была на уборке картофеля, а Людмила Степановна приняла нас очень сердечно, показала очень много интересного и сокровенного. Расстались хорошими друзьями. При встрече расскажу об этом подробнее. Кстати, Людмила Степановна для Вас имеет несколько экземпляров цветных репродукций Святослава Николаевича, но никак не соберется Вам их отослать. Говорила, между прочим, о том, что Юрий Николаевич ей звонил незадолго до ухода, и говорил о Мойке, 83 как о Мемориальном музее Николая Константиновича и как уже о решенном факте, причем был в очень приподнятом настроении».

Последняя фраза очень важна для нас теперь, когда наступило время выполнения заветов Рерихов в отношении Санкт-Петербурга. Значит, в своих воспоминаниях я все правильно передавала о решении Юрием Николаевичем вопроса с музеем. Это его очень заботило, и он радовался, что вопрос сдвинулся с мертвой точки. Возвращение рериховской работы в России, как тогда, так и теперь, должно идти через Музей, Образование, Просвещение. Необходимо выполнить волю отца и матери Юрия Николаевича и Святослава Николаевича.

Я очень благодарна Павлу Федоровичу Беликову за его помощь некоторым моим друзьям в преодолении их советского воспитания. Павел Федорович с ними беседовал, и они пробуждались, тянулись. В 1960-1970 е годы они останавливались у Павла Федоровича и Галины Васильевны в Козе-Ууэмыйзе под Таллинном. Иногда все вместе ходили на прогулки по усадебному парку. Бывало, Павел Федорович и ещё кто-то идут впереди, увлеченные высокими разговорами, а мы с Галиной Васильевной сзади смеемся: «Смотрите, как увлечены, даже нас забыли». Один раз решили подшутить — отстали на дорожке, свернули в лесок, спрятались. А они, увлеченные беседой, прошли дальше. Вдруг на другом берегу озера хватились нас, ищут, а мы наблюдаем...

У Павла Федоровича я имела возможность читать очень интересные книги. О некоторых из них я слышала раньше от отца и его друзей, но у нас их уже не было⁵. Прежде всего — Добротолубие. Сделала выписки:

*«...Еже ко Господу нашему Иисусу Христу Сыну Божию непрестанно моли-
тися не просто умом⁶, глаголю, и усты: но **весь ум во внутреннего человека
обратив, и в самой глубине сердца призвати всесвятое имя Господа, и от Него
милости просити, едином оным внимая...**»*

*«...Огнь бо есть Бог наш, и огонь поядаяя нечестие. **Ум же и сердце** помалу очищаются, и **сами с собою соединяются**»⁷.*

Еще у Павла Федоровича я читала книгу Фомы Кемпийского «Подражание Христу» и книги Оригена, «учителя александрийского»: «О началах» (в переводе Н. Петрова) и «Против Цельса» (в переводе Л. Писарева). «Ис-

тинное слово» Цельса написано приблизительно в 177-178 году. Ориген выступает против Цельса приблизительно в 248-249 году, то есть через 70 лет:

«С любовью к спорам и предубеждением трудно справиться. Они производят то, что люди, проникнутые ими, даже очевидные вещи не желают замечать, чтобы только не получить возможности лишиться убеждений, которые сделались привычными для них и которые сообщили их душе известные определенные качества. Легче человеку бывает лишиться каких угодно привычек, хотя и это, конечно, трудно, чем оставить все то, что касается убеждений. Нелегко бывает оторваться и от вещей, с которыми сживаешься; так неохотно приходится расставаться с домом, с городом, с деревней, с людьми, к которым привыкаешь: к ним чувствуется особенное предрасположение. Вот это-то обстоятельство и послужило причиной, почему многие из иудеев того времени не пожелали видеть очевидных пророчеств и чудес, совершенных Иисусом, не пожелали знать страданий, которые, согласно писанию, Он претерпел.

И что человеческая природа уж так настроена, что имеет все эти слабые стороны, особенно ясно может быть для тех, которые понимают, с каким трудом люди оставляют убеждения, которые они получили от предков и сограждан, и в которых они утвердились, несмотря на их постыдность и ничтожность...»

Что значит «постыдность и ничтожность» для того, кто не знает «другого», кроме «своего»? А если в его вере есть все устремления его души и сердца к Свету? Если он любит? Если он стремится? Если он преклоняется перед Высшим?

Пусть это будет Солнце, звезды. Пусть это будут все силы природы. Пусть это будет все, что не понимает, что выше его.

И он будет выше верующего в «истинного» Бога, если его стремление горячее и действеннее.

Господи, пошли Учителя на путях моих!

1974 год. Ноябрь месяц. Наш дом на Моисеенко назначили на капитальный ремонт. Это значит, что надо выезжать, но куда? Нам с сестрой предложили на выбор: переселиться на время в маневренный фонд где-то в центре, но в плохие условия, и дожидаться окончания ремонта нашего дома, чтобы в него вернуться. При этом наша жилплощадь на старой квартире должна была еще больше уменьшиться, так как предполагалась перепланировка. Другой вариант был предложен такой: переехать в новую квартиру в обычном доме в одном из «спальных» районов Ленинграда, далеко от исторического центра города. Ни тот, ни другой вариант нас не устраивали, ибо в результате могли пострадать вещи отца, а главное, вещи Рерихов, которые наша семья хранила.

Об этой ситуации знали наши друзья: Павел Федорович Беликов, Ренита Андреевна Григорьева, Людмила Васильевна Мищенко, Александр Борисович Батурин, Мария Александровна Потоцкая и другие. Все они помогли

нам хлопотать. С их помощью мы обратились в Охрану памятников и в Комитет по культуре и получили поддержку, которой, впрочем, оказалось недостаточно.

Как раз в это время у нас в доме происходили съемки фильма о Н. К. Рерихе⁸. Святослав Николаевич и Девика Рани в них участвовали. Режиссером фильма был Роллан Сергиенко, авторами сценария Ренита Григорьева и Людмила Шапошникова, оператором Олег Мартынов. Коллектив съемочной группы подобрался очень дружный, искренний, устремленный. Заправляла всем Ренита. Она же и рассказала Святославу Николаевичу о нашей проблеме. Он сразу же откликнулся и предложил свою помощь. Сказал, чтобы мы сняли новую квартиру, а он может дать денег для этого. Он не понимал, что в то время в нашей стране «квартирный вопрос» решался совсем по-другому: через ордера в жилконторе, прописку и т. д. Ренита ему все объяснила. Она же организовала его встречу по этому вопросу в горисполкоме с руководством Ленинграда. Для этой встречи нужно было написать его личное обращение, и к нему полагалось приложить прошение от нас, сестер Митусовых. Экземпляр обращения Святослава Николаевича сохранился в нашем архиве:

«Председателю Исполнительного Комитета Ленинградского Городского Совета Депутатов товарищу Казакову В. И.

Настоящим подтверждаю, что в квартире моих троюродных сестер Митусовых Людмилы Степановны и Татьяны Степановны находятся мебель и вещи моего отца, академика Николая Константиновича Рериха. Все эти вещи имеют историческую ценность и в их сохранности я очень заинтересован. Ввиду предстоящего переезда Митусовых на другую квартиру в связи с капитальным ремонтом дома № 6 по улице Моисеенко, я был бы благодарен, если бы им была предоставлена такая квартира, которая обеспечила бы дальнейшую сохранность фамильных вещей моего отца.

*Святослав Рерих.
11.11.74».*

Наше прошение взялся напечатать художник Батурин. Он сделал несколько экземпляров и один отдал Рените перед тем, как она и Святослав Николаевич пошли в Смольный. О результатах этого похода мы узнали на выставке Николая Константиновича и Святослава Николаевича в Эрмитаже. Там мы с Таней ожидали Светика и Рениту.

И вот они идут. Улыбаются. Даже смеются. Святослав Николаевич весело повторяет: «Митусята! Митусята!».

Оказывается, Батурин в шутку на одном экземпляре нашего прошения напечатал вместо «сёстры Митусовы» — «Митусята». По ошибке именно этот экземпляр Святослав Николаевич передал в Смольном для рассмотрения главе города. Вышел небольшой конфуз. Святослав Николаевич с невозмутимым видом объяснил, что это, видимо, опечатка машинистки. На этом письме и была поставлена виза с положительным решением нашего вопроса.

Мы с сестрой очень благодарили Святослава Николаевича. Я сказала:

«Светик, ты не понимаешь, что ты для нас сделал!» — «Кажется, начинаю понимать», — ответил он.

Так и было многие годы после ухода Юрия Николаевича. Если Юрик быстро разобрался с ситуацией в России, как действовать, и главное, по каким направлениям, то Светик долго не мог разобраться. Уход Юрия Николаевича был неожиданным и для Святослава Николаевича, и для него самого.

Павел Федорович Беликов. Он и его большая семья: Галина Васильевна, Кирилл, Елена, Алла, Галочка и другие... Столько счастливых дней в Таллинне и Коже-Ууэмыйза! Павел Федорович посылал мне все свои новые работы, советовался, просил сходить по рериховским делам в Эрмитаж, в Академию художеств и т. д. Встречи с Павлом Фёдоровичем у нас были особенно сердечны⁹.

Фрагменты книги Л. С. Митусова. О прожитом и судьбах близких. СПб., 2004.

(Подготовка фрагментов к печати: А.А. Бондаренко и В.Л. Мельников)

Примечания:

1. Имеется в виду сестра Л. С. Митусовой Татьяна Степановна Митусова (1913–1994).
2. Как указано в ежедневнике Т. С. Митусовой, хранящемся в МСССМ, открытие выставки С. Н. Рериха состоялось 12 июня 1960 г.
3. Как указано в ежедневнике Т. С. Митусовой, 24 июня С. Н. Рерих и Девика Рани Рерих выехали из Ленинграда в Москву, а 25 июня вслед за ними выехала в Москву Л. С. Митусова.
4. Кира Алексеевна Молчанова является родственницей жены П. Ф. Беликова Галины Васильевны Беликовой (урожденной Маховой). Сын Беликовых Кирилл Павлович приходится ей троюродным братом.
5. Много книг было сожжено в блокаду. Много книг ушло через знакомых. (Примеч. Л. С. Митусовой).
6. Здесь и далее слово «ум» в оригинале пишется «оумъ», «оумомъ».
7. В оригинале подчеркнуто, очевидно, П. Ф. Беликовым. (Примеч. Л. С. Митусовой).
8. Сохранилась фотография в доме Митусовых, на которой запечатлены все участники этих съёмов, включая С. Н. Рериха и Д. Р. Рерих, сестёр Л. С. и Т. С. Митусовых, П. Ф. Беликова.
9. В СПбГМИСР хранятся архивные материалы, оттиски статей и книги П. Ф. Беликова, многие годы передаваемые сёстрам Митусовым самим Павлом Фёдоровичем, а после его смерти его сыном Кириллом Павловичем. На некоторых книгах имеются дарственные надписи. Например, на книге П. Ф. Беликова и В. П. Князевой «Рерих» (М., 1973): «Дорогим Людмиле Степановне и Татьяне Степановне сердечно кланяюсь вторым изданием. Автор П. Беликов. 27 II 1974 г.»; на книге «Н. К. Рерих. Из литературного наследия» (М., 1974): «Дорогим Людмиле Степановне и Татьяне Степановне от инициатора и со-составителя этой книги с душевным приветом. П. Беликов. Ноябрь 1974 г.»; на переплетённой копии первого тома «Писем Елены Рерих» (Рига, 1940): «Людмиле Степановне на добрую память. Кирилл».

К. А. Молчанова,
*председатель Эстонского общества Рериха,
член Международного Совета Рериховских организаций
имени С.Н. Рериха, Эстония, г. Таллинн*

СТРАЖ КУЛЬТУРЫ **Из воспоминаний о П. Ф. Беликове**

Сотрудник Н. К. Рериха в духе, Павел Федорович Беликов (1911-1982) состоял с ним в переписке, а со временем стал сподвижником его младшего сына Святослава Николаевича Рериха (1904-1993), с которым они многое обсуждали и решали вместе.

Павел Федорович Беликов видел главную задачу своей жизни в написании именно духовной биографии Рериха и делал это с одобрения Святослава Николаевича, который пережил Павла Федоровича на 11 лет и оставался до конца деятельным человеком.

Павел Федорович говорил, что работа над полной биографией Рериха только еще начинается и к своей работе «Рерих (опыт духовной биографии)» относился всего лишь как к подготовительной, как к заложению фундамента. Я печатала для Павла Федоровича и неоднократно слышала от него о надежде на то, что со временем ученые, прежде всего, трех стран — России, США, Индии — должны будут соединить свои усилия и создадут полноценную Биографию, имея в виду жизненный подвиг Н. К. Рериха и всех членов его семьи. Павел Федорович считал, что продвигать эту работу надо в двух планах: один — внешний рисунок жизни, чисто биографический, и другой — внутренний, где требуется особое углубление и философское осмысление. Свою разработку этой темы, внутренней, он назвал «опыт», всего лишь как личный опыт исследования и воспроизведения результатов, не претендуя на исчерпывание темы. Вот почему в названии книги скобки.

С тех пор прошло 25 лет. За это время многое изменилось в нашей жизни. С середины 80-х годов началась политическая перестройка Советского Союза и затем он распался. Отделились Прибалтийские, Средне-Азиатские и Кавказские республики, Украина и Белоруссия. Сама Россия стала самостоятельным государством. Распались и идеологические клише, но свободомыслие и вседозволенность пошли рядом.

Еще при жизни Святослава Николаевича Рериха и при его участии в Москве был создан в 1989 году Международный Центр Рерихов — независимая неправительственная организация при ООН, которая стала ведущим научно-исследовательским и просветительским центром в области рериховедения. Вскоре приоткрылись и «таинственные» или малоизвестные страницы биографии Рерихов.

Неоценимый вклад в разработку творческого наследия Рерихов внесла организатор Международного центра Рерихов, ученый-востоковед, писатель,

заслуженный деятель искусств и выдающийся современный историк Людмила Васильевна Шапошникова. Будучи Доверенной С. Н. Рериха и выполняя его указания, она стала постепенно отодвигать границы неизведанного своими публикациями. В 1993 году были изданы некоторые записи Е. И. Рерих под названием «У порога Нового Мира», а в 2000 г. издание это было расширено. Своим капитальным трудом о Рерихе [1] Л. В. Шапошникова раскрыла перед нами творческий эволюционный процесс, в котором участвовали Рерихи, рассказала о входящем в жизнь человечества синтезе земного и надземного и фактически создала энциклопедию эволюционно нового, космического мышления.

Каждая эпоха имеет свое слово. При жизни Павла Федоровича Беликова [2] господствовал грубый материализм и официальная идеология не допускала никакого инакомыслия. Однако невидимый процесс вхождения в земную жизнь духовных (высших) энергий по космическим срокам уже начался и требовал соответствующих действий. Время возрождения духа пришло неминуемо!

Будучи человеком высоко духовных знаний, Павел Федорович считал передачу этих знаний долгом перед своим временем и уже в тех условиях начал проводить назначенное в жизнь, рассказывать о необычной жизни Рериха, о скрытых проявлениях Космоса. Рукопись задуманной большой (и в тех условиях тайной) исследовательской работы стала быстро и широко распространяться по СССР.

И сейчас этот труд Павла Федоровича Беликова продолжает свою независимую жизнь. Он нужен многим людям. Его читают и перечитывают, радуются открытиям и хотят иметь на своем столе, потому что автор объясняет нам и помогает осмыслить происходящее на Планете. Книга является достойным ключом к постижению высшего смысла жизни, к утончению духа.

Эта незавершенная черновая рукопись П. Ф. Беликова «Рерих (опыт духовной биографии)», хотя и только частично осуществленный замысел, дает право называть автора одним из классиков рериховедения. Он смог воссоздать целостную объективную картину событий в жизни Рериха, что и составляло задачу биографа. Помимо того, скрупулезно изучая творческое наследие Рерихов, профессионально владея подробной информацией о них и философскими знаниями, по собственному выражению Павла Федоровича, он «ввел наследие Рерихов в научный оборот», то есть в сферу научных интересов, научных исследований, и привлек к этому научные учреждения — структуры Академии художеств и Академии наук СССР, Всесоюзное географическое общество.

Обладая философским складом ума и творческим восприятием явлений жизни, Павел Федорович умел размышлять, опираясь на факты и вытекавшие из них скрытые идеи. И таким образом он содействовал формированию у современников нового мышления — космического.

Павел Федорович неразделимо воплощал в себе исследователя и мыслителя как единое действие. Им руководило обостренное чувство нового в слу-

жении людям. И многих удивляло то, что такой незаурядный человек жил в сельской местности Эстонии, скромно и добровольно совершал свой жизненный путь, без всякого шума соединяя высшее знание с высшим устремлением своего непрерывного восхождения.

Так как Павел Федорович постоянно работал на пределе своих творческих сил во имя Общего Блага, без своекорыстия (без самости), то это определяло его судьбу и охраняло неизвестным способом. Письма от Святослава Николаевича Рериха и Девики Рани из Индии доходили до него в Козе-Ууэмыйза в течение недели или 10 дней, в то время как мне в Таллинн письма от Девики Рани шли в течение месяца. Бескорыстный и самоотверженный труд Павла Федоровича Беликова ставит его в ряд Светлых Вестников Нового Мира и созидателей новых оплотов Культуры.

Зная Павла Федоровича с детства, я могу утверждать, что это был Деятель Культуры нового вида, или человек космического сознания. Понятие «деятель культуры» обычно воспринимается как определение человека, своей деятельностью и социальным положением связанного с творческими профессиями и учреждениями культуры. Категории нравственности у таких деятелей чаще всего остаются на уровне демагогических воззваний.

Главным же достоинством деятеля культуры нового вида (в соответствии с положениями Учения Живой Этики), каким обладал Павел Федорович, является высокая нравственность и утверждение космичности жизни. Во всем облике Павла Федоровича сказывалось и чувствовалось знание своей высокой жизненной задачи, но он не отделял себя от окружающих его людей. В компании родственников и знакомых доброжелательно молчал, слушая их внимательно. Наши родственники и правоверные христиане часто обсуждали, конечно, дела церковные и греховные. Когда пересуды громкоголосых дам, наконец, стихали, Павел Федорович оживлялся и, побрякивая (с помощью такой манеры как бы переносил внимание на себя) остроумно замечал: «Если больше опасаться уловок дьявола, чем любить Бога, то дьявол оказывается на первом месте, а Бог уже на втором!»

Философские размышления Павла Федоровича, особенно на исторические темы, меня всегда удивляли своими настоящими открытиями. Так, когда однажды разговор зашел о мерзостях современной жизни, оказалось что не было ни одного исторического отрезка, в котором было бы меньше этих мерзостей, неблагополучия или трагедий, чем в наше время одновременно повсюду и вне России. Надо не забывать об уничтожении целых народностей колониальными державами, ужасы инквизиции. Период тридцатых годов прошлого столетия характеризовался кровопролитием в Испании, террором китайцев в Средней Азии и японцев в Китае и Манчжурии и т. д.

О Н. К. Рерихе Павел Федорович говорил, что истинная цель его пребывания в 1926 году в Москве не должна рассматриваться как политическая. Рерих выступал Вестником Новой Эры, духовного преображения, намеченного Планом Владык во всем мире во имя Будущего. Послание Махатм было адресовано не лично Ленину, а народу для осмысления и раскрытия задач

в их последовательности. Это было указание на эволюционный потенциал России и на то, что только еще в Будущем должно быть сделано. Люди должны изживать в себе все негативное и готовиться к осознанию Космической жизни, привыкать мыслить космическими категориями. Сейчас человечество находится в переходной стадии от слепого подчинения законам Природы к Гармонии сознательного творчества.

Прирожденный философ, Павел Федорович относился к философии как к объединяющей науке. Поэтому среди научных и философски осмысленных им представлений в разных исторических эпохах он выдвигал понятие космической эволюции человечества, космических законов, космических сроков, неоспоримую принадлежность нашей Планеты и всей совокупности жизни на ней, в том числе, и человечества, к необъятности Космоса и к единой цепи причинно-следственных явлений. И во всех своих трудах он исходил из своего космического мировосприятия.

Теперь, опираясь на чтение писем Павла Федоровича и на свои наблюдения, хочу объяснить, как происходило его духовное восхождение, осознание и выполнение своей миссии иерархического звена и преданного Стража, готовящего возможности для передачи Наследия Рерихов в Россию. И это событие состоялось позднее, в условиях перестройки. Его реализовала Людмила Васильевна Шапошникова, десять лет спустя после ухода Павла Федоровича Беликова.

Одним из самых преданных сотрудников Рериха в Прибалтике с тридцатых годов, а также личным другом Павла Федоровича, был Гаральд Феликсович Лукин (Лукинъш). И вот 11 августа 1977 года Павел Федорович пишет ему: «Еще в 1960 году, после ухода Ю. Н., С. Н. предостерег меня от одного шага, который был на стадии решения (переселение в Сибирь). До этого был разговор с Ю. Н. и С. Н., и мое намерение было одобрено. Но после ухода Ю. Н., С. Н. сказал: «Теперь Вы не должны уезжать далеко от центров, Вы будете здесь нужны». Я тогда еще не думал ни о своих работах, да передо мной как будто и не было практической возможности давать публикации в научные издания, или писать и составлять книги о Н. К. Однако все это оказалось осуществимым и только потому, что я послушал С. Н. Также и в этот раз С. Н. указал мне на некоторые сферы моей прямой деятельности, на те задачи, которые мне предстоит выполнить».

И на следующий же день 12 августа 1977 г. тоже Лукину: «В 1960 году С. Н. сказал мне: «Самое прискорбное то, что за три года в Москве никто к Ю. Н. близко не подошел». Очевидно, на эту тему у С. Н. с Ю. Н. был разговор» [3].

Из общения с Павлом Федоровичем знаю, что инициатором и ведущим автором книги «Рерих» в серии ЖЗЛ издания 1972 года был он. И тогда он сразу же решил продолжить работу над биографией Рериха, чтобы зафиксировать те факты, которые могут безвозвратно утратиться после того, как из жизни уйдут живые свидетели и современники Рериха. Об этом Павел Федорович написал В. А. Шибаеву 25 мая 1972 г. Ему же 14 августа 1972 г. пишет, что продолже-

ние работы хотел бы назвать «внутренней духовной биографией» и что «вся Тема должна быть рассмотрена в ключе совместного жизненного подвига Н. К. и Е. И., переплетения их творческих трудов. По всему этому предмету кое-какие материалы у меня уже систематизированы». Об этом же он написал также 14 августа 1972 г. Святославу Николаевичу:

«В эту тему войдет и тема Е. И., которую в книге ЖЗЛ я почти не затронул, т. к. боялся, что не смогу найти полнозвучных формулировок. Для них требуется особое углубление, привлечение материалов из писем и книг Живой Этики, т. е. всего того, что уже по объему своему и специальной философии Востока в рамки серии ЖЗЛ просто не вмещается. Конечно, в будущем все это найдет место в работах других авторов, но не хочется, чтобы и тот материал, который удалось собрать мне, остался без употребления. Поэтому намерен с осени сесть за такую работу».

Про книгу в серии ЖЗЛ узнаем, что около четверти текста осталось «за бортом» и что Павел Федорович не хотел «комкать» тему Елены Ивановны Рерих, что в скором времени собирается приступить к работе над рукописью, куда намерен вместить все, что удалось собрать и что по разным причинам не могло войти в книгу ЖЗЛ [4].

В конце 1973 года, 23 ноября он пишет В. А. Шибаеву такое объяснение: «Я сейчас целиком занят подготовкой публикаций к Юбилею, однако в планах у меня уже созрела, как я считаю, главная работа моей жизни. Это — книга, в которой должна раскрываться связь между Основными Положениями Этики и мировосприятием, как и творческой деятельностью Н. К. Рериха. Такие же параллели и с его искусством. Короче говоря, своего рода «духовная биография» Н. К.» [5].

Не прошло и двух лет, как первый вариант далеко не завершеного труда уже оказывает кому-то помощь. «Главное должно еще быть написанным. К теме «Цветы Мории» я, по существу, только подхожу. Хронологически я дошел в своей работе только до карельского периода жизни, то есть до Встреч с Учителем», — письмо от 25 мая 1976 г. [6].

Через год Павел Федорович отмечает, что работа эта «рассчитана на много лет вперед и продвигается тихо. В ней, в силу своих знаний и возможностей, постараюсь зафиксировать приоткрытые нам по разным источникам моменты «стыковок» нашего плана с Иным на реальной канве жизненного пути Четверых... Считаю это важным еще и потому, что некоторые моменты выяснены только в беседах и частной переписке».

И про книгу в серии ЖЗЛ там же: «Книга серии ЖЗЛ — один из труднейших этапов. Она открыла путь многому последующему, и в этом ее основное значение. О большинстве ее недочетов я знал в процессе работы над нею с редактором и стремился к одному, а именно к тому, чтобы недочеты по своему характеру были бы «пропусками», которые впоследствии можно заполнить, а не искажениями, которые пришлось бы «опровергать» и краснеть за них. Над такими «дополнениями» я и работаю» [7].

В июле 1978 года Павел Федорович пишет: «Две недели, проведенные С. Н.

у нас (в стране, — К. М.), промелькнули как один день... не так уж часто удавалось побеседовать с глазу на глаз... Тем не менее, удалось о многом важном переговорить, много нового узнать» [8].

Существенное откровение Павла Федоровича читаем в письме от 7 мая 1979 года: «После ухода от нас в 1960 г. Ю. Н. пришлось заново закладывать фундамент дела Н. К. Я смею утверждать, что мне лучше, чем кому-либо, известно, с каким трудом это делалось, какие препятствия приходилось преодолевать. Чего стоила только книга серии ЖЗЛ, пробившая дорогу другим изданиям и оказавшая решающее значение в праздновании Юбилея. Я первый начал публикации о Н. К. в научных изданиях и прекрасно знаю, на какие сваи опирается фундамент той широкой популярности имени Н. К., которая в необыкновенно короткое время была достигнута. Доскональное изучение всех трудов Е. И. и Н. К., как опубликованных, так и неопубликованных, их переписки, личное общение с Ю. Н. и С. Н. вооружили меня не только в меру моих возможностей усвоенными Знаниями, но и методами их использования» [9].

Там же читаем: «Некоторые вещи не хочется доверять бумаге. Но об одном, объяснившем мне очень многое, в том числе, и из нажитого личного опыта, немного поведаю сейчас. В последний раз у меня состоялась со С. Н. беседа на очень важную тему о дальнейшей судьбе Наследия Е. И. С. Н. сказал, что они получили по этому поводу Указ еще в 1924 году. Как и всегда, полной расшифровки Указа не было. Отсутствует одна важная деталь, которую так до сей поры не удалось уточнить. Это не позволяет конкретизировать некоторые действия. С. Н. буквально, слово в слово перевел мне этот Указ, он зафиксирован черным по белому на санскрите... С. Н. добавил: «Как и всегда, в подобных случаях для выполнения Указа должны возникнуть соответствующие благоприятные обстоятельства. Их нужно вовремя усмотреть, но до сих пор я не вижу, чтобы они сложились»... Эта короткая фраза С. Н. открыла мне многое из опыта Агни Йоги, из жизни Е. И. и Н. К., из моей собственной жизни» [10].

Всегда чувствовалось, что у Павла Федоровича была высоко духовная цель и задача ориентироваться на Будущее. Поэтому, забывая о себе в напряженном труде и в общении с людьми, он, тем не менее, получал устойчивую радость жизни и всегда был терпеливо приветлив. Другого Павла Федоровича я не знаю. Помню, как он радовался, говоря, что по привычным человеческим меркам у него не было ни малейших предпосылок к осуществлению поставленных перед ним Святославом Николаевичем задач. И, конечно, некоторые очень существенные моменты жизни Рерихов он смог выяснить только благодаря живому общению с Юрием Николаевичем и Святославом Николаевичем.

В главной работе П. Ф. Беликова «РЕРИХ (опыт духовной биографии)» на примере жизни Рериха рассматривается суровая школа земной жизни Человека как часть Единой Космической Жизни. От страницы к странице читающий познает, как укрепляется дух в земных битвах, как постепенно осозна-

ются задачи эпохи и своя роль в их осуществлении, как чередуются ритмы активности сосредоточения тонкого и земного и как происходит главное сосредоточение — огненное, «когда сердце вмещает и небесное и земное». Все это может происходить и происходит только в энергичной познавательно-творческой деятельности человека и в обычных для всех людей условиях земного существования.

Вспоминая общение с Павлом Федоровичем и вчитываясь в его работы, я могу утверждать, что Павел Федорович Беликов является человеком нового уровня сознания и деятелем культуры совершенно нового вида. Именно такими людьми создаются новые оплоты Культуры.

1. Шапошникова Л. В. Великое путешествие. Кн. 1. Мастер. М., 1998; Кн. 2. По маршруту Мастера. Ч. 1. М., 1999; Кн. 2. По маршруту Мастера. Ч. 2. М., 2000; Кн. 3. Вселенная Мастера. М., 2005.

2. Более подробно о нем см.: Непрерывное восхождение. Сб., посвящ. 90-летию П. Ф. Беликова. В 2 т. Т. 1. М., 2001; Т. 2. М., 2003.

3. Непрерывное восхождение. Т. 2. Ч. 2. С. 169.

4. Непрерывное восхождение. Т. 2. Ч. 1. С. 250-251.

5. Там же. С. 331.

6. Непрерывное восхождение. Т. 2. Ч. 2. С. 67.

7. Там же. С. 191-192.

8. Там же. С. 251-252.

9. Там же. С. 320.

10. Там же. С. 325.

Опубликовано: Как охраним живую ткань Культуры?: Материалы Международного общественно-научного форума, Абакан, 25 июня — 1 июля 2007 г./Науч. ред. О.А. Уроженко. — М., 2008. С. 141-149.

Людмила Андросова
О ПАВЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ БЕЛИКОВЕ

Недавно я познакомилась с Ириной Мершиной, председателем Рериховского общества г. Анжеро-Судженска. В июле этого года она организовала и возглавила экспедицию на Алтай с восхождением на вершину Урусвати и пик Беликова. Только что вернулась из Москвы, где, как и повсюду в нашей стране, отмечался юбилей Н. К. Рериха, — полная сил, энергии и планов на будущее. Недавно я получила от нее письмо, в котором она, в частности, пишет: «... *Я тут еще раз прочитала Ваше поздравление нам после экспедиции. У Вас так много доброго сказано о Павле Федоровиче Беликове. Скоро его столетие. Может быть, Вы нашли время написать свои воспоминания о нем. Когда готовилась к экспедиции, то постаралась прочитать о Павле Федоровиче как можно больше и поняла одно, что наше Движение еще до конца не осознало значимость этой личности, его роль в становлении Движения, его роль Свидетеля жизни наших Учителей. Думаю, нам предстоит еще поднять его на тот пьедестал, который он заслуживает...*». И мне захотелось ответить.

Прежде всего, мне хочется сказать, что Павел Федорович всегда находился и находится на своем месте, на своей высоте, и что он меньше всего нуждается в том, чтобы его куда-то поднимали. О нем много написано, но лучше всего узнать о нем, понять «значимость этой личности», а заодно и разобраться в себе, в своих мыслях, представлениях и понятиях, если читать его самого. Его эпистолярное наследие, двухтомник его писем (сборник «Непрерывное восхождение», Москва, 2003 г.) — кладезь мудрости и памятник его титаническому труду. И этот человек был моим современником и, более того, — я знала его на протяжении последних восьми лет его жизни, встречалась с ним, была им ведома, вела переписку — мне просто не верится! Эта истина стара, как мир, что наиболее ценным в жизни является не то, что у нас есть, а то, кто у нас есть, и что осознанию этой истины мы учимся на протяжении всей нашей жизни.

Будучи ученым секретарем Президиума Сибирского Отделения Академии Наук (1969-1985 г.), занимая статус, позволяющий вести работу на уровне директоров институтов Сибирского отделения и его Президента, я принимала самое непосредственное участие в организации и проведении сибирских Рериховских Чтений, содействуя подготовке необходимых документов и последующему их утверждению во всех инстанциях. Сколько сил, энергии и знаний требовалось, чтобы убедить своих и московских коллег в необходимости активного содействия в проведении Рериховских конференций, конференций, не имеющих до того аналогов, и проведения их на всесоюзном уровне! Волею судьбы я оказалась пусть небольшим, но очень важным звеном в бюрократической машине аппарата Президиума, тем звеном, без которого она не могла бы двигаться в желаемом направлении. Сколько недоброжелательности, сколько предубеждения ко всему новому и необычному, сколько инертности надо было

преодолеть на этом пути! Разве было бы это возможным без руководства и поддержки Павла Федоровича? Без его уникального архива, без его опыта и знаний, к которым мы все, кто принимал участие в организации конференций, бесконечно обращались и с которыми он щедро делился? Нет, конечно, нет.

Павел Федорович был мудрым и талантливым дирижером большого оркестра, которому можно уподобить рериховское движение. С его уходом рериховское движение потеряло точку опоры. Мы же, имевшие счастье знать его, быть с ним, работать с ним, — мы осиротели, потеряли Учителя и Друга. Оркестр остался. Дирижера не стало.

Он мог примирять, казалось бы, самые непримиримые стороны, и самые глубокие страсти стихали в его присутствии. С каждым он разговаривал на его языке, и каждому казалось, что он слушает только его и принимает только его сторону. Он был рядом с нами и над нами всеми. С ним мы становились мудрее и терпимее друг к другу. Он мог опуститься до тебя, но умел и поднять тебя на свою высоту. В его присутствии было так же легко и свободно, как и в присутствии Святослава Рериха. Эти два гиганта были сродни друг другу. И не случайно бок о бок, рядом друг с другом в самом сердце Алтая стоят вершины, носящие их имена.

Я хочу упомянуть сейчас об одном важном эпизоде моей жизни, в котором Павел Федорович принял активную роль. Этот эпизод связан с восхождением на вершину Урусвати, с ее первопрохождением и открытием. Немногие знают, какие серьезные попытки предпринимались, чтобы помешать этому восхождению... Не удалось!

Близко к сердцу принял этот случай Павел Федорович. Когда в следующем году он прилетел на Рериховские Чтения в Новосибирск, мы долго беседовали с ним, бродя по аллеям Академгородка. Он подробно спрашивал обо всех деталях случившегося. Эта встреча оставила глубокий след в моей жизни. Словно выросли крылья новых духовных решений, крылья, которые, я была уверена, поднимут меня окрепшей над всеми препятствиями.

Наша последняя встреча, незадолго до его болезни. Новосибирск. Академгородок. Я пришла к нему в номер гостиницы, где он остановился. Развернула на его кровати полотнище Знамени Мира, подаренное З.Г. Фосдик и принятое мною как восходителем на вершину Урусвати. Он склонился над Знаменем, положил свою широкую ладонь на него и не отнимая руки, сказал мне: «Вот теперь мы будем общаться с Вами через это Знамя...». И его долгий, внимательный на меня взгляд — понимаю ли?.. И ни слова больше. То были последние его слова, обращенные ко мне в этой жизни. Осознала ли я сакральный смысл его слов — не знаю...

На титульном листе книги «Рерих» из серии ЖЗЛ, которую подарил мне Павел Федорович, есть старинная печать «Из книгъ Беликова» и его дарственная надпись — «Сия книга снята автором с полки самого автора и подарена Людмиле Александровне Андросовой на долгую память о нем».

Да, Павел Федорович, на память долгую... Вечную память...

Канада, октябрь 2007 г.

Е. Г. Петренко

директор Одесского Дома-Музея имени Н.К. Рериха

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ

«ПИСЬМА ПАВЛА ФЕДОРОВИЧА БЕЛИКОВА (1975-1982)»

Павел Федорович Беликов — крупнейший исследователь творческого наследия семьи Рерихов, автор многочисленных научных публикаций и монографий: «Рерих», вышедшей в серии «ЖЗЛ», «Рерих» (Опыт духовной биографии) и «Святослав Рерих. Жизнь и творчество». Известно богатое эпистолярное наследие Беликова — в первую очередь, переписка с Н. К. Рерихом и его сыновьями.

В 2007 году Владимир Иванович Ничипорук — врач-реабилитолог, проживающий в Киеве, передал из личного архива свою многолетнюю переписку с П. Ф. Беликовым в рукописный отдел Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха. Позже им были переданы письма Галины Васильевны и Кирилла Павловича (супруги и сына Беликова), а также редкие фотографии, газетные и журнальные публикации, книги со статьями П. Ф. Беликова.

Письма П. Ф. Беликова к В. И. Ничипоруку охватывают временной период с 14 апреля 1975 г. По 14 сентября 1982 г., публикуются впервые.

Предыстория знакомства, а затем и сложившейся крепкой и доверительной дружбы врача В. И. Ничипорука и исследователя-историка, биографа и хранителя творческого наследия семьи Рерихов П. Ф. Беликова следующая. В ноябре 1974 года в Москве отмечали 100-летие со дня рождения русского художника Николая Константиновича Рериха (1874-1947) и 70-летие его младшего сына — художника Святослава Николаевича Рериха (1904-1993). Выставки художественных произведений Н. К. Рериха прошли в Москве, Ленинграде, Киеве, Вильнюсе, Минске, Риге, Новосибирске, Томске. Были выпущены каталог произведений художника, юбилейные медали и марка, а также книги «Алтай — Гималаи», «Письмена», «Н. К. Рерих. Из литературного наследия», альбом репродукций Н. К. Рериха со вступительной статьей В. Володарского и другие.

100-летний юбилей со дня рождения Николая Константиновича Рериха по решению ЮНЕСКО отмечался как событие мирового масштаба. Праздничные мероприятия проходили в Индии, где жил Н. К. Рерих с семьей с 1928 по 1947 год. В галерее Н. К. Рериха (Наггар, Индия) открылась выставка его работ. Была выпущена специальная почтовая марка, на которой изображена медаль работы известного медальера Генри Дропси с профилем Николая Константиновича. Прошли юбилейные мероприятия в США — в Нью-Йоркском музее Н. К. Рериха, в Англии, Австрии, Болгарии, Румынии, Франции и других странах.

В ноябре 1974 года московские друзья достали для В. И. Ничипорука приглашительный билет, дававший возможность посетить выставки Н. К. Рериха

в Академии художеств СССР и С. Н. Рериха в Государственной Третьяковской галерее, а также принять участие в Торжественной вечере в Большом театре. О переполнявших его впечатлениях тех дней Владимир Иванович записал: *«В течение 3-4 суток в этой удивительной духовной атмосфере полонен, а точнее, литературно-духовно-художественных произведений, написанных не пером, — а кистью, не чернилами, — а красками, со мной произошли какие-то внутренние преобразования. Я вернулся в Киев, но душа моя осталась в том пространстве красоты и гармонии».*

На выставке В. И. Ничипорук увидел С. Н. Рериха, который был окружен посетителями и отвечал на многочисленные вопросы. Желаемое личное знакомство со С. Н. Рерихом не состоялось, но произошло другое значимое знакомство, *«случайное, с неказистым, обыкновенным очень взрослым мужчиной»*, которым оказался Павел Федорович Беликов. Первое впечатление от встречи: *«Удивительное спокойствие на душе»*, — рассказывал Владимир Иванович. Все вопросы, мучившие его, доводившие до «отчаяния», которые он хотел задать С. Н. Рериху, были заданы П. Ф. Беликову. *«Я почувствовал глубокое внутреннее спокойствие и <...> уверенность, удовлетворенность»*, — записал Владимир Иванович. Что же было *«потом»*, после встречи? — *«Потом пришла полоса Чудес. Пространство начало активно мне помогать, осуществлять дальнейшие шаги по направлению «Державы Рерихов»».* *«Держава Рериха»* (1919) — так назвал свою статью русский писатель Леонид Андреев: *«Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах»* [1].

Встреча с П. Ф. Беликовым переросла в многолетнее сотрудничество, преданное и надежное содружество, бескорыстную дружбу. Отношения изначально сложились такими глубокими и сердечными, какие бывают у отца с сыном.

В письме от 14 декабря 1977 года П. Ф. Беликов написал В. И. Ничипорук: *«Я Вам предельно доверяю».* *«Предельное доверие»* было необходимо, так как перепечатывание и распространение запрещенных книг Учения Живой Этики, теософской литературы преследовалось правоохранительными органами СССР вплоть до лишения свободы. Нужно отметить, что книг Учения Живой Этики в СССР, практически, не было, они распространялись в рукописном виде («самиздат»). В. И. Ничипорук тиражировал книги Живой Этики на копировальном аппарате либо на специально приобретенной для этой цели печатной машинке. *«А тут как раз пришла от Вас бандероль с ценнейшим подарком. Замечательно сделано, но ведь это пришлось произвести грандиозную работу по перепечатке всего текста машинкой! Очень меня порадовали два этих тома!»* — искренне восхищался Беликов (21 ноября 1979). Также Павел Федорович отмечал качество выполняемой работы, в письме

от 11 августа 1976 года он написал: *«Если можно, то с «Сердца» я очень хотел бы иметь копию такого формата, как и другие книги ЖЭ, которые от Вас получал. Эти книги так прекрасно сделаны, и их портативность позволяет брать их в дорогу»*. А в личной беседе с Владимиром Ивановичем Павел Федорович рассказал о том, что при встрече со С. Н. Рерихом он подарил ему книгу «Знаки Агни Йоги». Святослав Николаевич был приятно удивлен и восторженно спрашивал: *«Какое издательство издало эти книги и каким тиражом?»*.

В «издательстве», кроме В. И. Ничипорука, работали Виктор Афанасьевич Невдащенко, инженер, тренер по каратэ, встречавшийся с П. Ф. Беликовым, и Анатолий Алексеевич Литвиненко, врач-невропатолог. «Троица издателей» — те самые «киевские друзья», которым постоянно передавал привет Павел Федорович в своих письмах. Только за два года работы (1976-1978) было выпущено по сто экземпляров каждого из тринадцати томов Учения Живой Этики, не считая других книг. Трудно представить себе, как возможно было за столь короткий срок, в условиях строгой конспирации подготовить и выпустить такое огромное количество книг! Помощь киевлян в тиражировании литературы позволила П. Ф. Беликову расширить и сохранить свой архив, а также снабдить книгами круг друзей, интересующихся Живой Этикой и Теософией.

Письма вводят читателя в атмосферу повседневной кропотливой работы П. Ф. Беликова. О такой работе Е. И. Рерих писала как о прекрасной и радостной возможности самосовершенствования: *«А между тем, сколько истинной сказки и радости заключается в осознании ежедневного высшего Руководства и своей ответственности, если последняя принята сердцем, сколько счастья, если творимая сказка не посытана пылью обиходности»* [2].

Эпистолярное наследие свидетельствует о бескорыстной преданности П. Ф. Беликова делу, которому он служил, создавая научную архивную базу для современных и будущих исследователей творческого наследия семьи Рерихов.

1. Цит. по кн.: Держава Рериха. — М.: Изобраз. искусство, 1993. — С.97.

2. Цит. по кн. Радость. — СПб.: Лаборатория печати, 2005. — С.138.

Опубликовано: Письма Павла Федоровича Беликова (1975-1982). Одесса, 2008. С.6-9.

Е. Г. Петренко

директор Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха

СПОСОБНОСТЬ УЧИТЬСЯ И БЫТЬ УЧЕНИКОМ

«Я считаю, что в моей жизни самым важным, самым прекрасным было мое сотрудничество с Николаем Константиновичем. И если мне удалось чем-либо помочь на его жизненном пути, именно эти моменты всегда останутся для меня самым дорогим для меня вкладом на общее благо», — писал С. Н. Рерих П. Ф. Беликову в письме от 15 января 1964 года [15, с.147-148].

Это высказывание С. Н. Рериха приложимо к пониманию сути жизненного пути Павла Федоровича Беликова. В его жизни также *«самым важным, самым прекрасным было <...> сотрудничество с Николаем Константиновичем»* Рерихом.

За внешним, видимым течением жизни человека, тем, что называют биографией, скрывается внутренняя жизнь. Если внешнюю биографию обозначают вехами — датами событий, то сокровенное можно познавать по проявлениям и устремлениям души. Оба потока — внешний и внутренний — неразрывно связаны. Фактически, каждая веха — это манифестация накопленной психической энергии в каком-нибудь Знаковом событии, которое может предопределить направление всей последующей жизни. Знаковые встречи могут характеризовать качества и потенциал души каждого человека. В жизни П. Ф. Беликова Знаковая встреча — это встреча с *«исключительно полной — завершенной личностью»* — Н. К. Рерихом [16, с.146]. Знакомство с Н. К. Рерихом произошло в переписке, начавшейся в 1936 году, который Н. К. Рерих называл *«годом Армагеддона»* [6, с.119]. Несомненно, что сотрудничество и ученичество, отмеченное *«армагеддонным годом»*, имело глубокое значение. Сын П. Ф. Беликова — Кирилл Беликов в статье «Непрерывное восхождение» описывал воспоминания отца о переписке с Н. К. Рерихом: *Подготовил несколько докладов на тему о Рерихе. У Рериха в Таллинне были знакомые, через которых он узнал о моем увлечении и в 1936 году написал мне. Представьте же себе, он сам обратился ко мне! Мне тогда было 25 или 26 лет. Это письмо глубоко затронуло мои чувства. Я осознал, что способен на значительно большее. Началась переписка, завязались связи с его семьей. Началась целенаправленная собирательская работа»* [1, с.19]. Потрясение, которое пережил П. Ф. Беликов, было глубоким духовным переживанием: *«Представьте же себе, он сам обратился ко мне!»*, — в этом восклицании — радостное удивление избранности.

Конечно, общекультурная база, изучение философии Востока и Запада, увлечение литературой и историей, искусством были той благоприятной почвой, на которой семена идей Н. К. Рериха смогли прорасти и успешно развиваться. Переписка П. Ф. Беликова с Н. К. Рерихом, а затем с Ю. Н. и С. Н. Рерихами — свидетельство того, как рос, развивался и оформлялся ученик.

В письме от 5 октября 1936 года Николай Константинович фактически характеризует внутреннюю природу П. Ф. Беликова: *«Все тонко настороженные духовно, конечно, особенно страдают и телесно в наше неслыханно напряженное время»* [5, с.118]. Таким образом, душа Беликова — *«тонко настороженная духовно»*, и Рерих в этом же письме посылает пожелание-утверждение, направленное к ученику: *«Да пошлет Вам Преподобный Сергей силы и здоровье»*. Н. К. Рерих беседует в письмах с П. Ф. Беликовым широко и свободно, призывает его дерзать и наставляет: *«Главное, не смущайтесь и е делайте никаких разделительных выводов»* [6, с.119]. И даже такое великое и сложное понятие как «Абсолют» Н. К. Рерих доносит просто и ясно, без *«разделительных выводов»* 26-летнему Беликову: *«Вы спрашиваете, как понимать Абсолют. Именно так, как само слово подсказывает — Все во всем и Все от него»*. И опять следует совет: *«Никаких ограничений или подразделений ставить не следует. Главное человеческое несчастье — в надстройках условных комнатушек, чем шире — тем лучше»* [5, с.118]. Так свободно и так легко Н. К. Рерих беседует с молодым Беликовым, словно летает и приглашает его к совместному полету. А ведь Николай Константинович всегда говорил только по сознанию собеседника и никогда не переступал эту грань. Значит, Беликов был способен к полету и к тому, чтобы мыслью отрываться от земли! Целая программа духовного роста была предложена Н. К. Рерихом в кратких фразах и воспринята учеником П. Ф. Беликовым.

Спорится работа у Беликова по всем направлениям и поручениям Н. К. Рериха: он составляет и издает книги, пишет статьи, основывает Общество Рериха в Эстонии, взаимодействует с Балтийскими обществами, создает научную архивную базу. В 1937 году Павел Федорович женится, и это важное событие не отдалило его от сотрудничества с Рерихами, не прервало поступательного развития ученичества. Удивительно гармонично новое входило в жизнь Беликова, и умело он распределял свои обязанности мужа и отца, на службе и дома. Гармонично также сложилась супружеская пара, связанная общностью духовных интересов. Кирилл Беликов в воспоминаниях писал: *«Во многих письмах к моей матери отец рассуждает о религии, христианстве, Троице, смерти, перевоплощении. Он цитирует высказывания философов, писателей и поэтов. Особенно близки ему Кант, Федоров, Гумилев, Гете»* [1, с.18]. Из писем Галины Васильевны, супруги Павла Федоровича, видно, каким преданным другом и помощником была она своему мужу. Н. К. Рерих в письмах отмечал жену П. Ф. Беликова: *«Прежде всего, шлем привет Вашей супруге. Очень приятно слышать, что она и педагог, агрокультуристка, — оба эти обстоятельства так нужны в служении народу — человечеству. Если же Вы оба одинаково устремлены к Живой Этике, то это может создать истинно семейное счастье. Нередко можно наблюдать печальное зрелище, когда супруги в существе своем совершенно различно мыслят и тем создается домашняя безмерная тягота»* [8, с.123].

Интересно отметить, как Н. К. Рерих направлял и поощрял служебную работу П. Ф. Беликова, на какой высокий уровень понимания Он поднимал

своего ученика: *«Слышали мы, что Вы теперь работаете в книжном магазине, а такая работа есть истинно культурное дело. Сколько полезных семян можно заронить проходящим. Ведь хороший книжный магазин, хотя бы и маленький, уже является очагом культуры. Сколько раз приходилось наблюдать, как книжная лавка становилась своеобразным клубом»* [7, с.122]. Или: *«Также нас весьма порадовало Ваше сообщение, что Вы работаете в представительстве «Международной книги»»* [8, с.123]. В службе Беликова Н. К. Рерих видит прекрасные возможности для выполнения культурной задачи, предвосхищает перспективы и возводит данную работу в ранг *«борьбы за Свет»*: *«Вы находитесь в центре борьбы за Свет и познание. И сколько душевного и неотложного Вы можете сделать во время своей каждодневной работы»* [11, с.132]. В нескольких письмах Н. К. Рерих напоминает о важности работы в книжном магазине: *«Часто вспоминаем Вас и радуемся, что Вы стоите около книжного дела. Как это сейчас нужно и какие замечательные мысли могут у Вас зародиться, наблюдая истинное положение книги и просвещения»; «К Вам придут молодые, и Вы сумеете принять их и согреть внимательным отношением. Вы разовьете в себе терпимость и усмотрите в каждом наиболее ценную его черту. Именно в книжную лавку придут молодые искатели, а, кроме того, вам по делу приходится списываться с разными странами, и перед Вами встает еще одна сторона действительности. Наверное, во время собеседования у Вас возникнут вопросы. Пожалуйста, не стесняйтесь написать нам о них, и мы будем рады дать разъяснение и новый толчок мысли»* [11, с.132]. И ученик откликался и не отклонял советы Учителя.

Вновь и вновь Н. К. Рерих настойчиво рисует широкую панораму творческих возможностей и увлекает ученика Беликова в такие выси, где *«книжная лавка»* становится ареной борьбы Добра и зла, а *«работник книжной лавки»* — *«Воином Света»*. Советы Н. К. Рериха не только воспринимаются, но ассимилируются и становятся действующими силами Учителя во внутреннем пространстве ученика. Сотрудничество это плодотворно, не теряется творческая энергия Учителя на всевозможные трения, не дробится. В результате такого слаженного взаимодействия П. Ф. Беликов делает невозможное возможным — помещает заметки, эссе, очерки в газеты, журналы, научные сборники. И это происходит в то время, когда существует негласный запрет на упоминание о Рерихах и их творчестве. Ведь они живут за границей!

Кира Алексеевна Молчанова (председатель Эстонского общества Рерихов), составитель I тома творческого наследия П. Ф. Беликова *«Непрерывное восхождение»*, писала в статье *«Абсолютный авторитет»*: *«В то время Павел Федорович один стал неофициальным Международным Центром Рерихов», «Если искусствоведы и ученые обращались к жизни и творчеству Рериха лишь эпизодически, то для Павла Федоровича это стало смыслом и содержанием всей его жизни», «Павел Федорович выявил и систематизировал литературно-философское наследие Н. К. Рериха, когда об этом никто не смел даже упоминать, не говоря уже о публикации»* [3, с.26, 27].

Основной и питательной средой, на которой рос и развивался *«Центр»*

по имени П. Ф. Беликов, были, несомненно, письма Н. К. Рериха — через них осуществлялось духовное руководство учеником. Сейчас, когда подведен итог земного пути Павла Федоровича — издано его эпистолярное наследие, изданы литературные и поэтические труды, научные статьи, стало возможным проанализировать, как осуществлялся путь ученичества. Самое главное заключалось в том, что все ненавязчиво рекомендуемое Н. К. Рерихом в письмах-размышлениях было воспринято учеником. Ни одна мысль, порой заключенная в одной строке, не была оставлена без внимания. Удивительной была способность Николая Константиновича писать о вещах, необходимых корреспонденту, как бы размышляя вслух. Причем эти размышления имеют свой собственный ритм, гармонично комбинируются с практическими бытовыми вопросами, уходят вглубь, чтобы опять появиться на поверхности, но уже в другом, новом подходе. Создается впечатление, что все письма Н. К. Рериха — это океан сознания, в котором с определенной периодичностью появляются и затухают волны-мысли определенной направленности. Умение Учителя состоит в том, чтобы послать такую волну мысли, которая не опрокинет и не захлестнет ученика. Умение ученика — настроиться на длину волны Учителя, войти с ним в консонанс и не разорвать постоянство созданного ритма-общения.

В биографии П. Ф. Беликова ясно прослеживается накопительный и поступательный рост сознания, его утончение и расширение, так как глубоко воспринят совет Учителя: *«Накопление расширения сознания должно производиться с большим терпением и неустанно. Только на значительных промежутках времени можно замечать, как изменилось в лучшую сторону все мировоззрение. Расширение сознания не есть искание каких-то скоростных чудес, но именно обогащение духа, и в этом смысле во всей каждодневности всегда можно применять новое расширенное сознание»* [9, с.127]. Впоследствии П. Ф. Беликов эти мысли Н. К. Рериха будет передавать своим корреспондентам и предостерегать их от *«чудес»*.

Н. К. Рерих настойчиво, но ненавязчиво приглашает П. Ф. Беликова к размышлению. Вопросы, затрагиваемые в письмах, разнообразны: этика поведения и взаимоотношения между людьми, тема нравственности во всех ее аспектах, противостояние клевете, культура творческих людей и другие. Нужно принять во внимание то, что вся семья Рерихов придерживалась этических норм поведения, и в этом все четверо могут служить эталоном и мерилем практического применения основ Живой Этики. Безусловно, род, семья, класс, общество, к которому они принадлежали, явились основой для развития духовных качеств. С позиции этики и нравственности Н. К. Рерих в письмах к П. Ф. Беликову констатирует реальное положение, в котором находится человечество, и характеризует формы болезни, которыми оно болеет: *«Человечность во всем мире сейчас страдает. Клевета и ложь безумствуют по миру»* [6, с.119]. Н. К. Рерих не просто констатирует болезнь, но и предлагает лекарство для лечения больного общества: *«Вы совершенно правы, что прежде всего нужно искать Высший Свет, но находить его мож-*

но, прежде всего, через свое сердце. Утончая свое сознание, люди достигают и расширения его. Сейчас особенно необходимо дружелюбие в общечеловеческом понимании» [6, с.119]. В таком подходе Н. К. Рерих близок к буддистскому Учителю XIV века Чже Цзонкапе, который также определял падение нравственности как болезнь и предлагал разные лекарства, которые можно найти только в сердце болящего.

Хочется еще раз настойчиво подчеркнуть, что ни одна строчка, ни одна мысль Николая Константиновича, в ней заключенная, не пропускается П. Ф. Беликовым. Он предельно сосредоточен и глубоко понимает, что каждое письмо Н. К. Рериха — это законченное произведение искусства мысли о Вечном. Нет в жизни для Беликова второстепенных и отвлеченных понятий, в утончении сознания все важно. Н. К. Рерих раскрывает своему ученику многие свойства и качества материи мироздания, в том числе, и свойства психической энергии: *«Всена начальная психическая энергия имеется в каждом человеческом организме и должна быть обережена всеми лучшими помыслами и душевными устремлениями. Все это не отвлеченность, но профилактика каждого дня, когда с утра до вечера человек сеет или добро, или зло. Для очень многих все эти реальнейшие соображения все-таки остаются отвлеченностью»* [6, с.119]. Программа практического духовного совершенствования в жизни каждого дня не разбита Н. К. Рерихом по пунктам, не разложена сухо по полочкам, но широко дана в контексте единого потока единой жизни, пронизывающей все мелочи бытия и быта.

В многочисленных прекрасных воспоминаниях о П. Ф. Беликове есть общее единогласие о высоких качествах его души. Это отмечают и К. А. Молчанова, Л. В. Шапошникова, и Г. Р. Рудзите, и Н. Д. Спирина, и многие другие. Неизменными были его доброжелательство и дружелюбие, терпение и терпимость, спокойствие и человечность, преданность делу постоянство в выбранном направлении жизни, скромность и достоинство, верность. Конечно, все эти качества вырабатывались и проистекали из утончения и синтеза, вмещения и чувствознания, которые и стали основой всего культурного строительства. Можно сказать, что П. Ф. Беликовым в его скромной квартире в поселке Козе-Ууэмыйза был построен Храм Культуры, здание и атмосфера которого стояли на основах Живой Этики. *«Синтез самый вмещающий, самый доброжелательный может создавать то благотворное сотрудничество, в котором все человечество так нуждается сейчас. От высших представителей духовного мира до низшего материалиста-торговца — все согласятся на том, что без синтетического сотрудничества никакое дело не может быть построено»* [17, с.16].

П. Ф. Беликов на практике показал, как может развиваться дело, если зерно духа питается сердцем. Н. К. Рерих писал П. Ф. Беликову: *«Я всегда утверждаю, что всякое содружество происходит не от полицейских предписаний, а рождается в сердцах»* [10, с.130] и приводил пример, как развивалось Императорское Общество Поощрения Художеств: *«Зерно было живо и потому произросло в мощное дерево»* [10, с.130]. Именно потому, что *«зерно*

было живо», П. Ф. Беликов избежал гибели в годы Второй мировой войны; не будучи ученым, публиковал статьи о Н. К. Рерихе в престижных научных изданиях; собрал и создал научный архив в малоизвестном поселке Козе-Ууэмыйза.

Не обходил стороной П. Ф. Беликов и совет Н. К. Рериха, что представителям культуры нужно поддерживать связи, и в поселок Козе-Ууэмыйза приезжали люди со всех сторон СССР, приходили письма от корреспондентов со всего мира. *«Тем более необходимо, чтобы все художники слова, кисти и всех прочих областей хотя бы до известной степени держались вместе. И без того слишком много человеконенавистничества, а этим темным путем не пройти»* [11, с.132]. Именно благодаря своевременному применению советов Н. К. Рериха был создан широкий фронт сотрудничества, развивалось умение вовремя воспользоваться идущей навстречу возможностью: *«Вы знаете, насколько изменчива человеческая память и добрые намерения. Если не прийти навстречу доброму намерению, то оно попадает в долгий ящик, а потом и в мусорную корзину»* — писал Н. К. Рерих [12, с.133]. Применял П. Ф. Беликов и совет не *«делать врагов»*: *«Также Вы поступаете совершенно правильно, не делая лишних врагов»* [13, с.134].

Н. К. Рерих выражал озабоченность состоянием мира. Он говорил о том, что мир необходим человечеству, причем мир он понимал в самом широком смысле: *«Когда мы говорим о мире, мы имеем в виду истинный мир, а не только пушечный. Об этом истинном мире нужно говорить при каждом удобном случае, ибо война вовсе не заповедана человечеству»* [13, с.134].

С годами П. Ф. Беликов вырос в *«умудренного»* и *«ответственного»* человека. Эти качества отмечали все, кому довелось встречаться и общаться с Павлом Федоровичем. *«<...> с годами человек должен становиться все бережнее и умудреннее, злость никаких добрых качеств человеку не прибавит. Кстати, человек должен с годами понимать, что есть великая ответственность за каждое его деяние, за каждую мысль»*, — писал Н. К. Рерих 28-летнему П. Ф. Беликову, когда он приближался к завершению четвертого семилетнего цикла своей жизни [14, с.135].

При размышлении над качествами ученика, которые вырабатывал в себе П. Ф. Беликов, возникает ассоциация с советами, данными в книге Чже Цзонкапы *«Ламрим-ченмо»* (*«Большое руководство к этапам Пути пробуждения»*). В письме от 7 января 1937 года Е. И. Рерих писала: *«Теперь должна сказать, что Н. К. предпочитает первоисточники и хорошо знаком с восточной мыслью и теми трудами, из которых черпала свои сведения Е. П. Б. Также я могу сказать про себя, что моими первыми земными учителями были книги Рамакришны, Вивекананды, Бхагавад-Гита, книги по буддизму, Ламрим Цзонкапа и т. д.»* [4, с.293-294]. В книге *«Ламрим»* (1402) подробно описывается и анализируется весь Путь духовного развития ученика вплоть до достижения им Пробуждения. Интересно, что *«Цзонкапа в конце жизни просил будущих учеников не печалиться, что они не встретились с ним лично, а прочесть два труда — это будет равноценно личной встрече»* [18, с.IX-X]. Так

и в жизни П. Ф. Беликова «личной встречи» с Н. К. Рерихом не было, но была переписка и чтение его трудов, что было «равноценно личной встрече». Отзвук Учения Цзонкапы ясно читается в письмах Н. К. Рериха. В «Ламриме» сказано:

*«Кто внимает с радостью Учению Святого,
Действует согласно с ним как телом, так и речью,
Кто хранит терпенье, обуздывает чувства,
Радует друзей, — тот переходит
За пределы слушаний и знаний» [18, с.43].*

В главе «Кого можно и кого нельзя учить» есть такие слова: «Как сказано, без просьбы не учите. Но ежели и попросят, проверьте, [подходящие ли] «сосуды». А если знаете, что «сосуды» [подходящие], можете проповедовать и без прошения» [18, с.49]. Вспомним удивленные слова П. Ф. Беликова: «Представьте же себе, он сам обратился ко мне!». В том же «Ламриме» в главе «Основа Пути — вверение себя Благому Другу» говорится о том, что ученик должен опереться на Учителя, который уже прошел Путь, ныне преодолеваемый учеником:

*«Обопрись на такого Духовного Друга,
кто себя обуздал, кто спокоен и тих,
кто в достоинствах много тебя превосходит,
образован, усерден, реальность постиг, —
на того, кто владеет прекрасною речью,
сердцем — любящий, силами — неутомим» [18, с.57-58].*

Всю свою жизнь П. Ф. Беликов следовал советам и «опирался» на Н. К. Рериха, а после его ухода — на С. Н. Рериха. Под таким Высшим Руководством проходил Путь Пробуждения Павел Федорович. В работу над монографией «Рерих» (Опыт духовной биографии) (1994) он вложил весь свой личный опыт и осознание Пути. Во вступлении к монографии Беликов писал: «Границы неизведанного постоянно отодвигаются, но никогда не могут быть уничтожены» [2, с.9]. «Границы неизведанного» Павел Федорович «постоянно отодвигал» — готовил себя к жизни вне земных границ. В письме (7 октября 1935) к Галине Васильевне, будущей супруге, он писал: «Но вернемся опять к смерти, я слишком привык думать о ней так же, как и о жизни, и поэтому сбиваюсь все время с одного на другое. Смерть ставит нас в новые условия, условия четырех измерений, мы входим в мир мысли, для которой время и пространство — не есть препятствие».

*«Владыка смерти никому не друг,
и он всегда внезапно нападает.
Поэтому не медли, говоря,
Мол, буду завтра следовать Учению, —
но тотчас же все силы прилагай!
Негоже [думать]: «Буду делать завтра!»*

Сегодня же займусь другим».
Однажды к нам придет такое «завтра»,
Когда тебя уже не будет в нем» [18, с.191].

Литература:

1. Беликов Кирилл. Непрерывное восхождение // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.18-23.
2. Беликов П. Ф. Рерих (Опыт духовной биографии). — Новосибирск: ИЧП Лазарев В. В. и О., 1994. — 334с.
3. Молчанова Кира. Абсолютный авторитет // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.24-30.
4. Письмо Е. И. Рерих от 7 января 1937 г. // Письма Елены Рерих, 1929-1939. — Минск: Лотаць, 1999. — Т.2 — С.291-297.
5. Письмо Н. К. Рериха П. Ф. Беликову 5 октября 1936 г. // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.118.
6. Письмо Н. К. Рериха П. Ф. Беликову 15 января 1937 г. // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.118-119.
7. Письмо Н. К. Рериха П. Ф. Беликову 19 июля 1938 г. // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.122-123.
8. Письмо Н. К. Рериха П. Ф. Беликову 22 июля 1938 г. // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.123-124.
9. Письмо Н. К. Рериха П. Ф. Беликову 1 декабря 1938 г. // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.123-124.
10. Письмо Н. К. Рериха П. Ф. Беликову 2 февраля 1939 г. // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.130-131.
11. Письмо Н. К. Рериха П. Ф. Беликову 14 февраля 1939 г. // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.131-132.
12. Письмо Н. К. Рериха П. Ф. Беликову 13 марта 1939 г. // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.133-134.
13. Письмо Н. К. Рериха П. Ф. Беликову 31 марта 1939 г. // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.134-135.
14. Письмо Н. К. Рериха П. Ф. Беликову 15 мая 1939 г. // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.135-136.
15. Письмо С. Н. Рериха В. П. Князевой 15 января 1964 г. // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.147-148.
16. Письмо С. Н. Рериха П. Ф. Беликову 5 августа 1963 г. // Непрерывное восхождение. Сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. — М.: Международный Центр Рерихов, 2001. — Т.1. — С.146.

17. Рудзитис Рихард. Николай Рерих — Водитель Культуры. — Рига: Латвийское общество Рериха, 1990. — 25 с.

18. Цзонкапа Чже. Большое Руководство к этапам Пути Продвижения/Предисл. Его Святейшества Далай-Ламы; под общ. ред. А. Терентьева; перевод с тибетского А. Кугявичуса, 1994. — Т.1. — 386 с.

Опубликовано: Письма Павла Федоровича Беликова (1975-1982). Одесса, 2008. С.10-21.

Алла Беликова
ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Павел Федорович Беликов — мой свекор — родился 29 июля 1911 года в городе Нарва.

Его отец — Беликов Федор Александрович, русский, занимался торговлей. Тихий, честный человек. Мать — Аатонен Мария Матвеевна, ингерманландка, была хороша собой, с необыкновенно длинными ресницами, красивой осанкой и достойной манерой держаться. Умная, энергичная, после замужества самостоятельно организовывала женские кружки. Любила путешествия, театры, концерты, одевалась экстравагантно (между прочим, Павел Федорович, несмотря на дефицит в торговле советского времени, умел одеться неброско и элегантно, любил рубашки светло-кофейного цвета и сам их разыскивал).

Брак был неравный, но своенравная красавица ставила условия жениху и не соглашалась венчаться без выезда с тройкой белых лошадей. Жили на широкую ногу, ездили на Кавказ, в Крым. Во время первой мировой войны отец отправил Павлика с матерью в Саратов, к брату матери, и следом — два вагона с вещами, библиотекой, роялем. Но в пути все пропало. В Эстонию вернулись через два года, в 1918 году.

В 20-е годы осели в Васькнарве (ранее Сыренец). Павлик (так звали в семье) с 1925 по 1928 год учился в школе в Петрограде. Дела в торговле не налаживались, и, в конце концов, отец разорился, но Мария Матвеевна не стала экономнее. Она была еще очень привлекательной и такой же энергичной женщиной. Вскоре семья распалась.

Мария Матвеевна поселилась в Таллинне, держала небольшую столовую, материально приходилось нелегко, но она старалась придерживаться прежнего уровня жизни. Стол неизменно сервировался с изыском и аккуратностью, хотя на нем было больше посуды, чем еды.

Павел Федорович помогал отцу в торговле. За что ни брался — во все вникал, обладал организаторскими способностями.

В начале 30-х годов отец с сыновьями переехал в Таллинн, с работой было очень сложно, братья стали работать на ткацкой фабрике. В 1933-1935 годах П. Ф. заболел туберкулезом, лечился в санатории, весил 53 килограмма. Очень помог ему доктор Феликс Лукин из Риги. Впоследствии своими лекарствами поддерживал Гаральд Лукин, особенно в 70-е годы, когда у П. Ф. обнаружили стенокардию. Гаральд Феликсович был его самым близким другом.

Младший брат Павла Федоровича — Александр, после прихода немцев в Эстонию в 1941 году пропал без вести.

П. Ф. говорил, что с юных лет тянулся к увлеченным людям, у которых мог получить новые знания, много читал, увлекался философией, любил писать письма. Его мама шутила: «Ты никогда не станешь богатым — слишком много тратишь на марки и конверты».

В Таллинне он близко сошелся с писателем В. Гущиком, поэтом Б. Тагго-Новосадовым, молодой поэтессой Ю. Ивановой, знал поэта М. Сидорова, был активным участником русского литературного кружка при обществе «Витязь», в разговорах упоминал фамилии Ю. Иваска, Н. Рудниковой. С Игорем Северяниным был знаком шапочно, восхищался природой данными Северянину чувством рифмы и ритма.

С 1936 года началась переписка Павла Беликова с Н. К. Рерихом, жившим в Индии. Причем, Н. К. первым обратился к Павлу Федоровичу с письмом.

В 1937 году П. Ф. предложили работу в книготорговой фирме «Тээкооль», где было отделение «Международной книги», вскоре он стал заведующим отделом, увеличив оборот торговли в десять раз. «Международной книгой» назывался кооператив фирм по продаже книг за границу, куда поступала печатная продукция из России. Русским эмигрантам, разбросанным по всем странам мира, было удобнее заказывать книги в Эстонии, со скидкой до 40 процентов, чем непосредственно из Советской России. Работа дала возможность знакомства с самыми разнообразными, интересными людьми.

Работая в «Тээкооль», Павел Федорович получал 300 крон (зарплата начислялась с оборота) — по тем временам очень приличная сумма. Оклад рабочего тогда составлял 60 крон.

Перед войной Павел Федорович с женой Галиной Васильевной смогли снять четырехкомнатную квартиру в престижном районе города «Кадриорг», держали прислугу.

Вернувшись в Таллинн в 1944 году, поселились в квартире сестры Галины Васильевны. Ее муж был на фронте, погиб под Великими Луками. В этой квартире, в тихом районе в центре Таллинна Беликовы задержались до 60-х годов.

...Люди уходят на пенсию, чтобы отдыхать, Павел Федорович — чтобы трудиться. Теперь он полностью мог посвятить себя увлечению, которому он не изменял с юношеских лет — литература, восточная философия, история искусства стали основной базой его дальнейших трудов и устремлений.

Он планировал свой день и четко придерживался определенного ритма, хотя для постороннего взгляда вся эта система выглядела естественным ходом жизни. Каждый день вмещал в себя и серьезную научную работу, и обширную переписку, и дела по хозяйству, и обязательные прогулки по окрестностям, и отдых с книгой.

Определенного распорядка и образа жизни П. Ф. стал придерживаться, примерно, с 45 лет. В это время он познакомился и сдружился с местным психотерапевтом Вольдемаром Карловичем Пабсоном — человеком серьезным и увлеченным, пропагандистом метода сознательного самовнушения Э. Куэ, и здорового образа жизни. Пабсон скончался в 1959 году. К этому времени у П. Ф. созрело окончательное решение переехать в сельскую местность на постоянное жительство, подальше от городской суеты, где бы он смог все свободное время посвятить любимому делу. Как раз поступило предложение работы в Аравете, а затем в Козе-Ууэмыйза главным бухгалтером

ром «Этсельхозтехники» Козеского отделения. Дети вспоминают, как П. Ф. переезжал, вещи грузили в машину и самое главное письменный стол-бюро, который купили по случаю на распродаже мебели с почты. В любом доме у него всегда был свой угол с письменным столом, за которым он проводил большую часть времени. Жена осталась с детьми в Таллинне, а после выхода на пенсию переехала к нему в Козе-Ууэмыйза.

Вот как складывался его день в Козе-Ууэмыйза после выхода на пенсию.

Подъем, небольшой комплекс асан, который составил для него знакомый врач-гомеопат из Москвы, облегченный вариант для пожилых людей.

Завтрак и одновременно новости по радио (местные, ВВС, «Голос Америки»). Говорил: «Надо иметь разнообразную информацию, но выводы делать самому».

8.30-12.00 Работа за письменным столом.

12.00 Прогулка на почту за корреспонденцией, в магазин за продуктами, по возвращении легкий второй завтрак — чай с бутербродом (фирменный — с сыром, украшенный соленым огурцом или помидором). Знал тонкости заварки чая, каждый раз заваривал свежий, иногда смешивал чаи различных сортов. Смаковал чай, привезенный Л. В. Шапошниковой из Индии.

Очень любил томаты (так на эстонский манер называли помидоры). Еще бурые срывал их в парнике, заворачивал в газету и прятал в теплое местечко в шкафу — чтобы быстрее доходили. Припрятывать приходилась от профессионального взгляда жены-агронома Галины Васильевны, которая настаивала на созревании плодов естественным путем, под солнцем. Строгость, конечно же, была наигранная, и жена очень радовалась рано и внезапно появившемуся красному помидору.

В почтовое отделение Павел Федорович ходил каждый день. Там шутили, что почта будет работать, даже если в Козе-Ууэмыйза останется жить один Беликов. Переписка была обширная — Индия, Америка, Австрия, Германия, Англия, Болгария, не считая корреспондентов на территории бывшего СССР.

В праздники получали до 300 поздравлений.

После инсульта, когда правая рука стала плохо действовать, письма печатал левой рукой на машинке, а конверты доверял подписывать внучке (с 1968 по 1982 год мы жили там каждое лето и выходные дни зимой).

Святослав Николаевич Рерих о своем приезде в Союз всегда извещал П. Ф. Беликова предварительной телеграммой и Павел Федорович неотлучно находился при нем во время каждого визита. Обычно, ездил один (после инсульта с сыном Кириллом).

Выписывали журналы: «Новый Мир», «Москва», «Наш современник», «Иностранная литература», «Вопросы философии», «Литературную газету», «Книжное обозрение», «Наука и жизнь». В то время подписка была ограничена, в сельской местности на почтовое отделение выделяли по одному экземпляру каждого журнала, кроме Беликова в эстонском поселке никто подпиской на русскую периодику не интересовался. Научные книги и журналы

читал с карандашом в руках, делал закладки и выписки на карточки в свою картотеку.

Самообразование было постоянным процессом для П. Ф. Беликова. Понимая недостаток филологического образования, П. Ф. самостоятельно проштудировал курс обучения на филологическом факультете по плану Тартуского Университета (исключая историю КПСС и т. п.).

Павел Федорович следил за новинками художественной литературы, имел вкус к слову, любил и разбирался в поэзии. В беседе часто цитировал любимые строки. Внучке Гале вместо сказки на ночь читал стихи любимых поэтов — А. Блока, Б. Пастернака, Н. Гумилева, А. Ахматовой, И. Бродского...

Теперь понимаю (раньше это не осознавалось), в доме не было пустых разговоров, т. н. болтовни. Не принято было говорить о своих болезнях при людях, о деньгах, о стоимости покупок, обсуждать чужую жизнь и т. п. Хотя жили расчетливо и планировали свой бюджет, где обязательно учитывались летние путешествия (план маршрута составляли заранее, во время поездки не засиживались на одном месте). В течение дня каждый занимался своими делами, случалось, встречались только за столом.

Из детства Павел Федорович часто вспоминал путешествие по Волге и Кавказу. Когда получил гонорар за книгу «Рерих» в серии «ЖЗЛ», сделал своим взрослым детям подарок — вместе с дочерью Еленой и сыном Кириллом они проплыли на теплоходе от Москвы до Волгограда и побывали на Кавказе.

Днем. Отдых с книгой, лежа на диване (летом на шезлонге под яблонями). Перед обедом или вечером в летнее время небольшие работы в саду («чтобы не засиживаться»), зимой за письменным столом (с минутными перерывами на легкую гимнастику). Вокруг дома был небольшой сад. Основную работу в саду и огороде делала жена Галина Васильевна, по первой профессии агроном (Тартуский Университет), по второй — учитель естествознания (Таллиннский Педагогиум).

17.00. Обед. Обычно, Павел Федорович готовил его сам (когда приезжали дети, то передавал им свои полномочия) очень быстро и вкусно.

Стол был вегетарианским, П. Ф. шутил: «Сегодня у нас суп-фантазия». Все овощи и фрукты были со своего огорода. Гостей угощали клубникой со сливками — десерт, который в контексте небольшого эстонского поселка в советские времена вызывал удивление западных гостей. Галина Васильевна пекла пироги и фирменные лепешки. Обязанности по дому были распределены между супругами равномерно. Павел Федорович говорил: «Если я не буду заниматься домашними хлопотами, то без движения просижу за письменным столом целый день».

Завтракали на скорую руку на кухне (в будние дни), для обеда всегда накрывали стол в столовой, обедали вместе. Посуду мыла Галина Васильевна, вытирал Павел Федорович.

После обеда. Прогулка с женой по окрестностям. В зависимости от погоды и самочувствия выбирался маршрут — «большой круг», «маленький кружок» или «маленький с хвостиком». Такие вечерние прогулки были традицией

еще со времен жизни в Таллинне. Соседи до сих пор вспоминают немолодую пару, гуляющую по вечерам.

Вечером. Чаепитие. Телевизор смотрели мало. Исключение составляли новости и любимые «Очевидное — невероятное», «Кабачок 12 стульев». Вечерами слушали пластинки: классическую музыку, романсы, танго Строка, Вертинского, Окуджаву, Шульженко. Галина Васильевна играла на фортепьяно.

В молодости Павел Федорович и сам играл на гитаре и пел. Уже без гитары, в наши времена, он часто напевал русские романсы или песни Вертинского.

Спать укладывались часов в десять вечера. Павел Федорович очень долго читал, свет в его комнате горел до 1-2 ночи. Сначала художественная литература, а перед самым сном обязательно 30 минут посвящались «Живой этике».

Распорядок почти не менялся, даже по праздникам — обязательные четыре часа за письменным столом.

Павел Федорович не употреблял алкоголя и даже на нашей свадьбе пил только лимонад, любил марку «Байкал», с иронией относился к пышным празднествам по случаю дня рождения (к праздникам «по самому себе»).

Галина Васильевна (в девичестве Махова) была воспитана в религиозной семье.

Ее отец был церковным старостой (в 1940 году сослан в Сибирь, где скончался в 1943 году), поэтому главные церковные праздники — Рождество и Пасха всегда отмечались. К 24 декабря наряжали пушистую елку, на Пасху пекли куличи, в специальной разъемной форме готовили творожную заварную пасху (каждому по вкусу — кому с цукатами, кому с изюмом). Павел Федорович всегда внимательно рассматривал художества внуков по покраске пасхальных яиц и выносил свое одобрение удачному подбору цветов или замысловатым сюжетам.

Павел Федорович часто ездил по делам в Москву и Ленинград, возвращаться любил в воскресенье, чтобы вся семья была в сборе. Из поездок всегда звонил и присылал открытки, хотя отсутствовал не более недели. Обязательно привозил подарки всем членам семьи. Жене любил дарить шелковые платки и шарфы. Однажды Галины Васильевна попросила привезти ей шляпу. Павел Федорович привез пять шляпок разных фасонов и цветов. Кажется, ни одна не подошла, но огорчений по этому поводу не было. Галина Васильевна постоянно их мерила и восхищалась находчивостью мужа. Павел Федорович никогда не забывал выполнять просьбы и пожелания родных, и когда трехлетняя внучка Галя заказала «курятник» (девочке очень нравились соседские цыплята), дедушка легко вышел из непростой ситуации, привезя десяток механических заводных кур и петушка. Разом завел их, и все эти птицы клевали и кудахтали на радость внучке.

А как он сам принимал подарки! Даже самоделки от внуков так, как будто это самая необходимая для него вещь...

В Козе-Ууэмыйза очень часто (особенно летом) приезжали гости. После

выхода в 1972 году книги «Рерих» в серии «ЖЗЛ», потянулись не только почитатели Н. К., но и жаждущие новых встреч, интересующиеся восточной философией и просто русская интеллигенция. Приезжали и совершенно незнакомые люди, получившие адрес Беликова в издательстве или у друзей.

С приходом гостей, день, естественно, выбивался из четкого плана, но Павел Федорович был рад всем. Принимали, потчевали лепешками со сметаной или топленым маслом. Вели неторопливые беседы за столом, а потом совершали прогулку по великолепному парку вокруг мызы барона Юкскюля и к полуразрушенной часовне в излучине двух рек. Потом Павел Федорович с гостями уединялись в кабинете для личных бесед. Какой бы серьезной ни была затронутая тема, всегда оставалось место шутке. Павел Федорович был человеком веселым, доброжелательным, с теплым чувством юмора. Ровный в отношениях с людьми разных социальных слоев, в каждом видел что-то милое и хорошее. Разговор строил на том, что интересует собеседника, своего мнения не навязывал, но дипломатично отстоять его умел всегда, если же чувствовал устремление, живой, глубокий интерес — протягивал руку, бескорыстно делился всем, что имел. Не каждый мог предположить, как широк мир этого скромного и по-хорошему делового человека.

Из России гости привозили редкие книги, перепечатки — их невозможно было послать почтой, просто для прочтения, в следующий приезд или с okazji книги передавались дальше. Также широко пользовались библиотекой Павла Федоровича. Активная молодежь использовала редкие книги для самиздата, для этого книги расшивали, снимали обложки, иногда книги «терялись». П. Ф. шутил по этому поводу: «Видимо эта книга им нужней, чем мне». В общении он был очень легким человеком, не заострял внимания на мелких житейских проблемах, все шероховатости старался свести к шутке. Павел Федорович приветствовал все то, что в 60-70-е гг. появлялось в печати о Н. К., активно содействовал этому и снабжал авторов бесценными материалами и идеями.

Таллинн. 2011 год.

Юрий Линник
ШАМБАЛА ВЕЗДЕ
(О П. Ф. Беликове)

В сферу притяжения Н.К. Рериха я попал еще ребенком. Детство мое прошло в Сортавале. Отец работал начальником почты, которая располагалась в здании финского банка, построенном У. Ульбергом. Рерихи там часто бывали. Конечно же, имя художника не звучало в послевоенные годы, но тем не менее я неисповедимо приобщился к миру, созданному им. Случилось это так. В мои руки попала крупноформатная финская книга. Внутри нее было несколько вкладок: на плотной серой бумаге — цветные репродукции. Они очаровали меня своей красочностью. И непонятностью. Теперь я понимаю: это были картины Н.К. Рериха. Нечаянная встреча с ними сыграла роль своего рода импринтинга: что-то изменилось в душе — настроилось на высокую волну. словно передо мной распахнулись оконца в запредельное! Можно сказать, что я начал трансцендировать с той поры — безотчетно потянулся к чему-то нездешнему, сказочному.

В 1957 г. в Россию вернулся Ю.Н. Рерих. поэтапно наследие его отца становилось доступным советскому зрителю. Я наблюдал за этим волнующим процессом с самого начала. Собирал статьи, репродукции.

В 1974 г. отмечалось столетие Н.К. Рериха. Был издан том его трудов. Дефицит величайший! Достать книгу мне помог поэт Л.А. Озеров. Она стала для меня откровением. На ее основе я написал статью «Мастер духовного синтеза». Напечатанная в журнале «Север», она была замечена Павлом Федоровичем — с доскональностью профессионального библиографа он отслеживал все публикации на рериховские темы.

Конечно же, понятие «Живая Этика» было у меня на слуху — ореол тайны окружал его. Должен признаться, о книгах Агни Йоги до 1977 г. я не имел ни малейшего представления.

Говорю об этом вот почему: Павел Федорович оценил мою статью как хорошее изложение идей Живой Этики. Не скрою: для меня это было лестно. Очевидно, тексты Рерихов обладают специфической фрактальностью или голографичностью: на основе фрагментов восстанавливается целое. Думается, нечто подобное произошло со мной — получив несколько начальных импульсов, душа спонтанно воссоздала более или менее полную картину.

Вначале у меня наладились почтовые контакты с Павлом Федоровичем. Самым драгоценным подарком в моей жизни стала полученная от него огромная бандероль! Там были различные рериховские материалы.

Павел Федорович удивился тому, что я не читал книг Агни Йоги. Он активно содействовал заполнению соответствующих лакун в моем образовании. У меня всегда был вкус к формированию библиотеки, к созданию архива. Тут у нас с Павлом Федоровичем имелся абсолютный унисон.

Огромную роль в развитии моего интереса к Рерихам — и конкретно: в поиске их изданий — сыграла благословенная Прибалтика.

О, это был своего рода Троянский конь, чье чрево заполняла крамольная литература! Чекисты не могли распотрошить его досконально. По прямому назначению в подневольную Россию была доставлена масса прекраснейших книг. Открыв для себя этот канал, я всемерно эксплуатировал его.

Пятрас Казимирович Иодвалькис — в Литве, Гаральд Феликсович Лукин — в Латвии, Павел Федорович Беликов — в Эстонии: благодарствую им за содействие. Из Прибалтики я всегда возвращался с книжными раритетами.

Вскоре в мой круг вошла «Амаравелла». Дружба с Борисом Алексеевичем Смирновым-Русецким одухотворяла. В беседах с ним я часто ощущал незримое присутствие Н. К. Рериха. Такое же ощущение вызывали контакты с Альфредом Петровичем Хейдоком. Мы тесно сблизились.

Осью и средоточьем чудесно расширившейся рериховской Ойкумены был Павел Федорович.

Мой интерес к Рерихам рос по экспоненте. Я все больше и все увлеченней писал о них. Задумал исследование о институте «Урусвати». Была нужна информация. За таковой поехал в Козе-Ууэмыйза — обиталище Павла Федоровича.

Это было тяжелое для меня время. Только что похоронил любимую бабушку. В Эстонии я нашел утешение и поддержку. С головой ушел в работу. Архив Павла Федоровича казался бездонным. Все время всплывало что-то очень важное. И неожиданное! Хорошо понимаю В. А. Росова, аса архивного дела. Он постоянно переживает радость новых открытий. Что-то очень похожее, но в малом масштабе, я испытал в Козе-Ууэмыйза.

В Эстонии я остро осознал всю необычность миссии Павла Федоровича. Это был великий связной — работал он сразу на двух линиях:

- соединял в пространстве Рерихов с Россией;
- наводил во времени мост между Россией эмигрантской и Россией советской.

Молодость Павла Федоровича прошла в свободной Эстонии. Это впечатление он сохранил навсегда. Про таких совки говорили: чужой. Но ведь это позитив! Едва ли не прирожденная дипломатическая гибкость помогала Павлу Федоровичу быть проводником действительно чуждой советскому строю идеологии. Делал он это мастерски. В глухие брежневские времена благодаря ему началась экспансия рериховских идей. Он стоял у истоков будущего движения — мудро и терпеливо готовил почву для него.

Сильно впечатлила меня методичность Павла Федоровича. Свой обширный архив он держал в идеальном порядке. Казалось, что помнит каждый документ в бесчисленных папках! Это был архив-система, архив-организм. В нем отражался, воспроизводился многогранный и гармоничный внутренний мир Павла Федоровича. Собираание архива: это нетривиальный вид творчества. Здесь тоже действуют законы красоты.

Козе-Ууэмыйза оставила в душе светлый след. В моем восприятии она вы-

падала из советской действительности — воспринималась отдельно от нее: как бы на отшибе — в некоем суверенном пространстве, недоступном для секторов и прочей дряни. Будто я попал на свободный Запад! Здесь работал механизм идеализации? Но возможна и своеобразная инерция: Эстония подспудно сохраняла память независимости. Неисповедимо это преломилось и в личности Павла Федоровича.

В 1979 г. Павел Федорович с сыном Кириллом гостил у меня. Карелия очаровала его. Он воспринимал ее сквозь призму Н. К. Рериха. Я как раз писал о сортавальском периоде в жизни мастера. Некоторые мои интерпретации его картин были крайне субъективными. А потому и спорными. Никогда не забуду той деликатности, с какой Павел Федорович поправлял меня. Свыше он был наделен покоряющей интеллигентностью. Простота и доступность сочетались в нем с подлинным аристократизмом духа.

В 1981 г. Павел Федорович помог мне встретиться со Святославом Николаевичем.

Беседа состоялась в отеле «Советский». Это бывший «Ярь». Уже после падения коммунизма в прессе появились сообщения о том, что КГБ записывало все разговоры, которые вел высокий гость из Индии. Значит, и я сподобился этой чести? И приятно, и гнусно. Хотелось бы прослушать давнюю запись. Однако вряд ли доживу до такого уровня свободы, когда доступ к документам этого рода станет возможным.

Запомнилось, как Павел Федорович дирижировал временем контактов, расписанных до минуты. Он хотел, чтобы со Святославом Николаевичем общалось как можно больше людей — и все делал для этого.

Морозом по росткам рериховских начинаний ударил приход к власти Ю. В. Андропова. Мрачная, отвратная, реакционная фигура!

Начались депрессии.

Появились первые новомученики рериховского дела.

Это были увлеченные неофиты, чистой воды романтики. Увы, порой с авантюристическими склонностями. Часто их прожекты были крайне наивными, утопичными. Ну разве нужны ленинскому ЦК КПСС консультации Шамбалы? А ведь на необходимости таковых настаивали пусть искренние, но утратившие способность к саморефлексии фанатики — адекватно отражать реальность они не умели и не хотели.

Павел Федорович тяжело переживал коллизии этого рода. Он был прав в своем убеждении: поспешность лже-миссионеров Шамбалы с их непомерными амбициями вредит делу. Все нелады обитатель далекого Козе-Ууэмыйза принимал близко к сердцу. Создавалось ощущение, что он брал на себя ответственность за все рериховское дело в целом — даже за те его участки, где не имел никакого влияния. Постоянно возраставшее нервное напряжение ускорило уход Павла Федоровича.

Особо хочу отметить великодушие Павла Федоровича. Он умел прощать. Была у меня перед ним вина. И вот какая.

Павел Федорович доверил мне «Надземное». На условиях конфиденциальности.

Как-то Альфред Петрович Хейдок спросил меня о том, не располагаю ли я текстом «Надземного» — очень ему хотелось прочесть заветную книгу.

Передо мной возникла мучительнейшая антиномия.

Будто я оказался на дыбе.

Возможно ли нарушить слово, данное П. Ф. Беликову?

Возможно ли солгать А. П. Хейдоку?

Дилемма решалась на уровне бессознательного.

Внутренний голос подсказывал: открытость лучше закрытости — отдача предпочтительней утаивания.

Импульсивно и спонтанно вопрос был решен в пользу Альфреда Петровича. Он получил чаемый том. И тоже на условиях конфиденциальности. Однако масштабно нарушил их по причине своей бесконечной доброты.

Началась экспансия «Надземного».

От Павла Федоровича я не услышал ни одного слова упрека. Наши отношения ничуть не омрачились. С тех пор я укрепился в убеждении: засекречивать нужно как можно меньше — собственничество, монополия на владение тайной несовместимы с подлинной духовностью. Фашистская по своей сути травля В. А. Росова дает тому драматическое свидетельство.

Недавно МЦР издал письма Павла Федоровича. Благое дело! Есть там и письма ко мне. Одного из их мотивов хочу сейчас коснуться. Речь идет о выходявшей тогда из-под моего пера Крита-Йоге.

В 1977 г. я был свидетелем петрозаводского НЛЮ. Проблема контакта с внеземными цивилизациями со школьных лет волновала меня. Моделирование этих контактов стало моим увлечением. Воспитанный на фантастике И. А. Ефремова, я форсировал не только вхождение в структуру Великого Кольца, но мечтал и о трансгалактических коммуникациях. Более того: увлеченный идеей множественности Вселенных, я пытался представить миры с другой онтологией и физикой — мысленно входил в эти миры и вел оттуда репортажи.

Это была игра?

Я раскованно фантазировал?

Меня поразила мысль Е. И. Рерих о том, что для самой смелой фантазии в беспредельности обязательно найдется прототип — за креативным воображением может скрываться считывание реальной информации.

Да, я был контактером — но никак не псевдологом: теперь я бы сказал, что мне удавалось выходить на уровень архетипов — общаться с ними и проявлять в образах.

Из этих опытов родилась Крита-Йога.

Мои импровизации иногда записывала незабвенная Елена Кондратьевна Андреева, благородный и самоотверженный апостол Рерихов.

Записи эти уходили в самиздат. Часто в своем вольном хождении они причудливо трансформировались. Не знаю, где и когда, но однажды возник миф, будто я имею претензии на то, чтобы продолжить миссию Елены Ивановны.

Конечно, это нелепица.

Во-первых, мне чуждо эпигонство в любой его форме — я считаю себя вполне самодостаточным поэтом и философом.

Во-вторых, нескромные притязания всегда вызывают у меня резкую идиосинкразию — терпеть не могу болезненных амбиций.

В-третьих, я слишком уважаю Рерихов, чтобы чем-то дополнять их или подвергать ревизии — они сотворили совершенный космос, вызывающий во мне трепет и восхищение.

Крита-Йога поссорила меня со многими рериховцами. Однако Павел Федорович проявил здесь понимание и мудрость. Об этом свидетельствует переписка.

Уже тогда я понял — поверх всех своих маленьких обид и недоразумений — что рериховскому движению грозит опасность: к нему так и липнут фанатики с диктаторскими замашками. Тогда это были первые симптомы. Сегодня мы видим широкую картину прогрессирующей деградации. Обидно! Но я верю в Ренессанс рериховского дела. Оно начнет подниматься на той здоровой основе, которую заложили люди типа П. Ф. Беликова или Б. А. Смирнова-Русецкого, носители европейской культуры.

Я бы сказал так: Павел Федорович представлял в рериховском движении либеральный фланг — это был свободномыслящий и терпимый к поискам интеллигент. Являя дар Всевмещения, он вместе с тем сохранял твердость и последовательность в нравственных убеждениях — Рерихов не адаптировал к потребности дня, в тяжелейших условиях держал свой курс уверенно и четко.

Однажды я спросил Павла Федоровича о локализации Шамбалы. Тогдашний его ответ поразил меня:

— *Шамбала везде.*

Это был ответ в духе платонизма.

Мы не раз обсуждали с Павлом Федоровичем вот какую проблему: Агни Йога является в равной степени детищем Востока и Запада — однако наше ее восприятие асимметрично: преобладает азийский уклон. Экзотика часто первенствует над сущностью. Живая Этика еще не прочитана в России по-настоящему.

Очень и очень не хватает Павла Федоровича Беликова.

Апрель 2011.

Петрозаводск. Карелия.

Андрей Юшков
ЧУТКОСТЬ СОТРУДНИЧЕСТВА

Без всякого преувеличения можно сказать, что Павел Федорович был уникальным рериховедом, коему не было равных в нашей стране. (...) О таких деятелях, как он, надо знать и говорить [1].

Н. Д. Спирина

Вспоминая о Павле Федоровиче Беликове, Наталия Дмитриевна Спирина, близко знавшая его, в своем слове «О друге» писала: «Говорят, что время залечивает раны и помогает забыть пережитое горе; но так бывает не всегда. Не проходит боль утраты, не приходит забвение, когда тот, кого больше с нами нет, незаменим. Когда нужность его ощущается постоянно — в самых важных и насущных делах. Таким был и остался для нас Павел Федорович Беликов — верным другом, мудрым советчиком; человеком, с которым было хорошо работать и общаться, говорить и переписываться, радоваться и печаловаться. (...)

В личном общении он был простым, обаятельным и приветливым человеком, обладавшим большим чувством юмора, очень интересным собеседником, доброжелательным и терпимым к сотрудникам и суровым обличителем врагов Света и Знания, которых он отлично распознавал под всеми их многообразными личинами. Причем он был всегда объективен в своих оценках и обосновывал их на критериях Живой Этики. (...)

В прошлом, когда у нас о Рерихе еще почти ничего не знали, он проложил путь к изучению его жизни и творчества, приблизил его к нам» [2].

Павел Федорович Беликов родился 29 июля 1911 года в городе Нарва в Эстонии. С молодых лет его привлекали философия, литература, искусство, а работать ему довелось грузчиком, ткачом, помощником мастера на прядильной фабрике. Затем получил образование в Ленинграде. С 1932 года принимал деятельное участие в литературных организациях, выступал с докладами, печатался в местных газетах и журналах, давал библиографические обзоры советских книг. С 1937 года — возглавил представительство советской книги в Эстонии — «Международная книга».

Будучи по характеру работы в курсе советской научной востоковедческой литературы, высылал Н. К. Рериху и его сыну Юрию Николаевичу в Индию заказанные ими книги. Неожиданно получил от Николая Константиновича письмо. Так началось их многолетнее и плодотворное сотрудничество.

Много лет спустя Павел Федорович писал: «Большой, не знающий предрешений ум, целеустремленность, вера в людей, необычайная организованность, участливость и внимание к человеку совмещались в Рерихе с громадной творческой силой и широчайшим, как теперь говорят, «комплексным»

охватом происходящих в мире событий. Увидеть в малом большое и не потерять в большом малое — это было какое-то особое свойство Рериха, которое я лично испытал на себе. Ведь ему было за шестьдесят, а мне только 25 лет, когда мы интенсивно переписывались. Он был художником, ученым и культурным деятелем мирового масштаба, я же только что вступил на самостоятельный жизненный путь. И, давая мне очень многое, он ни разу не дал почувствовать различие наших положений» [3].

Сам Павел Федорович в своей жизни следовал примеру Николая Константиновича. «В нем была удивительная черта, особенность его характера, — он не прятал свои материалы, собранные десятилетиями, он их предоставлял каждому, кто ими интересовался, делал это охотно, доверчиво, искренне, — писал известный журналист Евграф Кончин. — Я чрезвычайно ему благодарен за помощь, за то, что он, пожалуй, первый открыл мне Рериха. Я благодарен судьбе, которая дала мне возможность познакомиться с замечательным человеком...» [4]. Об этих же прекрасных качествах Павла Федоровича Беликова писала Н. Д. Спирина: «Все наши проблемы, нужды и дела находили незамедлительный отклик у Павла Федоровича. Он безотлагательно откликался на наши запросы и, имея огромный житейский опыт и знания, подавал всегда помогавший нам мудрый совет. Он щедро делился своими обширными и точными знаниями всего, что касалось Николая Константиновича Рериха и его наследия» [5].

Еще с середины 1930-х годов его основные интересы сосредоточились на творчестве, культурной и общественной деятельности Н. К. Рериха. Павел Федорович становится одним из организаторов Рериховского Общества в Таллинне, начинает собирать материалы о жизни и творчестве семьи Рерихов, ведет обширную переписку. «В настоящее время архив, собранный П. Ф. Беликовым, составляет около 4-х тысяч документов, статей, фотографий, отображающих с наибольшей полнотой творческую деятельность семьи Рерихов» [6]. Благодаря самоотверженному «труду, энергии и мужеству ему удалось, с немалым уроном [7] — в застойные времена — издать книгу о Николае Рерихе в серии «Жизнь замечательных людей», которая до сих пор является главным пособием для изучающих жизнь и творчество этого великого художника и мыслителя» [8]. Впоследствии эта книга была переведена на бенгальский, непальский, румынский и литовский языки. «Павел Федорович написал также немало прекрасных статей о Рерихах и начал уникальный труд по созданию духовной биографии семьи Рерихов. То, что этот труд остался незавершенным, — огромная потеря для нас. Но и то, что он успел сделать, принесло благие плоды» [9].

Незадолго до своего ухода Павел Федорович писал Наталии Дмитриевне Спириной: «Продолжаю работу над «Духовной биографией Рериха». Больше 200 страниц уже написано, а задумано страниц на 500. Работа требует сосредоточенности» [10]. Следует отметить, что в этот период, вследствие болезни, некоторое время ему пришлось писать левой рукой, но он мужественно преодолевал недомогание. При этом ему нужно было отвечать на многочис-

ленные письма, которые шли со всех концов света, из музеев и обществ имени Н. К. Рериха в США, Великобритании, Франции, Индии.

В свое время Павел Федорович консультировал создателей документального фильма о Рерихе на киностудии «Киевнаучфильм» (режиссер — Р. Григорьева), а также оказал огромную помощь в создании в 1982 году еще одного фильма о Рерихе (режиссер — Ю. Белянкин). Автор сценария этого фильма — Виктор Жданов — вспоминал об этом: «Поначалу была не смелость, а робость. Чувство известной уверенности пришло позже, после многих встреч с интереснейшими людьми, так или иначе связанными с Рерихом. Одним из них был Павел Федорович Беликов... Мы встретились с ним, к сожалению, поздно, когда он был уже тяжело болен. Но его советы все-таки дали нам очень много, и хотя он не смог непосредственно участвовать в работе над фильмом, в титрах стоит его имя, как консультанта» [11].

Мне посчастливилось общаться с Павлом Федоровичем с середины 70-х годов, во время его приезда в Новосибирск на «Рериховские Чтения», и во время моих приездов к нему в Коце-Ууэмыйза (Эстония), а также и по переписке. Познакомила нас Наталия Дмитриевна.

В нем, наряду с другими прекрасными качествами (устремление к Высшему, находчивость, подвижность и др.), было еще одно ярко выраженное качество — чуткость сотрудничества. И так же, как в свое время Н. К. Рерих по отношению к нему, сам Павел Федорович по отношению ко мне, тогда достаточно молодому человеку, «ни разу не дал почувствовать различие наших положений».

Кроме непосредственно рериховской, нас объединила тема творчества в самом широком смысле, которая была ему тоже очень близка. Павел Федорович был глубоким знатоком литературы, философии, живописи; он потрясающе читал стихи, обнаруживая богатейшую эрудицию, в том числе — в знании мировой поэзии. Павел Федорович открылся мне не только как уникальный исполнитель, но и как слушатель поэзии.

Слушая исполнение стихов и песен, он, неизменно закрыв глаза, всем существом отдавался восприятию, глубоко переживая каждое мгновение и каждый нюанс исполняемого, иногда слегка покачиваясь в такт и решительно кивая, как бы утверждая тот или иной мыслеобраз, что очень усиливало творческую атмосферу, тем более, что во всем этом не было ни тени искусственной экзальтации, но было глубоко, серьезно и убедительно. Рядом с ним всегда ощущалось присутствие того Высокого и Значительного, что присуще только истинной духовности.

Чутко и бережно поддерживая искру творчества в собеседнике, Павел Федорович щедро делился своим духовным опытом. Так в одном из писем ко мне, давая тончайший сопоставительный анализ стихотворений Николая Гумилева и Иннокентия Анненского на тему творчества, он открыл для меня еще одно замечательное, но, к сожалению, малоизвестное явление в поэзии — творчество Б. Тагго-Новосадова. Павел Федорович писал: «Борис Тагго-Новосадов — очень талантливый поэт. Был хорошим моим знакомым и дру-

гом. К сожалению, умер рано, в расцвете творческих сил. В Таллинне было издано только два его сборника. У меня имеются некоторые его неопубликованные стихи. Вот одно из них, написанное в 1937 году:

*Пусть Музы губят наши чувства,
Пусть это — отблеск, а не свет.
Но ничего на свете нет
Святее тайного искусства.*

*Овладевая вещей речью,
Слагать певучие стихи
И претворять свои грехи
Во что-то свыше-человечье.*

*Во что-то без причин и цели,
Во что-то данное Богам,
Во что-то равное громам
Или пастушеской свирели» [12].*

...До конца своих дней Павел Федорович переписывался со Святославом Николаевичем Рерихом и неизменно сопровождал его в поездках по нашей стране. Павел Федорович начал работу над книгой о жизни и творчестве С. Н. Рериха, но, к сожалению, не успел ее закончить. В одном из писем к Беликову С. Н. Рерих писал: «Я очень ценю Ваши мысли и Ваш труд. Ваш подход к моему искусству правилен именно потому, что Вы мыслите свободно и глубоко и Вы видите гораздо больше, нежели многие так называемые критики» [13].

Несмотря на многоплановость своей деятельности (обширная переписка, редактирование объемных рукописей и др.), Павел Федорович очень многое предусматривал и старался извлечь из всех обстоятельств максимальную пользу для общего дела. Так, сознавая особое предназначение Сибири для будущего и ее мощный культурный и научный потенциал, Павел Федорович приложил немало усилий для пробуждения у сибиряков глубокого интереса к научно-философскому и художественному наследию семьи Рерихов. Он был неизменным участником и организатором «Рериховских Чтений» в Новосибирске. Большой интерес представляет многолетняя переписка Павла Федоровича с Наталией Дмитриевной Спириной. Так, он писал ей по поводу очередного издания сборника «Рериховских Чтений»: «Еще одна строка вписана Новосибирцами в летопись деятельности Н. К. [Рериха]. Хвала им и честь за преданность делу Н[иколая] К[онстантиновича]. Уверен, что и в дальнейшем будет так же!» [14]

Как актуальны сейчас слова П. Ф. Беликова: «Каждый век имеет свои задачи и свой собственный ключ к Необъятной Истине. О прошлом надо знать, но прошлым нельзя жить» [15]. «Наша эпоха принесла осознание реальности необъятного мирового пространства. (...) Но чем заполнит это пространство человек? Прекрасным!» [16]. «Мы иногда забываем, что в широком народ-

ном понимании искусство есть, прежде всего, Красота» [17]. «...Путь в Космос идет через познание Красоты, а ключами от врат Беспредельности является человечность» [18]. «Народное творчество показывает, что народ ждет от искусства не только той реальности, которая его окружает, но и той, которой еще предстоит себя окружить. В народе заложена перспектива будущего. Он в существе своем бессмертен» [19]. «Неомрачаемая радость свободного труда — это будущее, слагаемое нашими руками» [20]. «Каждый день зовет к решению неотложных задач. Исполненная неотложность наполняет чашу жизни и творит земной подвиг. (...)...Было указано: «Руками человеческими»... Поможем Руке Помогающей» [21].

-
1. Спирина Н. Д. Отблески, 1991. Екатеринбург, 1997. С.17.
 2. Там же.
 3. Утренняя Звезда. Альманах МЦР. М., 1997. С.189-190.
 4. Там же. С.186.
 5. Спирина Н. Д. Отблески, 1997. С.17.
 6. Рериховские Чтения. (Материалы конференции). Новосибирск, 1983. С.3.
 7. Книга была издана со значительными сокращениями.
 8. Спирина Н. Д. Отблески, 1991. С.17.
 9. Там же. С.17.
 10. Из письма П. Ф. Беликова к Н. Д. Спириной от 04.08.1981. Архив Н. Д. Спириной.
 11. О прошлом память сохрани... // Сборник сценариев док. телефильмов. М., 1984. С.23.
 12. Из письма П. Ф. Беликова к А. П. Юшкову от 20.11.1979.
 13. Рериховский вестник. Январь — декабрь, 1990. С-Пб. — Извара, 1991. С.17.
 14. Из письма П. Ф. Беликова к Н. Д. Спириной от 12.08.1980. Архив Н. Д. Спириной.
 15. Из письма П. Ф. Беликова к Н. Д. Спириной от 04.05.1979. Архив Н. Д. Спириной.
 16. Беликов П. Ф. Красота — закон творчества // Рерих С. Н. Свет искусства. М., 1994. С.16.
 17. Там же. С.15.
 18. Там же. С.16.
 19. Там же. С.7.
 20. Рериховский вестник. Январь — декабрь, 1990. С.10.
 21. Держава Рериха. М., 1994. С.331-332.

Июль 1998 — июнь 2011 гг.

Владимир Ничипорук О ЧУДЕСАХ В (МОЕЙ) НАШЕЙ ЖИЗНИ

Когда тебе под 70 и когда ты понимаешь, что большая часть жизни прожита..., тогда приходит желание, необходимость остановиться, оглянуться вокруг, в прошлое и перевести дыхание.

Оглянувшись, видишь неповторимые вехи своей жизни — прекрасное, драгоценное ожерелье чудес.

Чудо первое. Зачатие человека. Что тут говорить?! Это самое величайшее чудо на Земле, а может, и во Вселенной...

Душа — Божественная частица Света, строя себе маленькое тельце, формируя органы, системы и части тела в утробе матери, постепенно забывает «кто Она, откуда и для чего». Будучи занятой построением тела — храма души, постепенно начинает познавать мир и адаптироваться к жизни в земных условиях. И вот, когда храм телесный для души сооружен, наступает время рождения — перехода родовыми путями из водной среды на сушу. Первые мытарства на Земле.

Второе чудо — рождение! Пространство, созвездие, планеты, хронос — все живое свидетельствует появление человека на Земле. В определенное время, в определенном месте (культуре, традиции, с определенными кармическими задачами по Воле Бога).

Для того, чтобы осознать, исполнить свое кармическое предназначение и, по возможности, реализовать свою Божественную природу в социуме, необходимо вести здоровый образ жизни, соблюдать духовные основы/заповеди.

Наш практический опыт показывает, что можно выделить 3 основных периода самореализации.

Первый период — самопознание. На этом этапе homo sapiens овладевает своим телом, изучает свою природу, психофизиологию. Первый этап может длиться всю осознанную жизнь. Но, к сожалению, многие люди завершают его в 12-18 лет. В это время многое зависит от семейного воспитания, воспитания в детском саду, школе, вузах. Одна из главных задач первого периода — пробудить интерес и желание изучать свою природу, свои возможности, стремиться к гармонии внутри себя.

Второй период — социальный. На этом этапе молодые люди готовятся к вхождению в общество, приобщаются к нему, ищут свое место в социуме для дальнейшего физического и духовного развития. Открывают в себе таланты, скрытые возможности, осознают и реализуют их, приходят к гармоническому отношению с обществом, окружающей средой и внутри себя. Этот период начинается в школьном возрасте и может длиться всю осознанную жизнь. Для реализации этого этапа многое зависит от государства, в котором проживает человек — его идеологии и законодательства.

Третий период — космический/вселенский. На этом этапе человек откры-

вает в себе внутренний Космос, безграничность Вселенной и внутренние скрытые творческие возможности. Человек осознает и ощущает себя частью космического пространства (а космическое пространство частью себя) и строит свое бытие в соответствии своих возможностей и законов Космоса.

Этот период может наступить в любое время, в любом возрасте. К сожалению, очень малое число homo sapiens реализует его в повседневности. Реализация этого этапа, на наш взгляд, зависит от внутренней культуры и духовной чистоты человека, от науки, философии, культуры и религии своего народа.

Чудо третье. Встреча с Учителем — Путником духовной тропы. Эта встреча чаще всего бывает неожиданной для ищущего духовную тропу. «Если ученик готов, Учитель будет», — так говорит восточная мудрость. И вот наступает этот чудесный момент Встречи. Насколько мгновенно происходят внутренние расстановки, исчезают вопросы, приходит уверенность в нахождении Наставника, Путника, Друга, Учителя и начала своей духовной тропы в этой жизни! Мне очень посчастливилось на встречи с такими прекрасными людьми. Особенно значимым для меня было знакомство с творчеством замечательной семьи Рерихов. Большое влияние на меня оказало знакомство с Павлом Федоровичем Беликовым в 1974 году в Москве, и Наталией Дмитриевной Спириной, состоявшееся в Киеве летом 1978 года. Наталия Дмитриевна Спирина пребывала с творческим визитом в Козе-Ууэмыйза (Эстония). Павел Федорович, надо полагать, ей рассказал о молодой киевской группе, изучающей Учение Живой Этики (УЖЭ) и в меру своих возможностей реализующих многое на практике. Конечно же, это заинтересовало Наталию Дмитриевну, тем более, что она никогда не была в Киеве — этом древнем городе — колыбели Киевской Руси. Произошел обмен телеграммами. Уточнены сроки прибытия самолета Таллинн — Киев. И вот встреча состоялась. Наталья Дмитриевна держалась несколько настороженно и сдержанно, как строгая учительница со школьниками. Но ее выдавали светящиеся восторгом и радостью глаза. Мы подружились. Попросили Наталью Дмитриевну рассказать о себе. На что Наталия Дмитриевна уточнила: «Это что, допрос?» Но услышав от нас, что нам интересна жизнь людей изучающих и реализующих на практике Агни-Йогу, тем более человека, который жил за границей Союза¹, Наталия Дмитриевна улыбнулась и начала свое повествование о Пути, об УЖЭ, о Елене Ивановне и Николае Константиновиче Рерихах и их роли в ее жизни. Она очень коротко обмолвилась и о том, что в Новосибирске тоже есть люди, интересующиеся творчеством Рерихов и УЖЭ². Так между нами завязалось деловое сотрудничество, переписка — краткие деловые письма. Обмен журналами, газетными вырезками, информацией... И огромное расстояние между Новосибирском и Киевом на духовном плане сократилось, сблизилось, исчезло...

С П. Ф. Беликовым у меня были очень глубокие отношения, тесное сотрудничество, крепкая многолетняя дружба «старшего» и «младшего», «бывалого» и «начинающего» свой поиск духовной тропы. После знакомства в Москве на выставке С. Н. Рериха у нас была связь с Павлом Федоровичем

в основном через письма, иногда телефонная, но больше всего мы ценили наши встречи, которые длились один — два, а иногда и три дня. Мы заранее договаривались о встрече, так как к Павлу Федоровичу приезжали многие из всего Советского Союза.

Не скажу, что у меня были какие-то тайные вопросы, которые нельзя было доверить письмам, но, тем не менее, наступало время и меня «тянуло» к Павлу Федоровичу как будто магнитом. Наши встречи были очень теплыми и сердечными. Несколько раз мне приходилось подбирать Павлу Федоровичу физические и дыхательные упражнения для утренней гимнастики и для вечерних занятий с целью снятия психоэмоционального напряжения. После обеда у нас были прогулки в лесном парке по гравиевой дорожке. Во время прогулок Павел Федорович рассказывал последние новости из жизни Святослава Николаевича Рериха и о «рериховском» движении в Союзе, а я рассказывал о деятельности нашей киевской группы. Затем мы переходили к некоторым вопросам УЖЭ. Однажды у нас был разговор об опасности занятий хатха- и раджа-йогой — о чем упоминала Елена Ивановна в письмах и встречалось упоминание в книгах Агни-Йога. На что я ответил как врач по лечебной физкультуре, имеющий многолетний опыт занятий хатха- и раджа-йогой, что характер жизнедеятельности человека изменился. Исчезли физические нагрузки, так как на смену мышечному труду пришли механизмы. И если не тренировать наш организм, то будет перегрузка верхних центров — чакр и недогрузка нижних. Исчезнет баланс. Гиподинамия приведет к уменьшению психофизической работоспособности, снизится иммунитет, уменьшится коэффициент самоотдачи, появятся болезни. Занимаясь асанами, дыхательными упражнениями (пранаяма) и аутогенной тренировкой тело (весь организм) дисциплинируется и не мешает заниматься медитациями (раджа-йога). А УЖЭ не догма и задача каждого из нас дополнить Живую Этику своим опытом и развивать ее дальше. Тем более, что занятия хатха- и раджа-йогой не преследовали цели развить сиддхи (психические феномены), а только лишь более глубокое познание себя, своей сути и своего высшего Я. Павел Федорович согласился с моими доводами.

С Павлом Федоровичем Беликовым было настолько легко контактировать и общаться (словесно и молча), что совсем не чувствовался тот огромный объем знаний, выполненной и выполняемой им работы (внутренней и внешней) с ее глубиной, полнотой и последовательностью, организационной помощи, консультаций, подсказок, поддержек. Многочисленные поездки, встречи, выступления и дискуссии, не всегда с доброжелательными оппонентами. Этот высокоорганизованный, неутомимый труженик всегда с огромным энтузиазмом и радостью встречал нас, щедро делился литературой, знаниями и энтузиазмом, которого ему было не занимать. Многие из нас, тогда еще молодых и малоопытных, не замечали его перенапряжения и мало кто думал о том, чтобы побересть его время и силы. Ведь Павел Федорович был уже немолодой, давно за 60.

Однажды, это было в конце ноября 1979 года, я имел «видение» тревожно-

го характера и возвратившись в обычное состояние, почувствовал, что с Павлом Федоровичем случилась беда. Вскоре мое предчувствие подтвердила письмом Галина Васильевна — жена Беликова, в котором она сообщила, что Павел Федорович с инсультом находится в больнице. После возвращения П. Ф. Беликова из больницы домой, я вскоре приехал в Коже-Ууэмыйза. Мы начали делать массаж, занимались лечебной гимнастикой и гуляли. Здоровье Павла Федоровича восстанавливалось очень медленно. Павел Федорович сказал, что у него осталось мало времени и ему необходимо успеть закончить «Духовную биографию Рерихов», над которой он уже работал до инсульта. Печатая на машинке одним пальцем левой руки, он быстро уставал. А потом пошли ухудшения и осложнения общего состояния. Время пребывания Павла Федоровича на Земле истекало... истекло.

Пребывая в горах, мы воспринимаем их как-то локально, фрагментарно. И только оставив горы, уйдя от них на большое расстояние, начинаем видеть их красоту, осознавать и частично понимать их величие и значимость в Пространстве. Так можно сказать о Павле Федоровиче Беликове, о значимости его труда, собирателя, накопителя, обобщения и опубликования многоплановой консультативной и организационной работы. Им за многие годы получено и прочитано масса писем и столько же написано ответов.

Прошли годы. И оглядываясь назад, виден огромный масштаб той гигантской работы, которую выполняли Павел Федорович и Наталия Дмитриевна. Они активно трудились и общались со своими сверстниками. Особенно радовались приходу молодежи. Молодые люди постепенно брали часть «их работы» на свои плечи, пока еще не очень умело. Опыт, навык и качество выполняемой работы к ним пришли позже, в конце второго и начале третьего тысячелетий. Так собранное за многие годы, сбереженное, обработанное и посеянное зерно духа творчества и красоты дало обильные всходы. Обрабатывать далее эту духовную ниву, приумножить ее и передать новому поколению — наша задача — ответственность большая.

Чудо четвертое. Нашему поколению посчастливилось жить в конце XX и начале XXI века, в конце второго и в начале третьего тысячелетия, в конце эпохи Рыб и в начале эпохи Водолея! — Вселенский Перекресток Веков, Тысячелетий и Эпох! Событие-то какое! Праздник-то какой! Огромная возможность духовного роста и труда!

Киев, 8 января 2011 года.

Из книги «Письма Наталии Дмитриевны Спириной» — Одесса, 2011.

Публикуется по авторскому тексту, присланому специально для раздела «Век П. Ф. Беликова» В. И. Ничиторуком, врачом-реабилитологом, зам. директора Украинского центра спортивной медицины МЗ Украины, заслуженным врачом Украины (г. Киев).

1. До 1959 года Н. Д. Спирина жила в Харбине (Китай).
2. В то время открыто о йоге говорить было нельзя. КГБ СССР, мягко говоря, такие разговоры не поощрял и даже наоборот — людей, интересующихся йогой, брали «на карандаш», на учет, как инакомыслящих и потому — опасных...

Владимир Ничипорук
КИРИЛЛ БЕЛИКОВ – МОЙ СВЕРСТНИК

В начале моей переписки с Павлом Федоровичем Беликовым мне стало известно, что у него есть дочь Лена и сын Кирилл. С Леной я познакомился в один из первых своих приездов к Павлу Федоровичу, а с Кириллом — встретился несколько позже. Как-то в мой очередной приезд в Козе-Ууэмыйза, я застал Кирилла у Павла Федоровича, и мы познакомились. Первое впечатление — очень спокойный, внимательный (сосредоточенное лицо), со светлыми живыми глазами (искренний, доверчивый взгляд). Не чувствовалось, что он хочет казаться значимым сыном известного отца. И хотя мы были сверстниками, Кирилл выглядел несколько старше своих лет. Мы подружились и поддерживали отношения. Кирилл внутренне во многом был похож на своего отца. При встречах и общении с ним чувствовалось единство в мыслях и взаимопонимание, как и при общении с Павлом Федоровичем.

Наше словесное и молчаливое общение было задушевным, как с Павлом Федоровичем, так и с Кириллом.

Когда у Павла Федоровича случился инсульт, Кирилл активно включился в работу, всячески помогая отцу. Он, практически, взял на себя всю переписку с многочисленными корреспондентами Павла Федоровича. Когда я приезжал к Павлу Федоровичу в период восстановления его правой руки после инсульта, то Галина Васильевна и Кирилл радостно меня встречали — возможно, ощущая мое участие и помощь как человека, как врача, которая им была так необходима. Ведь Павел Федорович был сильной личностью, опорой для жены и детей, и вдруг такой человек теряет здоровье, энергию и работоспособность. Конечно же, семья была обеспокоена таким состоянием Павла Федоровича. Кирилл интересовался деятельностью отца и всегда сопровождал его при поездках на встречи со Святославом Рерихом и Дэви-кой Рани во время их пребывания в Москве.

За период болезни Павла Федоровича и ухода его из жизни, Кирилл внутренне очень возмужал, осознал важность работы, которую выполнял отец, и взял ношу отца на свои плечи. Очевидно, Кириллу были даны дополнительные светлые силы для продолжения этой работы. Можно сказать, что ему досталась одна из важных задач — он должен был продолжить и, возможно, завершить начатое Павлом Федоровичем. Но разве можно тему Рерихов завершить? И разве хватит сил у кого-то одного, чтобы эту тему охватить? Тема Рерихов беспредельна, бесконечна, всегда нова и актуальна. И, очевидно, нужно быть очень закаленным и зрелым, как Павел Федорович, как Н. Д. Спирина, чтобы многие годы нести Весть о Рерихах, нести их Слово о Духовной целесообразности в нашей повседневной жизни, Слово о Красоте и Преданности Служения силам Света.

Из письма Кирилла от 23.04.1991 года: «Дорогой Владимир, спасибо тебе

большое за присланные материалы. Если сможешь, отними из 12 номера (речь идет о журнале «Радуга», — В. Н.) только текст из «АУМ». Тогда он будет полностью. <...> Хочу собрать полностью учение для Гали, а также в архив. Архив отца постоянно пополняется. Передавать его куда-нибудь в гос. учреждение, или в фонд я сейчас не собираюсь. Понимаешь, сюда (в Козе-Уэмыйза, — В. Н.) многие приезжают, пользуются всем этим материалом, происходит живое общение, и архив не лежит «мертвым грузом».

И Кирилл, как мог, изо всех сил, продолжая дело отца, помогал рериховскому движению, которое быстро развивалось в Советском Союзе.

У Кирилла была очень тонкая, чувствительная организация души. Он был открытым, отзывчивым человеком и, очевидно, где-то не рассчитал свои силы. Израсходовал всего себя раньше времени... И ушел.

О Кирилле у нас осталась очень живая и светлая память.

Киев, 13 июня 2011 года.

Из книги «Письма Кирилла Павловича Беликова», Одесса-2011.

Публикуется по авторскому тексту, присланому специально для раздела «Век П. Ф. Беликова» В. И. Ничипоруком, врачом-реабилитологом, зам. директора Украинского центра спортивной медицины МЗ Украины, заслуженным врачом Украины (г. Киев).

А. А. Шпунт
ОДНА УЛЫБКА

*«Правдивость есть
фундамент духовной жизни».*
Альберт Швейцер

Павлу Федоровичу меня представила Наталия Дмитриевна Спирина в своем доме в октябре 1976 года. Это было время Первых Рериховских Чтений в Новосибирске. В первый день Чтений Павел Федорович выступил с докладом «Последняя научно-исследовательская экспедиция Н. К. Рериха». Он закончил выступление эмоциональной декламацией: «И когда наконец корабли марсиан/У земного окажутся шара,/То увидят сплошной золотой океан/И дадут ему имя Сахара». Потом я узнал, что это последние строки стихотворения Николая Гумилева «Сахара», а еще потом, что Гумилев принадлежал к числу любимых поэтов Павла Федоровича. А тогда ясно почувствовалось, что экологическая проблема, сравнительно недавно появившаяся на отечественном небосклоне, глубоко задевала докладчика.

Конференция проходила в старом здании Новосибирской картинной галереи. После ее окончания в двух помещениях, анфиладой примыкавших к конференц-залу, были накрыты два длинных стола для банкета. В то время банкет был обычной принадлежностью значительных конференций.

Павел Федорович оказался за столом далеко так, что я видел его через дверь как бы сзади сбоку. И вот, словно почувствовав мой взгляд, он слегка повернул голову и добро, ласково мне улыбнулся. И было в этой улыбке что-то такое сверхотцовское теплое, что я ни тогда, ни теперь не могу передать словами, и что при воспоминании греет всю жизнь.

Потом были еще встречи, но вершиной всех впечатлений осталась эта улыбка. И мечта моей жизни — ее оправдать.

Недавно Алексей Николаевич Анненко обратился с просьбой написать о Павле Федоровиче к 100-летию со дня его рождения. При встречах с Павлом Федоровичем, к сожалению, нечастых, всегда чувствовалась идущая от него эта вот отцовская теплота. И была очевидна доброта. С добротой его естественно созвучно проявлялась простота. Опять же, чувствую невозможность передать этот сплав доброты, простоты и высоты духа; но преобладало все-таки идущее почти на уровне физического ощущения тепло.

В общении со всеми непременно присутствовала доброжелательность. Теперь ее можно увидеть в переписке Павла Федоровича, опубликованной в 2003 году в двух книгах капитального трехтомника «Непрерывное восхождение». Доброжелательность, желание помочь и исключительно добрый взгляд присутствуют в содержании писем и явствуют из самого их общего числа. Ради помощи письмами Павел Федорович откладывал оформление

своих творческих замыслов. В результате его большой труд о Святославе Николаевиче Рерихе увидел свет уже после ухода Павла Федоровича с земного плана жизни (Святослав Рерих. Жизнь и творчество. М: МЦР, Мастер-банк — 2004). А чрезвычайно ценная для всех нас повесть-исследование «Рерих (Опыт духовной биографии)» осталась неоконченной. Вот и получилось, что объем переписки более, чем вдвое превосходит объем собственных трудов П. Ф. Беликова.

Книга Павла Федоровича «Рерих», опубликованная в соавторстве с В. П. Князевой впервые в 1972 году, еще до того, как имени «Рерих» была широко открыта дорога в нашей стране, была для меня первым трудом, познакомившим с одним из величайших наших соотечественников. Она показалась мне сухой, но вскоре понял, что текст написан с целью наибольшей возможной точности и так, чтобы его можно было издать. А это было тогда великим делом. 1974-й год еще не наступил.

В 1979 году Павел Федорович после окончания вторых Рериховских Чтений, состоявшихся в Новосибирске 17-19 октября, выступил по моему приглашению в Доме ученых Новосибирского Научного Центра в Академгородке. Основное внимание он уделил проблемному тогда и получившему широкую огласку вопросу о группе А. Н. Дмитриева. Эта часть доклада опубликована в сборнике «Непрерывное восхождение», во 2-части 2-го тома. Последствия этого выступления были трагичны: вскоре Павел Федорович тяжело заболел и после борьбы с болезнью, не прекращая своих нужнейших трудов, ушел из жизни.

До сих пор чувствую свою вину в том, что пригласил и не смог уберечь.

Приступая к своим воспоминаниям, решил не читать чужих, написанных к 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова, чтобы избежать влияния. А когда начал знакомиться с ними и с перепиской, то передо мной стал открываться такой Беликов, какого совершенно не знал. Возникло чувство благодарности к авторам воспоминаний. Каждый из них добавлял для меня в образ Павла Федоровича что-то свое, кто меньше, кто больше, измерить невозможно. Что стоит, например, один штрих — Павел Федорович и Святослав Николаевич Рерих стоят, обнявшись, — выхваченный вспышкой света, рассеявшего темноту, образ, увиденный и переданный С. М. Зориним. А исключительно художественно изображенные Людмилой Васильевной Шапошниковой напряженно трагичные сцены, когда жизнь Павла Федоровича висела, как в таких случаях говорят, на волоске!

С Павлом Федоровичем мы не переписывались. Он рекомендовал своему ученику Геннадию Владимировичу Гаврилову встретиться со мной и однажды тот пришел ко мне. Мы познакомились и... Геннадий исчез из моего поля зрения. И только сегодня, из переписки, узнаю, что он «не пришелся ко двору» Наталии Дмитриевне, а, поскольку я принадлежал к этому «двору», то был каким-то образом от меня отважен. И я от него.

О человеческих качествах Павла Федоровича, пожалуй, наиболее полно написал Владимир Кадомцев. Правдивость и предельная обязательность

вместе с постоянным желанием помочь и неустанная помощь многим и многим составляли основу характера Павла Федоровича. Чего стоит один только архив?! Он многие годы в очень сложное время служил плацдармом для развития потока работ о Рерихах.

Справедливо Кадомцев делает вывод о Беликове, как о Человеке нарождающейся шестой расы. Притом, что мы еще не отошли от этого Человека на такое расстояние, чтобы увидеть его в полный рост. И еще не можем в полную меру понять, что он был подвижником редкого типа, подвижником, долго остающимся миру неизвестным.

Всплыла из глубины когда-то бывшая знакомой полушутливая мысль ввести в использование меру совершенства человека в Один Беликов, сокращенно 1 бел.

Можно было бы немало написать о Павле Федоровиче, как он открылся мне при чтении воспоминаний, переписки и его собственных трудов. Но это были бы уже не воспоминания, а какой-то другой текст. Расстанусь с воспоминаниями, зная, что многого не высказал.

Человек-герой Павел Федорович Беликов всю жизнь служил Свету, восходил сам и старался помогать в этом всем, кому только мог, в полном соответствии с нашим Учением жизни. Старался он служить объединению людей, созиданию, и никому не давал добро на разрушительное разъединение.

Хотелось бы почтить и почитать его память подражанием ему. Это так нужно сегодня.

24 мая 2011 года.

Горный Алтай. Село Усть-Кокса.

П. Ф. БЕЛИКОВ-100

ОПРОС

Уважаемый друг!

Предлагаем Вам принять участие в опросе, посвященном 100-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. Вы можете написать свободный текст или использовать предложенные ниже 5 пунктов.

1. П. Ф. Беликов — ...

2. Какую сторону жизни и деятельности П. Ф. Беликова Вы бы выделили?

3. Если Вам приходилось встречаться, расскажите...

Если нет, то как Вы узнали о П. Ф. Беликове?

4. Насколько востребованным является творческое наследие П. Ф. Беликова в наши дни?

5. Если Вы хотите сказать о П. Ф. Беликове помимо заданных вопросов, сделайте это...

Вы совершенно свободны в выборе формы и размера Ваших ответов, которые очень важны. Просим присылать по адресу — editors@yandex.ru или khnograf@mail.ru

Публикуемые отклики расположены по времени их отправления.

* * *

Наталья ЖУКОВА (Новосибирск):

1. П. Ф. Беликов — первый, самый авторитетный в нашей стране (в СССР) рериховед, близкий и доверенный сотрудник Н. К. Рериха, Юрия Рериха и Святослава Рериха, собиратель крупнейшего архива о жизни и творчестве семьи Рерихов, автор первой в СССР монографии о Н. К. Рерихе из серии ЖЗЛ, а также книги «Рерих. Опыт духовной биографии» и других книг и статей.

2. Прежде всего, хотелось бы отметить его личные качества как человека: безусловную преданность своему Учителю, прошедшую проверку всей труднейшей подвижнической жизнью. «Львиная преданность» — по словам Н. Д. Спириной, мужество и полное бесстрашие. А еще — небывалая щедрость, бескорыстие и отзывчивость. П. Ф. всегда был готов помочь всем исследователям творчества Рериха и всегда бескорыстно делился материалами своего архива. Практически, все авторы публикаций исследований о Рерихе 70-х — начала 80-х годов использовали в своих работах материалы из архива П. Ф., но его в своих трудах не упоминали и не благодарили.

3. Мне, к сожалению, встречаться с П. Ф. не пришлось, а узнала я о нем

от Н. Д. Спириной, которая много лет состояла с ним в переписке и встречалась с П. Ф. во время проведения Рериховских Чтений в Новосибирске. Тогда П. Ф. очень помогал в подготовке первых в стране Рериховских Чтений и участвовал в них с докладами.

4. Творческое наследие П. Ф. Беликова — это фундамент рериховедения, его основа. Ни одному современному исследователю-рериховеду не обойтись без трудов П. Ф. Беликова. И здесь важен не только фактический материал, важен подход к нему, важно глубинное духовное понимание Беликовым всей удивительной многогранной жизни Н. К. Рериха: глубокое уважение, преданность этому уникальному художнику и философу.

Современным исследователям стоит еще многому поучиться у Беликова и как ученого, и как человека. И что особенно актуально сегодня — как из собранных фактов не делать неверных, умаляющих выводов.

В учении Живой Этики говорится, что «можно убедить личным примером». П. Ф. Беликов относится к той блестящей плеяде учеников и сотрудников семьи Рерихов, включающих З. Г. Фосдик, Р. Я. Рудзитиса, Л. С. Митусову, Б. Н. Абрамова и Н. Д. Спиринову, которые показали пример преданности, почитания и любви, неустанного труда и творчества, абсолютного бескорыстия, человеколюбия и сотрудничества, а в отношении друг к другу — уважения, сочувствия, взаимопомощи.

В 70-80-е годы, когда в России не было Рериховских Обществ, все рериховцы знали друг друга, переписывались, общались, передавали друг другу информацию о новых книгах, альбомах, открытках, посылали друг другу новые публикации (сужу по деятельности Н. Д. Спириной, с которой начала сотрудничать с 1982 года).

Хочется пожелать всем нам возродить эту дружную атмосферу истинного сотрудничества в современном Рериховском движении.

Наталья КАЛИНИНА (Бишкек, Кыргызско-Российский Славянский университет):

...К сожалению, с П. Ф. Беликовым при его жизни мне встретиться не удалось, так как узнала о существовании Рериховского движения только в 2000 г. С 2001 г. началось мое сотрудничество с МЦР через Тянь-Шаньское Общество Рерихов (участие в работе Педагогического семинара в Горках Ленинских в 2001 г., в научных конференциях, проводимых МЦР в 2003 и 2004 гг., в организации и проведении мероприятий к «Дню Земли» в Бишкеке). К сожалению, в 2005 г. наше сотрудничество оборвалось. Но я знакома с работами П. Ф. Беликова, с его эпистолярным наследием. Поэтому могу выразить свое мнение относительно его личности.

Считаю, что в настоящее время в Рериховском движении присутствует насущная потребность именно в таком человеке, каким был П. Ф. Судя по его переписке, он был мощным притягивающим центром для многих приверженцев Учения Живой Этики самого разного уровня. И он не жалел своего времени и здоровья на то, чтобы общение с ним было активным, двусторонним,

чего трудно ожидать от нынешних руководителей (в принципе, не только в Рериховском движении — это уже определенная примета времени). Именно Колесо Сотрудничества является той силой, которая могла бы обеспечить целостность всего Рериховского движения. Наличие прямой и обратной связи является залогом функционирования любой целостной системы. Тогда притягивающий Центр одновременно становится и ведущим Центром. Лично мне, к сожалению, за 10 лет общения с сотрудниками МЦР и представителями рериховских организаций не удалось встретить среди них ни одного человека, способного на такое сотрудничество. Возможно, мне просто не повезло.

Еще одна черта, которая, на мой взгляд, важна для личности такого масштаба, выражена в словах П. Ф.: «Я не признаю никаких запретов. Я противник различных группировок, основанных на подчинении «старшим» и на менторских замашках их руководителей».

Считаю, что снобизм, равнодушие, грубость, авторитаризм и нетерпимость к чужому мнению, нежелание даже выслушать и обсудить его, являются главными врагами тех обществ, которые хотят объединить вокруг себя людей на духовных основаниях.

В этой связи хочу привести одну цитату из письма П. Ф. Беликова (П. Ф. Беликов. Непрерывное восхождение, т. II, ч. 2, с. 288):

«Вы абсолютно правы, чувствуя ответственность как при восприятии чего-то нового, так и при отталкивании его, осуждении и принадлежности к темному стану. Однако, кроме меры нужного и неприемлемого для нас, светлого и темного, существует еще мера необходимого в свое время и на своем месте. Как сказано: «Даже джинны помогают строить храм». Именно эту меру оценки не следует забывать. Она трудна и больше всего требует расширенного сознания, наиболее полного обозрения вечно живой мозаики разнообразия Жизни. Конечно, всегда имеются и агрессивные темные силы, так или иначе оказывающие на нас воздействие. Главный панцирь против них — безбоязненность и добротворчество. Тьма исчезает именно при внесении света. Наша ошибка часто заключается в том, что мы больше думаем о том, как себя защитить от тьмы, вместо того, чтобы больше внести в свою и окружающую нас жизнь Света. Когда человек начинает бояться черта больше, чем любить Бога, он обычно запутывается в расставленных им сами «защитных» сетях».

Юрий ШВЕЦ (Сайт «Каким вы видите будущее?»):

1. П. Ф. Беликов — писатель, философ, общественный деятель, исследователь жизни и творчества семьи Рерихов, автор полной биографии Н. К. Рериха, автор статей и очерков о жизни и творческой деятельности Н. К. Рериха. Также Павел Федорович сотрудничал со С. Н. Рерихом и был его помощником во время визита в СССР, сотрудничал с Ю. Н. Рерихом, был у истоков Рериховского движения в СССР.

2. П. Ф. Беликов собрал огромный архив из документов, фотографий, пи-

сем, отражающих деятельность семьи Рерихов. Я бы выделил писательскую, общественную деятельность, популяризацию наследия семьи Рерихов.

3. Встречаться не приходилось.

Узнал я о Павле Федоровиче, изучая материалы о жизни Н. К. Рериха. Информация была в основном в виде материалов, опубликованных в Интернете.

4. Я считаю, что творческое наследие П. Ф. Беликова — это бесценный клад для современных исследователей и просветителей, для Рериховских обществ и всех, кто считает себя причастным к Рериховскому движению.

5. Я думаю, что многие современники еще не до конца осознали, какое значение несет имя Рериха для России и не только для России. П. Ф. Беликов, собирая свой архив, хотел рассказать о Рерихе, о том, кого любил всем сердцем, так, чтобы люди осознали все величие Н. К., его многоплановую, насыщенную жизнь и деятельность. Наследие П. Ф. Беликова — это послыл, прежде всего, молодому поколению ученых, исследователей.

Жизнь П. Ф. Беликова — это очередной пример жизни в преданности и любви к своему Учителю.

Наталья ШЛЕМОВА (Москва):

...По двум причинам не могу принять участие в опросе:

1. Больше не работаю в поле РД.

2. Не специалист по наследию П. Ф. Беликова. Читала только «Опыт духовной биографии Рерихов». Качественная, теплая книга.

Как я понимаю, в Братстве нет привычки оценивать друг друга. Это дело — Кармы.

Петр КРЫЛОВ (Санкт-Петербургский государственный Музей-институт семьи Рерихов):

С П. Ф. не встречался, с Кириллом Беликовым — «полтора раза», мельком... У П. Ф. меня больше всего поражает научность подхода, т. е. строгое следование фактам (хотя он как бы и не ученый). Да, создавая биографии (и Н. К. Р., и С. Н. Р.), автор сталкивается с белыми пятнами, где приходится делать «исторические реконструкции», в которых что-то потом подтверждается, а что-то — нет. Но это неизбежно. Да, у П. Ф. (как мы теперь знаем) есть фактические ошибки. Но ведь и информации у него было в тысячу раз меньше. И он же не мог утром отправить и-мэйл в Нью-Йоркский музей, а к обеду получить ответ. Или залезть на их сайт и читать выложенные там документы. Он сидел в эстонской совхозной глуши и месяцами ждал писем, которые цензура то ли пропустит, то ли нет. Сейчас опубликован (на бумаге или в сети) миллион писем всех Рерихов, полные записи Учения и т. п., а у него же ничего этого не было. И, тем не менее, когда ко мне приходит очередная девочка, просящая «базовую литературу» по теме, я, конечно, начинаю с П. Ф. — и про Н. К. Р. (включая «Опыт духовной биографии», и про С. Н. Р.; ну, не Дубаева же им давать, право слово). Видимо, определяющий фактор — правиль-

ный вектор, правильное устремление. То, что П. Ф. — герой, совершивший научно-культурно-духовный подвиг, для меня не подлежит сомнению...

Татьяна БОЙКОВА (Региональная общественная организация «Культурно-просветительный центр «Адамант»):

Спасибо за приглашение принять участие в опросе. Но мне кажется, что опрос лучше всего устраивать по вопросам, имеющим некие расхождения во мнениях, чтобы выяснить, что думают в РД. В отношении П. Ф. Беликова, как мне видится, мнения вряд ли будут сильно различаться. Потому мне кажется, что такие, как я, например, вряд ли могут написать что-то новое и полезное. Ведь нам не довелось с ним встречаться, хотя бы немного общаться — слишком рано он ушел из жизни. А потому писать что-то о П. Ф. Беликове — это значит писать общие слова, потому что все знают, как много он сделал для того, чтобы мы, пришедшие позже, могли увидеть Н. К. Рериха в более четко сверкающих гранях. Много слышала о нем в доме Л. С. Митусовой, и от этого он становился нам еще ближе. Если бы не это, то лучшее представление о П. Ф. Беликове я бы составила для себя много позднее.

Ведь первые книги «Непрерывное восхождение», хорошо и подробно рассказывающие о его жизни и творчестве, вышли только в 2001 году. А до этого мы читали только две книги, написанные им: «Рерих» (Опыт духовной биографии), вып. 1994 года и еще одна книга о Н. К. Рерихе, созданная вместе с В. П. Князевой. Вот, пожалуй, и вся литература, которой мы располагали до 2001 года. Возможно, были в разных журналах отдельные статьи, но это ведь слишком мало. А потому считаю, что лучше, если будут писать те, кто П. Ф. Беликова хоть немного знал, встречался с ним. И если Вами и теми, кто его знал, будут написаны определенные материалы, то и мы на своем сайте с радостью выложили бы их, дабы достойно коснуться памяти Павла Федоровича к его 100-летию со дня рождения...

Людмила АНДРОСОВА (Канада):

...Лучше всего я сказала, что значит для меня Павел Федорович в своей статье, которая так и называется «О П. Ф. Беликове».

А теперь по опросу.

1. Павел Федорович Беликов — один из Посланников, пришедших в нашу страну, чтоб разбудить сердца людей и открыть их навстречу свету, добру и совести. С его именем навсегда связано Рериховское движение в нашей стране, это с его помощью началось это движение, сначала в Сибири, среди ученых Сибирского отделения Академии наук, а затем дальше по всей нашей стране. И если Рериховское движение можно сравнить с огромным многоголосым хором, то Павел Федорович на много лет стал его дирижером.

2. Из жизни и деятельности П. Ф. Беликова я бы выделила ПОСТОЯННУЮ УСТРЕМЛЕННОСТЬ К САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ.

4. Его творческое наследие является источником мудрости и знания

3. Впервые я встретила с Павлом Федоровичем в 1974 г. на юбилее

Н. К. Рериха. Он был главным помощником Святослава Рериха и это он устроил нам, сибирякам, встречу со С. Н. Рерихом. И с этого момента в мою жизнь вошло то новое, что дало направление всей моей жизни.

И по сей день я поверяю жизнь мою с Павлом Федоровичем, — что бы он сделал, как бы он поступил, что бы он сказал. Его облик, полный внутреннего понимания, спокойствия, доброты и участия — навсегда в моем сердце.

См. Л. А. Андросова. О Павле Федоровиче БЕЛИКОВЕ

Владимир КОНДЮРИН (Караганда, Казахстан):

...Особо-то рассказывать о П. Ф. Беликове нечего. Из публикаций слышал о нем, как о соратнике, очень много сделавшем для Учения.

Больше сказать ничего не могу. Личной встречи, к сожалению, не имел с ним.

Александр ХЕРСОНОВ (Москва):

**Слово о Павле Федоровиче Беликове.
К столетию со дня рождения.**

«Нужен Гений, чтобы понять Гения».

Елена Рерих, «Избранные письма», 28.06.1948 г. Кхандала.

С автором Павлом Беликовым я познакомился благодаря тому, что волей случая обратил внимание на книгу «Рерих (опыт духовной биографии)». Книга, изданная в 1994 году в Новосибирске, пришла ко мне десять лет спустя. Что это было за время, начало 90-х? Как известно, в России оно проявилось не только кровавым переделом собственности, криминальной войной, но и удивительной тягой населения к духовности, жадной поиску истины, в том числе истины сокровенной, попыткой приобщения к тайному, непознанному в природе и обществе. В те годы я пришел к познанию астрологии, к популяризации эзотерических наук. **Но в те же годы в России произошла яростная схватка сил света и тьмы, зла и добра, сатанинского и божественного. В результате этой борьбы Зло в значительной мере отступило, Добро с большим трудом пробивало и поныне продолжает пробивать себе дорогу.**

Примечательно, что именно в это смутное и тягостное для России время к окончательному не павшему духом читателю **пришла великая книга Павла Беликова**. Книга, которая безусловно была послана высшими силами, а автор явился «всего лишь» исполнителем воли высших сил. Жаль, конечно, что книга П. Ф. Беликова шла на встречу со мной долгие годы... И все же мы встретились! И это было большим счастьем, поскольку книга явилась для меня откровением, новым взглядом на существо и развитие мира, на жизнь Духа, на миссию, которую возложили высшие силы на семью Рерихов. Книга явилась откровением, изменившим мое миропонимание, изменила сознание и помогла ответить на многие подспудно мучащие ранее вопросы. «Духовную биографию Рерихов» я проштудировал с карандашом в руке, выписывая наиболее важные места.

Замечу, что П. Ф. Беликов не пошел по пути идеализации личности Рерихов (а соблазн был), не стал писать новые «иконы», плодить новых «святых», а показал трудную, полную борьбы и тревог жизнь без прикрас провозвестников Учения Живой Этики. Это так важно! И даже, опираясь на дневники, упомянул изъяны характера молодого, еще не созревшего Николая Рериха (попробуй «заикнись» о таковых сегодня).

И не видел в том греха, рассчитывая не просто на образованного, но на мудрого читателя. Понимая, что **великим** Николай Рерих явился миру не в день рождения, а стал таковым **благодаря неустанной духовной работе, титанической ежедневной напряженной работе чувств и мыслей.**

О чем книга Павла Беликова? О зарождении, становлении и развитии духовности Николая и Елены Рерих, их сыновей. О том, как семью Рерихов вели по жизни высшие силы, какую оказывали поддержку, от чего предостерегали, что советовали, как направляли, как защищали, как именно Рерихи сотрудничали с Учителями Шамбалы.

Павел Беликов писал о том, что **Рерихи с ранних лет находились под наблюдением Владык, об «особом чутье высшего присутствия» Елены Рерих, о принятии во сне первых указов, о том, что зов Учителей был услышан, о первой встрече на физическом плане с Учителем, который открыл подробности Плана».** О многом!

Каким же качествами должен обладать автор, не по службе, а по сердцу описывающий... нет, не бытовую жизнь замечательных людей, а нюансы духовного развития и становления Рерихов, стоически несущих бремя великого кармического задания и осознанно общающихся с высшими силами? Ответим так: **совершить великий духовный посев может только духовно великий человек, каковым на самом деле и являлся П. Ф. Беликов. Человек космического сознания.** И не важно, какой профессией такой человек зарабатывает себе на хлеб. Бухгалтер П. Ф. Беликов, учитель физики К. Э. Циолковский, учитель математики А. И. Солженицын...

Эти люди совершили поистине грандиозное: обратили внимание миллионов людей на тайную жизнь материи и духа, продвинули вперед коллективное сознание, открыли миру новые пути развития... Совершили подвиг!

Гений П. Ф. БЕЛИКОВА создал гениальную духовную биографию Рерихов, и тем самым утвердил в уверенности, что ныне мы отмечаем юбилей одного из самых выдающихся сподвижников Учения Живой Этики. Равного среди равных.

Андрей ПУЗИКОВ (Калининградский региональный общественный культурный Фонд «Зов»):

Считаю для себя честью участвовать в этом опросе. К сожалению, так сложилась моя судьба и путь в РД, что с Павлом Федоровичем и его ближайшим окружением этот путь, практически, не пересекался. Он был мне известен как биограф Н. К., но мои интересы в основном были сосредоточены в русле Учения Живой Этики, а в этой части я о Павле Федоровиче ничего не знал.

Менее всего, чем я интересовался в жизни, так это литературными биографиями известных личностей. Официоз этого жанра мне не был симпатичен. С одной стороны, я не верил литературным описаниям жизни людей, а с другой, прекрасно понимал, что то, что меня интересует в людях, в стандартных биографиях найти невозможно по определению. При этом, как ни странно, меня всегда интересовали судьбы людей, но реальных людей, там, где я мог получить какие-то непосредственные касания. Так что Рерихи стали для меня единственными людьми, с которыми я физически не сталкивался, но о биографиях которых я достаточно много знаю. Хотя все это складывалось из несистематических отрывков и заметок в стиле В. М. Сидорова, но подкрепленное непосредственным восприятием их творчества. Даже одних, в то время опубликованных, статей и листков дневника Н. К. мне было уже достаточно, чтобы прочувствовать его жизненный путь. Когда-то в восьмидесятые сам рассказывал студентам о Рерихах и давал небольшие заметки в местную прессу. Может, поэтому, когда я слышал слова «биограф Рерихов», это мне ни о чем не говорило и проскальзывало по ауре, не задев ее, как задевала информация о Хейдоке или Рудзитисе и его дочерях. То есть, это чисто моя проблема и особенность...

Единственным касанием было, когда в середине восьмидесятых мне в руки попала машинописная копия незаконченной рукописи Павла Федоровича «Опыт духовной биографии». Это, как я понял, был альтернативный вариант официальному изданию биографии Н. К. Рериха в серии ЖЗЛ. В рукописи говорилось об Учителях и иных духовных моментах, о которых не принято было писать в официальной атеистической литературе и прессе того времени.

К сожалению, эту рукопись я читал очень давно, и потом кто-то ее «зачитал» и мне не вернул, так что в памяти уже трудно вычленишь то, что содержалось именно в ней. Я тогда старался читать только фото и репринтные копии с оригиналов, и не признавал машинописных текстов, в которых могло быть множество ошибок, но это была неизданная рукопись, и потому я ее прочел, несмотря на ужасное качество. Помню только, что она была явно незакончена, и сюжет обрывался. К тому же, она попала ко мне не через рериховцев, а каким-то сомнительным путем, и потому я даже сомневался в ее подлинности.

Я по своей сути не историк и не концентрировал никогда свое внимание на биографических нюансах, как самих Рерихов, так и их соратников. Мои знания в этих вопросах — скорее, запечатленные памятью яркие моменты встреч, как физических, так и через творчество, с конкретными людьми. Так видно сложилось кармически, но Павел Федорович является для меня одним из немногих ярких деятелей РД, которые почему-то не попали в сферу моего непосредственного интереса в те, прошлые годы.

Надеюсь, найдется достаточно достойных людей, могущих объемно осветить личность и деятельность Павла Федоровича Беликова.

* * *

Посмотрел раздел. Некоторые материалы прочитал и пополнил свои знания в отношении Павла Федоровича. Получил несомненную пользу, так как нашел в его лице здравомыслящего, свободного в своих суждениях человека и единомышленника (что не так часто бывает в современном РД). Ведь я о нем раньше знал очень мало. Я уважаю людей, способных прямо и открыто выражать свою точку зрения. Видимо, врагов у него было немало, но так оно и должно быть.

Кстати, «Заключение» к «Калачакре», удачно расставляет по своим местам то, о чем бесконечно спорят на форумах и не только, а именно, о разного вида «продолжениях», «дополнениях» и «комментариях» к Живой Этике.

Что касается самого текста «Калачакры», то, если мне не изменяет память, А. П. Хейдок говорил, что это он сделал подборку из записей Уранова, которые ему удалось скопировать, и стал распространять их под этим названием. Но за достоверность этих, достаточно смутных воспоминаний, ручаться не могу. Хотя, примерно это же я слышал и в Калининграде от И. Н. Войкина, считавшего себя учеником Хейдока и часто общавшегося с М. Ц. Пурга.

Опрос удачно дополняет раздел и создает объемность. Вызвала улыбку фраза: «Самый веселый город — Калининград. Там было 3 (!!!) общества Рериха и представители этих обществ ездили ко мне за литературой, а между собой не ладили...» Сергея Мартынова. Это к нему ездили представители трех обществ, а на самом деле их было целых пять! От нас, по крайней мере, к нему никто не ездил, так как недостатка в литературе не было. Но печально и грустно то, что подобная картина в те времена (да и сейчас не лучше), по сути, типична для любого крупного города.

Но по состоянию человечества оно так и должно быть, иначе жизнь вокруг была бы совсем другой. В этом есть и своя польза — есть с чем и над чем работать.

Николай ГЛАДЧЕНКО (Екатеринбург):

1. П. Ф. Беликов — ... очень уважаемый мною человек. Один из немногих, кто принял Живую Этику всем сердцем и полностью. Свою жизнь П. Ф. Беликов строил на принципах Ж. Э. и защищал ее чистоту от всевозможных толкований «учителей», коих хватает и сейчас.

2. Какую сторону жизни и деятельности П. Ф. Беликова Вы бы выделили? Став биографом семьи Рерихов, он сохранил для нас многие факты и эпизоды из жизни членов этой семьи, сопроводив их своими комментариями, помогающими понять мотивы тех или иных действий Рерихов.

3. Если Вам приходилось встречаться, расскажите...

Если нет, то как Вы узнали о П. Ф. Беликове? В 1994 г. по совету Е. К. Богомоловой, руководителя сети клубов по изучению Ж. Э., купил книгу П. Ф. Беликова «Рерих (Опыт духовной биографии)». Потом были книги:

П. Ф. Беликов и В. П. Князева «Рерих»;

3-томник к юбилею П. Ф. Беликова «Непрерывное восхождение»;

П. Ф. Беликов «Святослав Рерих. Жизнь и творчество».

4. Насколько востребованным является творческое наследие П. Ф. Беликова в наши дни?

Очень востребовано. С каждым годом все меньше остается непосредственных сотрудников Рерихов и людей, которые неоднократно встречались или беседовали с Рерихами и получали от них импульсы, помогающие удержаться на пути истинного понимания Ж. Э.

С годами ценность наследия П. Ф. Беликова будет только возрастать, так как слишком много желающих «порулить». Наследие поможет думающим людям определиться — «кто есть кто».

5. Если Вы хотите сказать о П. Ф. Беликове помимо заданных вопросов, сделайте это...

Нет учителя без ученика. Потому было бы очень грустно и неестественно, если бы такой человек, как П. Ф. Беликов не оставил после себя ученика или учеников, преданных делу своего учителя. Одного я даже знаю — обращался к А. Н. Анненко по некоторым вопросам. Ответы были более чем добросовестными, и мне стало ясно, что ему есть что сказать. Мне кажется, он продолжает дело, которому П. Ф. посвятил свою жизнь. П. Ф., я так думаю, многое просто не успел поведать бумаге, но о чем, наверное, знает и помнит его ученик. К тому же и сам ученик уже давно стал уважаемым сотрудником Р. Д. и мог бы многое поведать, а заодно и высказать свое мнение, по поводу того, что происходило в Р. Д. после 1988 г. и происходит по настоящее время. Это тоже биография — Рериховского Движения.

Сергей МАРТЫНОВ (Санкт-Петербург):

1. П. Ф. Беликов — это Сподвижник. В советские времена он сделал тихий и скромный подвиг. Человек который смог из маленького эстонского села достучаться до издательства «ЖЗЛ», правда, с хитростью — взяв в соавторы сотрудника Русского Музея (на книге написано имя соавтора) ... Он был по жизни человеком, который просто воплощал свои мысли и чувства (вопреки и несмотря). Пытался сеять «разумное, доброе и вечное».

В те времена это был Реальный Подвиг (и подвИг). Он расширял горизонты сознания. Скрупулезно собирал все материалы по ЖЭ. Историю жизни Н. К. и Е. И.

А это тогда стоило жизни (ГУЛАГ работал круглосуточно...). Павел Федорович был Человеком, который нашел свой Смысл Жизни. И при всей «тихой и незаметной» жизни — он что-то изменил в сознании (хотя бы части думающего человечества).

2. Какую сторону жизни и деятельности П. Ф. Беликова Вы бы выделили?

Я уже сказал — Сподвижник, реальный Писатель (отличный стиль, систематизация, историк, по-доброму наивный, верящий в светлое и доброе будущее и т. д.)

3. Если Вам приходилось встречаться, расскажите...

Я не успел встретиться лично — я приехал уже позже, через??? полгода-год??? после смерти П. Ф. (сейчас не помню, извините).

Если нет, то как Вы узнали о П. Ф. Беликове?

«ЖЗЛ», а потом после этой книги встретил на какой-то конференции в Питере Кирилла Беликова — но это другая история...

4. Насколько востребованным является творческое наследие П. Ф. Беликова в наши дни?

Вся беда — что народ ничего не знает про ЖЭ... А тем более, про П. Ф. и его огромную роль в распространении ЖЭ. И теперь эпоха поменялась — уходит Человеческое, а приходят — деньги, деньги, деньги... пришла иллюзия, а не Истинность...

...Сейчас уже не объясню, но когда Горбачев пришел — был Момент, когда он (Горбачев) мог со своей «перестройкой» повернуть страну на Принципы ЖЭ... а он уперся в свою «перестройку» и ничего не понял... И встреча с С. Н. была... токмо до Горбачева не дошло. И теперь появились всякие «материалы» — как Рерихи были не правы...

Беда!!!...И самая беда — что мы сами все и закопали, пока выясняли — а кто более продвинутый... беда... (... а «Братство»?... а «Община»???) и народ сам выбирает возможности... и свою карму...). Сложно все... А П. Ф. был мудрым и терпеливым.

И уходят из обиходной речи такие слова (и понятия в голове, и в сознании), как ЭТИКА и ЭСТЕТИКА... а из этого строится Культура... и осознание Красоты (которая спасет мир)... Беда...

5. Если Вы хотите сказать о П. Ф. Беликове помимо заданных вопросов, сделайте это...

В 1980 у меня был душевный кризис, кроме того, я разочаровался в нашей музыкальной индустрии после гастролей... Короче — полный кризис с потерей всякого смысла моего существования. И тогда я задумался — а в чем мой смысл, в чем Смысл Жизни...

Судьба мне подкинула экстрасенсов в Питере, а через них и экстрасенсов в Москве.

Все было таинственно, загадочно и интересно. На фоне моих размышлений открывался новый мир. Через экстрасенсов я и получил книжку «Сердце» — тогда это было запрещенной сам-издатовской литературой, которую выдавали только доверенным людям...

И я получил машинописную копию книги «Сердце» на одну-две ночи для прочтения. И не знал, кто автор, что это за книга — просто «прочитай и верни». И при моем душевном кризисе — вдруг готовые ответы на мои вопросы... меня потрясло, что оказывается я «изобретал велосипед», а кто-то давно ответил на вопросы, над которыми я столько бился.

Потом я узнал, что это часть книг по ЖЭ (или АЙ). Захотел узнать еще... Узнал, что это Рерихи. Далее — картины (иллюстрации в альбомах), поиски информации о Рерихе, нашел ЖЗЛ (Автор П. Ф. Беликов).

Далее — поиски книг ЖЭ и очерков Н. К. И я для себя «открыл открытые двери». Как-то вышел на «Рериховское движение», тогда пытались возродить Извару, ездил и помогал восстанавливать дом Рериха (что-то бетонировал,

прибивал какие-то доски, укреплял какие-то кладовки)... Потом началась «эпоха конференций». В каком-то месте собирались какие-то люди... пытались обсудить «а как, а где... что делать?...» Еще надо учесть, что в те времена это все было полуподпольно, информации и литературы по Рерихам практически не было, все таинственно, все под запретом... И мне очень захотелось найти первоисточники, а не третью копию с печатной машинки. На какой-то очередной полужакрытой конференции в Питере, где опять строили очередные замки на песке, я увидел мужичка, который сидел в коридоре перед залом (где шла конференция) и спокойно показывал фотографии о семье Рерихов. Очень качественные фотографии, а не те, которые иногда пробегали среди «посвященных». И так же спокойно объяснял — кто на фотографии, где, когда... Среди атмосферы «особой важности, таинственности, посвященности» этот мужичок был как свежий поток Реальности. Им оказался Кирилл Беликов. Так мы и познакомились. Мы съездили в Извару — там только открывался музей Рерихов (а я уже успел поработать с Барским — художником, который делал экспозицию в Изваре). А дальше — больше. Он мог остановиться у меня, пригласил к себе в Таллинн. И я попал в семью П. Ф.

И главное — я пытался достать литературу в Риге (но они оказались очень «хозяйственными»). Ничего мне в Риге не дали. В Москве все было очень официально... и мне, непонятному частному лицу доступ к литературе был закрыт... А Кирилл сразу мне поверил и пустил в архив П. Ф. — «пустил козла в огород»... У меня была мечта сделать в Питере «Читальный зал Рериха» со всеми очерками Н. К., с ЖЭ, со всей сопутствовавшей литературой — упоминают Платона, а вот у меня и Платон. Упоминают Блаватскую — а вот вам и вся Блаватская... И только в архиве П. Ф. я смог двинуться к воплощению мечты. Галина Васильевна, Кирилл и Алла мне помогли и поддержали. (Галя тогда училась и во «взрослые» дела не вмешивалась) В Таллинне нашлись Сережа (фамилия вылетела из головы) и Костя (Речкин), которые работали в копировальной конторе. (А в Питере еще было запрещено копировать). В Питере нашлась типография, которая мне давала бумагу... Сперва я ездил на автобусе на выходные в Таллинн — туда бумагу, оттуда тираж. Потом мой сосед по дому катал меня на своей машине — туда багажник бумаги, сюда багажник тиража.

Мы с Кириллом договорились сделать хорошую копию с каждой книги, а потом, чтобы больше книги не тревожить, с первой копии делать уже тираж для моего будущего читального зала. И у меня скопилась вся литература по Рерихам. Каким-то образом народ узнал, что у меня можно получить литературу — и ко мне стали приезжать разные люди с разных городов. И я высылал АЙ через почту по разным городам. Вся АЙ весила 8 кг и 200 гр. Но почтовые тети привыкли к моим еженедельным посылкам и пропускали перевес посылки.

Я очень хотел дать людям свободный доступ к наследию Рерихов. В нашем городском Комитете по культуре, куда я пришел с просьбой помочь открыть «Читальный зал Рериха», меня отфутболили далеко и надолго... Был пери-

од «моды на Рериха» и всякие кланы боролись за «первенство в рериховедении» (в результате — «собака на сене»).

А потом, когда я увидел, что стало прорастать, пока я пытался сеять «разумное, доброе, вечное» — мне стало как-то очень... обидно что ли... Зарождающиеся общества Н. К., получив литературу, начинали меряться «кто Самый Рериховец».

Самый «веселый город» — Калининград. Там было 3 (!!!) общества Рериха и представители этих обществ ездили ко мне за литературой, а между собой не ладили...

Было много глупости при рождении обществ...

Как не парадоксально — архив П. Ф. надо было защищать от зарождающихся обществ. А при системе, когда делается хорошая копия — а потом с нее тираж, архив П. Ф. оставался целым и книги не теребились от множества лишних прикосновений... А по тем временам — это было единственное место доступа к литературе. Москва, Рига, Новосибирск не хотели давать книги для копирования. И архив П. Ф. был самым открытым и самым доступным источником для жаждущих.

В результате — архив П. Ф. помог создать музей в Изваре, помог библиотекам многих обществ по всему СССР, помог нынешнему музею Рериха (МИСР), помог нашим немецким, швейцарским, американским друзьям (туда тоже высылал копии — им нужны были книги на русском).

Я отошел от активной деятельности по рассылке литературы 16 лет назад. Отошел, потому что началась «карусель» — а кто более рерихнутый...

...Я тогда работал на радио — были попытки сделать постоянные передачи о ЖЭ, о семье Рерихов, о всем наследии... после встреч со слушателями у меня было огромное разочарование... восторги, благодарности... эмоции, мишура. А сути — не услышали... и когда ко мне стали обращаться — Гуру... я понял, что пора опять в подполье...

Мое положение в рериховском движении сейчас — никакое. 16 лет назад я воспользовался рождением дочери — и это было понятным для всех аргументом, почему я вышел.

И сегодня у меня очень двойственное отношение к рериховцам. С одной стороны — Великое Учение (которое не понято до сих пор), а с другой — среди толпы рериховцев единицы реальных (!), тех, кто действительно несли Дух Учения (вся семья Беликовых в их числе). Я очень разочаровался в наших «Деятелях Культуры» — кто-то нес себя, кто-то делал на Рерихе политический капитал...

И в 90% прикрывались ЖЭ, чтобы прикрыть свои эгоистические запросы. Внешне — хорошие люди говорят правильные вещи, а за этим амбиции на уровне элементарного социума.

На волне Рериха кто-то устроил детей на обучение в Америке... кто-то внедрился в лучшие друзья в индийские сообщества... кто-то стал делать бизнес на литературе, на репродукциях...

Я — скорее всего, циник. И очень хорошо, что меня практически забыли.

...Наш новый питерский музей Рериха сейчас делает свое дело — это еще очень молодой музей. «Рериховский Век» — огромная работа, которую они сделали с нуля за четыре месяца. И все его музейные работники не делают фанатичного культа из семьи Рерихов. И, надеюсь, понимают, что это Живая (Живая!) Этика.

К сожалению, все Живое начинает умирать при фанатичном и бездумном отношении. Я не застал Павла Федоровича. А Галина Васильевна и Кирилл относились к ЖЭ не как к идолу, а как к жизни, как к задачам каждого дня. Павел Федорович оставил им огромный груз Простоты отношения к ЖЭ.

Не примитивное отношение, а именно ПРОСТОЕ!!!

А за этим — спокойное и мудрое реальное служение по мере возможностей. Это сложно объяснить на словах, но разница чувствовалась очень сильно на очередных конференциях. Там — сперва всякие регалии, выпячивания, какие-то иллюзорные планы (например, из Извары пытались сделать Нью-Васюки). И все на полном серьезе...

На этом фоне Галина Васильевна и Кирилл были Настоящими.

А все рериховцы опирались на архив П. Ф. (я уже говорил, что Москва, Новосибирск и Рига не очень-то спешили делиться). И все амбиции и проекты строились на знаниях, источником которых был П. Ф. Но!!! Но при этом его даже не упоминали. Его крупнейшую роль. И П. Ф. был Открытым. И архив его был Открытым. И вся семья П. Ф. — Открытой. ПРОСТОТА отличается Качеством перед примитивным...

...Эпоха поменялась. У людей теперь приоритеты — как выжить. Объяснить смысл подвига семьи Рерихов и семьи Беликова очень сложно, давая перспективу развития, чтобы был понятен смысл «Сердца», «Общины», «Братства».

Я сейчас не могу найти форму, наполненную еще и содержанием, наполненную идеями ЖЭ. Теперь каждый может прочитать все книги, материалы открыты, — но мы не становимся от этого лучше, добрее...

Мне кажется, — с уходом П. Ф. нарушился баланс среди рериховцев.

С уходом С. Н. что-то оборвалось... какая-то Нить для страны...

* * *

«Рериховский Век» — выставка — показала огромное проникновение и влияние семьи Рерихов.

Но я не знаю, как показать, что Рериховский Век, Рериховская Эпоха еще для нас не наступила — потому что мы не доросли до понимания.

И не знаю, как сдвинуть «наше болото» к движению в Будущее.

Когда меня спрашивают, — а зачем тебе ЖЭ? я отвечаю — вот иду я по жизни... и пока все хорошо — то, вроде бы, и ЖЭ не требуется...

(Хотя по жизни никто простую вежливость, уважение и внутреннюю этику не отменял).

Но!!! если попал в «жизненное болото», в трудные ситуации, то тогда я «достаю из-за спины помогающий шест ЖЭ» и перехожу болото, а не вязну в нем...

(Поэтому я, возможно, «ненастоящий рериховец», что пользуюсь Учением не каждый день).

Извините, что так выложил мои несозревшие мысли, — просто пытаюсь объяснить себя.

Елена АЛЕКСЕЕВА (Санкт-Петербург):

...Беликов для меня появился-проявился как один из двух авторов — вместе с Князевой — книги «Рерих» в серии «ЖЗЛ». Потом читала самиздатовский неоконченный «Опыт духовной биографии». Конечно, историю продвижения рериховских идей в России трудно представить без П. Ф. Беликова, для своего времени он был первопроходцем — низкий ему поклон.

Но время безжалостно — или великодушно? — какие фантастические возможности имеем мы сегодня — альбомы, книги, архивы, сколько узнали нового, какие широкие горизонты открылись! 100-летие — дата замечательная, и очень хорошо, что вы решили ее отметить.

Гунта РУДЗИТЕ (Рига, Латвия):

У меня уже имеется статья, опубликованная в сборнике, изданном МЦР. Также некоторые письма. Но охотно отвечу и на ваш опрос.

С П. Ф. Беликовым я познакомилась более 50 лет назад, он тогда жил еще в Таллине.

В молодости он руководил небольшим кружком людей, изучающим восточную философию — Живую Этику. Среди посещающих кружок была и его супруга, учительница русского языка Галина Васильевна.

Он переписывался также с Н. К. Рерихом, имел от него 15 писем, знакомил с ними и меня. Уже тогда имел небольшой философский труд об Н. К. Рерихе. Как работающий в «Международной книге» он помогал Рерихам, главным образом Ю. Н. Рериху, с книгами. Сам он много читал, имел многие собрания сочинений русских писателей, писал и сам стихи.

Из-за здоровья он должен был перейти жить в небольшое селение Козе-Уэмыйза, где работал главным бухгалтером.

В середине прошлого века ему доверили написать книгу о Н. К. Рерихе для серии книг ЖЗЛ. Так как он работал бухгалтером, попросили сотрудничать с молодым искусствоведом В. Князевой, — увы, всю книгу прекрасного качества написал он один.

Отчасти также из-за материалов для книги он уже в конце 50-тых годов приезжал к моему отцу Р. Я. Рудзитису. После помогала я, ездила не однажды и к нему, посылала ответы на многочисленные его письма.

Много материалов Беликов получал и от С. Н. Рериха, с которым переписывался и встречался на рериховских выставках. Также получал письма от Вл. Шibaева и др.

Должна отметить его скрупулезную, объемистую работу. Он предпринимал и поездки в Ленинград, Москву за материалами. Боролся с безжалост-

ной цензурой того времени. И ему помогали Неведомые Силы. Книга не потеряла значение и сегодня.

Помню его заботу и обо мне: он показывал достопримечательности Таллина, окружности Козе-Ууэмыйзы, старинный парк и др.

Он помогал и В. Князевой написать альбомы о картинах Н. К. Рериха. Посещал с докладами не только Москву, Ленинград, но и Новосибирские Рериховские чтения. Он всегда кипел работой. Еще мечтал многое создавать, огромный труд о всей жизни и деятельности Рерихов, но жизнь оборвалась.

См.: Гунта Рудзите. ПОЭТ И БОРЕЦ, БИОГРАФ НИКОЛАЯ РЕРИХА

Наталья ТООТС (главный редактор журнала «Дельфис», Москва):

В конце 80-х и начале 90-х годов прошлого столетия жизнь привела меня в Эстонию в г. Тарту. Там в течение 5 лет я работала собственным корреспондентом ТАСС. Именно в эти годы произошло возрождение Эстонского общества Рерихов, и мне довелось войти в состав его учредителей. Возглавляла наш коллектив единомышленников Кира Алексеевна Молчанова — родственница Павла Федоровича Беликова. И тогда-то я впервые услышала о нем, познакомилась с его сыном Кириллом. Все в ту пору воспринималось по-иному, чем сейчас. «Живую Этику», Письма Е. И. Рерих и произведения Н. К. Рериха мы читали в «ксероксах». На организуемых небольших выставках и вечерах, посвященных деятельности Рерихов, мы чувствовали себя первопроходцами на новом возрожденном пути. А такие произведения (опять же в «ксероксах»), как «Духовная биография Н. К. Рериха», написанная Беликовым, служили одним из главных указателей на нем. Читали, давали и передавали доверительно другим. Уверенность в том, что сведения, приводимые в этой работе, достоверны, была непоколебимой. Ведь П. Ф. Беликов являлся человеком, положившим начало рериховедению — новому отделу духовной культуры не только нашей страны (тогда это был СССР), но и всего мира.

Это было время, когда мы, неопиты, только начинали осваиваться в «Державе Рерихов», и каждый человек, имеющий личную переписку или встречавшийся с членами этой легендарной семьи, представлялся недостижимым и неординарным. На моем духовном пути подобной личностью был именно Беликов. Хотя его уже не было в живых, но близость к его родственникам и местожительству, его архивам в знаменитом Тартуском Университете, где я находила работы Павла Федоровича, делали его для меня почти осязаемым и близким.

С тех пор прошло более 20 лет. Многое изучалось и узналось. Сегодня мое поколение рериховцев — уже старшее, а те отдельные люди, которым судьба позволила соприкоснуться с Рерихами, стали «раритетными». И на этом фоне фигура П. Ф. Беликова, как первопроходца и человека, не только провозглашавшего принципы, изложенные в «Живой Этике», но и жившего по ним, остается в своем величии. По таким, как он, равняют свои жизни. Поэтому его творческое наследие всегда будет востребованным.

Евгения ВЕЛИЧКО (член редколлегии журнала «Дельфис», Москва):

П. Ф. Беликова считаю одним из объективных, независимых исследователей значимости семьи Рерихов в области культуры, искусства и науки. Его книга о жизни и творчестве Святослава Рериха потрясает глубиной искусствоведческого анализа картин, мало известными биографическими подробностями семьи и написана прекрасным русским языком. Творческое наследие П. Ф. Беликова всегда будет востребовано. Лично с П. Ф. Беликовым не встречалась (встречалась с Ю. Н. Рерихом). За его творческой деятельностью всегда следила, изучаю и восхищаюсь с 60-х годов.

Владимир НАДЕЖИН (Президент Благотворительного Фонда «Дельфис», Москва):

Моя первая книга о Н. К. Рерихе, которая произвела неизгладимое впечатление на всю мою жизнь — «Рерих» из серии «Жизнь замечательных людей», написанная П. Ф. Беликовым совместно с В. П. Князевой. Так состоялось мое знакомство с писателем Беликовым — библиографом и исследователем наследия семьи Рерихов.

В 1981 году по приглашению ЦК ВЛКСМ я приехал в Новосибирский Академгородок, где мне предстояло познакомиться с созданным под руководством академика А. П. Окладникова новым уникальным этнографическим центром. С ним был связан и Павел Федорович Беликов. Приведу выдержку из письма Беликова к С. Н. Рериху 1972 года: «Об Окладникове, чье предисловие было опубликовано в «Вокруг света», я Вам уже писал. Он очень серьезно относится к научной работе Н. К. и Ю. Н. Сейчас продвигает публикацию работ Ю. Н. Он охотно написал предисловие, хотя в подготовке текста и не участвовал. Он очень заметный ученый, путешествовал по тем местам, где проходила экспедиция Н. К. В конце прошлого года я составил довольно большую работу «Н. К. Рерих. Жизнь и деятельность. Справки и характеристики».

Окладников знакомился с ней и одобрил, подтвердив основные ее выводы в своей публикации. Он безусловно примет участие в подготовке к юбилею» (вероятно 1974 г.).

У П. Ф. Беликова в соавторстве с А. П. Окладниковым и Е. П. Маточкиным есть публикации в прессе тех лет, рассказывающих об их совместных трудах. Увы, моя поездка в Академический городок совпала со днями смерти и похорон Алексея Павловича Окладникова. В воспоминаниях 1986 года Евгений Паладьевич Маточкин пишет: «Третьи Рериховские чтения проходили в Улан-Удэ в 1982 году. Все присутствующие минутой молчания почтили светлую память А. И. Окладникова и П. Ф. Беликова».

Конечно, мое полное представление о громадном вкладе в исследование Рериховского наследия сложилось значительно позже, после публикации эпистолярного наследия П. Ф. Беликова, уже в 2000-х годах, в Третьем тысячелетии. Подкупает его честный и объективный подход, человеческий и писательский, посвященный наследию великой семьи Рерихов... Будущее

исследование архива жизни и деятельности Павла Федоровича поможет нашим детям и внукам принять и оценить значение семьи Рерихов.

Сергей МЕЛЬНИКОВ (электронный журнал «Грани эпохи»):

Сказать что-то новое, особенное, уже не сказанное другими о Павле Федоровиче Беликове, будучи знакомым только с его работами и письмами, наверное, вряд ли возможно. Хотя, конечно, можно говорить о своем восприятии и своем отношении, как говорим же мы и пишем о Пушкине, Толстом, Достоевском...

Мне думается, что сейчас очень важно собрать свидетельства, воспоминания и рассказы о нем людей, которые встречались с ним, работали вместе с ним, переписывались.

На архиве, собранном Павлом Федоровичем, и его работах, по сути, базируется все советское и постсоветское рериховедение; и его работы о Рерихах до сих пор являются фундаментом и эталоном научности, доступности и образности одновременно.

Читая его письма, поражаешься, как же трудно было в его время вести ту работу, которую он вел. Когда копии книг приходилось перепечатывать на машинке. Когда создание хоть каких-то копий картин и открыток вызывало реальные технические трудности. Когда приходилось месяцами ждать возврата ценной книги, имеющейся в единственном экземпляре. И как много при этом было сделано! И сравнить, какими техническими возможностями обладаем сейчас мы и что при этом делаем. П. Ф. Беликов — это высоко поднятая планка. И при этом необыкновенная простота в жизни.

Сергей ДЖУРА (Донецк):

Для нас («Институт Культуры ДонНТУ» http://www.roerich.com/n_m_.htm и вестник «Орифламма» <http://roerich.com/>) очень важны слова П. Ф. Беликова о том, что: «Решающими моментами эволюции никогда не были и не будут мировая политика или мировая экономика. Ведь целью эволюции не является создание политически правильно мыслящего человека, а человека, способного мыслить Космическими категориями. Политика, экономика, все созданные ими общественные формации лишь на более мелких и временных примерах учат человека разбираться в сущем. Было бы нелепо думать, что «справедливость» или «несправедливость» этих недолговечных форм общественной жизни человека являются присущими Космическому Разуму мерками».

Как современно они звучат и какой дают импульс к развитию и поиску верного эволюционного пути для всех... Счастья и радости на Пути!

Сергей ЗОРИН (Москва):

Шлю Вам свою статью о П. Ф. Беликове, которую опубликовали с некоторыми сокращениями в сборнике «Непрерывное восхождение», изданном 10 лет назад. Сейчас я пару штрихов добавил. Если решите сделать из этой

статьи выжимку, ничего не имею против, только пришлите мне и покажите, что останется... В 1996 году я сделал доклад «Левша в конце Кали Юги» на конференции в Политехническом музее. Этот доклад опубликован в журнале «Мир Огненный» за 1997 год и в сборнике МЦР. Там речь о том же. О рериховцах...

См.: Сергей Зорин. Свидетельствовал собой... (Воспоминания о П. Ф. Беликове)

О. АНТОНИЙ (ТЕОFOR) (Абакан):

*Всем тем, кто отважился жить так,
как я решился лишь мыслить.*

В то время как многие не решаются и мыслить.

Есть люди и понятия совершенно не нуждающиеся в моем личном и нашем человеческом свидетельстве. Истины Высшего Порядка, вообще, не терпят и не поддаются вербальному изъяснению. Перефразирую поговорку: «Чем больше слов, тем гуще лес». И все-таки, пока мы не у Бога, и наше человеческое слово должно иметь свое звучание и свой вес. Это как часовой на посту: люди-то спят... а он на посту! Вот так и высокое слово и мысль, должны быть на посту вне зависимости слышат тебя или не слышат, готовы окружающие или не готовы к Вести, звучащей через тебя, но если ты чувствуешь Призыв, то: говори! Тем более, когда от тебя требуется всего лишь слово благодарности. (А не какого-то Высокого открытия Истины).

Меня всегда смущает, когда люди духовного служения вдруг начинают делить друг друга на «тех» и на «этих». Мне просто становится стыдно и... скучно в таковой среде. Словно доносится запах серы... Надо иметь мужество и духовную высоту признавать если не истину взглядов друг друга, то ХОТЯ БЫ ПОПЫТКУ ВИДЕТЬ СВЕТ И ДОНЕСЕНИЯ ЕГО ДО ЛЮДЕЙ. Не от ума своего, а по сути души и духа своего, я всегда, не смущаясь своей наивности, преклонялся перед такими людьми. Да и не наивность это вовсе, а чистота. Чистота помысла, мысли, сознания, четко призывающая меня к Оправданию и Признанию, а не бросанию камней и умолчанию. Все, что сделал в жизни своей Павел Федорович Беликов, лучше меня говорит об устремлении его души. (А Бог судит о человеке, прежде всего по устремлению его души!). А к тому, что написали и как восстановили, раскрыли вехи его пути, — мне добавить нечего. Не от неимения этого, а от полноты сделанного...

Владимир МЕЛЬНИКОВ (Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург):

1. П. Ф. Беликов — ...

Павел Федорович Беликов — это Маяк. Это островок здравомыслия и одновременно смелости мышления, способного поднимать ввысь людское сознание парадоксами, апориями.

2. Какую сторону жизни и деятельности П. Ф. Беликова Вы бы выделили?

Его стиль мышления. Подобный стиль мышления мне довелось встретить только в Людмиле Степановне Митусовой. Именно ее рассказы о Павле Фе-

доровиче и его близких заставили сначала механически, а затем и творчески следовать за ним.

3. Если Вам приходилось встречаться, расскажите...

Если нет, то как Вы узнали о П. Ф. Беликове?

О П. Ф. Беликове я узнал по книге из серии ЖЗЛ еще до знакомства с Л. С. Митусовой в 1992 г. В дальнейшем мне довелось пересмотреть весь его архив, значительная часть которого в копиях и меньшая — в оригинале — была привезена в Петербург Л. С. Митусовой и мной в 1998 г. Затем большая часть возвратилась в Таллинн и в Козе-Ууэмыйза. После обработки и осмысления именно собрание П. Ф. Беликова, дополненное его сыном К. П. Беликовым и его близкими, стало большим подспорьем в формировании научного архива Музея-института семьи Рерихов. После некоторого промежутка по решению Беликовых некоторые документы Рерихов и П. Ф. Беликова поступили в фонды Музея-института семьи Рерихов. Эти перемещения в пространстве и во времени туда — сюда дают большой импульс научному освоению наследия семьи Рерихов.

4. Насколько востребованным является творческое наследие П. Ф. Беликова в наши дни?

П. Ф. Беликов и его наследие дают нам пример ученого-рериховеда во всех отношениях образцового. Если существует некий эталон ученого-рериховеда, то это Павел Федорович. И к нему нужно тянуться еще много лет, чтобы приучиться работать над Рериховским наследием научно и культурно.

5. Если Вы хотите сказать о П. Ф. Беликове помимо заданных вопросов, сделайте это...

П. Ф. Беликов — был Воин. И он погиб в борьбе — защищая Учение. Жертва. И преодоление. Он показал нам, как можно преодолевать пороки (пьянство), как можно расти мысленно вопреки господствовавшей идеологии (застой), как можно гармонично организовывать из эстонской усадьбы все Рериховское движение (водительство духа). Именно после его ухода началось расслоение и разделение Рериховского движения, чего он никогда бы не допустил, ибо умел сочетать не сочетаемых.

Даниэл ЭНТИН, директор Музея Николая Рериха (Нью-Йорк, США):

Dear Alexey,

As you know, I never met Pavel Belikov, so I would not feel honest writing about him. Whatever I know, I heard from others or read in books or articles. I wish I had known Pavel Belikov -- he was a man of great courage. Nowadays, young people have no idea how much resilience and dedication were needed to be a follower of the Teaching and of the Roerichs. They do not know about the dangers, the suppressions, the imprisonments. That is an important part of the history of the Roerich movement, and I wish that some people who really lived through those days, who suffered in that time, would write about their experiences before all is lost and forgotten. For me, the courage of all those people was inspiring.

Best wishes, Daniel

Дорогой Алексей,

Как Вы знаете, я никогда не встречался с Павлом Беликовым, поэтому будет не очень правильно мне о нем писать. Все, что я знаю о нем, я слышал от других людей или где-то читал. Я хотел бы быть знакомым с Павлом Беликовым, он был очень мужественным человеком. В наше время молодые люди даже представления не имеют о том, сколько тогда нужно было твердости и преданности, чтобы быть последователем Учения и Рерихов. Они не знают об опасностях, цензуре и уголовных преследованиях в то время. Но это важная часть истории Рериховского движения, и я бы хотел, чтобы люди, которые пережили то время, которые пострадали тогда, написали бы о тех событиях, прежде чем все это будет потеряно и забыто. Для меня мужество всех тех людей всегда было вдохновляющим.

Всего наилучшего, Даниэл.

Владимир НИЧИПОРУК, заслуженный врач Украины (Киев):

Встреча с П. Ф. Беликовым утвердила меня в жизни

С Павлом Федоровичем Беликовым меня познакомил Николай Константинович Рерих, точнее, его творчество, в 1974 году. Нужно сказать, что в конце 60-х - начале 70-х годов прошлого столетия литературы о творчестве Н. К. Рериха было очень мало.

Впервые я познакомился с творчеством Н. К. Рериха по его альбому 1970 года издания. Репродукции работ Николая Константиновича меня притянули как магнитом, и с того времени я почувствовал, что начинаю воспринимать его творчество как-то необычно, особенно. Однажды, в 1972 году мне посчастливилось побывать в Москве в музее Восточного искусства, где была небольшая экспозиция работ Николая Константинович Рериха. Я остановился у картины, где на скале была изображена тень человека. Она меня как-то очень привлекла. Я подошел ближе к картине, чтобы прочесть название ее. «Тень Учителя» — так называлось это полотно. Я отступил на несколько шагов назад и «улетел» в это пространство Учителя. Я исчез, а тело стояло в зале как истукан. Это продолжалось минут 20-30. После чего я возвратился в свое тело с чувством какого-то большого внутреннего наполнения. Больше «наполняться» я не мог и вышел из музея. После встречи с «Тенью Учителя» я еще более активно начал искать информацию о Рерихе и его творчестве. Вскоре мне попала книга «Рерих» из серии «ЖЗЛ» Князевой и Беликова. Книгу я прочитал запоем, так как получил ее на очень короткое время. Содержание книги еще больше наполнило меня, а фамилии авторов как-то не запомнились.

Вскоре я узнаю, что в Москве по линии ЮНЕСКО будут праздновать юбилей 100-летия со дня рождения Николая Константиновича и 70-летие со дня рождения Святослава Николаевича Рерихов. Я начал всячески искать возможность получить приглашение на это торжество. И московские друзья до-

стали пригласительный, который давал право посещения выставки Николая Константиновича и Святослава Николаевича и побывать вечером на торжественном собрании в Большом театре, послушать выступления гостей, имена которых для меня были совсем неизвестные.

После окончания торжественного собрания все приглашенные смотрели балет «Князь Игорь», где меня особенно поразила сцена «Половецкие пляски».

Конечно же, когда я ехал в Москву, у меня было сильное желание познакомиться со Святославом Николаевичем Рерихом и надежда через него выйти на людей, которые изучают Агни-Йогу.

Лично со Святославом Николаевичем в этот раз познакомиться не удалось, ибо он был очень-очень занят. Но мне посчастливилось познакомиться с Павлом Федоровичем Беликовым и оказалось, что это как раз и есть тот Беликов, который является одним из авторов книги о Рерихе.

В начале нашего знакомства я представился Павлу Федоровичу как молодой киевский врач (мне тогда был 31 год), очень интересующийся творчеством Николая Константиновича и Агни-Йогой.

Павел Федорович с первой минуты нашего знакомства был очень дружелюбен и доброжелателен. На мою просьбу обменяться адресами, и, может быть, переписываться Павел Федорович охотно согласился и дал свой адрес, в котором для меня странно звучало место жительства Беликова — Козе-Уэмыйза, что с первого раза и не выговоришь. Тогда же Павел Федорович предупредил, что у себя дома он будет не скоро, не раньше конца февраля — начала марта следующего (1975) года.

Эта встреча принесла мне глубокое внутреннее равновесие, спокойствие и удовлетворение, как будто это и есть тот человек, который мне нужен. Я поблагодарил Павла Федоровича за адрес и ушел к картинам, возле которых Святослав Николаевич доброжелательно и очень охотно отвечал на многочисленные вопросы зрителей.

Через три дня я вернулся в Киев, точнее, мое тело вернулось в Киев, но душа осталась в том пространстве — Пространстве творчества Рерихов. От этих встреч я почувствовал духовный подъем, прилив сил и мои знакомые, коллеги по работе, ничего не зная о моем путешествии и встречах, заметили, что со мной что-то произошло необычное и донимали вопросами. Я тогда еще не осознавал, что попал в Державу Рерихов. И вскоре это Духовное Пространство мне начало помогать и направлять в жизни.

Под Новый 1975 год я получаю подарок Пространства — путевку в Ленинград на курсы усовершенствования врачей, начинающих с первых чисел января. Так я оказался впервые в прекрасном городе Ленинграде. Там у меня были друзья, которым я рассказывал о моих встречах, о посещении выставок Николая Константиновича и Святослава Николаевича. В последних числах января месяца 1975 года в новостях по Ленинградскому телевидению сообщили, что в Эрмитаже открылась выставка Святослава Николаевича Рериха. Естественно, я сразу же сообщил своим друзьям, что нужно идти на выставку в первые дни — позже будет огромная очередь.

На второй день после открытия выставки я пригласил своих коллег врачей из разных городов Советского Союза на эту выставку. И где-то после 15.00 дня мы уже находились в Эрмитаже. Экспозиция была размещена в Большом зале, где когда-то проходили балы - много пространства, света, и я, имея какую-то информацию о картинах, полученную в Москве, провел моим коллегам экскурсию.

Зал практически был пустой, не считая зрителей. Мы постепенно прошли от картины к картине в конец зала. Заканчивая рассказ моим коллегам о содержании картин, я поблагодарил их за внимание, стоя лицом к входной двери, и вижу — открывается входная дверь выставочного зала и входят Святослав Николаевич, Дэвика Рани и сопровождающие их лица. Естественно, я предложил коллегам познакомиться ближе с художником и послушать его. Сам же отошел к окну немножко отдохнуть и придти в себя. На выставку начали прибывать люди и, плотно окружив Святослава Николаевича, задавали ему вопросы. Меня вдруг потянуло к собравшимся и я пошел к ним, обходя вокруг. Таким образом, я оказался за каким-то мужчиной. Моя правая рука невольно потянулась к этому человеку и коснулась его спины. Мужчина оглянулся, и оказалось, что это был П. Ф. Беликов. Мы обрадовались встрече, как давние знакомые.

Естественно, я сообщил Павлу Федоровичу, что нахожусь на курсах и буду в Ленинграде еще два месяца. Павел Федорович постоянно сопровождал Святослава Николаевича, но, тем не менее, мы с ним достаточно часто встречались.

Помнится, как будучи на почтамте, покупая конверты, я заметил марку, посвященную 100-летию Н. К. Рериха, на которой были изображены «Заморские гости». Я купил несколько штук, в том числе, и на долю Павла Федоровича. А когда при встрече я показал марки, то оказалось, что этих несколько штук ему недостаточно для рассылки иностранным адресатам. Поэтому он попросил купить ему еще десятка два марок. Я с удовольствием выполнил его просьбу. Через некоторое время Павел Федорович предложил мне пойти в гости к двоюродным сестрам Святослава Николаевича — Митусовым, племянницам Елены Ивановны. Придя в гости, оказалось, что я их видел в Москве на выставке. У нас была прекрасная встреча, прекрасный вечер. Мы пили чай, много интересного говорилось о Елене Ивановне, Николае Константиновиче. У Митусовых были еще некоторые вещи Елены Ивановны и что-то из мебели. У меня там было чувство, как будто опять нахожусь в Духовном пространстве Рерихов.

Расставаясь с Павлом Федоровичем в Ленинграде, я получил приглашение приехать к нему в Эстонию. По возвращении в Киев, я написал Павлу Федоровичу письмо, получил ответ, и так у нас завязалась живая переписка.

Так начиналось наше знакомство с Павлом Федоровичем Беликовым — сотрудничество и творческая дружба старшего и младшего. Опытного и начинающего. Знающего и ищущего.

Однажды, во время моего пребывания у Павла Федоровича, Галина Васильевна, жена Павла Федоровича, уехала в Таллинн, а мы, мужчины, остались

на хозяйстве одни. И после наших утренних разговоров, делая перерыв, П. Ф. мне сказал, что к нашему обеду он должен испечь булочки. Он приготовил муку и все необходимое, быстро замесил тесто, скатал из него не очень большие шарики и поставил в духовку. И мы продолжали разговор об Агни-Йоге, о творчестве Н. К. Через некоторое время П. Ф. сказал: «Похоже, нужно доставать булочки». Открыл духовку и, действительно, булочки были уже готовы: симпатичные на вид и с приятным вкусным запахом. Так П. Ф. в жизни как бы невзначай, как бы между прочим делился щедро обычной и духовной пищей. К нему приезжало много людей со всего Советского Союза. И со всеми он был щедр.

Когда я приезжал к Беликовым, то обязательно привозил что-то с Украины вкусненькое. И когда приходилось это вкусненькое (гостинцы) выкладывать на стол, то Павел Федорович веселился, будто ожидая какого-то действия. И, как оказалось, он знал, что Галина Васильевна всегда возмущалась, когда привозили гостинцы. Павел Федорович, наблюдая, как жена возмущается, а гость находится в смущении, радостно смеялся и говорил смущенному гостю, что Галина Васильевна всегда так возмущается, но это недолго. И действительно, Галина Васильевна вскоре затихала и принимала дары.

Если говорить о деятельности Павла Федоровича, то она была многоплановой и очень значимой. Он своей деятельностью объединял иногда мало совместимых по своему характеру или видению людей, изучающих творчество Рерихов. Особенно был внимателен к молодым людям, выслушивал их точку зрения с большим интересом и уважением. А если с чем-то был не согласен, то очень корректно и доброжелательно высказывал свои мысли по данному вопросу.

И, конечно же, тот кладезь, который был им собран и приумножен его творчеством: его многочисленными статьями и письмами, выступлениями - имел огромное значение для пропаганды творчества Рерихов и развития рериховского движения во многих странах мира.

На сегодняшний день творчество Павла Федоровича Беликова до конца не изучено. Еще не все опубликовано. А некоторые опубликованные материалы публиковались в региональных изданиях небольшим тиражом и мало известны широкому кругу читателей.

С другой стороны, творческий труд Павла Федоровича Беликова всегда носил объединяющий и созидающий характер, чего нам всем сегодня так не хватает. Сегодня, как никогда ранее, очень важен принцип **единения, единства, йоги**, и, конечно же, Павел Федорович, на наш взгляд, был образцом такого единения: единения в творчестве, в просвещении, в духовном развитии. Это всегда актуально.

И было бы правильно, если бы мы — действующие ныне — продолжили в нашей повседневности творческие принципы жизни и деятельности Павла Федоровича Беликова.

25 июля 2011 года

Ольга РЕЗАНОВА (Новосибирск):

Знакома с П. Ф. Беликовым только по книгам и изданным письмам. Уже по самым ранним из них видно: Павел Федорович Беликов — глубокий мыслитель. Мне кажется, это качество и устремленность к познанию и совершенствованию и привели его в Державу Рериха.

В Учении Живой Этики много говорится о необходимости овладеть искусством мышления. Читая письма П. Ф. Беликова, можно найти множество примеров самых широких светлых мыслей, возникающих иногда по поводу обычных жизненных ситуаций. Мыслитель видит разные стороны явления, в т. ч. негативные, но он всегда находит светлую сторону и показывает светлую перспективу. Этому нужно учиться.

П. Ф. Беликов глубоко изучал и понимал Учение Живой Этики. Он понимал его настолько, что мог говорить об идеях Учения свободно, своими словами, передавая очень тонкое понимание. Без использования незнакомых советскому читателю терминов П. Ф. давал пример живого самостоятельного мышления в русле Учения Живой Этики. И сейчас нам, прочитавшим многое из ставшей доступной литературы, нисколько не менее полезно читать размышления П. Ф., написанные понятным языком, и всегда зовущие размышлять самим.

Книга П. Ф. Беликова «Рерих. Опыт духовной биографии» — совершенно особая среди биографических книг. Как правило, биография — это, прежде всего, документальное исследование. Говорить, как важен труд П. Ф. Беликова в традиционном смысле, наверное, излишне. Опыт духовной биографии — это уникальная попытка понять и показать связь и взаимодействие внешних событий и внутреннего духовного мира человека, высветить реализацию высоких стремлений в реальных условиях. П. Ф., опираясь на знание фактов биографии и дат написания тех или иных текстов, которые говорят об этапах внутреннего пути, находит соответствие между мыслями самого Н. К. Рериха и происходящими событиями. Действуя таким путем, исследователь может, по разным причинам, ошибаться; верность выводов, в каком-то смысле, невозможно доказать документами, потому что обо всем происходящем во внутреннем мире человека нет и не может быть никаких документов. Однако, когда читаю исследование П. Ф. Беликова, — верю. Вспоминается высказывание Анастасии Цветаевой о том, что понимать поэта может тот, кто его любит. Любящему открывается понимание о любимом еще и каким-то непосредственным, интуитивным, а не только рационально-логическим образом. Мне кажется, отношение П. Ф. Беликова к семье Рерихов, вместе с личным опытом изучения и применения Учения Живой Этики, помогало ему проникнуть, понять многое такое, что нельзя понять из одних только документов.

Есть противоположные точки зрения: «Бытие определяет сознание» и «Сознание определяет бытие». По всей видимости, в жизни реализуется некий сплав того и другого. Книга «Рерих. Опыт духовной биографии» прекрасно показывает, как строит жизнь Н. К. Рерих. Хотя жизнь накладывает ограничения, духовные устремления находят пути реализации.

Огромное значение имеют мысли П. Ф. о Высшей Помощи, Высшем Руководстве. Иногда возникает соблазн думать, что Высшее Руководство — это некое пошаговое и буквальное «ведение». П. Ф. очень тонко раскрывает этот процесс, показывает и роль Ведущего, и творческое восприятие и самостоятельное воплощение Указов теми, кого Ведут.

Даже не зная П. Ф. Беликова лично, по его письмам невозможно не почувствовать, какой это тонкий, внимательный человек, скольким людям он передавал душевное тепло и помогал мудрыми советами. П. Ф. Беликов понимал, как важно каждому идти своим индивидуальным путем, и что каждый самостоятельный путь ценен. Такой подход позволял П. Ф. разумно сотрудничать с самыми разными людьми, не добиваясь обязательного приведения мнений к общему знаменателю. Этого умения — видеть точки соприкосновения и сотрудничать, где это возможно, в лучших начинаниях — сильно не хватает многим из нас.

В ЧЕСТЬ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. Ф. БЕЛИКОВА

Международный общественно-научный форум «Будущее человечества — расцвет Культуры» в Эстонии

28-31 июля 2011 г. в Эстонии прошел IX Международный общественно-научный форум «Будущее человечества — расцвет Культуры», посвященный 100-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова в рамках международной программы «Как охраним живую ткань Культуры».

Инициаторами форума были Международный Совет Рериховских организаций им. С. Н. Рериха, Эстонское общество Рериха, Ассоциация гуманно-личностной педагогики в Эстонии при поддержке Международного центра Рерихов, ассоциированной при ООН неправительственной общественной организации, и Международной Лиги защиты Культуры.

Павел Федорович Беликов — один из первых биографов Н. К. и С. Н. Рерихов, автор многочисленных публикаций о жизни и творчестве семьи Рерихов, собиратель архивных материалов, посвященных семье Рерихов, классик Рериховедения.

28 июля 2011 г., накануне дня рождения П. Ф. Беликова, члены Эстонского общества Рериха, гости и участники форума возложили цветы и венок у памятника П. Ф. Беликову на Александро-Невском кладбище в Таллинне. Затем для желающих познакомиться с г. Таллинном была организована многочасовая экскурсия.

29 июля, в день столетия П. Ф. Беликова, проходила научно-общественная конференция в Старом городе — средневековом Олаевском зале XV века. Выступающие обобщили важность метаисторического подхода, который использовал Павел Федорович для осмысления жизненного пути семьи Рерихов, его особый высокий духовный уровень, который позволил П. Ф. Беликову без искажений раскрыть светлые облики семьи Рерихов. Завершала этот день поездка в поселок Коце-Ууэмыйза, где жил и работал Павел Федорович в течение последних 20 лет. Участники форума посетили фотовыставку в поселковом центре культуры, составленную из архивных фотоматериалов семьи П. Ф. Беликова, приняли участие в Круглом столе с воспоминаниями о Павле Федоровиче.

На Круглом столе представителями МЦР — редактором публикаторского отдела Цветковой Ольгой Евгеньевной и доктором философских наук Лавреновой Ольгой Александровной были презентованы книга, изданная к 100-летию П. Ф. Беликова «Рерих: опыт духовной биографии», и очередной номер журнала «Культура и время», в котором помещены воспоминания о Павле Федоровиче.

30 июля рано утром участники форума выехали в г. Тарту. День начался с посещения Тартуского (Дерптского) университета и его музея. В зале заседаний музея после осмотра экспозиций состоялась третья сессия форума

вместе с национальным обществом «Ванемуйне». Были заслушаны интересные доклады — о зарождении эстонской национальной культуры, о связи Рерихов с Эстонией и Севером, о Международном центре-музее им. Н. К. Рериха в Москве.

Утро 31 июля началось с осмотра Кадриорга — живописного дворцово-паркового комплекса, построенного в эпоху Петра I, а после обеда состоялся разговор о новой философии воспитания и образования на Педагогической гостининой форума. Был представлен «Манифест гуманной педагогики», принятый и подписанный 17 июля 2011 в Бушети (Грузия) по инициативе академика Ш. А. Амонашвили.

По итогам форума принята резолюция, в которой раскрыта важная роль Павла Федоровича Беликова в развитии рериховедения и его особый вклад в распространение и утверждение идеалов культуры через повествование о жизни и творчестве семьи Рерихов. Было предложено Эстонскому обществу Рерихов, с целью увековечивания памяти Павла Федоровича, начать работу по созданию мемориальной квартиры или кабинета П. Ф. Беликова и получить разрешение у местных органов власти и родственников П. Ф. Беликова на размещение мемориальной доски на доме в Козе — Ууэмыйзе.

В. Ф. Бак,

*Отличник образования Украины, участник форума.
(Сайт Артемовского рериховского общества).*

В Абакане отметили 100-летие со дня рождения П. Ф. Беликова

01.08.2011 // Министерство культуры Республики Хакасия

Очередную встречу в Доме литераторов провел 29 июля Клуб творческой интеллигенции Хакасии. Она была посвящена 100-летию со дня рождения писателя, ученого, общественного деятеля, крупнейшего рериховеда Павла Федоровича Беликова, автора основополагающей биографии выдающегося художника-гуманиста Николая Рериха, вышедшей в 1972 году в серии «Жизнь замечательных людей».

Его хорошо знал председатель Клуба, журналист и историк Алексей Анненко. Он рассказал о своих встречах, сотрудничестве, переписке с Павлом Федоровичем, инициатором публикаций литературного наследия светоча русской культуры, ответил на многочисленные вопросы присутствующих.

Собравшиеся познакомились с выставкой изданий писателя, в том числе с автографами автора, увидели подлинные письма, редкие фотографии. Был представлен также подготовленный к печати макет книги «Странник Державы Рериха», которая выходит в Хакасском книжном издательстве.

В заключение собравшиеся посмотрели телефильм Абазинской студии телевидения «Не изменив себе...», посвященный судьбе абазинца, ученого Анатолия Костина, в молодые годы — участника Маньчжурской экспедиции Николая Рериха.

(Сайт Правительства Республики Хакасия).

В Одессе вспомнили Павла Беликова

29 июля в 18:00 Одесский Дом — Музей имени Н. К. Рериха пригласил одесситов на торжественный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Павла Беликова (1911-1982).

Павел Федорович Беликов — писатель, ученый, библиограф, общественный деятель, крупнейший исследователь творческого наследия семьи Рерихов, автор многочисленных научных публикаций и монографий: «Рерих», вышедшей в серии «ЖЗЛ», «Рерих» (Опыт духовной биографии), «Святослав Рерих. Жизнь и творчество» и др. Известно богатое эпистолярное наследие Беликова — в первую очередь, переписка с Н. К. Рерихом и его сыновьями, свидетельствующее о бескорыстной преданности исследователя делу, которому он служил, создавая научную архивную базу для современных и будущих исследователей творческого наследия семьи Рерихов.

(По материалам сайта «Таймер»)

Торжественное собрание, посвященное 100-летию П. Ф. Беликова в Новосибирске

31 июля в Новосибирске в Музее Н. К. Рериха состоялось торжественное собрание, посвященное 100-летию Павла Федоровича Беликова (1911-1982), крупнейшего исследователя жизни и творчества Н. К. Рериха. Звучали доклады и сообщения, работала выставка, посвященная Павлу Федоровичу.

ПРОГРАММА

Торжественного собрания,
посвященного 100-летию со дня рождения П. Ф. Беликова

1. Н. Д. Спирина. Путь духа. Поэтическая композиция.
2. Л. С. Полтавская, г. Екатеринбург. «Павел Федорович Беликов. Путь Духа». Слайд-программа.
3. Н. Д. Спирина — о П. Ф. Беликове (фрагмент беседы, аудиозапись).
4. О. А. Ольховая. Из переписки П. Ф. Беликова с Н. Д. Спириной.
5. Е. П. Маточкин. П. Ф. Беликов — большой друг Сибири.
6. Л. Р. Цесюлевич, г. Барнаул. Один из немногих.
7. Л. А. Ганина. П. Ф. Беликов — уникальный рериховед. Библиографический обзор.

Заключение. «Имя Святое — Сергей». Слайд-программа, составленная по выступлению Н. Д. Спириной.

(Сайт Сибирского рериховского общества).

П. Ф. БЕЛИКОВ

Краткая хронология жизни и деятельности

1911, 29 июля — родился в старинном городе Нарва. Отец — Федор Александрович Беликов (родом из Великолукского уезда Псковской губернии), мать — Мария Матвеевна (урожденная Аатонен, родилась в Нарве). Детство провел в обеспеченной обстановке, путешествовал с родителями (Кавказ, Крым).

1916 — поездка с матерью в Саратов.

1918 — возвращение в Эстонию.

1925-1928 — учеба в Ленинграде, закончил 51 Советскую единую трудовую школу II ступени (курс гимназии).

1928-1930 — работал с отцом в Васькнарве (Сыренец). В 1929 году — знакомство с Галиной Маховой, местной жительницей, будущей супругой.

1931-1932 — проходил обязательную военную службу в эстонской армии в Раквере и в Нарве.

1932-1933 — жил в Васькнарве.

1933-1935 — переехал на жительство в Таллинн, учеба на Высших коммерческих курсах. Работа на ткацкой фабрике «Ээсти Сийд». Участие в деятельности русского Литературного кружка. Знакомство с творчеством Н. К. Рериха.

1936 — получил письмо Н. К. Рериха от 5 октября 1936 года. Началась переписка с Н. К. Рерихом и Ю. Н. Рерихом, стал собирать архив, посвященный жизни и деятельности Н. К. Рериха; начинает сотрудничать с членами рериховских обществ Прибалтики (Р. Я. Рудзитис, А. И. Клизовский, Г. Ф. Лукин и другие).

1937 — перешел на работу в книготорговой фирме «Тээкооль» в Таллинне, при которой было отделение (представительство) от советской книготорговой фирмы «Международная Книга». Заведовал отделением русской книги, организовал представительства «Тээкооль» с продажей советских книг и периодической печати в Тарту, Нарве, Петсери.

1938 — в сборнике «Поток Евразии» опубликовал статью «Пушкин и государственность». Женился. Галина Васильевна Беликова (Махова) в 1935 году закончила Тартуский университет по факультету сельского хозяйства (агрономия). В 1937 году окончила Таллиннский педагогический институт. Работала педагогом в Таллинне.

1939 — принимал активное участие в деятельности Общества эстонско-советского сближения.

1940 — родилась дочь Елена.

1940 — возглавил Эстонскую республиканскую контору «Союзпечать» («Аякирьяндуслийт»).

1941-1944 — получил в начале войны бронь. Из оккупированного немецкими войсками Таллинна удалось пробраться на хутор Вахтрамуру, где с семьей прожил военные годы.

1942 — родился сын Кирилл.

1944 — восстановлен в прежней должности начальника республиканской конторы «Союзпечать».

1946-1961 — перешел на должность старшего ревизора Эстонского республиканского отделения «Особторга»; работал главным бухгалтером Центрального совета спортивного общества «Калев»; Амблаской МТС Министерства сельского хозяйства ЭССР. Затем (после реорганизации МТС) — начальником планово-финансового отдела Эстонского управления «Гидрометслужбы». В 1961 году перешел в систему реорганизованной «Сельхозтехники».

1957, июнь — встречается с директором Третьяковской галереи (предлагает увеличить количество картин Н. К. Рериха в постоянной экспозиции).

1957-1960 — посещение выставок картин Н. К. Рериха; встречи и сотрудничество с Ю. Н. Рерихом, знакомит его с первыми главами рукописи «Основные проблемы восточной философии и диалектический материализм: опыт сравнительного изучения».

1960 — встречается с Ю. Н. Рерихом, участвует в похоронах Ю. Н. Рериха (23 мая). Написал небольшую статью «Светлой памяти Юрия Николаевича Рериха». Обсуждает перспективы сотрудничества с С. Н. Рерихом и Девикой Рани-Рерих. В ноябре участвует в похоронах Р. Я. Рудзитиса.

1961 — переехал в Козе-Ууэмыйза (апрель), где работал главным бухгалтером Козеского отделения «Эстсельхозтехники» до выхода на пенсию (август 1971 г.). Знакомится с З. Г. Фосдик. Устанавливает сотрудничество и переписку с музеями и обществами имени Н. К. Рериха США, Великобритании, Индии и других стран. Работает над книгой «Рерих-мыслитель».

1965 — в Бангалоре (Индия) в сборнике «Святослав Рерих» выходит статья о художнике (на англ. яз.).

1967 — выходят предисловие и комментарии к публикации очерков «Н. К. Рерих. Моя жизнь» в журнале «Наш современник» (№ 7).

1968 — публикует статью «Рерих и Горький» и исследование «Библиография произведений Н. К. Рериха» в сборнике «Ученые записки Тартуского университета».

1971 — выходят предисловие и примечание к публикации очерков Н. К. Рериха «Листы дневника» в историко-биографическом альманахе серии «Жизнь замечательных людей» «Прометей».

1972 — публикует статью «Николай Рерих и Индия» в сборнике «Страны

и народы Востока». Выходит книга «Рерих» в серии «Жизнь замечательных людей», написанная в сотрудничестве с В. П. Князевой. Вместе с детьми совершает путешествие по Волге и Кавказу. После выхода в свет книги «Рерих» началось паломничество в Козе-Ууэмыйза людей, желающих познакомиться с автором и получить дополнительные сведения. Среди них — Л. В. Шапошникова, Р. А. Григорьева, Ю. А. Горбачев, В. М. Сидоров, М. А. Мокульский, Ю. В. Линник, Е. Г. Сойни, М. Т. Кузьмина, А. Д. Алехин, Е. И. Полякова, М. М. Богуславский и другие.

1973 — начал работу над книгой «Рерих (Опыт духовной биографии)» (издана в 1994 году).

1974 — вместе со съемочной группой фильма о Н. К. Рерихе студии «Киевнаучфильм» посещает Москву, Ленинград, Старую Ладугу, Извару, Валаам, Остров, Изборск, Таллинн (лето). Встречается с С. Н. Рерихом и Девикой Рани-Рерих, участвует в праздновании 100-летия со дня рождения Н. К. Рериха в Москве и Ленинграде, в подготовке к созданию мемориального музея Н. К. Рериха в Изваре. Выходит книга «Н. К. Рерих. Из литературного наследия», изданная по инициативе и при непосредственном участии П. Ф. Беликова, статья «О литературном наследии Н. К. Рериха».

1975 — встречи с С. Н. Рерихом и Девикой Рани-Рерих; в июне встречи и выступления в Новосибирске в связи с выставкой картин Н. К. Рериха в Академгородке. Поездка в Улан-Удэ. Начинает работу над книгой «Святослав Рерих. Жизнь и творчество» (издана в 2004 году).

1976, 25-27 октября — участвует в первой Всесоюзной конференции «Рериховские чтения: К 50-летию исследования Н. К. Рерихом Алтая» в Новосибирске, выступает с докладом «Последняя научно-исследовательская экспедиция Н. К. Рериха».

1977 — публикует статью «Институт «Урусвати» (Научная деятельность Н. К. Рериха и Ю. Н. Рериха в Индии)» в сборнике «Страны и народы Востока» (совместно с Шапошниковой Л. В.).

1978 — в июне встречается с С. Н. Рерихом и Девикой Рани-Рерих в Москве; публикует статьи «Пакт Н. К. Рериха по охране культурных ценностей» и «В Гималаях» в сборнике научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР «Н. К. Рерих. Жизнь и творчество», «Принадлежит моей родине» (о творчестве С. Н. Рериха) в журнале «Огонек».

1979, 17-19 октября — участвует во второй Всесоюзной конференции «Рериховские чтения» в Новосибирске, посвященной 50-летию Института «Урусвати», выступает с докладом «Личное участие членов семьи Н. К. Рериха в работе института «Урусвати».

1979, 29 ноября — в результате длительного переутомления перенес ишемический инсульт.

1981 — в июне встречается с С. Н. Рерихом и Девикой Рани-Рерих в Москве; консультирует авторов фильма «Рерих» творческого объединения «Экран» Гостелерадио СССР.

1982 — в журнале «Огонек» выходит интервью «Величайший победитель в битве...», посвященное памяти Ю. Н. Рериха (№ 9). Ушел из жизни в Таллинне 15 мая. Похоронен на Александро-Невском кладбище, где на могиле установлен надгробный памятник с изображением знака Знамени Мира и надписью «Рах Kultura».

1983, 17 августа — в честь П. Ф. Беликова вершина Горного Алтая перво-восходителями (А. Морозов — руководитель, Е. Маточкин) названа «Пик Беликова».

Сост. А. Н. Анненко (Абакан).

БИБЛИОГРАФИЯ

Беликов П. Ф. Пушкин и государственность /Сб.: Поток Евразии. Таллинн, 1938. Переиздание: Библиография, 1993, № 6, ноябрь-декабрь.

Беликов П. Ф. Великое искусство Святослава Рериха /Святослав Рерих. Бангалор, 1965. (Англ. яз.).

Беликов П. Ф. Предисловие и комментарии к публикации очерков «Н. К. Рерих. Моя жизнь» /Наш современник, 1967, № 7.

Беликов П. Ф. Рерих и Горький /| Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1968. № 217.

Библиография произведений Н. К. Рериха /Сост. П. Ф. Беликов // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1968. № 217.

Беликов П. Ф. Предисловие и примечание к публикации очерков Н. К. Рериха «Листы дневника» /Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей» «Прометей», М., 1971.

Беликов П. Ф. «Когда хотите посмотреть вдаль...» (П. Ф. Беликов о человеческих качествах Н. К. Рериха). «Утренняя Звезда». Научно-художественный иллюстрированный альманах Международного Центра Рерихов. Составитель и редактор Е. Б. Дементьева. №№ 2-3. М., 1997. С. 186-190.

Беликов П., Князева В.. Рерих: (Отр. из книги) В поисках своего пути. Сердце Азии // Московский комсомолец. — 1972. — 23-25 марта.

Беликов П. Ф. Николай Рерих и Индия /Сб. Восточной комиссии Географического общества СССР Академии наук СССР (Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге): Страны и народы Востока, вып XIV. М., Наука, 1972.

Беликов П. Ф., Князева В. П. Рерих. М., Молодая гвардия, 1972 (Серия «Жизнь замечательных людей»); 2-е изд. М., 1973; то же на литовск. яз. (1975), непали яз., бенгали яз. (1979), румын. яз. (1980). Переиздания: Самара, 1996; Новосибирск, 2009.

Беликов П. Ф. Н. К. Рерих. Биографический очерк. Библиография. Составитель раздела «Н. К. Рерих. Листы дневника. Моя жизнь (избранное)», примечаний, указателя имен /Сб. НИИ теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР, Государственная Третьяковская галерея: Н. К. Рерих. Из литературного наследия. М., 1974.

Беликов П. Ф. Рерих — исследователь Азии /Сибирские огни, 1974, № 10 (Совместно с академиком А. П. Окладниковым, научным сотрудником СО АН СССР Е. П. Маточкиным).

Беликов П. Ф. О литературном наследии Н. К. Рериха. Вступительная статья, публикация и примечания. Сб. Института мировой литературы им.

А. М. Горького АН СССР: Контекст-1973. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1974.

Беликов П. Ф. Праздник мудрой красоты. «Правда Бурятии», 20 мая 1975 года, Улан-Удэ.

Беликов П. Ф. Свет таланта. «Байкал», № 5, 1975, Улан-Удэ.

Беликов П. Ф. Последняя научно-исследовательская экспедиция Н. К. Рериха // Рериховские чтения: К 50-летию исследования Н. К. Рерихом Алтая. Тезисы конференции СО АН СССР. Новосибирск, 1976.

Беликов П. Ф. Институт «Урусвати» (Научная деятельность Н. К. Рериха и Ю. Н. Рериха в Индии)/Сб. Восточной комиссии Географического общества СССР Академии наук СССР (Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге): Страны и народы Востока, вып. XIX. М., Наука, 1977. (Совместно с Шапошниковой Л. В.).

Беликов П. Ф. Пакт Рериха. «Памятники Отечества», книга 3, Москва, 1977 год.

Беликов П. Ф. Пакт Н. К. Рериха по охране культурных ценностей/Сб. Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР: Н. К. Рерих. Жизнь и творчество. М.: Изобразительное искусство, 1978 (член редколлегии).

Беликов П. Ф. В Гималаях/Сб. Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР: Н. К. Рерих. Жизнь и творчество. М.: Изобразительное искусство, 1978 (член редколлегии).

Беликов П. Ф. Принадлежит моей Родине. «Огонек», № 35, 1978 год.

Беликов П. Ф. Личное участие членов семьи Н. К. Рериха в работе института «Урусвати»/Рериховские чтения-1979: К 50-летию Института «Урусвати». Материалы конференции СО АН СССР. Новосибирск, 1980.

Беликов П. Ф. «Величайший победитель в битве...»: Памяти востоковеда Ю. Н. Рериха // Огонек. М., 1982. № 9.

Беликов П. Ф. Рерих (Опыт духовной биографии) — Новосибирск, 1994; Москва, 2011.

Беликов П. Ф. Непрерывное восхождение // Сб. к 90-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова (1911-1982). Том I. М., 2001. Том II, часть 1-я. М., 2003. Том II, часть 2-я. М., 2003.

Беликов П. Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество — М., 2004.

Письма Павла Федоровича Беликова (1975-1982). Одесса, 2008.

Беликов П. Ф. Доклад после прочтения «Л. С. М.» // Дельфис, 2011, № 2.

Беликов П. Ф. Основные проблемы восточной философии и диалектический материализм: (Опыт сравнительного изучения). — 1960. (Не опубликовано).

Беликов П. Ф. Рерих — мыслитель. 1970. (Не опубликовано).

ЛИТЕРАТУРА О П. Ф. БЕЛИКОВЕ

Алехин А. Д. Художник, ученый, педагог. // Книжное обозрение, 1972, 7 июля.

Надточий Н. «По специальности я не искусствовед...» (В гостях у П. Ф. Беликова) // Вечерний Таллин, 1972, 18 ноября.

Геродник Р. «Рерих» и его автор // Советская Эстония, 1973, 20 мая.

Kevvai Lia. Pavel Belikov // Edasi, 1977, №49, 27 veebruar. Tartu. (На эст. языке).

Андросова Л. А., Спирина Н. Д. Павел Федорович Беликов — исследователь творчества Н. К. Рериха // Рериховские чтения-1982. Всесоюзная научная конференция. Бурятский Институт общественных наук СО АН СССР, Институт истории, филологии, философии СО АН СССР, Комиссия по востоковедению СО АН СССР: Препринт. — Новосибирск, 1983.

Танклер Х. Папка с надписью «Рерихи» // Советская Эстония. 30 ноября 1984.

Дико Н. Наследие Рериха // Азия и Африка сегодня. — 1984. — № 10. — С. 46-48.

Надточий-Санникова Н. В Эстонию к Рериху: (О П. Ф. Беликове) // Таллин. — 1984. — № 6. — С. 112-116.

Надточий-Санникова Н. Козе — Алтай — Гималаи: (О П. Ф. Беликове) // Таллин. — 1986. — № 4. — С. 119-123.

Молчанова К. Эстония — Индия: (О П. Ф. Беликове. 1911-1982) // Вперед. — Тарту, 1987. — 17, 19, 22, 24, 26 сентября.

Павел Федорович Беликов // Рериховский вестник. 1990, янв.-дек. — СПб; Извара, 1991. С. 13-14: фото.

Письма С. Н. Рериха П. Ф. Беликову // Рериховский вестник. 1990, янв.-дек. — СПб.; Извара, 1991. — С. 14-17.

Попова Р. «Красотою молимся. Красотою объединяемся» // Молодежь Эстонии. — 1991. — 16 февр.

Семенова В. Г. Носитель культуры (Павел Федорович Беликов) // Библиография, 1993, № 1. С. 118-127.

Беликов К. П. «В центре борьбы за свет и познание...» (Новые материалы о Павле Федоровиче Беликове). // Библиография. М. Ноябрь-декабрь 1993. № 6. С. 115-119.

Анненко А. Н. «Рериховские университеты» Павла Беликова // Мир Огненный, 1997, № 3/14. С. 120-125: фото.

Воспоминания о П. Ф. Беликове // Беликов П. Ф. Непрерывное восхождение // Сб. к 90-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова (1911-1982). Том I. М., 2001.

Беликов К. П. Непрерывное восхождение. // Сб. к 90-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова (1911-1982). Том I. М., 2001. С. 11-14.

Рудзите Г. Поэт и борец, биограф Николая Рериха. // Сб. к 90-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова (1911-1982). Том I. М., 2001. С. 61-71.

Молчанова К. А. Классик рериховедения. К 90-летию Павла Федоровича Беликова // Газета «Содружество», 2001, № 2, октябрь.

Книжник Т. О. Хранитель. // Культура и время, 2002, № 1/2.

Зорин С. Свидетельствовал собой... // Интернет-журнал «Грани эпохи», 2011, № 45.

Полтавская Людмила. Павел Федорович Беликов. Путь духа. // Восход, 2006, № 9 (149), сентябрь.

Бендюрин В. Н. Беликов Павел Федорович — Рериховская энциклопедия. Новосибирск, 2003, с. 54-59.

Анненко А. Н. Человек, который знал Рериха // Интернет-журнал «Грани эпохи», 2007, № 29; Дельфис, 2011, № 2.

Анненко А. Н. Молодые годы классика рериховедения (фрагменты из книги «Рериховские университеты») // Дельфис, 2007, № 2-4.

Анненко А. Н. Резидент Новой страны // Полисветие. Кохтла-Ярве, 2007, с. 13-23; Интернет-журнал «Грани эпохи», 2007, № 30.

Мельников В. Л. «Все хранится и делается, как при отце». // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»: Том III: Восток — Запад на берегах Невы. — СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. — Ч. 1. С. 177-182.

Молчанова К. А. Страж Культуры. Из воспоминаний о П. Ф. Беликове // Как охраним живую ткань культуры? Материалы Международного общественно-научного форума. К 300-летию вхождения Хакасии в состав Российского государства. Абакан. 25 июня — 1 июля 2007 года. М, 2008. С. 141-149.

Петренко Е. Г. Предисловие к книге «Письма Павла Федоровича Беликова (1975-1982)» // Письма Павла Федоровича Беликова (1975-1982). Одесса, 2008. С. 6-9.

Петренко Е. Г. Способность учиться и быть учеником. // Письма Павла Федоровича Беликова (1975-1982). Одесса, 2008. С. 10-21.

Андросова Л. О Павле Федоровиче Беликове. // Интернет-журнал «Грани эпохи», 2011, № 45.

Анненко А. Н. П. Ф. Беликов. Краткая хронология жизни и деятельности. // Интернет-журнал «Грани эпохи», 2011, № 45.

Беликова А. Из семейного альбома. // Интернет-журнал «Грани эпохи», 2011, № 45.

Линник Ю. Шамбала везде. // Интернет-журнал «Грани эпохи», 2011, № 45.

А. А. Шпунт. Одна улыбка. // Интернет-журнал «Грани эпохи», 2011, № 45.

Ничипорук В. О чудесах в (моей) нашей жизни. // Письма Наталии Дмитриевны Спириной». Одесса, 2011. С. 14-18.

Ничипорук В. Кирилл Беликов — мой сверстник. // Письма Кирилла Павловича Беликова. Одесса, 2011.

Анненко А. Странник Державы Рериха // Республиканская газета «Хакасия», 29 июля 2011 года.

См. новые публикации в этико-философском интернет-журнале «Грани эпохи» (раздел «Век П. Ф. Беликова» — <http://grani.agni-age.net/biograph.htm>)

Об авторах

Е. В. Алексеева – кандидат наук, редактор рериховских изданий (Санкт-Петербург).

А. Д. Алехин – кандидат наук, рериховед, автор первых советских искусствоведческих работ о Н. К. Рерихе.

Л. А. Андросова – кандидат наук, альпинистка, первовосходитель на вершину «Урусвати» (Горный Алтай) (Канада).

А. Н. Анненко – корреспондент П. Ф. Беликова, член Союза журналистов России, историк (Абакан).

О. Антоний (Теодор) – священник МП РПЦ, писатель (Абакан).

А. П. Беликова – невестка П. Ф. Беликова (Таллинн, Эстония).

К. П. Беликов – сын П. Ф. Беликова.

Т. Н. Бойкова – руководитель культурно-просветительного центра «Адамант» (г. Ломоносов, Ленинградская область).

Е. М. Величко – член редколлегии журнала «Дельфис» (Москва).

Н. Т. Гладченко – участник рериховского движения (г. Екатеринбург).

С. Г. Джюра – кандидат наук, руководитель Института Культуры ДонНТУ, «Вестника «Орифлаамы»» (Донецк, Украина).

Н. В. Жукова – искусствовед, рериховед (Новосибирск).

С. М. Зорин – создатель и руководитель Оптического театра, автор работ, посвященных синтезу искусства (Москва).

Н. М. Калинина – доктор наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета (Бишкек, Киргизия).

Т. О. Книжник – главный редактор публикаторского отдела Международного центра Рерихов (Москва).

Владимир Кондюрин – деятель рериховского движения, один из создателей электронной галереи картин Н. К. Рериха (Караганда, Казахстан).

П. И. Крылов – кандидат наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного Музея-института семьи Рерихов (Санкт-Петербург).

Ю. В. Линник – доктор наук, писатель, поэт, философ (Петрозаводск).

Сергей Мартынов – писатель (Санкт-Петербург).

В. Л. Мельников – кандидат наук, рериховед, замдиректора Санкт-Петербургского государственного Музея-института семьи Рерихов (Санкт-Петербург).

С. Г. Мельников – редактор этико-философского интернет-журнала «Грани эпохи» (п. Свердловский, Московская обл.).

Л. С. Митусова – хранитель наследия семьи Рерихов, основатель Санкт-Петербургского Музея-института семьи Рерихов.

К. А. Молчанова – председатель Эстонского общества Рериха (Таллинн, Эстония).

В.В. Надежин – заслуженный художник РФ, президент Благотворительного фонда «Дельфис» (Москва).

Н. А. Надточий – журналист (Таллинн, Эстония).

В. И. Ничипорук – корреспондент П. Ф. Беликова, заслуженный врач Украины (Киев, Украина).

Е. Г. Петренко – рериховед, директор Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха (Одесса, Украина).

А. П. Пузиков – художник, писатель, руководитель Фонда Культуры «Зов» (Калининград).

О. Л. Резанова – научный сотрудник СО РАН (Новосибирск).

Г. Р. Рудзите – филолог, искусствовед, председатель Латвийского общества Рериха (Рига, Латвия).

В. Г. Семенова – главный библиограф ГРДБ (Москва).

Н. Д. Спирина – поэт, рериховед, основатель и Почетный председатель Сибирского Рериховского общества.

Х. Танклер – кандидат наук.

Н. А. Тоотс – писатель, главный редактор журнала «Дельфис» (Москва).

Александр Херсонов – писатель, астролог (Москва).

О. Е. Цветкова – редактор публикаторского отдела Международного центра Рерихов (Москва).

Л. В. Шапошникова – кандидат наук, писатель, рериховед, генеральный директор Центра-Музея имени Н. К. Рериха (Москва).

Юрий Швец – редактор сайта «Каким вы видите будущее?» (Россия).

Н. А. Шлемова – кандидат наук, поэт (Москва).

А. А. Шпунт – кандидат наук, директор издательства (Усть-Кокса, Горный Алтай).

Даниэл Энтин – директор Музея Николая Рериха (Нью-Йорк, США)

А. П. Юшков – поэт, композитор, автор и исполнитель своих песен (Новосибирск).

Оглавление

Мера совершенства	5
КОРИФЕЙ РЕРИХОВЕДЕНИЯ	
КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ	7
Павел Беликов	
ДОКЛАД ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ КНИГИ «Л. С. М.»	10
П. Ф. Беликов	
ПУШКИН И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ	14
П. Ф. Беликов	
РЕРИХ И ГОРЬКИЙ	19
П. Ф. Беликов	
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ Н. К. РЕРИХА	32
«КОГДА ХОТИТЕ ПОСМОТРЕТЬ ВДАЛЬ...»	
(П. Ф. Беликов о человеческих качествах Н. К. Рериха)	36
П. Ф. Беликов	
НИКОЛАЙ РЕРИХ И ИНДИЯ	41
П. Ф. Беликов.	
СПИСОК БЛИЗКИХ СОТРУДНИКОВ Н. К. Р.	66
П. Ф. Беликов	
Доклад в Новосибирске 25 октября 1976 г.	
ПОСЛЕДНЯЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ Н. К. РЕРИХА.	
1934-1935 гг.	68
Павел Беликов	
«ПРИНАДЛЕЖИТ МОЕЙ РОДИНЕ»	75
Составитель П. Ф. Беликов	
Н. К. РЕРИХ. ХРОНИКА	81
П. Ф. Беликов	
РЕРИХ – ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ	86
П.Ф.Беликов	
«КАЛАЧАКРА». ОТЗЫВ	89
П. Ф. Беликов	
Н. К. РЕРИХ. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	95
ИСКАТЕЛЬ	
А. Д. Алехин	
ученый секретарь Научно-исследовательского института	
художественного воспитания Академии педагогических наук СССР	
ХУДОЖНИК, УЧЕНый, ПЕДАГОГ	
Первая полная биография Николая Рериха	120
Н. Надточий	
«ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ Я НЕ ИСКУССТВОВЕД...»	122
Л. А. Андросова, Н. Д. Спирина	
ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ БЕЛИКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА Н. К. РЕРИХА	125
Х. Танклер,	
кандидат исторических наук	
ПАПКА С НАДПИСЬЮ «РЕРИХИ»	128
Н. Д. Спирина	
СЛОВО О ДРУГЕ	130
Кирилл Беликов	
НЕПРЕРЫВНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ	131

В. Г. Семенова, главный библиограф ГРДБ НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ	136
Алексей Анненко, «РЕРИХОВСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ» ПАВЛА БЕЛИКОВА	146
Гунта Рудзите ПОЭТ И БОРЕЦ, БИОГРАФ НИКОЛАЯ РЕРИХА	153
Людмила Шапошникова, генеральный директор Музея имени Н. К. Рериха (Москва) ХРАНИТЕЛЬ	157
Т. О. Книжник ХРАНИТЕЛЬ	164
Сергей Зорин СВИДЕТЕЛЬСТВОВАЛ СОБОЙ... (Воспоминания о П. Ф. Беликове)	168
О. Е. Цветкова, редактор публикаторского отдела МЦР «НЕПРЕРЫВНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ»	175
В. Л. Мельников (Музей-институт семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург) «ВСЕ ХРАНИТСЯ И ДЕЛАЕТСЯ, КАК ПРИ ОТЦЕ»	177
Л. С. Митусова ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О П. Ф. БЕЛИКОВЕ	182
К. А. Молчанова, председатель Эстонского общества Рериха, член Международного Совета Рериховских организаций имени С. Н. Рериха, Эстония, г. Таллинн СТРАЖ КУЛЬТУРЫ	187
Людмила Андросова О ПАВЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ БЕЛИКОВЕ	194
Е. Г. Петренко, директор Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ПИСЬМА ПАВЛА ФЕДОРОВИЧА БЕЛИКОВА (1975-1982)»	196
Е. Г. Петренко директор Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха СПОСОБНОСТЬ УЧИТЬСЯ И БЫТЬ УЧЕНИКОМ	199
Алла Беликова ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА	208
Юрий Линник ШАМБАЛА ВЕЗДЕ	214
Андрей Юшков ЧУТКОСТЬ СОТРУДНИЧЕСТВА	219
Владимир Ничипорук О ЧУДЕСАХ В (МОЕЙ) НАШЕЙ ЖИЗНИ	224
Владимир Ничипорук КИРИЛЛ БЕЛИКОВ – МОЙ СВЕРСТНИК	228
А. А. Шпунт ОДНА УЛЫБКА	230
П. Ф. БЕЛИКОВ-100 ОПРОС	234
Наталья ЖУКОВА (Новосибирск)	234
Наталья КАЛИНИНА (Бишкек, Кыргызско-Российский Славянский университет)	235

Юрий ШВЕЦ (Сайт «Каким вы видите будущее?»)	236
Наталья ШЛЕМОВА (Москва).....	237
Петр КРЫЛОВ (Санкт-Петербургский государственный Музей-институт семьи Рерихов)	237
Татьяна БОЙКОВА (Региональная общественная организация «Культурно-просветительный центр «Адамант»).....	238
Людмила АНДРОСОВА (Канада)	238
Владимир КОНДЮРИН (Караганда, Казахстан)	239
Александр ХЕРСОНОВ (Москва)	239
Андрей ПУЗИКОВ (Калининградский региональный общественный культурный Фонд «Зов»)	235
Николай ГЛАДЧЕНКО (Екатеринбург)	242
Сергей МАРТЫНОВ (Санкт-Петербург)	243
Елена АЛЕКСЕЕВА (Санкт-Петербург)	248
Гунта РУДЗИТЕ (Рига, Латвия)	248
Наталья ТООТС (главный редактор журнала «Дельфис», Москва)	249
Евгения ВЕЛИЧКО (член редколлегии журнала «Дельфис», Москва)	250
Владимир НАДЕЖИН (Президент Благотворительного Фонда «Дельфис», Москва)	250
Сергей МЕЛЬНИКОВ (электронный журнал «Грани эпохи»)	251
Сергей ДЖУРА (Донецк, Украина)	251
Сергей ЗОРИН (Москва)	251
О. АНТОНИЙ (ТЕОFOR) (Абакан)	252
Владимир МЕЛЬНИКОВ (Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург)	252
Даниэл ЭНТИН, директор Музея Николая Рериха (Нью-Йорк, США)	253
Владимир НИЧИПОРУК, заслуженный врач Украины (Киев)	254
Ольга РЕЗАНОВА (Новосибирск)	258
В ЧЕСТЬ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. Ф. БЕЛИКОВА.....	260
П. Ф. БЕЛИКОВ. Краткая хронология жизни и деятельности	263
БИБЛИОГРАФИЯ	267
ЛИТЕРАТУРА О П. Ф. БЕЛИКОВЕ	269
Оглавление	274

Документальное издание

Странник Державы Рериха

Сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова – писателя, ученого, библиографа, архивиста, общественного деятеля.

Редактор-составитель А. Н. Анненко

Верстка, допечатная подготовка И.В. Преминин

Корректор И.Г. Иванов

Отзывы об этой книге и пожелания:

khronograf@mail.ru

Хакасское книжное издательство,
655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75 – 18н

Подписано в печать 22. 08. 2011. Формат 60х90 1/16

Гарнитура: PetersburgС. Усл.-печ. л. 17,875.

Офсетная печать. Бумага офсетная.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных оригинал-макетов
в ООО «Кооператив «Журналист»», 655017, Республика Хакасия,
г. Абакан, ул. Советская, 71, тел. (3902) 226-206.